

БУМАГИ,

ОТНОСЯЩАЯСЯ ДО

ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА,

СОБРАННЫЯ И ИЗДАННЫЯ

П. И. Щукинымъ.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

МОСКВА

ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФИИ А. И. МАМОНТОВА

Леонтьевскій пер., д. Мамонтова

1900

БУМАГИ,

ОТНОСЯЩАЯСЯ ДО

ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА,

СОБРАННЫЯ И ИЗДАННЫЯ

П. И. Щукинымъ.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

МОСКВА

ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФИИ А. И. МАМОНТОВА

Леонтьевский пер., д. Мамонтова

1900

ИЗДАНИЯ П. И. ЩУКИНА:

Краткое описание Щукинского Музея въ Москвѣ, составленное П. И. Щукинымъ. Въ малый листъ, 111 стр., съ 9-ю фототипіями. Москва. 1895. Товарищ. типогр. А. И. Мамонтова. (Напечатано 200 экз.).

Опись старинныхъ вещей собранія П. И. Щукина, составленная П. И. Щукинымъ и Е. В. Федоровой. Часть первая. Въ четверку, 264 стр., съ 11-ю фототипіями. Москва. 1895. Печатня А. И. Снегиревой.—Часть вторая. Въ четверку 256 стр., съ 16-ю фототипіями. Москва. 1896. Товарищ. типогр. А. И. Мамонтова. (Напечатано по 300 экз.).

Опись старинныхъ славянскихъ и русскихъ рукописей собранія П. И. Щукина, составленная А. И. Яцимирскимъ. Выпускъ первый. Въ четверку, 367 стр. Москва. 1896. Печатня А. И. Снегиревой.—Выпускъ второй. Въ четверку, 276 стр. Москва. 1897. Товарищ. типогр. А. И. Мамонтова. (Напечатано по 200 экз.).

Сборникъ старинныхъ бумагъ, хранящихся въ Музеѣ П. И. Щукина. Первая часть. Въ малый листъ, I + 152 стр. Москва. 1896.—Вторая часть. Въ малый листъ, VIII + 309 стр. Москва. 1897.—Третья часть. Въ малый листъ, IX + 349 стр. Москва, 1897.—Четвертая часть. Въ малый листъ, VIII + 242 стр. Москва. 1898.—Пятая часть. Въ малый листъ, VIII + 337 стр., съ одной фототипіей. Москва. 1899.—Шестая часть. Въ малый листъ, VII + 405 стр. Москва. 1900. Седьмая часть. Въ малый листъ, XII + 420 стр. Москва. 1900. Товарищ. типогр. А. И. Мамонтова. (Напечатано по 200 экз.).

Бумаги, относящіяся до отечественной войны 1812 года, собранныя и издашныя П. И. Щукинымъ. Часть первая. Въ малый листъ, VI + 162 стр., съ одной фототипіей и двумя фотолитографіями.—Часть вторая. Въ малый листъ, X + 219 стр. Москва. 1897.—Часть третья. Въ малый листъ, VIII + 263 стр. Москва. 1898.—Часть четвертая. Въ малый листъ, IV + 357 стр. Москва. 1899. Товарищ. типогр. А. И. Мамонтова. (Напечатано по 200 экз.).

Recueil de lettres et documents manuscrits anciens de la collection de Pierre Stschoukine à Moscou. Première série. In-4, 31 pages. Moscou. 1897. Société d'Imprimerie A. I. Mamontoff. (Tiré à 200 exemplaires.)

Русскіе портреты собранія П. И. Щукина въ Москвѣ. Выпускъ первый. In-8, съ 32-мя фототипическими снимками. Москва. 1900. Товарищ. типогр. А. И. Мамонтова. (Напечатано 200 экз.).

Копія съ диспозиціи русской арміи при с. Бородинѣ, 24 августа 1812 года	1
Копія съ записки, писанной карандашемъ М. И. Кутузовымъ, на четверкѣ пицей синей бумаги	3
Отрывокъ изъ письма генерала П. А. Кикина А. А. Кикину, 1812 года	—
Выписка изъ „Московскихъ Вѣдомостей“ отъ 29 марта 1813 года	6
Копія съ дѣла о взыскаіи 1500 рублей Маріей Розою Обертъ-Шальме съ бригадира князя С. И. Голицына, 15 и 30 іюля 1812 года	7
Печатное объявленіе къ № 37 „Московскихъ Вѣдомостей“, отъ 7 мая 1813 года	—
Копія съ дѣла купца Обертъ-Шальме, 1816-1827 гг.	8
Копія съ дѣла о Карлѣ Жембули, 1812-1820 гг.	18
Копія съ прошенія купца Л. И. Осипова въ Московскую Управу Благочинія, 8 мая 1813 года	20
Копія съ объявленія въ Московскую Городскую Думу московскаго мѣщанина Федора Дмитріева, 28 февраля 1813 года	23
Копія съ донесенія Московской Городской Думы въ Казенную Палату, февраля 1813 года	24
Копія съ дѣла о расхищеніи дровъ, 1812-1813 гг.	26
Копія съ дѣла о разграбленномъ и сожженномъ домѣ купца Шепелькова, 1813 года.	27
Копія съ дѣла князя В. А. Хованскаго, 1813 года	29
Копія съ опредѣленія Московской Городской Думы, 2 марта 1814 года	34
Копія съ дѣла о пошлинѣ на чай въ 1812 году	36
Копія съ доклада секретнаго комитета финансовъ императору Александру I, 14 іюля 1812 года	58
Копія съ указа императора Александра I графу Николаю Ивановичу Салтыкову, 18 ноября 1812 года	66
Мнѣніе министра финансовъ о содержаніи плѣнныхъ, 1812 г.	67
Отчетъ (черновой) о дѣйствіяхъ Комитета Министровъ	68
Два приказа, подписанные княземъ А. М. Голицынымъ, 24 и 31 іюля 1812 года	74
Отчетъ объ израсходованныхъ деньгахъ на содержаніе 45 ратниковъ и 15 лошадей изъ вотчины князя Александра Михайловича Голицына, 1812 года	76
Отрывокъ изъ донесенія (черноваго) изъ вотчины князя Александра Михайловича Голицына	81
Показаніе бывшаго бурмистра деревни Щелково, Егора Королева	82
Показаніе крестьянина деревни Щелково, Михаила Кандрашова	83

Рапортъ домовому правленію княгини А. А. Голицыной, о расходѣ хлѣбныхъ и другихъ припасовъ на декабрь 1812 года	84
Письмо герцогини Антуанеты Виртембергской генералу - отъ - инфантеріи Римскому-Корсакову, 11 марта 1813 года	87
Отрывокъ изъ письма Александра Алексѣевича Муханова, отъ 25 іюля 1826 года . .	—
Прошеніе императору Александру I маіорши Т. И. Мансуровой, 10 февраля 1813 года.	88
О сборѣ съ Московской губерніи милліона рублей на покупку воловъ въ 1812 году .	92
Рапортъ (черновой) управляющаго княгини А. А. Голицыной въ Богородскій земскій судъ, 4 іюля 1812 года	93
Копія съ объявленія Богородскаго уѣзднаго предводителя дворянскому сословію, 24 іюля 1812 года	94
Копія съ приказа Богородскаго земскаго суда рядовому Богородской уѣзднои инвалидной команды, 28 іюля 1812 года	95
Рукописная книжка „Описаніе Москвы“ изъ бібліотеки графа А. А. Закревскаго . .	96
Копія съ вѣдомостей обгорѣлымъ въ 1812 году домамъ, которые не были еще отстроены въ 1819 году	98
О числѣ лошадей, взятыхъ подъ обозы безъ уплаты прогоновъ, въ 1812-1813 гг . .	119
Копія съ дѣла о чиновникахъ 1-го отдѣленія 6-го департамента сената, изъявившихъ желаніе поступить въ ополченіе, 1812 года	124
Записка о покупныхъ въ 1812-1814 гг. людяхъ, отданныхъ въ ополченіе и рекруты.	126
О правилахъ при употребленіи на фабрикахъ военноплѣнныхъ, вступающихъ въ русское подданство	128
Копія съ дѣла о дворовой дѣвкѣ Анисѣ Мироновой, 1812 года	130
Копія съ дѣла объ иностранцѣ Ларме, 1812 года	132
Копія съ отношенія моск. гражданскаго губернатора Обрескова об.-полиц. Ивашкину, 31 октября 1812 года	133
Копія съ дѣла о сгорѣвшей въ 1812 году аммуниціи Рязанскаго ополченія	—
Дѣло о выдачѣ чиновникамъ Павловской фабрики денежнаго награжденія, 1813 года.	135
Копія съ двухъ отношеній моск. коменданта Гессе об.-полиц. Ивашкину, 1 и 2 декабря 1812 года	138
Копія съ отношенія с.петербургскаго опекунскаго совѣта московскому оберъ-полицій-мейстеру, 18 ноября 1812 года	139
О розыскѣ Льва Руцкова и поручика Глушевскаго	—
Копія съ предписанія графа А. П. Тормасова моск. об.- полиц. Шульгину, 16 іюня 1819 года	140
Копія съ дѣла англійскаго купца Шутлеворта, 1812 года	—
Копія съ донесенія сенату изъ калужскаго губернскаго правленія, 28 іюля 1814 года.	142
Копія съ предложенія оберъ-прокурора сенату, 9 декабря 1812 года	—
Копія съ дѣла о московскомъ купцѣ И. М. Макаровѣ, 1814 года	143
Копія съ дѣла Т. З. Кирьяковой, 1817-1825 гг.	144
Копія съ письма И. А. Тутолмина почетному опекуну Баранову, 1812 года	147
Копія съ выписки изъ донесенія И. А. Тутолмина императрицѣ, 11 ноября 1812 года.	151
Копія съ выписки изъ письма чиновника московскаго воспитательнаго дома, Петра Иванова, 16 ноября 1812 года	161
Копія съ письма изъ Москвы, Ѳедора Захаровича Захарова Петру Семеновичу Полу-денскому, 16 октября 1812 года	163
Копія съ выписки изъ письма чиновника московскаго почтамта, Андрея Карфачевскаго, 6 ноября 1812 года	165

Копія съ поденной записки о путешествіи изъ Москвы въ Казань московскаго опекунскаго совѣта чиновниковъ съ дѣлами, казною и вещами, 1812 года	167
Копія съ письма капитана Ѳедора Ивановича Колобкова, изъ Коломны, А. Озерецковскому, 5 октября 1812 года.	175
Копія съ отрывка изъ письма Василя Ивановича Кочергина брату его, Ивану Ивановичу, въ Казань, 16 октября 1812 года	176
Копія съ письма доктора Алексѣя Матв. Чернцова А. А. Плавильщикову	177
Копія съ письма купца Свѣшникова, 4 декабря 1812 года.	178
Копія съ дѣла дочери прапорщика, дѣвицы Вѣры Казариновой, 1815 года	179
Копія съ дѣла коллежскаго регистратора Олимпія Бантышева, 1815 года	180
Копія съ дѣла московскаго купца Гаврилы Кузнецова, 1815 года	181
Копія съ дѣла маіорши Марьи Сухотиной, 1815 года	183
Копія съ дѣла капитанши Анны Галдановой, 1815 года	184
Копія съ дѣла вдовы комиссіонера 14-го класса, Настасьи Ивановой, 1815 года	185
Копія съ дѣла вдовы штабъ-лѣкарши Матрены Максимовой, 1815 года.	186
Копія съ дѣла коллежской секретарши Александры Жуковой, 1815 года	187
Копія съ прошенія дьякона графу Ѳ. В. Растопчину, 3 декабря 1812 года.	188
Прошеніе императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ солдатки А. И. Новиковой, 22 мая 1813 года.	189
Прошеніе Н. Ивановой, 27 іюня 1826 года.	190
Прошеніе императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ подпоручика И. М. Щербачева, 1826 года.	—
Письмо (черновое) князя С. М. Голицына Г. П. Виолье, 3 ноября 1813 года	193
О свидѣтельствахъ, выданныхъ разореннымъ въ 1812 году.	195
Копія съ предписанія моск. оберъ-полиціймейстера Шульгина моск. полиціймейстеру 1-го Отдѣленія Ровинскому, 12 января 1819 года	196
Свѣдѣнія (черновыя) о пострадавшихъ отъ непріятельскаго нашествія	198
Записки маркиза Пасторэ (Pastoret) о 1812 годѣ	216
Замѣтка о Кулибинскихъ часахъ.	271
Письмо П. Невѣровскаго А. И. Тургеневу, 28 августа 1815 года.	272
Отрывокъ изъ дѣла Аргамаковой, 1813 года	273
Изъ бумагъ Алябьевскаго архива	278

Опечатки.

Копія съ диспозиціи русской арміи при с. Бородинѣ, 24 августа 1812 года.

Дизпозиція здѣланная 24 Августа 1812-го года 1-й и 2-й Западнымъ арміямъ при с. Бородинѣ.

Арміи присоединивъ всѣ сикурсы отъ Калуги и Москвы прибывшіе ожидаютъ наступленіе непріятели при с. Бородинѣ гдѣ и даютъ ему сраженіе. Арміи расположены нынѣ въ позиціи слѣдующимъ образомъ: съ праваго фланга 2-й, 4-й, 6-й, 7-й корпуса и 27-я дивизія находящаяся на лѣвомъ флангѣ. Всѣ сіи корпуса составляютъ коръ де баталь и расположены въ двѣ линіи. За сими линіями расположатся кавалерійскія корпуса имѣющіе вступить въ ордеръ де баталь въ полковыхъ колонахъ слѣдующимъ образомъ:

За 2-мъ пѣхотнымъ 1-й кавалерійской	
За 4-мъ „ 2 „	
За 6-мъ „ 3 „	
За 7 „ 4 „	

въ 2 арміи находящіяся

Въ центрѣ ордеръ де баталіи за кавалерійскими корпусами стоятъ резервы въ баталіонныхъ колоннахъ на полныхъ дистанціяхъ въ двѣ линіи а имянно:

3 корпусъ за коимъ
5 или гвардѣйской корпусъ

Сводные гренадерскіе батал: 4-й, 17-й, 1-й, 3-й дивизій. 2-я же гренадерская див. и сводные гре: бат: 2 арміи становятся за 4-мъ кавалерійскимъ корпусомъ и составляютъ резервъ лѣваго фланга. Егерскіе полки 1-й арміи нынѣ въ арьергардѣ находящіеся равномерно и тѣ кои въ коръ де баталіи расположены, по мѣрѣ отступленія ихъ къ коръ де баталіи, проходятъ оный и идутъ

на первой флангъ за 2-й пѣхот. корпусъ гдѣ поступаютъ частію для занятія лѣсовъ на правомъ флангѣ находящіяся и частію на составъ резерва праваго фланга арміи. Всѣ кирасирскія полки обѣихъ армій должны во время дѣйствія стать позади Гвардѣйскаго кор. также въ полковыхъ колоннахъ. Артиллерія при резервахъ остающаяся составляетъ въ семь боевомъ порядкѣ резервную артиллерию. (До сихъ поръ диспозиція писана обыкновеннымъ писарскимъ почеркомъ, коимъ пишутся официальные бумаги, далѣе же все писано, повидимому, рукой Беннигсена, коимъ она диспозиція и подписана.)

Начальники вкорде баталь. Правый флангъ изъ 2-го и 4-го корпусовъ подкомандою Генѣралъ Отъ инф. Милорадовича центръ изъ 6 корпуса подкомандою Генѣралъ Отъ инфантеріи Дохторова. Левый флангъ изъ 7-го корпуса и 27 Дивизіи под командою генѣралъ лѣйтенанта князя Горчакова. Главнокомандующіе арміями командуютъ какъ и прежде войсками ихъ арміи составляющіе. Генѣралъ Лѣйтенантъ князь Голицынъ 1 командуетъ 1-ю и 2-ю кирасирскими дивизіями кои соединить вместе в колонны за 5 корпусомъ. Свѣтлѣйшій князь Михайла Ларіоновичъ въ семь боевомъ порядкѣ желаетъ привлечь на себя силы неприятельскія и сообразно движеніямъ его дѣйствовать. Не въ состояніи будучи находится во время дѣйствія на всѣхъ пунктахъ, полагается на извѣстную опытность Г. Г. Главнокомандующихъ Арміями; и потому предоставляетъ дѣлать имъ соображенія дѣйствій на пораженіе непріятели. Возлагая все упованіе на помощь Всесильнаго и на храбрость и неустрашимость русскихъ воиновъ при счастливомъ отпорѣ неприятельскихъ силъ, дастъ собственныя повелѣнія о преслѣдованіи его, для чего и ожидать будетъ безпрестанныхъ рапортовъ о дѣйствіяхъ находясь за 6-мъ корпусомъ. При семь случаѣ не излишнимъ Его Свѣтлость почитаетъ представить Г. Г. Главнокомандующимъ, что резервы должны быть берегаемы сколь можно долѣе; ибо тотъ Генералъ, который сохранитъ еще резервы не побѣжденъ. На случай наступательнаго во время дѣйствія движенія, оное происходитъ въ сомкнутыхъ къ атакѣ коллонахъ въ каковомъ случаѣ стрѣльбою отнюдь не заниматься; но дѣйствовать быстро холоднымъ ружьемъ. Въ интервалахъ между пѣхотными колоннами имѣть анъ ешекіе нѣкоторую часть кавалеріи; также въ колоннахъ которыя бы подкрѣпляли пѣхоту.

На случай неудачнаго дѣла Генераломъ квартирмейстеромъ Вистицкимъ открыты нѣсколько дорогъ, которыя онъ Г. Г. Главнокомандующимъ сообщить и по нимъ арміи отступить должны будутъ.

Генералъ Баронъ Беннигсенъ.

**Копія съ записки, писанной карандашомъ М. И.
Кутузовымъ, на четверкѣ пищей синей бумаги.**

Господину Генералу отъ Инфантеріи Барклаю де Толли.

Я изъ всѣхъ движеній непріятельскихъ вижу что онъ не менѣ насъ ослабѣлъ въ сіе сраженіе, и потому завязавши уже дѣло съ нимъ рѣшился я сегоднѣшнюю ночь устроить все войско въ порядокъ снабдить артиллерію новыми зарядами и завтрѣ возобновить сраженіе съ непріателемъ. Ибо всякое отступленіе при теперешнемъ безпорядкѣ повлечетъ за собою потерю всей артиллеріи.
Князь Г. Кутузовъ. 26 Августа.

**Отрывокъ изъ письма генерала П. А. Кикина
А. А. Кикину, 1812 года.**

Копія

Теперь скажу о нашемъ положеніи по сіе время. Война съ начала столь повидемому безвыгодная и даже бѣдственная: по мнѣнію моему взяла совсемъ иной оборотъ; ибо потеря наша состоитъ въ несколькихъ Губерніяхъ, которыя по окончаніи военныхъ дѣйствій неминуемо съ нова къ намъ присоединятся; следственно одни государственныя и частныя имущества потерпели, кои также легко поправляются, особенно, когда послѣдуетъ хорошій конецъ. Выгоды же приобретенныя сею войною суть нешкетны: мы узнали возможность вторженія непріятеля въ наши границы, чего конечно ни кто уже не предполагалъ, послѣ двухъ столѣтій, непрерывно часъ отъ часу болѣе процвѣтающей Россіи; узнали нужду впередъ предохранять себя отъ того; увидели неизчетные средства въ богатствѣ и способахъ государства; утвѣрились въ народномъ духѣ и превязанности къ отечеству; научились распознавать истенныхъ сыновъ отечества, отъ тѣхъ, кои покорствовали силѣ, ожидая удобнаго случая отторгнуть себя отъ онаго; познали въ чемъ состоитъ обязаность каждаго другъ къ другу и родинѣ своей; удостоверелись, что народное просвѣщеніе къ благу человеческого рода филантропами проповедуемое есть призракъ обольщающій токмо неудовлетворяющій расутку, ибо непріятель нашъ мечтающей воспламенить народъ, громкими словами вольность, свобода, грубо ошибся въ ожиданіи своемъ. И убе-

дится теперь долженъ, что не нашелъ того варварства и порабошенія, которымъ несправедливо насъ всегда упрекаютъ и на конецъ такъ сильно надеился шедши въ сердцѣ Россіи. Справедливую честь Дворянству Россійскому приписать слѣдуетъ и остается желать, дабы и просвещеніе оставалось въ той же силѣ; ибо знающій свои обязанности, почитающій веру и любящій отечество, просвѣщенъ достаточно. Война сія имѣетъ право доказать свѣту, что несмотря на сдѣланные приготовленія и особенныхъ усилій по непредположенію имѣтъ оную въ своей землѣ; несмотря, что непріятель напротивъ соединяетъ съ целою Европою вторгся къ намъ; несмотря, что финансы наши были въ самомъ хутшемъ положеніи, нежели когда либо... и тутъ какія послѣдствія! гдѣ не шелъ, вездѣ находилъ опустошеніе; гдѣ мы не останавливались вездѣ отраженъ; привыкшей, гдѣ навоевалъ, содержать войска свои нацѣтъ земли; у насъ конечно немногимъ воспользовался. Поддерживать войска свои надеждою, что обогатится въ Москвѣ и предпишетъ намъ постыдной миръ — теперь напротивъ видетъ, что всякой изъ насъ охотно всемъ жертвуетъ; но твердо стоять за вѣру и честь каждой не иначе, какъ съ ужасомъ о мирѣ помышляетъ, отъ чего обманутые и изнуренные французы негодуютъ весьма, и видя невозможность почти, хорошо кончить для нихъ, теряютъ духъ, приходятъ въ отчаеніе.

Какъ надлежитъ когда нибуть кончить, то въ короткихъ словахъ, послѣ столь плодovitаго и нескладнаго описанія, скажу, что одно желаніе всехъ русскихъ должно быть продолженіе войны, которое неизбежно рано или поздно накажетъ достойно общаго врага, и спасая Россію, спасетъ всю Европу. Худое положеніе непріятеля ясно доказывается тѣмъ, что проситъ уже миру, предлагая несомнѣнно всѣ возможныя намъ выгоды—на передовыхъ постахъ въ разныхъ переговорахъ французскіе генералы и Мюратъ неаполитанской король безъ околичностей говорятъ намъ, что ни чего ни желаютъ, какъ прекратить войну. Одинъ изъ нихъ сказалъ: „дайтѣ только намъ паспортъ, мы выдемъ всѣ и оставимъ все попрежнему, и вы будетѣ въ покое“. Известно, что онъ не смелъ бы заговаривать о томъ, естли бы несогласно было съ волею Наполеона, дерзость его можетъ быть жестоко наказана; лишъ бы съ нашей стороны твердо устоять въ решимости не делать отнютъ миру до совершеннаго истребленія арміи его, и естли поможетъ Богъ до общей перемены делъ въ Европѣ и избавленія отъ ига Наполеона. Можетъ сіе показатся желаніемъ чрезъ меру дерзостнымъ; но знавъ подробно всѣ обстоятельства, смѣло могу сказать, что для событія онаго немного надобно. А имянно: твердость съ нашей стороны и решительность венскаго двора, выгоды коего теснее протчих сопряжены съ сею переменою, протчее же все уже готово и въ действіи — остается согласно выполнить — тогда одно счастье можетъ спасти Любимца своего; ибо действительно онъ въ худомъ положеніи.

Сей часъ получено извѣстіе отъ Генераль Адъютанта Графа Венценгерода, стоящаго на Петербургской дорогѣ, что онъ взялъ въ пленъ въ теченіи трехъ недель 2700 человекъ, которые доставлены въ Тверь; на ераславской дорогѣ также взято несколько сотенъ. Время стоитъ у насъ хорошее, но зима приближается и непріятель минуетъ часъ отъ часу боліе средства и возможности здесь держатся. Мудрено придумать даже, какія возмѣтъ мѣры онъ; остается одно отступление, и то по дурнымъ дорогамъ съ изнуренными лошадьми и имѣя одну армію пред собою, другую на его дорогѣ, не обѣщаютъ ему ничего добраго... Геній его и счастье сопровождали всегда его замыслы: они одни могутъ его вывести изъ сего лабиринта. Россія ему второй Египетъ. Австрійцы ушли въ свои границы, что для насъ не токмо полезно, но дажѣ обѣщаетъ многого впередъ.

Я предполагаю, что съ нетерпеніемъ ожидаютъ возвращенія курьера, можетъ быть уже и негодуютъ на меня, что его задержалъ, но надеюсь оправдаться изъясняя оному притчину. Мы намерины были произвести атаку на непріятельской авангардѣ, которой вчерась съ успехомъ была выполнена. Генераль Бѣнигсенъ съ тремя корпусами, имея большое число казаковъ подъ командою Графа Орлова-Денисова, пошелъ въ обходъ и напалъ на нихъ съ леваго ихъ фланга. Милорадовичъ съ праваго. Непріятель нимало не держался, въ беспорядкѣ началъ отступать и былъ прогнанъ за 15 верстъ, оставляя большое число своего обоза. Потеря его состоитъ въ одномъ штандартѣ, 15 офицеровъ и до 600 пленныхъ по сіе время приведенныхъ. Значительной же уронъ... его былъ въ пушкахъ, которыя казаки брали, какъ грибы и взято по словамъ ихъ боліе 30, то какъ они ко мнѣ еще недоставлены, то достовернаго числа сказать не могу. День сей то есть 6 октября не такъ важенъ потерю непріятельскою, сколько послѣдствіями своими, ибо придаетъ духу нашимъ, и произведетъ сильное негодованіе съ ихъ стороны. Впрочемъ сіе зависить отъ начальниковъ. Мы вчерашній день потеряли весьма мало, но къ нещастію лишились хорошаго корпуснаго командира Генераль Лейтенанта Багаувта, убитаго 3-мъ или 4-мъ непріятельскимъ ядромъ. Партіи наши вчерась также доставели значущее число пленныхъ нижнихъ чиновъ, также и офицеровъ. Теперь тороплюсь отправлять курьера въ надеждѣ, что не будутъ недовольны мною.

П. Кикинъ.

Потеря Французовъ съ начала войны по 11-е Ноября. Присланное изъ Главной квартиры отъ Петр: Андр: Кикина къ Алексею Андр: Кикину въ Алатырь. Победы же самыя важныя после онаго числа еще тутъ не помещены, также и то что непріятель потерялъ какъ перебитыми поселянами, помершими по лесамъ съ голоду и безъ вести пропавшими. Равно и трофеи которыя онъ самъ принужденъ былъ истребить, потопить или в землю зарыть.

	пленныхъ	убитыхъ	всехъ
Генераловъ	20	110	130
Штабъ и оберъ офицеровъ	1350	1800	3150
Нижнихъ чиновъ	96285	157783	254068
Итого..	97655	159693	257348

Трофеи.

Жесль фельдмаршельской	1
Пушекъ	750
Знаменъ	32
Штандартовъ	16
Пороховыхъ ящиковъ	1200
Разныхъ фуръ	2000

Выписка изъ „Московскихъ Вѣдомостей“, отъ 29 марта
1813 года.

Крестъ съ главы Ивановской колокольни найденъ нынѣ въ Кремлѣ, у стѣны большаго Успенскаго Собора близъ сѣверныхъ дверей между разными желѣзными обломками, съ принадлежащими къ нему цѣпями и винтами, кои, такъ какъ и крестъ, вызолочены были червоннымъ золотомъ. Онъ во многихъ мѣстахъ поврежденъ, вѣроятно отъ паденія съ большой высоты. При бывшемъ по сему случаю осмотрѣ находился и тотъ самый кузнечный мастеръ Іоновъ, который былъ употребленъ при дѣланіи сего креста. Открытіе сіе чрезвычайно обрадовало жителей здѣшнихъ, кои вообще полагали, что оный крестъ увезенъ всемірнымъ врагомъ вмѣсто трофея. Теперь изъ сего обстоятельства заключить можно, что увезенный непріателемъ изъ Кремля крестъ снятъ былъ вѣроятно со смежнаго съ Ивановскою колокольнею зданія, такъ называемаго Филаретовскаго; ибо во всемъ Кремлѣ не доставало токмо сихъ двухъ крестовъ, изъ коихъ послѣдній несравненно менѣе перваго, и таковой позолоты не имѣлъ.

**Копія съ дѣла о взысканіи 1500 рублей Маріей Розою
Обертъ-Шальме съ бригадира князя С. И. Голицына,
15 и 30 іюля 1812 года.**

Указъ въ Московскую Управу Благочинія изъ Губернскаго Правленія, 15 іюля
1812 года.

Губернское Правленіе, слушавъ объявленіе московской купчихи Маріи Розы Обертъ-Шальме, коимъ проситъ о взысканіи съ Бригадира, Князя Сергія Ивановича Голицына, по заемному письму 1500 рублей съ неустойкою и процентами, Приказали: Объявленіе съ документомъ отослать въ Управу Благочинія при указѣ и велѣть, взыскавъ долговую сумму съ процентами, удовлетворить оную просительницу, а документъ съ надписью выдать плательщику; въ случаѣ жъ отзываетъ неимѣніемъ наличныхъ денегъ, истребовать отъ него залогъ, съ удостовѣреніемъ о принадлежности онаго должнику и свободности отъ всякихъ исковъ и запрещеній; по непредставленію жъ таковаго залога, поступить на основаніи Высочайшаго Устава о банкротахъ 2-й части 58 пункта, и затѣмъ, если не обеспечится претензія залогомъ, то должнику выѣздъ изъ Москвы воспретить и о исполненіи донести сему Правленію.

Донесеніе Тверскаго частнаго пристава въ Управу Благочинія, 30 іюля 1812 года.

Во исполненіе указа Управы Благочинія, послѣдовавшаго ко мнѣ велѣдствіе Указа въ оную изъ Московскаго Губернскаго Правленія, о взысканіи московскою купчихою Марією Розою Обертъ-Шальме съ Бригадира, Князя Сергія Ивановича Голицына, по заемному письму 1500 рублей, симъ рапортую, что Его Сіятельство Князь Сергій Ивановичъ Голицынъ жительствомъ имѣется Касимовской губерніи и уѣзда въ своей вотчинѣ.

**Печатное объявленіе къ № 37 „Московскихъ Вѣдомостей“,
отъ 7 мая 1813 года.**

Отъ Московскаго Г. Оберъ-Полиціймейстера симъ объявляется: по предписанію Господина Главнокомандующаго здѣсь и Кавалера продаваться будутъ въ пользу бѣдныхъ аукціоннымъ порядкомъ оконфіскованныя разныя фарфо-

ровыя, бронзовыя и прочія вещи, послѣ Московской 2-й гильдіи купчихи Французенки Шальме, ушедшей съ непріателемъ, въ прежде бывшемъ домѣ ея, состоящемъ Тверской Ч., въ приходѣ церкви Алексѣя Митрополита, между Тверской и Дмитровки. Продажа сія начнется съ 11-го числа сего мѣсяца и продолжаться будетъ по Воскресеньямъ и четверггамъ отъ 5 до 8 часовъ по полудни.

Копія съ дѣла купца Обертъ-Шальме, 1816-1827 гг.

Предписаніе московскаго главнокомандующаго, графа Тормасова, Городской Думѣ, 18 іюня 1816 года.

По случаю состоявшагося Положенія Комитета Г. г. Министровъ, о возвращеніи хозяевамъ, на основаніи Высочайшаго Манифеста, въ 30 день Августа 1814 года состоявшагося, конфискованныхъ домовъ иностранца Обертъ-Шальме, который занимаетъ нынѣ Г. Обертъ-Полиціймейстеръ и его канцелярія, и иностранца Ламираль, гдѣ помѣщается Тверской части частный домъ съ Департаментами, Магистратами и Приказомъ Общественнаго Призрѣнія, предписываю Думѣ, снесясь съ Квартирною Экспедиціею, прискаты немедленно для найма къ помѣщенію какъ Г. Обертъ-Полиціймейстера съ его канцеляріею, такъ и Тверской части Съѣзжаго Двора удобные дома, доколѣ для того и другаго не будутъ выстроены казенные.

Опредѣленіе Думы, октября 1816 года.

По справкѣ въ Московской Городской Думѣ оказалось, что конфискованный по выходѣ французовъ изъ Москвы домъ Обертъ-Шальме былъ нанятъ подъ помѣщеніе Обертъ-Полиціймейстера и его канцелярії, и для приспособленія его подъ оное помѣщеніе Думою были произведены въ томъ домѣ многія исправленія и передѣлки, въ разное время, изъ городскихъ доходовъ, на сумму 13778 рублей 55 коп. Вслѣдствіе сего Думою опредѣлено, по случаю предстоящаго выѣзда изъ того дома Обертъ-Полиціймейстера и его канцелярії, взыскать вышеозначенныя деньги чрезъ Управу Благочинія съ прежняго бывшаго владѣльца, иностранца Обертъ-Шальме.

1817 года Августа дня.

Въ Тверскую часть отъ опредѣленнаго Московскимъ Городскимъ Сиротскимъ Судомъ къ имѣнію и малолѣтнимъ дѣтямъ умершей московской купчихи

Маріи Розы Обертъ-Шальме опекуна, мужа ея, московскаго именитаго гражданина, Николая Иванова сына Оберта, объясненіе:

На объявленную мнѣ оною Частію резолюцію Московской Управы Благочинія, отъ 25 минувшаго Іюля послѣдовавшую, на поданное отъ меня объясненіе, относительно неправильно взыскиваемыхъ Московскою Городскою Шестигласною Думою, якобы за учиненныя въ домѣ означенной жены моей, для житья Г. Московскаго Обертъ-Полиціймейстера, поправки, денегъ, 13778 рублей 55 копѣекъ, симъ объяснить честь имѣю, какъ въ томъ объясненіи отъ меня уже объяснено, что я на сіе требованіе, съ позволенія Его Сіятельства, Г. Главкомаンドующаго въ Москвѣ, не оставляю принести Его Императорскому Величеству, Всемилостивѣйшему Государю, всеподданнѣйшую мою просьбу, и до воспослѣдованія на оную Высочайшей Монаршей воли, также, по случаю нахождения онаго дома и всего имѣнія съ малолѣтними дѣтьми моими въ опекѣ, безъ позволенія Сиротскаго Суда, денегъ сихъ платить не могу. О чемъ изъяснивъ, оную Часть покорно прошу, сіе мое объясненіе принявъ, куда слѣдуетъ, представить. Августа дня 1817 года. Московскій именитый гражданинъ Николай Ивановъ сынъ Обертъ руку приложилъ.

Предписаніе графа Торماسова Думѣ, 30 марта 1818 года.

Московская Управа Благочинія, вслѣдствіе предписанія моего, представила ко мнѣ объясненіе именитаго гражданина Оберта-Шальме, что онъ, по неимѣнію въ наличности денегъ, нынѣ не можетъ внести должныхъ Думѣ, за разныя въ его домѣ поправки, 13778 рублей 55 коп., а обязуется заплатить сію сумму въ теченіи 6-ти лѣтъ, въ каждый годъ по равной части.

Увѣдомляя о семъ Городскую Думу, я предписываю сей о платежѣ означенной суммы и о срокахъ заключить съ нимъ на законномъ основаніи условіе. (На подлинномъ рукою графа Торماسова приписано: „ежели Дума на предложеніе мое согласна“.)

Донесеніе Думы графу Тормасову, 3 мая 1818 года.

Ваше Сіятельство, отъ 30 числа минувшаго Марта, изволите представлять на волю Думы о учиненіи разсрочки въ платежѣ иностранцемъ Обертъ-Шальме взыскиваемыхъ съ него, за исправленіе въ его домѣ ветхостей, 13778 рублей 55 копѣекъ, и о заключеніи въ томъ контракта, на что Дума честь имѣетъ Вашему Сіятельству почтеннѣйше донести, что Высочайшимъ имяннымъ указомъ, въ 16 день Мая 1816 года состоявшимся, всякія недоимки велѣно взыскивать безъ упущенія, въ скорости, подъ опасеніемъ строгаго взысканія, а иностранецъ Обертъ-Шальме получаетъ съ дома своего годоваго дохода болѣе 10000 рублей,

слѣдовательно, взыскиваемыя съ него деньги однимъ онымъ можетъ заплатить въ теченіи одного года и нѣсколькихъ мѣсяцевъ, и если бы не удерживаемъ былъ отъ того упрямствомъ, то оныя могъ бы давно въ Думу представить; почему Дума на просимую отсрочку согласиться не осмѣливается, если Ваше Сіятельство не изволите дать особаго на это предписанія, тѣмъ болѣе, что всякій другой, не имѣющій такого прибытка, будетъ имѣть болѣе уваженія на подобную отсрочку, притомъ же Дума нимало не увѣрена въ будущемъ его благосостояніи, а потому, донося о семъ Вашему Сіятельству, покорнѣйше просить, кому слѣдуетъ, предписать состоящія на Обертѣ деньги, 13778 рублей 55 коп., немедленно взыскавъ, доставить въ Думу, въ противномъ случаѣ, запретивъ наемщикамъ платить ему деньги, обратить ихъ въ городскіе доходы до времени зачета всей оной суммы.

Предписаніе графа Торماسова Думѣ, 6 мая 1818 года.

На рапортъ Думы отъ 3 Мая даю знать, что согласно съ онымъ, о взысканіи съ именитаго гражданина Оберта-Шальме 13778 рублей 55 коп., предписалъ я Управѣ Благочинія.

Отношеніе въ Думу изъ Сиротскаго Суда, 30 іюня 1818 года.

Въ семъ Судѣ, по слушаніи рапорта опекуновъ, московскаго именитаго гражданина Николая Оберта и московскаго купца Осафа Добкура, коимъ доносятъ: 1-е, Что не безъизвѣстно сему Суду, что домъ, принадлежащій нынѣ опекаемымъ ими, малолѣтнимъ Ѳедору и Лаврентію Обертъ-Шальме, послѣ нашествія въ Москву французскихъ войскъ, былъ конфискованъ со всѣмъ находящимся въ немъ имуществомъ и мебелью; во время нахождения сего дома конфискованнымъ, имѣлъ въ немъ жительство съ Октября мѣсяца 1812 года сперва бывший Г. Обертъ-Полиціймейстеръ Генераль-маіоръ Ивашкинъ, потомъ, когда послѣдовалъ Всемилостивѣйшій Манифестъ, состоявшійся 1814 года Августа 30 дня, въ которомъ, имянно въ 19 пунктѣ, Всеавгустѣйшій Монархъ повелѣлъ „во всемъ пространствѣ Россійской имперіи всѣхъ взятыхъ, сосланныхъ „или инымъ какимъ образомъ задержанныхъ, освободить, такожъ имѣнія или „имущества ихъ, по сему случаю конфискованныя, или инымъ какимъ образомъ „подъ надзоръ взятыя и по сіе время удерживаемыя, попрежнему владѣльцамъ „ихъ возвратить, и все слѣдствіе надъ ними пресѣчь и никакихъ притязаній „по нимъ не дѣлать“, словомъ, поставить ихъ въ то состояніе, „въ какомъ находились они прежде“. Вслѣдствіе чего хотя и слѣдовало за смертію Розы Обертъ-Шальме возвратить домъ и все имущество малолѣтнимъ ея дѣтямъ, но Г. Главнocomандующій относился къ Г. Министру Полиціи съ испрашиваніемъ разрѣ-

шенія,—возвращать ли имѣніе удалившихся съ непріателемъ; по внесенной имъ, Г. Министромъ, запискѣ, Кабинетъ Г.г. Министровъ, разсматривая обстоятельство сіе и принявъ въ основаніе Всемилостивѣйшій Манифестъ 30 Августа 1814 года, коимъ даровано всеобщее прощеніе оказавшимъ приверженность къ непріателю, положилъ возвратить домъ по принадлежности, что утверждено и Всемилостивѣйшимъ Государемъ Императоромъ, слѣдственно и должно уже считать домъ и имущество Оберъ-Шальме принадлежащимъ малолѣтнимъ ея дѣтямъ со времени состоянія Всемилостивѣйшаго Манифеста, то есть съ 30 Августа 1814 года, и собирать съ онаго доходы въ пользу дѣтей, но Г. Оберъ-Полиціймейстеръ Ивашкинъ послѣ сего жилъ еще въ домѣ малолѣтнихъ 19 мѣсяцевъ, потомъ нынѣшній Г. Оберъ-Полиціймейстеръ, Александръ Сергѣевичъ Шульгинъ, четыре мѣсяца, до послѣдовавшаго ему предписанія 9 Юня 1816 года, чтобъ домъ и имущество малолѣтнимъ Оберъ-Шальме возвратить, не платя найма за квартиру, наконецъ, когда уже слѣдовало Г. Оберъ-Полиціймейстеру выѣхать изъ дому, то Г. Военный Генераль-Губернаторъ, Александръ Петровичъ Тормасовъ, уговорилъ его, Оберъ-Шальме, чтобъ въ ономъ домѣ еще нѣсколько времени остаться Г. Оберъ-Полиціймейстеру съ такимъ положеніемъ, чтобъ платить за квартиру за каждый мѣсяць по 500 рублей, съ условнымъ договоромъ, и жилъ въ домѣ Г. Оберъ-Полиціймейстеръ слишкомъ четыре мѣсяца, за что слѣдовало получить изъ Московской Городской Думы въ Опеку 2082 рубля 50 копѣекъ, но не только сихъ денегъ ими не получено, но и еще Г. Оберъ-Полиціймейстеръ далъ отъ себя Тверской части приставу ордеръ, чтобъ взыскать съ него, Оберъ-Шальме, за произведенныя имъ въ домѣ починки, 1504 р. 60 к. 2 - е, Московская Городская Дума взыскиваетъ съ него чрезъ Управу Благочинія, якобы за произведенныя въ томъ домѣ малолѣтнихъ починки, 15628 р. 50 к., и о вносѣ сихъ денегъ обязала было сначала подпискою вносить оныя деньги по срокамъ, а наконецъ требуетъ уже, чтобъ онъ сіи деньги внесъ безотлагательно; но какъ въ ономъ домѣ не все починки производимы были, но болѣе передѣлки для удобнѣйшаго помѣщенія Г. Оберъ-Полиціймейстера, сперва канцеляціи, а потомъ и всего его штата, то какъ сіи передѣлки произведены были по требованію Г. Оберъ-Полиціймейстеровъ по ихъ вкусу, а по возвращеніи дома малолѣтнимъ передѣлки сіи не только не нужны, но даже препятствуютъ многимъ наемщикамъ занимать квартиры, такъ что ихъ слѣдуетъ вновь передѣлать для удобнѣйшаго помѣщенія жильцовъ, слѣдственно малолѣтніе нимало не обязаны отвѣтствовать платежемъ за оныя, притомъ же за проживаніе Г.г. Оберъ-Полиціймейстеровъ въ томъ домѣ слѣдуетъ немалое количество получить изъ оной Думы за квартиру, ибо хотя домъ былъ и конфискованъ, но конфискація не есть отнятіе имѣнія, а только храненіе имѣнія подъ надзоромъ, то и слѣдовало бы собирать съ онаго дома доходы, впредь до разрѣшенія высшимъ Правитель-

ствомъ, а потому они, опекуны, покорнѣйше просятъ снести о семъ съ Городскою Думою и учинить съ нею надлежащій расчетъ, полагая за каждый годъ, соображаясь съ нынѣшнимъ доходомъ, по 15000 рублей. 3-е, Въ домѣ малолѣтнихъ находился принадлежащій имъ разный фарфоровый и бронзовый товаръ на немалотысячную сумму, который по повелѣнію бывшаго здѣсь въ Москвѣ Главнокомандующаго, графа Федора Васильевича Растопчина, съ публичнаго торга проданъ бывшимъ Оберъ - Полиціймейстеромъ Ивашкинымъ болѣе нежели на 30000 рублей, о продажѣ коего и была отъ него чинена публикація въ Московскихъ Вѣдомостяхъ въ Маѣ мѣсяцѣ 1813 года подъ №№ 38 и 39, но денегъ сихъ въ Опеку не поступило нисколько, и гдѣ оныя находятся, неизвѣстно; еще находились въ Губернскомъ Правленіи конфискованныя прежде нашествія непріятели галантерейныя вещи, коихъ также было описано по оцѣнкѣ на 400 рублей, и оныя также проданы въ аукціонѣ, при Губернскомъ Правленіи состоящемъ, въ Октябрѣ мѣсяцѣ 1814 года, но на сколько ихъ продано, и гдѣ деньги, имъ также неизвѣстно, а какъ оный товаръ былъ купленъ умершею Обертъ-Шальме на векселя, по коимъ чинится нынѣ съ нихъ взысканіе, также и отъ Городской Думы за передѣлку немалотысячная сумма, на платежъ коей у нихъ въ Опекѣ денегъ вовсе не имѣется, и ежели не получаютъ вырученныхъ за проданные товары денегъ, приступить къ продажѣ дома, послѣдняго малолѣтнихъ достоянія, то сіе будетъ весьма предосудительно и крайне для нихъ обидно. 4-е, Въ домѣ означенныхъ малолѣтнихъ дѣтей находилась библіотека, торговая книги и разная краснаго дерева мебель, какъ то: столы, кресла, стулья, также зеркала, сколько же именно чего, имъ неизвѣстно, а должно быть извѣстно бывшему Г. Оберъ-Полиціймейстеру Ивашкину, ибо онъ, выѣзжая изъ дому, сдавалъ его со всею принадлежностію по описи нынѣшнему Г. Оберъ-Полиціймейстеру, Александру Сергѣевичу Шульгину. А потому они, опекуны, по должности своей представя обстоятельство сіе на усмотрѣніе Сиротскому Суду, всепокорнѣйше просятъ для пользы малолѣтнихъ къ отысканію всего вышеписаннаго, такъ какъ они сами по себѣ не находятъ возможныхъ къ тому средствъ, принять съ своей стороны надлежащіе способы, и до приведенія сего въ извѣстность и полученія всего вышеписаннаго въ Опеку, о невзысканіи съ нихъ денегъ, какъ по векселямъ Обертъ-Шальме, такъ и за починки, отнестись въ Магистратъ и въ Городскую Думу. Определено: 1-е, Въ канцелярію Московскаго Военнаго Генераль-Губернатора отнестись и просить увѣдомленія, дѣйствительно ли показанные опекунами товары проданы, и буде проданы, то за сколько и кому имянно, прислать копію съ проданнаго реестра, и куда вырученныя деньги поступили; 2-е, Какъ опекуны показываютъ, что галантерейныя вещи, оцѣненныя въ 400 рублей, съ аукціоннаго торга проданы, но за какую цѣну, имъ неизвѣстно, то представить доношеніемъ въ Московское Губернское Правленіе

и просить указнаго увѣдомленія, за сколько тѣ вещи, кому имянно проданы и куда деньги поступили; 3-е, Какъ опекуны доносятъ, что Городская Дума требуетъ съ нихъ за починки дома Обертъ - Шальме 15628 рублей 50 копѣекъ, а за проживаніе Г.г. Обертъ-Полиціймейстеровъ въ томъ домѣ имъ не платитъ со времени Всемиловѣйшаго Манифеста, состоявшагося 30 Августа 1814 года, то сообщить въ оную Городскую Думу, дабы благоволила, соображаясь съ нынѣшнимъ доходомъ, полагая въ годъ по 15000 рублей, учинить расчетъ, и по вычетѣ требуемыхъ Думою за перестройки и починки 15628 рублей 50 копѣекъ, достальныя слѣдующія въ Опеку за проживаніе Г.г. Обертъ-Полиціймейстеровъ прислать въ Судъ.

Донесеніе графу Торماسову отъ Думы, 9 сентября 1818 года.

Ваше Сіятельство, по просьбѣ иностранца Оберта - Шальме, предписываете Думѣ, по точномъ удостовѣреніи въ недостаточномъ его состояніи и въ справедливости всего въ просьбѣ имъ прописаннаго, пособить ему разсрочкою взноса слѣдующихъ съ него ко взысканію денегъ, и о послѣдствіи Вашему Сіятельству донести. Въ просьбѣ своей Обертъ доносилъ, что Полиція наложила запрещеніе на сборъ пожилыхъ денегъ въ его домѣ на уплаты суммы, требуемой Думою за сдѣланныя въ ономъ разныя починки, но какъ въ семъ домѣ дѣлаетъ онъ разныя поправки, и ежели остановить сборъ наемныхъ денегъ, то нельзя будетъ привести оныхъ къ окончанію, половина дома останется безъ найма, и потому болѣе года лишень будетъ средствъ къ содержанію и воспитанію дѣтей своихъ, почему и проситъ, чтобъ взносъ означенныхъ денегъ былъ разсроченъ на 4 года, и запрещеніе сбора наемныхъ денегъ было отмѣнено.

Напротивъ того командированный Думою къ освидѣтельствованію строенія и розысканію прописаннаго въ просьбѣ, Присутствующій Думы Тихоміровъ и Архитекторъ донесли, что домъ его находится въ хорошемъ состояніи, что въ немъ никакихъ построеній не производится, кромѣ незначущей поправки половъ въ нѣкоторыхъ комнатахъ, и что, судя по наружному виду и жизни, онъ, Обертъ, находится въ достаточномъ состояніи, согласно съ симъ Дума, соображаясь съ производствомъ самаго дѣла о взыскиваемыхъ съ Оберта деньгахъ, усматриваетъ:

1-е, Что домъ отданъ Оберту въ распоряженіе съ Октября мѣсяца 1816 года, совершенно въ твердомъ состояніи, не требующемъ никакихъ поправокъ; со времени владѣнія имъ получилъ онъ дохода болѣе 20000 рублей, полагая болѣе 10000 рублей въ годъ, изъ коихъ до сего времени не заплатилъ никакой части.

2-е, Достоинство столь огромнаго дома не только не показываетъ его недостатки, но увѣряетъ его въ видимомъ состояніи, такъ что ежели бы онъ расходы

свои и воспитаніе дѣтей, которое впрочемъ не должно быть весьма важно, со-размѣрялъ съ обязанностями, то могъ бы болѣе половины взыскиваемыхъ денегъ представить уже въ Думу.

3-е, Что при продолжительной медленности, на основаніи Высочайшаго Имяннаго указа Мая 16 дня 1816 года, накаплиется вмѣстѣ пеня, которую повелѣно взыскивать за невность въ срокъ всякаго рода денегъ, по проценту на мѣсяць; полагая съ Октября мѣсяца 1816 года, причтется ко взысканію 3168 рублей 94¹/₂, копѣйки.

4-е, Городская Дума заключаетъ, что иностранецъ Обертъ-Шальме, не платя взыскиваемыхъ денегъ, затрудняетъ только начальство и дѣлаетъ ложные доносы какъ о строеніи, такъ и о недостаточномъ состояніи, имѣя возможность давно представить оныя въ Думу; слѣдовательно, не только не заслуживаетъ разсрочки, и коей за силою Имяннаго Высочайшаго указа 1816 года невозможно сдѣлать, но подвергаетъ себя законной отвѣтственности.

Все сіе имѣя честь представить благоразсмотрѣнію Вашего Сіятельства, Городская Дума покорнѣйше проситъ, въ отвращеніе дальнѣйшихъ затрудненій, учинить, кому слѣдуетъ, начальническое предписаніе, 13778 рублей 55 коп. съ пенею взыскать, не пріемля никакихъ отговорокъ, и удостоить Думу предписаніемъ.

Донесеніе графу Тормасову отъ Думы, 12 сентября 1818 года.

Между тѣмъ какъ Городская Дума о взысканіи слѣдующихъ денегъ съ иностранца Обертъ-Шальме просила Ваше Сіятельство учинить начальническое распоряженіе, Московскій Сиротскій Судъ Іюня 30 дня 1818 года увѣдомилъ Думу... (прописано отношеніе Сиротскаго Суда.)

Городская Дума, соображаясь съ производствомъ дѣла, находитъ: что взысканіе денегъ 15628 руб. 50 коп. за починки въ домѣ Обертъ-Шальме, произведенныя во время проживанія въ немъ Г.г. Оберъ-Полиціймейстеровъ, происходитъ вслѣдствіе предписаній Вашего Сіятельства, въ число коихъ зачтены зажитыя Г. Оберъ-Полиціймейстеромъ Шульгинымъ, съ 9 Іюня 1816 года, то есть со дня послѣдовавшаго отъ Вашего Сіятельства ему предписанія о возвратѣ дома, по 1-е Октября, за четыре мѣсяца безъ 10 дней, 1850 рублей, полагая по 500 руб. въ каждый мѣсяць, за вычетомъ коихъ взыскивается съ него 13778 рублей 55 копѣекъ; самъ Обертъ наконецъ, обязуясь внести ихъ, проситъ только у Вашего Сіятельства четырехлѣтней разсрочки; но какъ изъ отношенія Сиротскаго Суда открывается, что Обертъ-Шальме есть опекунъ дѣтей и имѣнія умершей его жены, чего онъ прежде до свѣдѣнія Думы не доводилъ, что съ дома получается дохода не 10000, а 15000 рублей, и что Сиротскій Судъ, по его просьбѣ съ другимъ опекуномъ, товарищемъ его, проситъ уже не отсрочки въ платежѣ денегъ, а объ учиненіи разсчета съ нимъ такимъ образомъ, чтобъ

Дума изъ числа зажитыхъ Г.г. Оберъ-Полиціймейстерами денегъ, полагая по 15000 рублей въ годъ, со времени Всемилостивѣйшаго Манифеста, то есть съ 30 Августа 1814 года, вычла взыскиваемая ею за починки, а достальныя доставила въ Судъ, и взыскиваетъ деньги за конфискованные и проданные товары, слѣдственно заводитъ новое слѣдствіе къ отбывательству и новую переписку. Почему Дума, согласно предписаніямъ Вашего Сіятельства, не принимая въ уваженіе сообщеніе Сиротскаго Суда, все прописанное имѣя честь представить благоразсмотрѣнію Вашего Сіятельства, о взысканіи вышеозначенныхъ денегъ покорнѣйше просить для сугубаго содѣйствія Сиротскому Суду учинить начальническое предписаніе, какъ равно и Полиціи, такъ же о семъ удостоить таковымъ и Думу.

Предписаніе графа Торماسова Думѣ, 26 сентября 1818 года.

На рапортъ Думы даю знать, что Сиротскому Суду, за объясненное въ рапортѣ требованіе, сдѣланъ отъ меня строгій выговоръ, съ тѣмъ чтобы слѣдующія за исправленіе дома Оберта-Шальме деньги въ Думу немедленно и непременно были доставлены, въ противномъ же случаѣ Дума должна сообщить въ Управу Благочинія о взысканіи сихъ денегъ съ наемщиковъ, которая и имѣетъ уже по сему предмету мое предписаніе.

Донесеніе военному генералъ-губернатору, князю Д. В. Голицыну, отъ Думы,
1 февраля 1821 года.

Думѣ сей докладывано по дѣлу о взысканіи, за исправленіе въ домѣ иностранца Оберта-Шальме ветхостей, денегъ во время квартированія въ ономъ Г. Оберъ-Полиціймейстера, что оный домъ послѣ нашествія непріятельскаго былъ подъ арестомъ и былъ занимаемъ Г. Московскимъ Оберъ-Полиціймейстеромъ, въ коемъ по особеннымъ требованіямъ его и предписаніямъ предшественника Вашего Сіятельства, покойнаго Графа Александра Петровича Торماسова, производимы на счетъ городскихъ доходовъ починки и строенія на 15628 рублей, съ тѣмъ чтобы деньги сіи взыскать съ него, ежели домъ сей возвратится хозяину на основаніи Всемилостивѣйшаго Манифеста 30 Августа 1814 года; домъ сей дѣйствительно возвращенъ во владѣніе Оберту-Шальме съ 9 Юля 1816 года; съ сего числа Оберъ-Полиціймейстеръ оставался въ томъ домѣ по найму 4 мѣсяца и 10 дней, причитающіяся зажитыя деньги, 1850 рублей, зачтены Думою въ число взыскиваемыхъ съ него 15628 рублей, а достальныя 13778 рублей 55 копѣекъ кромѣ пени полагала Дума взыскать посредствомъ Полиціи; по перепискѣ открылось, что съ того дома получалось дохода отъ 10000 до 15000 рублей; Дума кромѣ того что многократно требовала отъ Управы Благочинія о

взысканіи сихъ денегъ, даже по представленіямъ ея и покойный Военный Генераль-Губернаторъ, Графъ Александръ Петровичъ Тормасовъ, предписывалъ Управѣ Благочинія въ Февралѣ и Маѣ 1818 года о взысканіи сихъ денегъ съ обращеніемъ дохода на платежъ сихъ денегъ, но вмѣсто оныхъ присылаемы были одни отзвыы на несправедливое взысканіе; потомъ, когда дошло до свѣдѣнія, что домъ принадлежитъ малолѣтнимъ дѣтямъ Оберта-Шальме, надъ коими учреждена опека Сиротскимъ Судомъ, Дума просила Его Сіятельство, Графа А. П. Тормасова, предписать сему Суду и вмѣстѣ Управѣ Благочинія о неотложномъ взысканіи означенныхъ денегъ; при таковыхъ мѣрахъ Дума получила по Февраль мѣсяцъ 1819 года отъ Управы Благочинія только 1180 рублей; видя, что далѣе требованія ея остаются безъ уваженія, и доходъ съ дома не обращается на платежъ недоимки, Дума опять 20 Юля того же года донесла о семъ покойному Графу Александру Петровичу, отъ котораго снова предписано было Управѣ Благочинія неупустительно продолжать взысканіе, вслѣдствіе чего въ 1819 и 1820 году взыскано только 2896 рублей 22 коп., а далѣе сего времени взносъ прекратился совершенно, и затѣмъ остается до сего времени въ недоимкѣ 10822 рубля 33 коп.; о всѣхъ обстоятельствахъ сего дѣла, съ просьбою объ учиненіи надлежащаго предписанія, представлено рапортомъ Г. Московскому Гражданскому Губернатору, Егору Александровичу Дурасову, 15 Декабря 1819 года.

Городская Дума, усматривая, что послѣ всѣхъ принятыхъ мѣръ, многократныхъ требованій о взысканіи денегъ и самыхъ предписаній начальства за починки въ домѣ Обертъ - Шальме, 10822 рубля 33 копѣйки кромѣ пенныхъ остаются въ недозысканіи, тогда какъ, судя по доходу съ дома, давно бы оныя деньги должны быть взысканы и поступить въ городской доходъ, и въ семъ случаѣ Думѣ никакихъ не остается мѣръ къ побужденію неисправныхъ, какъ съ прописаніемъ вышеписаннаго представить Вашему Сіятельству рапортомъ, покорнѣйше прося учинить, кому слѣдуетъ, начальническое предписаніе.

Предписаніе Думѣ отъ князя Д. В. Голицына, 17 сентября 1821 года.

Въ разрѣшеніе рапорта Городской Думы, предписываю взысканіе денегъ съ дома малолѣтнихъ Шальме, за произведенныя въ ономъ поправки, разсрочить на 5 лѣтъ, съ тѣмъ чтобы въ теченіи сего времени весь долгъ по равной части въ каждый годъ былъ непременно выплаченъ, въ чемъ отца и опекуна ихъ, Оберта-Шальме, обязать подпискою.

1822 года Февраля дня. Представлена была изъ Думы въ канцелярію князя Д. В. Голицына записка о томъ, по какому случаю производится съ малолѣтнихъ Шальме взысканіе денегъ, сколько взыскано и сколько осталось не взыскано.

Предписаніе Думѣ князя Д. В. Голицына, 22 апрѣля 1822 года.

Такъ какъ поправки въ домѣ, принадлежащемъ дѣтямъ Обертъ-Шальме, были сдѣланы единственно потому, что квартировалъ въ ономъ Обертъ-Полицій-мейстеръ, и по уваженію того, что Обертъ-Шальме по случаю непріятельскаго нашествія лишился на значительную сумму имущества безвозвратно, то и предписываю Городской Думѣ взыскать съ него по опредѣленнымъ срокамъ тѣ только деньги, которыя употреблены на поправки, пенныхъ же денегъ вовсе не требовать, о чемъ и не оставитъ она извѣстить Управу Благочинія.

Предписаніе Думѣ князя Д. В. Голицына, 24 октября 1822 года.

На рапортъ Думы симъ даю знать, что купецъ Обертъ не имѣетъ никакого права просить еще объ отсрочкѣ взыскиваемыхъ съ него Думою 10668 рублей, ибо таковая была уже ему сдѣлана, а потому я предписалъ Управѣ Благочинія о немедленномъ взысканіи съ Оберта причитающихся денегъ.

Прошеніе въ Думу Лаврентія Николаева Обертъ-Шальме, 14 ноября 1827 года.

Въ Московской Думѣ производится дѣло о взысканіи съ дома моего слѣдующихъ въ оную Думу денегъ, а какъ за учиненными уплатами остается до-взыскать съ меня только 2464 рубля 37½ копѣекъ, которые присемъ представляя, прошу оныя принять въ Московской Городской Думѣ.

Опредѣленіе Думы.

Слушали 14-Ноября, Приказали: представленныя деньги, 2464 рубля 37½ коп., записать въ приходъ въ возвратъ городскихъ доходовъ, о чемъ кассиру и бухгалтеру дать указы, послѣднему съ тѣмъ, чтобы онъ оныя деньги изъ недоимки, числящейся на домѣ иностранки Обертъ-Шальме, исключилъ и, гдѣ слѣдуетъ, отмѣтилъ, во взносѣ же денегъ просителю дать квитанцію.

Отмѣтка.

Тверской части, въ домѣ, подъ № 54, купеческихъ дѣтей Лаврентія и Федора Обертъ-Шальме недоимки не состоитъ. Ноября 15 дня 1827 года. Бухгалтера помощникъ А. Мартыновъ.

Копія съ дѣла о Карлѣ Жембули, 1812-1820 гг.

Представленіе въ Московскую Городскую Думу частнаго пристава Срѣтенской части, 8 іюня 1812 года.

Сего Іюня 1 числа квартальный поручикъ Гиршенштернъ представилъ въ Частный Домъ иностранца Карла Жембули, взятаго на Срѣтенкѣ торговымъ смотрителемъ, московскимъ купцомъ Андреемъ Усковымъ, съ узломъ, въ коемъ по описи оказалось: шеколаду 2 фунта, лоделавану 1 бутылка, духовъ 14 стклянокъ, помады 9 банокъ, въ ящикѣ лодеколону 6 банокъ, мыла 3 штуки, карандашевъ 8 штукъ, масла ранжеваго 2 сткляночки, румянъ 11 бумажекъ, почему и былъ онъ, Жембули, представленъ на резолюцію въ Московскую Управу Благочинія, и по оной заключено: отослать въ оную Думу для исходатайствованія билета, въ силу которой резолюціи означеннаго иностранца Жембули и съ вышешисанными духами, съ учиненною имъ описью, присемъ въ оную Думу препровождаю. Іюня 8 дня 1812 года. Частный приставъ Венюковъ.

Донесеніе Думы въ Губернское Правленіе, 19 іюня 1812 года.

Вслѣдствіе представленія Срѣтенской части отъ пристава, при коемъ присланъ взятый смотрителемъ Усковымъ иностранецъ Карлъ Жембули съ узломъ, въ коемъ по описи оказалось: шеколаду 2 фунта, лоделавану одна бутылка, духовъ 14 стклянокъ, помады 9 банокъ, мыла 3 штуки, карандашей 8, масла ранжеваго 2 сткляночки, румянъ 11 бумажекъ, почему и опредѣлено: какъ таковая торговля иностранца Жембули производится въ противность Высочайшихъ узаконеній, ибо симъ торговать никто не долженъ, то, донеся о семъ Московскому Губернскому Правленію, испрашивать о продажѣ онаго товара въ пользу городскихъ доходовъ въ повелѣніе указаго предписанія.

Указъ Думѣ изъ Губернскаго Правленія, 15 іюля 1813 года.

Губернское Правленіе, слушавъ рапортъ оной Думы о испрашиваніи ею повелѣнія продать въ пользу городскихъ доходовъ конфискованный у иностранца Жембули товаръ, Приказали: какъ Дума о торгѣ иностранцемъ Жембули отвѣта въ подлинникѣ въ сіе Правленіе не доставила, и былъ ли оный отъ него въ Срѣтенской части отобранъ и въ какомъ содержаніи, о томъ въ рапортѣ своемъ не упомянула, и потому предписать ей донести Правленію, какія Жембули о правѣ торговаго своего приносилъ оправданія, и буде въ оной имѣется подлинный

отвѣтъ его, то бѣ оный немедленно представила къ разсмотрѣнію въ сіе Правленіе, такъ какъ оное, не видя о торгѣ его резоновъ, къ продажѣ товаровъ его прежде времени согласія изъяснить не можетъ.

Журналъ Думы, 17 іюля 1813 года.

По слушаніи указа Московскаго Губернскаго Правленія отъ 15 іюля сего года; а по справкѣ въ Думѣ оказалось: что иностранецъ Жембули представленъ былъ въ Думу изъ Срѣтенской части съ товаромъ, коимъ онъ производилъ незаконную торговлю, о чемъ и было Правленію представлено прошлаго 1812 года Іюня 19 дня, отвѣтовъ же въ оправданіе отъ него въ присылкѣ въ Думу никакихъ не было. Приказали: съ прописаніемъ сей справки Московскому Губернскому Правленію донести рапортомъ.

Указъ Думѣ изъ Губернскаго Правленія, 23 декабря 1814 года.

Губернское Правленіе, слушавъ рапортъ оной Думы касательно о доставленіи въ сіе Правленіе отвѣта по дѣлу иностранца Жембули, Приказали: предписать оной Думѣ донести сему Правленію: въ цѣлости ль тотъ отобранный отъ иностранца Жембули товаръ послѣ нашествія непріятельскаго находится?

Донесеніе Думы Губернскому Правленію, 10 февраля 1815 года.

Указъ Губернскаго Правленія отъ истекшаго Декабря 23 дня: въ цѣлости ль нынѣ отъ иностранца Жембули товаръ послѣ нашествія непріятельскаго находится, въ сей Думѣ полученъ. А по справкѣ съ дѣломъ оказалось: поданнымъ рапортомъ прошлаго 1813 года Апрѣля 29 числа экзекуторъ сей Думы, Малиновскій, донесъ, что прошлаго 1812 года Августа 30 числа, по случаю нашествія непріятели, при отправленіи изъ Москвы во Владиміръ дѣлъ, между прочимъ, за неимѣніемъ подводъ, взятый иностранца Жембули товаръ, присланный изъ Срѣтенской части, состоящій въ ящикѣ съ разными духами, оставленъ былъ въ Думѣ, но по пріѣздѣ оной обратно въ Москву, въ тѣхъ покояхъ, кладовой и архивѣ того ящика не оказалось, о чемъ и Московскому Губернскому Правленію прошлаго 1813 года Мая 12 числа донесено рапортомъ.

И по оному Московскаго Губернскаго Правленія указу, въ Московской Городской Думѣ Определено: о полученіи указа, съ прописаніемъ справки, Московскому Губернскому Правленію донести рапортомъ.

Подтвердительный указъ Думѣ отъ Губернскаго Правленія, 30 ноября 1820 года.

Губернское Правленіе, не получивъ на данное предписаніе отъ 23 Декабря 1814 года, о донесеніи сему Правленію, въ цѣлости ль находится отобранный

отъ иностранца Жембули товаръ послѣ нашествія непріятельскаго, исполнительнаго рапорта, строго симъ предписываетъ о доставленіи онаго и непременно въ самоскорѣйшемъ времени, буде же таковой рапортъ уже былъ отправленъ, то о присылкѣ съ онаго засвидѣтельствованной копіи.

Опредѣленіе Думы, 10 декабря 1820 года.

Дума, слушавъ указъ Московскаго Губернскаго Правленія, коимъ предписываетъ на таковое жъ предписаніе, данное 23 Декабря 1814 года, донестъ ему, въ цѣлости ль находится отобранный товаръ отъ иностранца Жембули послѣ нашествія непріятельскихъ войскъ; а по справкѣ оказалось, что когда Срѣтенской части приставъ доставилъ взятый смотрителемъ Усковымъ у иностранца Карла Жембули товаръ въ узлѣ, въ коемъ по описи оказалось: шеколаду 2 фунта, лоделавану 1 бутылка, духовъ 14 стклянокъ, помады 9 банокъ, мыла 3 штуки, карандашей 8, масла ранжеваго двѣ стклянки, румянъ 11 бумажекъ, который производилъ торговлю въ противность высочайшихъ узаконеній, Дума представила Московскому Губернскому Правленію 19 Іюля 1812 года, съ испрашиваніемъ разрѣшенія о продажѣ онаго товара въ пользу городскихъ доходовъ, потомъ поданнымъ рапортомъ экзекуторъ Малиновскій 29 Апрѣля 1813 года донесъ, что прошлаго 1812 года Августа 30 числа, по случаю нашествія непріятеля, при отправленіи изъ Москвы въ Володиміръ дѣль, между прочимъ, за неимѣніемъ подводъ, взятый у иностранца Жембули товаръ, состоящій въ ящикѣ, оставленъ былъ въ Думѣ, но по пріѣздѣ обратно въ Москву, въ кладовой и архивѣ онаго ящика не оказалось, о чемъ Московскому Губернскому Правленію донесено 10 Февраля 1815 года. Приказали: объ оказавшемся по справкѣ Московскому Губернскому Правленію донести рапортомъ.

Копія съ прошенія купца Л. И. Осипова въ Московскую Управу Благочинія, 8 мая 1813 года.

Жительство я имѣю въ собственномъ своемъ домѣ, Покровской части, 4 квартала, подъ № 311, при коемъ находится суконная фабрика, производимая мною изъ испанской, шленской и разныхъ шерстей, работаемая вольнонаемными мною людьми, и предъ нашествіемъ на сію Столицу французскихъ непріятельскихъ войскъ, то есть прошлаго 1812 года въ Августѣ мѣсяцѣ, я изъ Москвы выѣхалъ въ С. Петербургъ, оставя бывшія на той моей фабрикѣ сукна, фризы и байки Россійской мануфактуры прикащику своему, воронежскому мѣщанину,

Ивану Борисову Молявину, а также и собственное свое разное имущество и документы въ томъ же своемъ домѣ, въ каменныхъ кладовыхъ; по возвращеніи же моемъ обратно въ Москву, нашелъ я, что оставленныя мною тому прикащику Молявину собственныя мои сукна, а въ кладовыхъ положенное мною же имущество, все разграблено, изъ числа же письменныхъ документовъ, какъ то крѣпостей, данныхъ листовъ на земли, контрактовъ и условій всякаго рода, пашпорты рабочихъ людей и планы остались въ цѣлости, другіе же, о коихъ и упомянуть не могу, всѣ разграблены же, а потому, прилагая у сего какъ сукнамъ, а равно и имуществу, съ показаніемъ по долгу христіанскому и чистой совѣсти цѣны, реестръ, прошу сіе мое прошеніе въ Московской Управѣ Благочинія принять и записать въ книгу явочныхъ прошеній впредь для вѣдома, а мнѣ съ онаго дать за подлежащую скрѣпкою копію. Мая 8 дня 1813 года. Московскій 2-й гильдіи купецъ Лаврентій Ивановъ сынъ Осиповъ.

Реестръ разграбленному въ кладовыхъ имуществу и сукнамъ.

Образъ „О тебѣ радуется“, безъ ризы, стариннаго письма, 50 руб.

Образъ „Единороднаго Сына Слово Божіе“, безъ ризы, 50 руб.

Образъ „Мѣсяць Минея“, 100 руб.

Бѣлья:

12 скатертей разной руки, 350 руб.

10 дюжинъ салфетокъ, 250 руб.

2 дюжины разныхъ рубахъ, 200 руб.

2 дюжины полотенець, 100 руб.

16 аршинъ бархату, по 12 р. за каждый, 192 руб.

47 аршинъ коленкору, по 3 р. 50 к. каждый, 164 р. 50 к.

42 аршина гарнитура, по 3 р. 25 к. каждый, 134 р. 50 к.

41 аршинъ пестряди шелковой красной, работана нарочно, по 3 р. каждый,
123 руб.

Тулупъ на куньемъ мѣху, 300 руб.

Тулупъ калмыцкій, не крытый, 75 руб.

Халать шелковый, персидскій, поношенный, 120 руб.

Княжеская шапка бархатная и рубашка, 35 руб.

Книгъ:

Псалтирь слѣдованная, 65 руб.

Два Апостола, 40 руб.

Два Октая, 50 руб.

Алфа-Омега, книга, 25 руб.

Мебели:

Шкафъ красного дерева, 225 руб.

Конторка красного дерева съ бронзой, 250 руб.

Двѣ конторки красного дерева, 50 руб.

Часы аглицкіе, столовые, Нортоновскіе, 300 руб.

Часы бронзовые, Королевскіе, 750 руб.

Часы французскіе, столовые, 150 руб.

Бронзовыхъ подсвѣчниковъ и разныхъ вазиковъ, на 500 руб.

Посуды мѣдной разной 12 пудъ, на 480 руб.

Экипажи:

Новая коляска, 1200 руб.

Двое дрожекъ малоподержанныхъ, 1150 руб.

Еще дрожки поѣзжанныя, 40 руб.

Новая телѣжка на рессорахъ, 300 руб.

Кибитка дрожечная на рессорахъ, 300 руб.

Разной конской сбруи, на 500 руб.

Сукна, бывшія у прикащика Молявкина:

Валенныя англійскія 3850 аршинъ, по 20 руб. каждый, 77000 руб.

Казанки 1-го сорта, 814 аршинъ, по 22 руб. каждый, 17908 руб.

Казанки 2-го сорта, 2970 арш., по 18 руб. каждый, 53460 руб.

Окрашенныя англійскія:

Темнозеленныя и синія, 500 арш., по 22 руб. каждый, 10000 руб.

Опрессованныя:

Алаго сукна 27 арш., по 30 руб. каждый, 825 руб.

Казанокъ темнозеленныхъ и натуральныхъ 160 арш. по 22 р., 2970 руб.

Валенныхъ шпанскихъ суконъ 811 арш. по 15 р., 12165 руб.

Темнозеленныхъ шпанскихъ 474 арш. по 17 р., 8058 руб.

Валенныхъ шленскихъ и турецкихъ 6650 арш. по 8 р., 53200 руб.

Шленскихъ большой мѣры 720 арш. по 8 р., 5750 руб.

Окрашенныхъ турецкихъ синихъ, темнозеленныхъ, голубыхъ и опрессованныхъ черныхъ 3025 арш., по 9 р. каждый, 27225 руб.

Опрессованныхъ русскихъ:

Темнозеленныхъ, зеленыхъ, сѣрыхъ и опарныхъ, всего 800 арш. по 3 р. каждый, 2400 руб.

Валеныхъ, фризовыхъ, шленскихъ 5032 арш. по 7 р., 35224 руб.
Такихъ окрашенныхъ 34 арш. по 8 р., 272 руб.
Валеныхъ фризовъ верблюжьихъ 1496 арш. по 4 р., 5986 руб.
Валеныхъ фризовъ ордынскихъ 952 арш. по 2 р. 50 к., 2380 руб.
Валеныхъ суконъ верблюжьихъ 5808 арш. по 3 р. 75 к., 21780 руб.
Сваленныхъ фланелей 1500 арш. по 3 р. 50 к., 5250 руб.
Сваленныхъ казимировыхъ 70 арш. по 10 р., 700 руб.
Опрессованныхъ баекъ русскихъ, темныхъ, 306 арш. по 2 р. 70 к., 826 р. 20 к.
Фризовъ ордынскихъ, толстыхъ, 68 арш. по 2 р. 80 к., 183 р. 60 к.
Байки русской, желтой, 36 арш. по 3 р., 108 руб.

Остатковъ:

Полушпанскихъ цвѣтныхъ суконъ 52 $\frac{1}{2}$ арш. по 12 р., 634 руб.
Шпанскихъ цвѣтныхъ 36 арш. по 15 р., 513 руб.
Англійскаго цвѣтнаго 54 арш. по 20 р., 1080 руб.
Пуху козинаго 1 пудъ, 115 руб.
Шпанскихъ основъ и утковъ, 1 пудъ 37 ф., по 225 р. пудъ, 443 р. 13 к.
Поярку російскаго 270 пудъ по 22 р., 5940 р.
Шерсти ордынской 11 пудъ по 7 р., 77 руб.
Пряжи шпанской 43 пуда 5 фунт., 290 р. пудъ, 10781 р. 25 к.
Пряжи козьей 1 пудъ, 300 руб.
Чернаго купоросу 75 пудъ по 4 р. 50 к., 337 р. 50 к.
Синяго сандалу тертаго 353 пуда 7 ф., по 9 р. пудъ, 3165 руб.
Краснаго сандалу тертаго 2 пуда 20 фунт., по 14 р. за каждый, 3040 руб.
Чернильныхъ орѣшковъ 1 пудъ 30 ф., 73 р. 75 к.
Крахмалу 6 пудъ по 8 р., 48 р.
Квасцовъ шведскихъ 4 пуда по 12 р., 48 р.

Всего имущества и суконъ 386596 руб. 43 коп.

**Копія съ объявленія въ Московскую Городскую Думу
московскаго мѣщанина Федора Дмитріева, 28 февраля
1813 года.**

Прошлаго 1812 года Марта съ 31 числа отданы мнѣ въ четырехъ годичное содержаніе рыбныя по Москвѣ-рѣкѣ ловли отъ Землянаго Камеръ-Коллежскаго вала, прошедъ Новинскіе берега, и внизъ до Даниловскаго моста, изъ

платежа каждагодно оброка по 1335 рублей, и за половину года, Марта съ 31 числа, половинное количество 667 рублей 50 копѣекъ, да еще сверхъ поручительства въ исправномъ платежѣ на срокъ денегъ въ обезпеченіе представлено въ залогъ 450 рублей. Но какъ по прибытіи въ сію столицу непріятельскихъ войскъ, приготовленные мною лодки, невода, сѣти, садки и верши и другіе принадлежащіе для ловленія рыбы инструменты расхищены и погорѣли, стоющіе мнѣ болѣе 2000 рублей, и наловленная рыба, бывшая въ садкахъ, въ разныхъ мѣстахъ по рѣкѣ разграблена, а притомъ и въ домѣ имѣніе также разграблено, я же рыбною ловлею тогда, какъ вступилъ въ сію столицу непріятель, не пользовался, и отъ показанной рыбной ловли не токмо чтобъ могъ имѣть какія выгоды, но еще понесъ отъ непріятели совершенное разореніе, а затѣмъ слѣдующихъ къ поступленію въ Думу, за вторую половину прошлаго 1812 года, съ 31 Сентября по 31-е Марта сего 1813 года, денегъ 667 рублей 50 копѣекъ внести не могу.

Почему Московскую Городскую Шестигласную Думу покорнѣйше прошу съ меня взысканіе означенныхъ денегъ оставить, поелику я на взносъ оныхъ, у себя, по претерпѣнному разоренію и разграбленію, въ наличности не имѣю и оную статью изъ платимаго мною оброка содержать не могу, обязуюсь платить за оную впредь каждагодно оброка не болѣе 500 рублей.

(2 Юня 1813 года Федоръ Дмитріевъ заключилъ въ Думѣ контрактъ съ торговъ на содержаніе рыбной ловли по рѣкѣ Москвѣ, отъ Землянаго Камеръ-Коллежскаго вала внизъ до Даниловскаго моста, каждагодно изъ платежа по 1525 рублей.)

Копія съ донесенія Московской Городской Думы въ Казенную Палату, февраля 1813 года.

Доношеніемъ отъ минувшаго Генваря 28 дня сего года, конкурсъ умершаго калужскаго 1-й гильдіи купца, Григорья Петрова Швецова-Каратаева, представляя, что по выгнаніи непріятели изъ Москвы найдено конкурсомъ, что хранящійся въ Городской части, въ Гостиномъ дворѣ, въ трехъ амбарахъ, въ третьемъ этажѣ, товаръ, чай и китайка разграблены и созжены, также и въ конкурсѣ, бывшемъ въ домѣ купца Плотникова, торговыя книги и прочее созжены, а какъ по высочайшему Манифесту, минувшаго 1812 года Февраля 11 дня послѣдовавшему, слѣдовало бы въ минувшемъ Декабрѣ мѣсяцѣ платить внутреннія съ чаю пошлины, то теперь платить съ сихъ чаевъ пошлины уже не изъ

чего, и по крайнему разоренію неможно, ибо сей, изъ чаевъ состоящій, товаръ погубленъ непріятельскими руками еще до срока платежа таковыхъ съ него пошлинь, о чемъ представлено доношеніемъ къ Его Высокопревосходительству, Дѣйствительному Тайному Совѣтнику, Г. Министру Финансовъ, Дмитрію Александровичу Гурьеву, объ избавленіи отъ платежа съ погубленныхъ непріятельскими руками чаевъ внутреннихъ пошлинь, дабы не оставить безъ своего представительства къ Высочайшему Его Императорскаго Величества Престолу; причемъ приложилъ реестръ съ оцѣнкою разграбленному и погорѣлому товару, изъ ко-его видно, что товару онаго конкурса сгорѣло на 212589 руб. 85 копѣекъ. А по справкѣ въ сей Думѣ съ дѣломъ значить, что у означеннаго конкурса, въ ам-барахъ купца Невѣжина описано и опечатано наличнаго чаю 62190 фунтовъ, со онаго числа слѣдовало пошлинь 74628 рублей. Определено: Съ прописаніемъ изображенныхъ въ отношеніи конкурса обстоятельствъ, представить на разсмо-трѣніе Московской Казенной Палаты рапортомъ и испрашивать въ разрѣшеніе указаго предписанія, причемъ съ подлиннаго реестра о сгорѣвшихъ товарахъ препроводить копію.

Реестръ хранящимся товарамъ въ Городской части, въ Гостиномъ дворѣ, въ трехъ амбарахъ, въ 3 этажѣ, чаевъ и китаекъ, принадлежащимъ калужскому 1-й гильдіи купцу Григорію Петрову Швецову-Каратаеву, съ показаніемъ стоимости по оцѣнкѣ присяжными цѣновщиками:

- 61 ящикъ чаю цвѣточнаго, на 16210 рублей.
- 74 ящика чаю квадратнаго, на 7400 руб.
- 76 ящиковъ чаю полуторнаго, на 9500 руб.
- 2 ящика чаю квадратнаго, на 20 руб.
- 17 ящиковъ чаю цвѣточнаго, на 3400 руб.
- 209 ящиковъ чаю полуторнаго, на 25650 руб.
- 16 ящиковъ чаю цвѣточнаго, на 3200 руб.
- 512 ящиковъ чаю чернаго, торговаго, на 54200 руб.

Оставшихъ послѣ пожара, бывшаго въ дорогѣ, во время возки изъ Кяхты, горѣлыхъ чаевъ:

- 90 ящиковъ чаю одинакаго, на 192 руб.
- 47 ящиковъ чаю, въ рогожахъ, на 47 руб.
- 114 коробовъ чаю, на 228 руб.
- 117 тюковъ чаю, въ рогожахъ, на 117 руб.
- 184 шаръ китайки, на 91950 руб.
- 2 тюка китайки, на 100 руб.

119 рогожь, по 5 коп. каждая, на 5 руб. 85 коп.

2 тюка оленьихъ невыдѣланныхъ кожъ, на 225 руб.

А всего 212589 руб. 85 коп.

Кураторъ конкурса Афанасій Кукинъ.

Копія съ дѣла о расхищеніи дровъ, 1812-1813 гг.

Указъ въ Московскую Управу Благочинія изъ Моск. Гражданской Палаты
по 2-му Департаменту, 18 іюля 1812 года.

Въ семъ Департаментѣ, по слушаніи прошенія, поданнаго отъ господъ, Генераль-маіора Петра, Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника и Дѣйствительнаго Камергера Александра и Дѣйствительнаго Камергера, полномочнаго Министра и Чрезвычайнаго Посланника Льва, и Гвардіи капитана Ивана Алексѣевыхъ дѣтей Яковлевыхъ, коимъ прописываютъ, что дошло до свѣдѣнія ихъ, что Рузскаго уѣзда изъ дачъ села Порѣчья съ деревнями, состоящихъ подъ казеннымъ присмотромъ, пригнано въ Москву для продажи трехъ-полѣнныхъ березовыхъ, осиновыхъ, еловыхъ дровъ 42 сажени, которыя и сложены на берегу Москвы-рѣки въ Хамовнической части, у крестьянина того жъ села Порѣчья, Василія Кузмина; но такъ какъ продавать нынѣ помянутыя дрова неудобно, потому что таковой цѣны, за какую покупаются они въ зимнее время, взять невозможно, къ тому жъ ни за цѣлостію оныхъ, ниже за самою тѣхъ дровъ продажею по выгоднымъ цѣнамъ полиція не имѣетъ съ своей стороны надлежащаго надзора, просятъ, дабы не были распроданы означенныя дрова въ нынѣшнее лѣтнее время по самымъ низкимъ цѣнамъ, благоволить, кому слѣдуетъ, предписать о томъ съ тѣмъ, чтобы полиція, какъ за цѣлостію оныхъ, такъ и за продажею въ зимнее время по выгодной цѣнѣ, имѣла съ своей стороны непосредственный надзоръ, и выручаемая за тѣ дрова деньги представляла въ надлежащее мѣсто изъ приращенія процентовъ въ пользу ихъ законныхъ наслѣдниковъ. Приказали: Поелику Господа Яковлевы симъ поданнымъ прошеніемъ показываютъ, что означенныя дрова пригнаны въ Москву Рузскаго уѣзда изъ дачъ села ихъ Порѣчья съ деревнями, состоящихъ подъ казеннымъ присмотромъ, то въ Рузскій Земскій Судъ послать указъ и велѣть доставить въ сію Палату съ первою почтою рапортъ, дѣйствительно ли изъ принадлежащихъ показаннымъ селеніямъ дачъ, и сколько сажень, такожь съ чьего позволенія, имѣя тѣ селенія въ казенномъ присмотрѣ, оныя дачи рублены, а Управѣ Благочинія предписать съ тѣмъ, чтобы тѣ дрова имѣла въ казенномъ присмотрѣ.

Донесеніе изъ Управы Благочинія во 2 - й Департаментъ Моск. Гражданской Палаты, 12 апрѣля 1813 года.

Во исполненіе указа Московской Гражданской Палаты отъ 18 Іюля прошлаго 1812 года, Рузскаго уѣзда изъ дачъ села Порѣчья Г.г. Яковлевыхъ крестьянами привезенныя въ Москву для продажи трехполѣнныя березовыя, осиновыя и еловыя дрова, 42 сажени, и сложенныя на берегу Москвы-рѣки у крестьянина того жъ села Порѣчья, Василия Кузмина, по приказу сей Управы, посланному Хамовнической части частному приставу, отданы подъ сохраненіе мѣстному квартальному надзирателю Андрееву. А сего Апрѣля 2 числа оный частный приставъ репортуеть, что изъ числа тѣхъ дровъ во время нашествія непріятельскихъ войскъ осталась малая часть, всѣ же про ія расхищены. О чемъ Управа Благочинія и представляетъ.

Копія съ дѣла о разграбленномъ и сожженномъ домѣ купца Шепелькова, 1813 года.

Объявленіе въ Моск. Управу Благочинія жены умершаго купца Льва Петрова Шепелькова, вдовы Марьи Лукиной, 9 апрѣля 1813 года.

Прошлаго 1812 года Іюля въ первыхъ числахъ поданнымъ въ Управу Благочинія объявленіемъ изъяснила я, что послѣ мужа моего, умершаго въ Маѣ того года, осталось имѣніе, какъ то: святые образа, мужское платье, хлѣбъ ссыпной, двѣ лошади съ упряжью въ домѣ, состоящемъ Серпуховской части, и кирпичный заводъ, состоящій въ той же части, въ Даниловской слободѣ, съ жилимъ и нежилымъ для дѣланія кирпича строеніемъ, съ кирпичными сараями, съ обжигальными печами, со всякими при кирпичномъ заводѣ инструментами, съ приготовленными для обожженія кирпича дровами, и сдѣланнаго кирпича, обожженнаго и сырца, до 200000 кирпичей, и что такъ какъ ко всему тому имѣнію остались законными наслѣдниками я, по неимѣнію дѣтей, въ указной части, а въ достальномъ братъ родной моего мужа, Московскій купецъ Гаврило Шепельковъ, который по смерти мужа моего изъ того имѣнія разное мужское платье, долговые документы, также и женское мое платье собственное, данное за мною въ приданое, и долговыя на разныхъ людей записи и книги запечаталъ, но изъ всего прописаннаго имѣнія, а равно и собственнаго своего платья отъ онаго деверя моего я не получила, потому и просила Управу, все

4*

то имѣніе описавъ, выдать мнѣ, какъ мое собственное имѣніе, такъ и принадлежащую по закону часть послѣ мужа, вслѣдствіе чего опись всему тому имуществу въ то же время была и учинена, но принадлежащаго мнѣ имѣнія по сіе время не получила.

Посему Московскую Управу Благочинія покорнѣйше прошу сіе мое объявленіе принять и мнѣ сдѣлать законное удовлетвореніе.

Донесеніе въ Управу Благочинія пристава Серпуховской части.

На предписаніе Управы Благочинія объ имуществѣ умершаго купца Льва Шепелькова, донести честь имѣю, что находящееся во ввѣренной мнѣ части, какъ домъ, равно въ немъ движимое имущество, прошлаго 1812 года описано, о коемъ Гаврило Шепельковъ, братъ умершаго Льва Шепелькова, нынѣ показалъ, что во время нашествія непріятельскихъ войскъ все разграблено, описи коего для оцѣнки доставлены купцу Павлову, который по требованію нынѣ объявилъ, что оныя обще съ его имуществомъ во время нашествія непріятельскихъ войскъ сгорѣли.

Опись недвижимому имѣнію умершаго купца Льва Шепелькова, представленная въ Управу Благочинія изъ Серпуховской части.

Деревянный домъ за Серпуховскою заставой, въ большой Даниловской слободѣ, отъ заставы на правой рукѣ, обить и покрыть тесомъ; войдя во дворъ, жилой одноэтажный покой, въ немъ 7 оконъ, полъ и потолокъ дощатые, печь съ лежанкою израчатая, лавокъ деревянныхъ 8, переборовъ дощатыхъ четыре, столъ дощатый длинный, простой, въ сѣняхъ три чулана, чрезъ сѣни свѣтелка холодная, въ свѣтелкѣ три окна, при ней чуланчикъ.

Позади онаго корпуса конюшня.

Подлѣ конюшни сарайчикъ.

Подлѣ сарайчика коровникъ бревенчатый.

На лѣвой рукѣ погребъ съ ямникомъ.

Подлѣ погреба анбаръ съ пятью закромами.

Подлѣ анбара пустое мѣсто, огорожено досками, съ дверью.

Подлѣ онаго второй погребъ съ напоребицею и ямникомъ, бревенчатый.

Дворъ обнесенъ дощатымъ и бревенчатымъ заборомъ; внутри онаго навѣсъ на столбахъ.

Впереди двора ворота, въ одно полотно, на деревянной пятѣ, при нихъ калитка.

Сзади двора, по лѣвую сторону, ворота дощатые, створчатые.

Въ зади жъ двора въ серединѣ, въ садъ калитка.

Позади онаго двора садъ съ разными плодовыми деревьями, обнесенъ дощатымъ заборомъ.

Въ саду баня съ передбанникомъ дощатая.

Кирпичный заводъ особъ отъ дома.

Къ нему изба для жительства рабочихъ людей, деревянная, крыта дранью, съ сѣньми, оконъ три, печь русская, полъ и потолокъ дощатые, одинъ чуланчикъ.

Три полусарая для дѣланія кирпича:

Первый полъ-сарая длиннику на 38 саженьхъ, поперечнику $3\frac{1}{2}$ сажени.

Второй полъ-сарая длиннику на 20 сажень, поперечнику на $3\frac{1}{2}$ саженьхъ.

Третій полъ-сарая на столбахъ, длиннику 44 сажени, поперечнику $3\frac{1}{2}$ сажени. Всѣ крыты дранью.

Такъ называемый „Пелюсъ“ на столбахъ, крытъ дранью, въ немъ длиннику 13 сажень, поперечнику 8 сажень; подъ „Пелюсомъ“ двѣ обжигальныя печи.

На дворѣ обожженнаго кирпича 95300.

Дровъ трехаршинныхъ, осиновыхъ съ еловыми, 6 сажень.

Взади саду срубъ, складъ въ кучу подъ крышею.

Все вышеозначенное имѣніе оцѣнено въ 3596-ть рублей. Оцѣнщикъ Василій Федоровъ Коноваловъ.

Копія съ дѣла князя В. А. Хованскаго, 1813 года.

Объявленіе въ Московскую Городскую Думу отставнаго оберъ-прокурора, князя Василія Алексѣева Хованскаго, 24 января 1813 года.

Имѣлъ я въ Москвѣ собственный свой каменный домъ, состоящій въ Пречистенской части 2 квартала подъ № 107, который отъ оной Думы въ прошломъ 1811 году Юля 28 дня оцѣненъ былъ избранными оцѣнщиками въ 60358 рублей, и того же 1811 года въ Сентябрѣ мѣсяцѣ оный домъ принятъ на страхъ въ Государственный Заемный Банкъ въ 45000 рублей, а въ прошломъ 1812 году Сентября мѣсяца съ 4-го на 5-е число, во время нашествія непріятели въ Москву, сожженъ, въ удостовѣреніе чего имѣю я отъ полиціи свидѣтельство. Въ разсужденіи чего Московскую Шестигласную Думу покорнѣйше прошу оный мой сгорѣвшій домъ, чрезъ кого слѣдуетъ, приказать, освидѣтельствовавъ, оцѣнить, чего онъ въ нынѣшнемъ его видѣ стоитъ будетъ, потомъ благоволено бѣ было

Государственный Заемный Банкъ увѣдомить, а мнѣ съ онаго засвидѣтельствованную дать копію.

1811 года Іюля дня.

Опись и оцѣнка дома и каменнымъ службамъ отставнаго оберъ-прокурора князя Василя Алексѣевича Хованскаго, состоящимъ въ Пречистенской части 2-го квартала подъ № 107, въ приходѣ церкви Николая Чудотворца въ Плотникахъ, для застрахованія въ Государственномъ Заемномъ Банкѣ.

Главный каменный корпусъ, въ три этажа съ подваломъ и кладовыми подъ нимъ, со сводами; снаружи оштукатуренъ и выкрашенъ; мѣрою по большой Арбатской улицѣ 10 сажень 2 аршина, поперекъ 7 сажень 1 аршинъ, вышиною отъ земли подъ кровлю 5 сажень 2¹/₄ аршина, а съ погребами 6¹/₂ сажень; крытъ листовымъ аршиннымъ желѣзомъ.

Погребный (подвальный) этажъ.

Въ немъ помѣщенія.

1, Покой со сводомъ, въ него крыльцо каменное о 9 ступеняхъ; полъ высланъ кирпичемъ; печь русская кирпичная; три окошка съ дубовыми рамами; дощатая перегородка.

2, Винный погребъ со сводомъ въ двухъ отдѣленіяхъ, въ немъ два окошка съ желѣзными рѣшетками; двѣ желѣзныя двери, одна рѣшетчатая.

3, Кладовая со сводомъ, въ ней два окна съ желѣзными рѣшетками; двѣ двери, одна желѣзная, другая деревянная. Въ выходъ каменная лѣстница о 9 ступеняхъ.

Нижній этажъ.

Въ немъ помѣщенія.

1, Сѣни. Въ онаыя снаружи крыльцо изъ бѣлаго камня о 5 ступенькахъ съ площадкою; двери дубовыя створчатыя, на желѣзныхъ петляхъ съ мѣднымъ замкомъ. Два окна съ двойными дубовыми рамами; полъ лещадный; двѣ печи простыя съ топкою, бѣленныя, третья духовая; потолокъ накатный; стѣны и потолокъ оштукатурены и расписаны. Восемь колоннъ каменныхъ оштукатуренныхъ.

2, Комната. Въ онаю двѣ двери, филичатыя двойныя; четыре окошка съ двойными дубовыми рамами; полъ простой дощатый, выкрашенный; потолокъ накатный; стѣны и потолокъ оштукатурены. Печь одна голландская съ топкою.

3, Комната. Въ нее дверь створчатая; два окна съ двойными рамами; перегородка деревянная, оштукатурена; полъ дощатый, потолокъ накатный; стѣны и потолокъ оштукатурены; за перегородкою два чуланчика.

4, Комната. Въ нее дверь створчатая; два окошка съ двойными рамами; полъ простой крашенный; потолокъ накатный; стѣны и потолокъ оштукатурены; перегородка дощатая, бѣленая; печь изразцовая, бѣленая.

5, Коридоръ. Въ немъ двѣнадцать оконъ съ одинакими рамами, полъ высланъ кирпичемъ.

6, Кладовая со сводомъ. Въ нее дверь желѣзная, створчатая, полъ высланъ кирпичемъ; два окна съ желѣзными ставнями.

7, Комната. Въ нее дверь простая створчатая; полъ дощатый крашеный; потолокъ накатный; перегородка деревянная; пять оконъ съ двойными рамами; печь голландская изразцовая, духовая; стѣны и потолокъ оштукатурены. Дверь простая въ выходѣ въ сѣнцы. Направо дверь въ чуланчикъ. Изъ сѣнцевъ дверь на каменное крылечко.

8, Комната. Въ оную дверь простая одинокая; лежанка кирпичная, бѣленая; одно окошко съ двойными рамами; полъ простой дощатый; потолокъ накатный; стѣны и потолокъ оштукатурены.

Бельэтажъ (второй этажъ).

Въ немъ помѣщенія.

1, Сѣни. Въ нихъ лѣстница деревянная дубовая, о 24 ступеняхъ, съ точеными крашеными балясами по сторонамъ; двѣ двери: однѣ въ чуланъ, стеклянные, другія створчатыя, филенчатыя, подъ лакомъ; два окна съ одинакими рамами; полъ дощатый; потолокъ накатный; стѣны и потолокъ оштукатурены.

2, Комната официантская. Въ ней полъ простой, крашеный; потолокъ накатный; стѣны и потолокъ оштукатурены и расписаны; два окна съ двойными дубовыми рамами; дверь створчатая, филенчатая.

3, Комната Гостиная. Въ ней полъ паркетный изъ разнаго дуба; потолокъ накатный; стѣны и потолокъ оштукатурены и расписаны; семь оконъ съ двойными дубовыми рамами; двери въ другую гостиную створчатыя, филенчатыя, подъ лакомъ.

4, Комната, средняя Гостиная. Въ ней полъ паркетный изъ разнаго дуба; потолокъ накатный; стѣны и потолокъ оштукатурены и расписаны; два окна съ двойными дубовыми рамами; двери на балконъ створчатыя, съ двойными рамами о 8-ми стеклахъ; другая дверь въ наугольную гостиную створчатая, подъ лакомъ.

5, Комната Гостиная наугольная. Въ ней потолокъ накатный; стѣны и потолокъ оштукатурены и расписаны; полъ паркетный изъ разнаго дуба; четыре окна съ двойными дубовыми рамами; каминъ, сдѣланный подъ мраморъ; дверь въ спальню створчатая, филенчатая, подъ лакомъ.

6, Комната Спальная. Въ ней полъ досчатый выкрашенный; потолокъ накатный, оштукатуренъ, съ карнизомъ; печь голландская изъ красныхъ изразцовъ; два окна съ двойными дубовыми рамами; двери въ Боскетную створчатыя, филенчатыя; съ одной стороны подъ лакомъ, а съ другой расписаны; еще въ чуланчикахъ три двери, изъ нихъ однѣ стеклянные.

7, Комната Боскетная. Въ ней полъ простой выкрашенный; потолокъ накатный; печь изразцовая расписная; два окна съ двойными дубовыми рамами; дверь въ дѣвичью простая.

8, Комната передъ Спальнею. Въ ней дощатая перегородка; полъ простой крашенный; потолокъ накатный: каминъ изразчатый, съ двумя створчатыми мѣдными дверцами; стѣны и потолокъ оштукатурены.

9, Комната маленькая Кофешенская. Въ оную дверь одинокая, филенчатая; окно съ одною дубовою рамою; изъ оной комнаты дверь на парадную лѣстницу.

10, Чуланъ.

Снаружи Бельэтажа Балконъ. Въ немъ полъ высланъ листовымъ желѣзомъ; рѣшетки желѣзныя.

Верхній этажъ.

Въ немъ помѣщенія.

1, Комната. Въ ней дверь створчатая, филенчатая; два окна съ двойными рамами; полъ дощатый крашенный; стѣны и потолокъ оштукатурены и выкрашены.

2, Комната. Въ ней дверь одинокая бѣлая; полъ дощатый простой; потолокъ накатный; стѣны и потолокъ оштукатурены. Окно одно.

3, Комната. Въ ней двой двери створчатая, филенчатая; полъ простой дощатый; потолокъ накатный; стѣны и потолокъ оштукатурены; два окна, одно италіянское, а другое простое, съ двойными рамами; каминъ изъ синихъ изразцовъ писанныхъ, съ створчатыми желѣзными дверцами.

4, Лѣстница деревянная, о 24 ступеняхъ, съ точеными балясами въ среднемъ этажѣ; дверь филенчатая, створчатая; полъ дощатый; потолокъ накатный, который оштукатуренъ.

5, Комната. Въ ней полъ простой дощатый; потолокъ накатный; стѣны и потолокъ оштукатурены; печь голландская изъ синихъ писанныхъ изразцовъ; два окна съ двойными рамами.

6, Комната. Въ ней полъ простой дощатый; потолокъ накатный; стѣны и потолокъ оштукатурены; печь голландская изъ синихъ писанныхъ изразцовъ; два окна съ двойными рамами.

7, Комната. Въ ней полъ простой дощатый; потолокъ накатный; стѣны и потолокъ оштукатурены; печь изразчатая; два окна съ двойными рамами.

8, Комната. Въ ней полъ дощатый; потолокъ накатный; стѣны и потолокъ оштукатурены; каминъ изразчатый подъ мраморъ; два окна съ двойными рамами; двой двери на балконъ со стеклами.

9, Комната. Въ ней дверь филенчатая, створчатая; полъ дощатый простой; потолокъ накатный; стѣны и потолокъ оштукатурены и расписаны; двѣ печи голландскія; три окна съ двойными рамами.

10, Комната. Въ ней двои двери филенчатая, створчатая; полъ простой дощатый; потолокъ накатный; стѣны и потолокъ оштукатурены и расписаны; каминъ въ стѣнѣ духовой изразчатый, оштукатуренъ подъ мраморъ; два окна съ двойными рамами; двои двери на балконъ.

11, Комната. Въ ней перегородка деревянная оштукатурена и расписана; дверь въ коридоръ лаковая; другая дверь простая; два окна съ двойными дубовыми рамами; полъ дощатый; потолокъ накатный; стѣны и потолокъ оштукатурены.

12, Коридоръ. Въ немъ двѣ двери; печь голландская изразчатая; полъ дощатый; потолокъ накатный; стѣны и потолокъ оштукатурены.

Въ верхнемъ этажѣ по обѣимъ сторонамъ дома два балкона съ желѣзными рѣшетками.

Надъ онымъ корпусомъ бревенчатая стропила, обрѣшетены подъ желѣзо.

На крышу пошло листового желѣза аршиннаго 2100 листовъ.

Второй корпусъ каменный двухэтажный, выстроенный для кухни; крытъ желѣзомъ, мѣрою въ длину 5 сажень 2 аршина, поперекъ 5 сажень 2 аршина, со сводомъ внизу.

Въ нижнемъ этажѣ.

1, Кухня; со сводомъ, въ ней дверь простая одинокая; полъ каменный изъ бѣлой лещади; очагъ большой во всю стѣну изъ синихъ писанныхъ изразцовъ, съ чугунными плитами, конфорками, печами и со всеми принадлежностями; пять оконъ съ двойными рамами.

2 { Два покоя. Въ нихъ полъ выстланъ кирпичемъ; три окна съ двойными
3 { рамами; двое дверей простыхъ; печь для топки кухни и очаговъ; одинъ
чугунный котель вмазанъ въ печь.

Въ верхнемъ этажѣ.

Шесть покоевъ, раздѣлены дощатыми перегородками; въ нихъ семь дверей одинокихъ простыхъ; полъ простой дощатый; стѣны и карнизъ оштукатурены; потолокъ накатный бревенчатый; печь русская, простая, бѣлая; другая печь голландская изразцовая, изъ красныхъ изразцовъ; оконъ 8-мъ простыхъ и одно италіянское, съ двойными рамами.

На ономъ дворѣ двои воротъ каменныхъ, съ четырьмя по сторонамъ калитками. Въ нихъ дубовыя створчатая крашенныя двои двери на желѣзныхъ крюкахъ, съ желѣзными задвижками.

Земли подъ онымъ дворомъ состоитъ, длиннику по улицѣ Арбатской $37\frac{1}{2}$ сажень, поперечнику, взойдя на дворъ съ правой стороны, съ переломами $27\frac{1}{2}$ сажень, съ лѣвой стороны 28 сажень, длиннику въ заднемъ концѣ, съ переломами, $16\frac{1}{3}$ сажень, всего квадратныхъ сажень 486.

А въ межахъ оный домъ состоитъ, идучи въ него, по правую сторону

домъ Московской купеческой жены Тоновой, по лѣвую сторону домъ Статской Совѣтницы Кошелевой, спереди двора Арбатская большая улица, а позади двора домъ Тайнаго Совѣтника Вигеля и Московскаго купца Барышова.

Оный домъ со всѣмъ при немъ строеніемъ и землею оцѣненъ въ 60358 рублей.

Свидѣтельство, 15 февраля 1813 года.

Дано сіе отъ меня отставному Оберъ-Прокурору, князю Василию Алексѣевичу Хованскому, въ томъ, что состоящій въ Пречистенской части, въ приходѣ Николая чудотворца что въ Плотникахъ, во 2 кварталѣ, подъ № 107, каменный домъ, во время нашествія непріятели въ Москву, прошлаго 1812 года, Сентября съ 4-го на 5-е число, имъ сожженъ со всѣмъ надворнымъ строеніемъ и всѣмъ имуществомъ; оставшіяся же капитальныя стѣны во многихъ мѣстахъ растрескались, такъ что и впредь къ житію неспособенъ. Во увѣреніе чего, за подписаніемъ моимъ и съ приложеніемъ казенной печати, и свидѣтельствомъ, Февраля 15 дня 1813 года, Московскій Оберъ - Полиціймейстеръ Генераль - майоръ Ивашкинъ.

Донесеніе присяжныхъ цѣновщиковъ въ Думу, 17 февраля 1813 года.

По опредѣленію оной Думы командированы мы были къ оцѣнкѣ оставшихся матеріаловъ отъ сгорѣвшаго дома отставнаго оберъ-прокурора, князя Василия Алексѣевича Хованскаго, состоящаго въ Пречистенской части 2 квартала, подъ № 107, который домъ и съ землею нами, при архитекторскомъ помощникѣ Ивановѣ, оцѣненъ въ 16089 рублей, и подлинную опись съ оцѣнкою онаго дома матеріала, за общимъ нашимъ подписаніемъ, присемъ представляемъ. Цѣновщики, Московскіе купцы: Гаврило Кузнецовъ. Илья Павловъ, Матвѣй Касенковъ.

Копія съ опредѣленія Московской Городской Думы, 2 марта 1814 года.

Московская Городская Шестигласная Дума, слушавъ рапортъ Серпуховской части гласнаго Ивана Хлѣбникова, смотрителя Якова Бронзова и старосты Павла Яковлева, при коемъ представляя учиненную ими о неплательщикахъ за прошлые 1811 и 1812 годы акцизныхъ денегъ вѣдомость, доносятъ, что по общему

ихъ изслѣдованію показанные въ вѣдомости неплательщики къ платежу взыскиваемыхъ денегъ оказались неподлежащими; въ представленной же вѣдомости значить: о крестьянинѣ Терентіи Семеновѣ, торговавшемъ въ харчевнѣ № 1, съ коей слѣдовало взыскать 350 рублей, что у него, по показанію той части, на оную сумму полиціею описано было имѣніе, но во время нашествія непріятели разграблено и сожжено, а самого жъ въ жительство въ Москвѣ не оказалось, равно и о купцѣ Иванѣ Крыловѣ, имѣвшемъ при таковой же харчевнѣ трехъ крестьянъ, работниковъ, что продажа въ харчевнѣ имъ производилась внутри самага герберга, а потому и взысканію денегъ не подлежитъ, въ чемъ удостоверяетъ подписомъ подъ вѣдомостію Квартальный Поручикъ Балашовъ. А по справкѣ въ Думѣ оказалось, что взысканіе съ показанныхъ въ недоимочной вѣдомости неплательщиковъ акцизныхъ за прошлые годы денегъ производится по рапортамъ, поданнымъ въ прошломъ 1811 году гласнымъ Григорьевымъ и старостою Степаномъ Михайловымъ, изъ коихъ Григорьевъ, представляя о гербергахъ по Серпуховской части вѣдомость, обозначилъ при купцѣ Крыловѣ въ харчевнѣ трехъ работниковъ безъ надлежащихъ значковъ, о взысканіи съ коего за работниковъ денегъ, всего 9 рублей, и было сообщено въ Московскую Управу Благочинія того же года, на что отвѣтствія никакого не получено; а староста Михайловъ показалъ, что въ вѣдомствѣ его, въ домѣ купца Крылова, въ содержимомъ купцомъ Колесниковымъ гербергѣ, производитъ отъ него торгъ съѣстными припасами крестьянинъ Терентій Семеновъ безъ платежа акциза, почему Дума, о взысканіи съ него денегъ, всего 350 рублей, въ томъ же году сообщила въ Московскую Управу Благочинія, на что 15 Марта 1812 года получила отъ Управы свѣдѣніе, объясняющее, что онъ, Семеновъ, въ помянутомъ съѣстномъ трактирѣ находится работникомъ, а хозяинъ онаго купецъ Андрей Крыловъ, который деньги и обязанъ заплатить; Дума, предполагая, что сей отзывъ клонится къ отбывательству отъ платежа денегъ, не смотря на то, снова о взысканіи сихъ денегъ сообщила въ Управу того же 1812 года Апрѣля 9 дня, съ требованіемъ, дабы въ случаѣ неплатежа описать на взыскиваемую сумму товара или имущества и отдать въ казенный присмотръ, и на послѣдокъ о томъ же Думою сообщено было въ Управу въ 1813 году 27 Юня, но за всѣмъ тѣмъ оныхъ денегъ не взыскано и увѣдомленія никакого доставлено не было, почему Городская Дума того же 1813 года Октября 5 дня разсуждая, что отъ нашествія непріятельскаго въ Москвѣ многія части города, а въ нихъ ряды и лавки, совсѣмъ сгорѣли, и торговцы разошлись по разнымъ мѣстамъ, и быть можетъ, что уже многихъ и совсѣмъ въ Москвѣ не находится, или нѣкоторые уже и померли, а потому Дума, судя по непоступленію оныхъ недоимочныхъ денегъ, при всѣхъ ею предпринятыхъ мѣрахъ и стараніяхъ, усматриваетъ, что водворяется одна только затруднительная переписка, то съ одной стороны желая

имѣть объ оной подробныя свѣдѣнія, а съ другой предотвратить затруднительную и бесполезную переписку и узнать, всѣ ли значущіея неплательщики состоятъ на лицо, Дума, на основаніи имяннаго указа 1802 года Февраля 12 дня, взысканіе таковыхъ недоимочныхъ денегъ по всѣмъ частямъ Москвы возложила на старостъ, выдавъ и каждому по своей Части съ недоимочныхъ вѣдомостей за скрѣпою копіи, а на записку денегъ имянныя, за шнуромъ и надлежащимъ подписомъ, тетради, строжайше предписавъ, дабы они сей сборъ денегъ привели къ окончанію въ теченіи полутора мѣсяца, и по окончаніи того срока тѣ вѣдомости представлять въ Думу съ отмѣтками, въ случаѣ невзысканія, почему не взысканы оныя деньги или почему не слѣдуютъ ко взысканію; въ этомъ смыслѣ и выданы были указы по Серпуховской части 1813 года Октября 20 числа гласному Хлѣбникову, смотрителю Бронзову и старостѣ Павлу Яковлеву, въ то же время сообщивъ въ Управу Благочинія объ оказаніи имъ всякаго вспомошествованія по ихъ требованію. Приказали: Какъ изъ представленной отъ гласнаго Хлѣбникова, смотрителя Бронзова и старосты Павла Яковлева вѣдомости, засвидѣтельствованной полиціею, оказалось, что съ крестьянина Терентія Семенова и купца Крылова и за трехъ работниковъ акцизныхъ денегъ взыскивать не слѣдуетъ, потому что торговля производилась ими внутри самихъ герберговъ, притомъ ихъ и въ жительство въ Москвѣ не оказалось, и для того, на основаніи указа 12 Февраля 1802 года, оное взысканіе прекратить и въ вѣдомости учинить отмѣтку, и дѣло сіе почислить рѣшеннымъ.

Копія съ дѣла о пошлинѣ на чай въ 1812 году.

Предложеніе Московской Городской Думѣ отъ градскаго головы, коммерціи совѣтника Алексѣя Алексѣевича Куманина, 1 марта 1812 года.

Московское Губернское Правленіе, отъ 29 Февраля сего года указомъ, а мною полученнымъ Марта 1 дня, изъясняя, что оное Губернское Правленіе, имѣя разсужденіе: какъ высочайшимъ Его Императорскаго Величества Манифестомъ 11 Февраля сего года повелѣно, пунктами 1-мъ, 2-мъ, 3-мъ, 4-мъ и 5-мъ, Градскимъ Думаемъ съ Магистратами въ теченіи 2-хъ недѣль описать наличное количество чаю, на продажу опредѣленное, въ лавкахъ, анбарахъ и домахъ у торгующихъ симъ товаромъ купцовъ; и приложить къ ящикамъ печати Градскихъ Думъ или Магистратовъ для собранія съ онаго товара подлежащей пошлины; почему Губернское Правленіе приказали: для выполненія во всей точно-

сти въ теченіи двухъ недѣль непремѣнно повелѣннаго въ означенныхъ пунктахъ высочайшаго Манифеста откомандировать изъ всѣхъ Департаментовъ по два ратмана, о чемъ въ оныя послать указы, велѣть ратманамъ объявить, чтобъ они для порученія сего дѣла явились ко мнѣ, я же чтобъ тотчасъ, раскомандируя ихъ по своему разсмотрѣнію въ разныя мѣста, назначилъ бы къ оному какъ изъ членовъ Думы, такъ и Дома Градскаго Общества. Во исполненіе чего Московской Городской Думѣ предлагаю для описи и запечатанія на продажу опредѣленнаго въ здѣшней Столицѣ чая, находящагося въ лавкахъ, анбарахъ и домахъ у торгующихъ симъ товаромъ, нынѣ же откомандировать такимъ образомъ: по Городской части, въ Гостиный Дворъ и прочіе дома и мѣста изъ Магистрата одного члена и Дома Градскаго Общества одного помощника Старосты; въ два Овощные ряда изъ Магистрата одного члена и одного гласнаго Думы; въ Яблочный, Сурожскій и прочіе ряды, гдѣ есть въ складкѣ и продажѣ чай, изъ Магистрата одного члена и одного гласнаго изъ Думы; въ Тверскую и Мясницкую части, изъ Магистрата одного члена и Дома Градскаго Общества одного Старосты помощника; въ Пречистенскую, Арбатскую и Срѣтенскую части, изъ Магистрата одного члена и одного гласнаго изъ Думы; въ Яузскую, Пятницкую и Якиманскую части, изъ Магистрата одного члена и одного гласнаго изъ Думы; въ Хамовническую, Новинскую, Прѣсенскую, Сушевскую, Мѣщанскую и Покровскую части, изъ Магистрата одного члена и одного гласнаго изъ Думы; въ Лафертовскую, Басманную, Рогожскую, Таганскую и Серпуховскую части, изъ Магистрата одного члена и одного гласнаго изъ Думы, съ тѣмъ чтобы всѣ сіи члены, отправясь въ назначенныя имъ мѣста, повелѣнную опись и запечатаніе чая произвели непремѣнно въ назначенный срокъ, отбирая нужныя объ ономъ свѣдѣнія отъ рядскихъ, рыночныхъ и частныхъ старостъ, начиная такъ: въ лавкѣ, анбарѣ или въ домѣ, описавъ количество чая при хозяинѣ cadaго, при офицерѣ полицейскомъ, гдѣ оныя отряжены будутъ, требовать отъ хозяевъ ихъ подписки, что онъ болѣе описаннаго ими количества чаю не имѣетъ здѣсь въ Москвѣ, такожъ и въ дорогѣ въ провозѣ нигдѣ у него не находится, или еще гдѣ есть онаго, потомъ подписать и самимъ подъ оною описью, такожъ представлять и отряженному отъ полиціи офицеру, и запечатавъ весь чай, въ какомъ бы объемѣ онъ ни находился, слѣдовать для того и далѣе, наблюдая во всемъ вѣрность и исправность по точной силѣ вышеизображеннаго Высочайшаго Манифеста. Посему и имѣетъ оная Дума, объ отряженіи къ нимъ, командирующимся, со стороны полиціи чиновниковъ, отнестись съ требованіемъ къ Г. Московскому Оберъ-Полиціймейстеру и въ Управу Благочинія; а чтобъ и Старосты, по рядамъ, рынкамъ и частямъ избранные, требованія ихъ выполняли въ точности, нынѣ же призвавъ ихъ въ Думу, объявить имъ о томъ съ подписками.

Объявленіе въ Московскую Думу отъ нѣжинскаго грека Ѳедора Дмитриева
Моцовитова, 13 марта 1812 года.

Я получилъ изъ Кяхты 154 ящика разныхъ чаевъ, то и прошу оную Думу, дабы оныя благоволила приказать освидѣтельствовать, переписать и заклеить, въ чемъ и подписуюсь. Къ сему объявленію Нѣжинскій грекъ Ѳедоръ Дмитриевъ руку приложилъ. Означенный же чай находится въ собственномъ моемъ домѣ Мясницкой части 2-го квартала, подъ № 114-мъ.

Вѣдомость, учиненная въ Московской Градской Думѣ изъ описей, представленныхъ отъ членовъ Магистрата, командированныхъ послѣ Манифеста 11 Февраля 1812 года, объ оказавшемся здѣсь въ Москвѣ чаѣ разнаго рода, 16 апрѣля 1812 года.

Въ Городской части.

Въ Гостиномъ Дворѣ 359248 фунтовъ, сверхъ сего подмоченнаго 240 фунтовъ.

Въ двухъ Овощныхъ рядахъ 39600 фунтовъ, сверхъ того подмоченнаго и къ употребленію негоднаго 128 фунтовъ.

Въ Яблочномъ, Сурожскомъ и прочихъ рядахъ 50300 фунтовъ.

Въ Тверской части 292235 фунтовъ; сверхъ сего подмоченнаго, гнилага и къ употребленію негоднаго 5200 фунтовъ.

Въ Мясницкой части 10850 фунтовъ.

Въ Пречистенской части 412 фунтовъ.

Въ Арбатской части 106¹/₄ фунтовъ.

Въ Срѣтенской части 607 фунтовъ.

Въ Яузской части 133 фунта.

Въ Пятницкой части 13356 фунтовъ.

Въ Якиманской части 44826 фунтовъ.

Въ Хамовнической части 118 фунтовъ.

Въ Новинской части 55 фунтовъ.

Въ Прѣсененской части 756 фунтовъ.

Въ Суцевской части 73 фунта.

Въ Мѣщанской части 62 фунта.

Въ Покровской части 52 фунта.

Въ Лафертовской части 295 фунтовъ.

Въ Басманной части 315 фунтовъ.

Въ Рогожской части 249 фунтовъ.

Въ Таганской части 2685 фунтовъ.

Въ Серпуховской части 76 фунтовъ.

По особымъ объявленіямъ о пришедшемъ изъ дороги чаѣ:

Въ Городской части:

Въ Гостиномъ дворѣ 104003 фунта.

Въ Овощномъ ряду 312 фунтовъ.

Въ Ножевомъ ряду 35 фунтовъ.

Въ Таганской части 2800 фунтовъ.

Въ Серпуховской части 4900 фунтовъ.

А всего 929422 фунта, да сверхъ того подмоченнаго и неспособнаго къ употребленію 5560 фунтовъ.

Фактура накладная вмѣсто китайскимъ товаромъ, отправленнымъ изъ Кяхты въ Москву къ господину Вологодскому 1-й гильдіи купцу Ивану Алексѣевичу Колесову отъ комиссіонера Николая Колесова съ прикащиками Андреемъ Томининымъ и Александромъ Балбаридинымъ, подъ литерою Ж, 20 января 1812 года.

Чаю.

Квадратнаго:

Титысо 13 мѣсть.

Тинь-хи-чань 12 мѣсть.

Хатынь-хинь 2 мѣста.

Чань Ючинь 22 мѣста.

Цунь-ю-ху 6 мѣсть.

Сынъ-во-ть 43 мѣста.

Юан-вы-пху 1 мѣсто.=Всего 247 пудовъ 20 фунтовъ.

Неквдратнаго: Тян-син-хусь—7 пудовъ 35 фунтовъ.

Ящичнаго: Юнтай-сунь—4 пуда 36 фунтовъ.

Торговаго:

Цунь-шинь—181 пудъ 36 фунтовъ.

Его же — 18 пудовъ 29 фунтовъ.

Гон-сю-юмонь—82 пуда 37 фунтовъ.

Санъ-юги—12 пудовъ 14 фунтовъ.

Тянь-синъ-хуа—58 пудовъ 34 фунта.

Хашинь-хунь—16 пудовъ 2 фунта.

Сун-гулун-еи—5 пудовъ 14 фунтовъ.

Цхун-ший-ты—18 пудовъ 29 фунтовъ.

Сан-юты—8 пудовъ 1 фунтъ.

А всего 1047 пудовъ 35 фунтовъ.

На подлинной фактурѣ подписано: за провозъ вышеписаннаго товара дано денегъ 1000 рублей. Вологодскій купецъ Николай Колесовъ.

Опредѣленіе Московской Думы, 27 января 1813 года.

Дума, слушавъ указъ Московской Казенной Палаты отъ 9 числа сего Января, коимъ предписано о скорѣйшемъ доставленіи въ оную Палату поступившихъ въ сію Думу въ минувшемъ 1812 году за чай, который составляетъ менѣе 5000 фунтовъ, пошлинныхъ въ казну съ пенными денегъ, и объ увѣдомленіи оную Палату, когда московскіе купцы, Андрей Корзинкинъ и Иванъ Лобковъ, доставятъ въ Москву чай. А по справкѣ въ оной Думѣ съ дѣломъ значить, что истекшаго 1812 года Августа 21 числа кассиръ Думы Алексѣевъ и бухгалтеръ Бетхеръ представили въ Думу учиненную ими о собранныхъ за описанный и опечатанный чай пошлинныхъ деньгахъ, по 1-е число Іюля того 1812 года, всего на 81376 рублей 10 копѣекъ, имянную вѣдомость, а къ тому и еще послѣ срока, уже въ Іюлѣ мѣсяцѣ, собрано съ пенными за невзносъ въ срокъ 3850 рублей 79¹/₂ копѣекъ; почему и слѣдовало всѣ оныя деньги съ вѣдомостію препроводить въ Московскую Казенную Палату, но по скорости послѣ того времени нашествія непріятели, исполненія онаго не было, находившіяся же всѣ въ наличности оной Думы деньги, въ томъ числѣ и пенныя за чай, для храненія отосланы въ оную Казенную Палату. Приказали: Какъ собранныя за чай пошлинныя деньги вмѣстѣ съ другими находятся въ оной Палатѣ, изъ которой еще оныя не присланы, и какъ для помѣщенія Дума приготовляетъ надлежащее мѣсто, то какъ скоро оное приготовлено будетъ, и деньги въ Думу поступятъ, то объ отсылкѣ денегъ въ Казенную Палату учинить особый протоколъ, а между тѣмъ поручить бухгалтеру Бетхеру съ кассиромъ о собранныхъ въ Іюлѣ мѣсяцѣ представили бы въ Думу вѣдомость, а въ Московскую Управу Благочинія сообщить, дабы благоволила, какъ скоро московскихъ купцовъ, Андрея Корзинкина и Ивана Лобкова, изъ дороги чай въ Москву прибудетъ, Думу немедленно увѣдомить, о чемъ съ прописаніемъ справки Московской Казенной Палатѣ репортовать.

Опредѣленіе Московской Думы, 28 мая 1813 года.

Московской Думѣ докладывано: по указу Московскаго Губернскаго Правленія, коимъ сей Думѣ предписано, взыскавъ по правиламъ, въ высочайшемъ отъ 11 Февраля 1812 года Манифестъ изображеннымъ, въ назначенные сроки за слѣдующій сюда чай съ московскихъ 1-й гильдіи купцовъ, Андрея Корзинкина и Ивана Лобкова, 15692 фунта, пошлинныя деньги 18830 рублей 40 копѣекъ доставить въ Московскую Казенную Палату, а объ оказаніи со стороны полиціи при

исполненіи сего оной Думѣ въ нужномъ случаѣ всякаго вспомошествованія, отъ онаго Губернскаго Правленія Управѣ Благочинія предписано; но оныхъ денегъ понинѣ въ Думу еще не представлено, и увѣдомленія отъ Управы Благочинія никакого не послѣдовало, и для того Приказали: въ Московскую Управу Благочинія сообщить съ тѣмъ, чтобъ благоволила съ означенныхъ купцовъ, Корзинкина и Лобкова, за показанный чай пошлинные деньги, 18830 рублей 40 копѣекъ, взыскавъ непременно, въ скорости доставить въ сію Думу.

Опредѣленіе Московской Думы, 30 мая 1813 года.

Московская Городская Дума, имѣя разсужденіе, что на многихъ здѣшнихъ купцахъ, мѣщанахъ и крестьянахъ числится въ недоимкѣ слѣдующихъ по высочайшему Манифесту, въ 11 день Февраля прошлаго 1812 года состоявшемуся, за описной у нихъ чай пошлинныхъ денегъ болѣе милліона рублей; а по справкѣ оказалось, что о взысканіи оныхъ денегъ, съ кого слѣдуетъ, сообщено было въ Московскую Управу Благочинія минувшаго 1812 года Апрѣля 3 числа, и Мая 16 числа, и сего года Апрѣля 9 числа, и къ Г. Московскому Оберъ - Полиціймейстеру сего года Мая 16 дня, но оныхъ съ самаго начала открытія Думы, послѣ выхода изъ Москвы непріятелей, ни отъ кого ничего и по сіе время внесено не было; Приказали: Съ приложеніемъ именной вѣдомости всѣмъ тѣмъ торговцамъ, которые не заплатили слѣдующихъ съ нихъ за чай пошлинныхъ денегъ, въ Московскую Управу Благочинія сообщить съ тѣмъ, чтобъ благоволила всю числящуюся на нихъ недоимку, сколько съ кого слѣдуетъ, взыскать непременно въ скорости и доставить въ Думу, равно просить отношеніемъ и Г. Московскаго Оберъ-Полиціймейстера, чтобъ благоволилъ о взысканіи оныхъ денегъ учинить, кому слѣдуетъ, начальническое отъ себя предписаніе.

Имянная вѣдомость о состоящей на купцахъ, мѣщанахъ и крестьянахъ недоимкѣ за отписной, по силѣ Высочайшаго 11 Февраля 1812 года Манифеста, чай пошлинныхъ денегъ, съ показаніемъ, сколько съ кого слѣдуетъ взыскать и за сколько фунтовъ.

По Городской части.

У моск. купца Афанасія Кукина 16760 фунт., на 20112 руб.; недоимка 20112 рублей.

У моск. купца Ивана Ливенцова 14530 фунт., на 17436 руб., недоимка 17436 рублей.

У моск. купцовъ Дмитрія и Петра Боткиныхъ 18460 фунтовъ, на 22152 рубль, недоимка 22152 рубль.

У московскаго купца Алексѣя Перлова 4590 фунтовъ, на 55908 рублей, недоимка 5508 рублей.

У московскаго купца Ивана Лобкова чаю 4920 фунтовъ, на 5904 рубля, недоимка 2952 рубля.

У московскаго купца Андрея Корзинкина чаю 33193 фунта, на 39831 рубль 60 коп., недоимка 39831 рубль 60 коп.

У московскихъ купцовъ Николая и Петра Агѣевыхъ 65160 фунтовъ, на 78192 рубля, недоимка 78192 рубля.

У московскаго купца Петра Хлѣбникова чаю 9260 фунтовъ, на 11112 рублей, недоимка 5556 рублей.

У московскаго купца Ивана Дмитриева Красноглазова 11100 фунтовъ чаю, на 13320 рублей, недоимка 13320 рублей.

У сына его Петра Красноглазова 19650 фунтовъ, на 23580 рублей, недоимка 23580 рублей.

У московскаго купца Василия Лобкова 31235 фунтовъ, на 37482 рубля, недоимка 37482 рубля.

У московскаго купца Степана Трофимова 3050 фунтовъ, на 3660 рублей, недоимка 3660 рублей.

У московскаго купца Дмитрія Костромина 1960 фунтовъ, на 2352 рубля, недоимка 1176 рублей.

У московскаго купца Ивана Живова 41030 фунтовъ, на 49236 рублей, недоимка 49236 рублей.

У московскаго купца Матвѣя Ванченкова 480 фунтовъ, на 576 рублей, недоимка 288 рублей.

У московскихъ купцовъ Григорія и Василия Капустиныхъ и Василия Ефимова 15290 фунтовъ, на 18348 рублей, недоимка 9174 рубля.

У московскаго купца Ивана Лобкова 19320 фунтовъ, на 23184 рубля, недоимка 23184 рубля.

У вологодскаго купца Ивана Алексѣева Колесова 46380 фунтовъ, на 55896 рублей, недоимка 55896 рублей.

У верхоломовскаго купца Григорія Точнева 2000 фунтовъ, на 2760 рублей, недоимка 1380 рублей.

У московскаго купца Ѳедора Третьякова 415 фунтовъ, на 498 рублей, недоимка 498 рублей.

У московскаго купца Ивана Вардунова 133 фунта, на 159 рублей 60 копѣекъ, недоимка 159 рублей 60 копѣекъ.

У купца Астахова 54 фунта, на 64 рубля 80 копѣекъ, недоимка 64 рубля 80 копѣекъ.

У купца Золотарева 198 фунтовъ, на 237 р. 60 к., недоимка 237 р. 60 к.

У московскаго купца Петра Сысоева 236 фунтовъ, на 283 рубля 20 копѣекъ, недоимка 141 рубль 60 копѣекъ.

У московскаго купца Николая Кирьякова 170 фунтовъ, на 204 рубля, недоимка 204 рубля.

У купца Алексѣя Иванова 70 фунтовъ, на 84 рубля, недоимка 84 рубля.

У московскаго купца Василя Головина 136 фунтовъ, на 163 рубля 20 копѣекъ, недоимка 163 рубля 20 копѣекъ.

У московскаго купца Ивана Жданова 554 фунта, на 664 рубля 80 копѣекъ, недоимка 332 рубля 40 копѣекъ.

У московскаго купца Евсея Полканова 802 фунта, на 962 рубля 20 копѣекъ, недоимка 481 рубль 20 копѣекъ.

У купца Семена Бородина 143 фунта, на 171 рубль 60 копѣекъ, недоимка 171 рубль 60 копѣекъ.

У московскаго купца Кузьмы Бородина 38 фунтовъ, на 45 рублей 60 копѣекъ, недоимка 45 рублей 60 копѣекъ.

У купца Ильи Сѣдова 74 фунта, на 88 рублей 80 копѣекъ, недоимка 88 р. 80 к.

У московскаго купца Матвѣя Касенкова 471 фунтъ, на 565 рублей 20 коп., недоимка 565 руб. 20 коп.

У купца Якова Воронина 287 фунтовъ, на 344 руб. 40 коп., недоимка 172 рубля 20 коп.

У московскаго купца Евдокима Гурьева 400 фунтовъ, на 487 руб. 20 коп., недоимка 487 руб. 20 коп.

У московскаго мѣщанина Василя Ульянова 63 фунта, на 75 рублей 60 коп., недоимка 75 руб. 60 коп.

У купца Бѣлозорова 130 фунтовъ, на 190 рублей 80 коп., недоимка 180 рублей 80 коп.

У московскаго купца Василя Золотарева 309 фунтовъ, на 370 руб. 80 коп., недоимка 370 руб. 80 коп.

У московскаго купца Ефимова 132 фунта, на 158 руб. 40 коп., недоимка 158 руб. 40 коп.

У тамбовскаго купца Ивана Батманова 103 фунта, на 123 руб. 60 коп., недоимка 123 руб. 60 коп.

У купца Хлѣбникова 188 фунтовъ, на 225 руб. 60 коп., недоимка 225 руб. 60 коп.

У купца Михаила Холина 28 фунтовъ, на 33 руб. 60 коп., недоимка 33 руб. 60 коп.

У московскаго купца Александра Тарасова 225 фунтовъ, на 270 руб., недоимка 270 рублей.

У московскаго купца Василья Прокофьева 1214 фунтовъ, на 1456 руб. 80 коп., недоимка 1456 руб. 80 коп.

У московскаго купца Петра Попова 1627 фунтовъ, на 1952 руб. 40 коп., недоимка 1952 руб. 40 коп.

У московскаго купца Ильи Попова 968 фунтовъ, на 1161 рубль 60 коп., недоимка

У московскаго купца Егора Бочарникова 200 фунтовъ, на 240 рублей, недоимка 240 рублей.

У купца Петра Михайлова 334 фунта, на 460 руб. 80 коп., недоимка 460 руб. 80 коп.

У московскаго купца Матвѣя Сорокина 502 фунта, на 602 руб. 40 коп., недоимка 602 руб. 40 коп.

У московскаго купца Андрея Попова 130 фунтовъ, на 156 руб., недоимка 156 руб.

У московскаго купца Петра Шевелкина 449 фунтовъ, на 538 руб. 80 коп., недоимка 538 руб. 80 коп.

У купца Касенкова 370 фунтовъ, на 444 рубля, недоимка 444 рубля.

У московскаго купца Александра Бѣлзорцова 730 фунтовъ, на 876 рублей, недоимка 876 рублей.

У московскаго купца Кузьмы Карпышева 3048 фунтовъ, на 3657 руб. 60 коп., недоимка 3657 руб. 60 коп.

У московскаго купца Никифора Бастригина 56 фунтовъ, на 67 руб. 20 коп., недоимка 67 руб. 20 коп.

У московскаго купца Ивана Козлова 3285 фунтовъ, на 3942 рубля, недоимка 1971 рубль.

У купца Остапова 198 фунтовъ, на 237 руб. 60 коп., недоимка 237 руб. 60 коп.

У московскаго купца Василия Пантелѣева 135 фунтовъ, на 162 рубля, недоимка 162 рубля.

У купца Сельскаго 304 фунта, на 436 рублей 80 коп., недоимка 218 руб. 40 коп.

У купца Ивана Васильева 91 фунтъ, на 109 руб. 20 коп., недоимка 109 руб. 20 коп.

У московскаго купца Матвѣя Петрова 248 фунтовъ, на 297 руб. 60 коп., недоимка 148 руб. 80 коп.

У московскаго купца Евграфа Заборова 263 фунта, на 315 руб. 60 коп., недоимка 315 руб. 60 коп.

У московскаго купца Андрея Ивановскаго 283 фунта, на 339 руб. 60 коп., недоимка 339 руб. 60 коп.

У московскаго купца Семена Брюшкова 112 фунтовъ, на 134 руб. 40 коп., недоимка 134 руб. 40 коп.

У московскаго купца Константина Муцо 776 фунтовъ, на 924 рубля, недоимка 462 рубля.

У купца Семена Трофимова 126 фунтовъ, на 151 рубль 20 коп., недоимка 151 рубль 20 коп.

У московскаго купца Пантелѣя Первова 178 фунтовъ, на 213 руб. 60 коп., недоимка 213 руб. 60 коп.

У московскаго купца Василия Жданова 151 фунтъ, на 181 рубль 20 коп., недоимка 181 рубль 20 коп.

У московскаго мѣщанина Ивана Сыкольникова 81 фунтъ, на 97 руб. 20 коп., недоимка 97 р. 20 к.

У московскаго купца Петра Брехова 1011 фунтовъ, на 1213 руб. 20 коп., недоимка 1213 руб. 20 коп.

У купческаго сына Александра Арбузова 8 фунтовъ, на 9 руб. 60 коп., недоимка 9 руб. 60 коп.

У московскаго купца Ивана Вагина 75 фунтовъ, на 90 руб., недоимка 90 р.

У московскаго купца Михаила Ендорникова 8 фунтовъ, на 9 руб. 60 коп., недоимка 9 руб. 60 коп.

У купца Василия Рахманова 24 фунта, на 28 р. 80 к., недоимка 28 р. 80 к.

У московскаго купца Ивана Петрова Кирильцова 504 фунта, на 604 руб. 80 коп., недоимка 604 руб. 80 коп.

У московскаго купца Василия Рахманова 112 фунтовъ, на 134 руб. 40 коп., недоимка 134 руб. 40 коп.

У московскаго мѣщанина Алексѣя Рахманова 5 фунтовъ, на 6 рублей, недоимка 6 рублей.

У московскаго купца Егора Адребежанова 50 фунтовъ, на 60 рублей, недоимка 60 рублей.

У московскаго купца Петра Водошникова 120 фунтовъ, на 144 рубля, недоимка 72 рубля.

У московскаго купца Ивана Чечулина 100 фунтовъ, на 120 рублей, недоимка 120 рублей.

У московскаго купца Алексѣя Перлова 911 фунтовъ, на 1093 рубля 20 коп., недоимка 1093 руб. 20 коп.

У мѣщанина П. Овечкина 10 фунтовъ, на 12 рублей, недоимка 12 рублей.

У купца Федора Колобова 43 фунта, на 51 рубль 60 коп., недоимка 51 рубль 60 коп.

У московскаго мѣщанина Андрея Петрова Звѣрева 77 фунтовъ, на 92 руб. 40 коп., недоимка 92 рубля 40 коп.

У купца Ивана Кирильцова, 14 фунтовъ, на 16 рублей 80 коп., недоимка 16 руб. 80 коп.

У московскаго купца Кирилы Бирюкова 112 фунтовъ, на 134 рубля 40 коп., недоимка 134 руб. 40 коп.

У московскаго купца Ивана Колесова 56 фунтовъ, на 67 рублей 20 коп., недоимка 67 руб. 20 коп.

У купца Степана Рахманова 21 фунтъ, на 25 руб. 20 коп., недоимка 25 руб. 20 коп.

У мѣщанина Ивана Ефимова 10 фунтовъ, на 12 руб., недоимка 12 руб.

У мѣщанина Максима Львова 6 фунтовъ, на 7 р. 20 к., недоимка 7 р. 20 к.

У московскаго купца Федора Аверина 310 фунтовъ, на 372 рубля, недоимка 372 рубля.

У московскаго купца Василия Обидина 86 фунтовъ, на 103 рубля 20 коп., недоимка 103 руб. 20 коп.

У московскаго купца Парамона Быкова 134 фунта, на 160 руб. 80 коп., недоимка 160 руб. 80 коп.

У купца Федора Царапкова 12 фунтовъ, на 14 руб. 40 коп., недоимка 14 руб. 40 коп.

У московскаго купца Ивана Ладошина 30 фунтовъ, на 36 руб., недоимка 36 руб.

У московскаго купца Василия Соловьева 41 фунтъ, на 49 руб. 20 коп., недоимка 49 руб. 20 коп.

У мѣщанина М. Федосѣева 30 фунтовъ, на 36 руб., недоимка 36 руб.

У купца Есѣева 106 фунтовъ, на 123 руб. 60 коп., недоимка 123 руб. 60 коп.

У купца Семена Кошевѣрова 80 фунтовъ, на 96 руб., недоимка 96 руб.

У купца Красноглазова 58 фунтовъ, на 69 руб. 60 коп., недоимка 69 руб. 60 коп.

У московскаго купца Ивана Некрасова 230 фунтовъ, на 276 руб., недоимка 276 руб.

У тульскаго купца Ивана Пуговкина 276 фунтовъ, на 320 руб., недоимка 162 руб. 20 коп.

У московскаго купца Василья Ванчекова 30 фунтовъ, на 36 руб., недоимка 36 руб.

У купца Масалова 40 фунтовъ, на 48 руб., недоимка 48 руб.

У московскаго купца Алексея Подковщикова 99 фунтовъ, на 118 руб. 80 коп., недоимка 59 руб. 40 коп.

У московскаго купца Андрея Свѣшникова 99 фунтовъ, на 118 руб. 80 коп., недоимка 59 руб. 40 коп.

У купца Алексея Кукина 10 фунтовъ, на 12 руб., недоимка 12 руб.

У купца Афанасія Кукина 76 фунтовъ, на 91 руб. 20 коп., недоимка 45 руб. 60 коп.

У московскаго купца Николая Рахманова 22 фунта, на 26 руб. 40 коп., недоимка 26 руб. 40 коп.

У московскаго мѣщанина Ѳедора Красникова 84 фунта, на 100 руб. 80 коп., недоимка 100 руб. 80 коп.

У московскаго мѣщанина Петра Лодкина 56 фунтовъ, на 67 руб. 20 коп., недоимка 67 руб. 20 коп.

У московскаго купца Василия Ефимова 337 фунтовъ, на 404 руб. 40 коп., недоимка 404 руб. 40 коп.

У купца Петра Жирнова 133 фунта, на 150 руб. 60 коп., недоимка 159 руб. 60 коп.

У московскаго купца Семена Дмитріева 33 фунта, на 39 руб. 60 коп., недоимка 39 руб. 60 коп.

У московскаго купца Петра Кашеверова 40 фунтовъ, на 48 руб., недоимка 48 руб.

У московскаго купца Григорія Бѣлобородова 46 фунтовъ, на 55 руб. 20 коп., недоимка 55 руб. 20 коп.

У московскаго купца Ивана Третьякова 45 фунтовъ, на 54 руб., недоимка 54 руб.

У купца Конякова 30 фунтовъ, на 36 руб., недоимка 36 руб.

У моск. купцовъ Викулы и Андрея Петровыхъ Шестовыхъ 21260 фунтовъ, на 25372 руб., недоимка 25372 руб.

У московскаго купца Ѳедора Петрова Блохинова 2840 фунтовъ, на 3417 руб. 60 коп., недоимка 1708 руб. 80 коп.

У московскаго купца Дмитрія Колесникова 182 фунта, на 218 руб. 40 коп., недоимка 109 руб. 20 коп.

У московскаго купца Колесникова 235 фунтовъ, на 282 руб., недоимка 141 рубль.

У московскаго купца Гаврилы Кузнецова 256 фунтовъ, на 307 руб. 20 коп., недоимка 153 руб. 60 коп.

У бобровскаго купца Ѳедора Шестова 44 фунта, на 52 руб. 80 коп., недоимка 52 руб. 80 коп.

У крестьянина гр. Шереметева, Калистрата Полубѣшенова, 57 фунтовъ, на 68 руб. 40 коп., недоимка 34 руб. 20 коп.

У московскаго купца Степана Шепырина 329 фунтовъ, на 394 руб. 80 коп., недоимка 197 руб. 40 коп.

У крестьянина гр. Шереметева, Николая Полубѣшенова, 230 фунтовъ, на 283 руб. 20 коп., недоимка 141 руб. 60 коп.

У московскаго купца Ивана Лобкова 396 фунтовъ, на 475 руб. 20 коп., недоимка 237 руб. 60 коп.

У московскаго купца Назара Меркулова 185 фун., на 222 р., недоимка 111 р.

У московскаго 1 - й гильдіи купца Андрея Корзинкина 2918 фунтовъ, на 3501 руб. 60 коп., недоимка 3501 руб. 60 коп.

У московскаго купца Ивана Лобкова 598 фунтовъ, на 717 руб. 60 коп., недоимка 717 руб. 60 коп.

У крестьянина гр. Шереметева, Павла Гусятникова, 148 фунтовъ, на 177 руб. 60 коп., недоимка 88 руб. 80 коп.

У московскаго купца Федора Кучюмина 251 фунтъ, на 301 руб. 20 коп., недоимка 150 руб. 60 коп.

У московскаго купца Федора Сторшина 748 фунтовъ, на 897 руб. 60 коп., недоимка 448 руб. 80 коп.

У московскаго купца Якова Пшеницына 174 фунта, на 208 руб. 80 коп., недоимка 104 руб. 40 коп.

У московскаго купца Александра Лебедева 409 фунтовъ, на 490 руб. 80 коп., недоимка 245 руб. 40 коп.

У московскаго купеческаго сына Максима Лебедева 107 фунтовъ, на 128 руб. 40 коп., недоимка 64 руб. 20 коп.

У московскаго купца Степана Шепырина 173 фунта, на 207 руб. 60 коп., недоимка 103 руб. 80 коп.

У крестьянина гр. Шереметева, Якова Жигарова, 252 фунта, на 302 руб. 40 коп., недоимка 151 руб. 20 коп.

У московскаго купца Василия Обухова 121 фунтъ, на 145 руб. 20 коп., недоимка 145 руб. 20 коп.

У московскаго купца Ивана Огородникова 31 фунтъ, на 37 руб. 20 коп., недоимка 37 руб. 20 коп.

У московскихъ купцовъ Василия и Петра Усачевыхъ 1751 фунтъ, на 2101 руб. 20 коп., недоимка 1050 руб. 60 коп.

У московскаго купца Ивана Лобкова 463 фунта, на 550 руб. 60 коп., недоимка 550 руб. 60 коп.

У московскаго купца Василия Лобкова 468 фунтовъ, на 561 руб. 60 коп., недоимка 561 руб. 60 коп.

У московскаго купца Матвѣя Пшеницына 217 фунтовъ, на 260 руб. 40 коп., недоимка 260 руб. 40 коп.

У московскаго купца Петра Иванова Попова 20 фунтовъ, на 24 руб., недоимка 24 руб.

У московскаго купца Ивана Крутикова 39 фунтовъ, на 46 руб. 80 коп., недоимка 23 руб. 40 коп.

У московскаго мѣщанина Ѳедора Косолапова 38 фунтовъ, на 45 руб. 60 коп., недоимка 22 руб. 80 коп.

У московскаго купца Ивана Живова 2778 фунтовъ, на 3333 руб. 60 коп., недоимка 3333 руб. 60 коп.

У московскаго купца Самойлы Чоблокова 10 фунтовъ, на 12 руб., недоимка 9 руб.

У него же, Чоблокова, 5 фунтовъ, на 6 руб., недоимка 3 руб.

У него же, Чоблокова, 25 фунтовъ, на 30 руб., недоимка 15 руб.

У него же, Чоблокова, 5 фунтовъ, на 6 рублей, недоимка 3 руб.

У московскаго купца Александра Бухарина 8 фунтовъ, на 9 руб. 60 коп., недоимка 9 руб. 60 коп.

У московскаго купца Самойлы Чоблокова 90 фунтовъ, на 108 руб., недоимка 54 руб.

У него же, Чоблокова, 25 фунтовъ, на 30 руб., недоимка 15 руб.

У московскаго мѣщанина Алексѣя Морозова 5 фунтовъ, на 6 руб., недоимка 6 руб.

У крестьянина гр. Шереметева, Ивана Петрова, 25 фунтовъ, на 30 руб., недоимка 30 руб.

У экономическаго крестьянина Степана Бородулина 2 фунта, на 2 руб. 40 коп., недоимка 2 руб. 40 коп.

У крестьянина Ѳедора Яковлева 1 фунтъ, на 1 руб. 20 коп., недоимка 1 руб. 20 коп.

У московскаго мѣщанина Ѳедора Фофанова 206 фунтовъ, на 247 руб. 20 коп., недоимка 123 руб. 60 коп.

У московскаго купца Митрофана Карпова Щеклѣева 203 фунта, на 243 руб. 60 коп., недоимка 121 руб. 80 коп.

У московскаго купца Андрея Кандырина 180 фунтовъ, на 216 руб., недоимка 108 руб.

У московскаго купца Степана Иванова 35 фунтовъ, на 42 руб., недоимка 42 руб.

У него же 43 фунта, на 51 руб. 60 коп., недоимка 25 руб. 80 коп.

У московскаго купца Андрея Сыромятникова 59 фунтовъ, на 70 руб. 80 коп., недоимка 70 руб. 80 коп.

У московскаго купца Ивана Коншина 58 фунтовъ, на 69 руб. 60 коп., недоимка 69 руб. 60 коп.

У московскаго мѣщанина Степана Ботина 38 фунтовъ, на 45 руб. 60 коп., недоимка 45 руб. 60 коп.

У московскаго купца Павла Грушевскаго 21 фунтъ, на 25 руб. 20 коп., недоимка 25 руб. 20 коп.

У московскаго купца Василя Курбатова 170 фунтовъ, на 204 руб., недоимка 102 руб.

У московскаго купца Кузьмы Лентошникова 270 фунтовъ, на 324 руб., недоимка 162 руб.

У московскаго мѣщанина Василя Лентошникова 42 фунта, на 50 руб. 40 коп., недоимка 25 руб. 20 коп.

У московскаго купца Николая Тулупова 92 фунта, на 110 руб. 40 коп., недоимка 55 руб. 20 коп.

У московскаго купца Кузьмы Патрикѣева 136 фунтовъ, на 163 руб. 20 коп., недоимка 81 руб. 60 коп.

У московскаго мѣщанина Якова Лисицына 40 фунтовъ, на 48 руб., недоимка 48 руб.

У московскаго купца Федора Снипова 98 фунтовъ, на 117 руб. 60 коп., недоимка 58 руб. 80 коп.

У московскаго купца Дмитрія Яковлева 32 фунта, на 38 руб. 40 коп., недоимка 38 руб. 40 коп.

У мѣщанина Павла Чернова 15 фунтовъ, на 18 руб., недоимка 18 руб.

У московскаго купца Максима Хилкова 53 фунта, на 63 руб. 60 коп., недоимка 63 руб. 60 коп.

У купца Василя Звѣрева 270 фунтовъ, на 324 руб., недоимка 324 руб.

У московскаго купца Федора Кириллова 253 фунта, на 303 руб. 60 коп., недоимка 303 руб. 60 коп.

У московскаго купца Сергѣя Колесницкаго 25 фунтовъ, на 30 руб., недоимка 30 руб.

У купца Ивана Жданова 20 фунтовъ, на 24 руб., недоимка 24 руб.

У купца Андрея Суханова 55 фунтовъ, на 66 руб., недоимка 66 руб.

У московскаго купца Семена Бабрѣева 98 фунтовъ, на 117 руб. 60 коп., недоимка 117 руб. 60 коп.

У мѣщанина Василя Жадѣева 15 фунтовъ, на 18 руб., недоимка 18 руб.

У купца Степана Гамова 177 фунтовъ, на 212 руб. 40 коп., недоимка 106 руб. 20 коп.

У московскаго купца Михаила Бородина 47 фунтовъ, на 44 руб. 40 коп., недоимка 44 руб. 40 коп.

У московскаго купца Алексѣя Ножевникова 33 фунта, на 39 руб. 60 коп., недоимка 39 руб. 60 коп.

У московскаго купца Фоки Сыромятникова 221 фунтъ, на 265 руб. 20 коп., недоимка 136 руб. 60 коп.

У купческаго сына Николая Коншина 37 фунтовъ, на 44 руб. 40 коп., недоимка 44 руб. 40 коп.

У купеческаго сына Ивана Петелина 63 фунта, на 75 руб. 60 коп., недоимка 37 руб. 80 коп.

У купца Ивана Остапова 145 фунтовъ, на 174 руб., недоимка 174 руб.

У московскаго купца Якова Девятова 268 фунтовъ, на 321 руб. 60 коп., недоимка 160 руб. 80 коп.

У купеческаго сына Николая Петрова 74 фунта, на 88 руб. 80 коп., недоимка 88 руб. 80 коп.

У московскаго купца Гаврилы Дубровина 661 фунтъ, на 793 руб. 20 коп., недоимка 396 руб. 60 коп.

У московскаго купца Данилы Дубровина 1673 фунта, на 2007 руб. 60 коп., недоимка 2007 руб. 60 коп.

У московскаго купца Сергѣя Остапова 742 фунта, на 926 руб. 40 коп., недоимка 926 руб. 40 коп.

У московскаго купца Николая Серикова 31 фунтъ, на 37 руб. 20 коп., недоимка 37 руб. 20 коп.

У экономическаго крестьянина Поликарпа Латышева 242 фунта, на 290 руб. 40 коп., недоимка 290 руб. 40 коп.

У купца Василия Розанова 298 фунтовъ, на 357 руб. 60 коп., недоимка 357 руб. 60 коп.

У купца Николая Назарова 69 фунтовъ, на 82 руб. 80 коп., недоимка 82 руб. 80 коп.

У мѣщанина Ѳедора Соболева 46 фунтовъ, на 55 руб. 20 коп., недоимка 55 руб. 20 коп.

У купца Алексѣя Блинникова 42 фунта, на 50 руб. 40 коп., недоимка 50 руб. 40 коп.

У купца Василия Романова 14 фунтовъ, на 16 руб. 80 коп., недоимка 16 руб. 80 коп.

У мѣщанина Михаила Привалова 13 фунтовъ, на 15 руб. 60 коп., недоимка 15 руб. 60 коп.

У купца Петра Романова 41 фунтъ, на 49 р. 20 к., недоимка 49 р. 20 к.

У купца Дмитрія Андропова 250 фунтовъ, на 300 руб., недоимка 300 руб.

У венеускаго купеческаго сына Ивана Чистякова 9 фунтовъ, на 10 руб. 80 коп., недоимка 10 руб. 80 коп.

У купца Николая Лошкина 8 фунтовъ, на 9 руб. 60 коп., недоимка 9 руб. 60 коп.

У купца Матвѣя Богомолова 8 фунтовъ, на 9 руб. 60 коп., недоимка 9 руб. 60 коп.

У купца Ивана Шарапова, 32 фунта, на 38 руб. 40 коп., недоимка 38 руб. 40 коп.

У сольвычегодскаго купца Степана Пьянкова 2750 фунтовъ, на 3300 руб., недоимка 1650 руб.

Россійской Американской компаніи у помощника Луки Климова 1050 фунтовъ, на 1260 руб., недоимка 1260 руб.

Тверской части.

У крестьянина гр. Шереметева, Василя Коротникова, 60 фунтовъ, на 72 руб., недоимка 36 руб.

У мѣщанина Ефима Тачкина 1 фунтъ, на 1 руб. 20 коп., недоимка 1 руб. 20 коп.

У купца Егора Рукина 3 фунта, на 3 руб. 60 коп., недоимка 3 руб. 60 коп.

У крестьянина Антона Васильева 1 фунтъ, на 1 руб. 20 коп., недоимка 1 руб. 20 коп.

У мѣщанина Филиппа Суботина 4 фунта, на 4 руб. 20 коп., недоимка 4 руб. 20 коп.

У купца Митрофана Срокова 6 фунтовъ, на 7 руб. 20 коп., недоимка 7 руб. 20 коп.

У мѣщанина Алексѣя Ефимова 10 фунтовъ, на 12 руб., недоимка 12 руб.

У московскаго купца Ивана Живаго 6250 фунтовъ, на 7500 руб., недоимка 7500 руб.

У московскаго купца Петра Кожевникова 228540 фунтовъ, на 274248 руб., недоимка 274248 руб.

У крестьянина Никифора Евдокимова 15 фунтовъ, на 18 руб., недоимка 18 руб.

У мѣщанина Якова Двурторскаго 4 фунта, на 4 руб. 80 коп., недоимка 4 руб. 80 коп.

У купца Степана Струкова 15 фунтовъ, на 18 руб., недоимка 18 руб.

У мѣщанина Андрея Яковлева 1 фунтъ, на 1 руб. 20 коп., недоимка 1 руб. 20 коп.

У иностранца Ивана Иванова Копша 1 фунтъ, на 1 руб. 20 коп., недоимка 1 руб. 20 коп.

У крестьянина гр. Шереметева, Тита Евтифѣева, 12 фунтовъ, на 14 руб. 40 коп., недоимка 14 руб. 40 коп.

У мѣщанина Ѳедора Яковлева 2 фунта, на 2 руб. 40 коп., недоимка 2 руб. 40 коп.

У кр. Александра Алексѣева 7 фунтовъ, на 8 р. 40 к., недоимка 8 р. 40 к.

У крестьянина гр. Шереметева, Ѳедора Парфентьева, 110 фунтовъ, на 132 руб., недоимка 132 руб.

У купца Кузьмы Скворцова 1 фунтъ, на 1 руб. 20 коп., недоимка 1 руб. 20 коп.

У крестьянина Владиміра Васильева 10 фунтовъ, на 12 руб., недоимка 12 руб.

У крест. Харлама Захарова 15 фунтовъ, на 18 руб., недоимка 18 руб.

У мѣщ. Ивана Максимова 1 фунтъ, на 1 р. 20 к., недоимка 1 р. 20 к.

У мѣщ. Григорія Иванова 1 фунтъ, на 1 р. 20 к., недоимка 1 р. 20 к.

У купца Степана Потегаета 14 фунтовъ, на 16 р. 80 к., недоимка 16 р. 80 к.

У купца Ѳедора Чистова 4 фунта, на 4 р. 80 к., недоимка 4 р. 80 коп.

У купчихи Лукерьи Петровой 3 фунта, на 3 р. 60 к., недоимка 3 р. 60 к.

У купца Самойлы Чоблокова 20 фунтовъ, на 24 руб., недоимка 24 руб.

У московскаго купца Василя Елистратова 2 фунта, на 2 руб. 40 коп., недоимка 2 руб. 40 коп.

У купца Родіона Шарапова 10 фунтовъ, на 12 руб., недоимка 12 руб.

У купца Кузьмы Тимофѣева 8 фунтовъ, на 9 руб. 60 к., недоимка 9 руб. 60 коп.

У мѣщ. Руфа Макарова 1 фунтъ, на 1 р. 20 к., недоимка 1 р. 20 коп.

У крест. Ефима Максимова 1 фунтъ, на 1 р. 20 к., недоимка 1 р. 20 коп.

У купца Василя Пирогова 1 фунтъ, на 1 р. 20 к., недоимка 1 р. 20 к.

У купца Осипа Лопаткина 1 фунтъ, на 1 р. 20 к., недоимка 1 р. 20 к.

У мѣщ. Ивана Новикова 3 фунта, на 3 р. 60 к., недоимка 3 р. 60 к.

У московскаго купца Іуды Алимпіева Лабзина 7 фунтовъ, на 8 руб. 40 коп., недоимка 8 руб. 40 коп.

У купца Ильи Васильева 2 фунта, на 2 р. 40 к., недоимка 2 р. 40 коп.

У купца Егора Скородумова 25 фунтовъ, на 30 руб., недоимка 30 руб.

У купца Ильи Захарова 8 фунтовъ, на 9 р. 60 к., недоимка 9 руб. 60 коп.

У мѣщ. Кузьмы Виноградова 1 фунтъ, на 1 р. 20 к., недоимка 1 р. 20 к.

У мѣщ. Григорія Матвѣева 1 фунтъ, на 1 р. 20 к., недоимка 1 р. 20 к.

У купца Ивана Максимова 4 фунта, на 4 р. 80 к., недоимка 4 р. 80 к.

У мѣщ. Терентія Гаврилова 1 фунтъ, на 1 р. 20 к., недоимка 1 р. 20 к.

У мѣщ. Степана Васильева 5 фунтовъ, на 6 руб., недоимка 6 руб.

У мѣщ. Ивана Лузина 1 фунтъ, на 1 р. 20 к., недоимка 1 руб. 20 коп.

У московскаго купца Петра Сергѣева Новикова 210 фунтовъ, на 252 руб., недоимка 126 руб.

Срѣтенской части.

У мѣщ. Сидора Кузьмина 1 фунтъ, на 1 р. 20 к., недоимка 1 р. 20 к.

У мѣщ. Дмитрія Степанова 2 фунта, на 2 р. 40 к., недоимка 2 р. 40 к.

У купца Лежнева 7 фунтовъ, на 8 р. 40 к., недоимка 8 р. 40 к.

Арбатской части.

- У мѣщ. Ивана Зайцева полфунта, на 60 коп., недоимка 60 коп.
У мѣщ. Тарасова 3 фунта, на 3 р. 60 к., недоимка 3 р. 60 к.
У купца Федора Невзорова 7 фунтовъ, на 8 р. 40 к., недоимка 8 руб. 40 к.
У мѣщанина Фомина 1 фунтъ, на 1 р. 20 к., недоимка 1 р. 20 к.
У мѣщ. Лебедева 2¹/₂ фунта, на 3 руб., недоимка 3 руб.
У купца Алексѣя Боброва 1 фунтъ, на 1 р. 20 к. недоимка 1 р. 20 к.
У крест. Федора Иванова 6 фунтовъ, на 7 р. 20 к., недоимка 7 р. 20 к.
У крест. Петра Макарова 4 фунта, на 4 р. 80 к., недоимка 4 р. 80 к.
У мѣщ. Михея Кулакова 1 фунтъ, на 1 р. 20 к., недоимка 1 р. 20 к.
У крест. Матвѣя Иванова 3 фунта, на 3 р. 60 к., недоимка 3 р. 60 к.
У московскаго купца Изосима Королева 74 фунта, на 88 руб. 80 коп., недоимка 44 руб. 40 коп.
У купца Королева 143 фунта, на 171 р. 60 к., недоимка 85 р. 80 к.
У крест. Герасима Ларионова 57 фунтовъ, на 68 р. 40 к., недоимка 68 р. 40 к.
У мѣщ. Ивана Максимова 1 фунтъ, на 1 р. 20 к., недоимка 1 р. 20 к.
У крест. Григорія Иванова 31 фунтъ, на 37 р. 20 к., недоимка 37 р. 20 к.
У купца Ив. Прозорова 12 фунтовъ, на 14 р. 40 к., недоимка 14 р. 40 к.

Лефортовской части.

- У купца Андрея Петрова 62 фунта, на 71 р. 40 к., недоимка 37 р. 20 к.
У мѣщ. Ивана Васильева 9 фунтовъ, на 12 руб., недоимка 12 руб.
У мѣщ. Алексѣя Сухарева 1 фунтъ, на 1 р. 20 к., недоимка 1 р. 20 к.

Таганской части.

- У крест. Акима Рябова 52 фунта, на 62 р. 40 к., недоимка 31 р. 20 к.
У московскаго купца Василя Сорокина 2280 фунтовъ, на 2736 руб., недоимка 1368 руб.
У купцовъ Василя Невѣжина и Василя Сорокина 2800 фунтовъ, на 3360 руб., недоимка 1680 руб.

Якиманской части.

- У московскихъ купцовъ Викула и Андрея Шестовыхъ 44533 фунта, на 53439 руб. 60 к., недоимка 53439 руб. 60 коп.
У мѣщ. Ильи Тетерина 994 фунта, на 1192 руб. 80 к., недоимка 596 р. 40 коп.

Серпуховской части.

- У купца Константина Сергѣева 2 фунта, на 2 р. 40 к., недоимка 2 р. 40 к.
- У купца Анфима Савельева 8 фунтовъ, на 9 р. 60 к., недоимка 9 р. 60 к.
- У купца Андрея Колесникова 1 фунтъ, на 1 р. 20 к., недоимка 1 р. 20 к.
- У купца Петра Ѳедорова Шумилова въ г. Томскѣ 4900 фунтовъ, на 5588 рублей, недоимка 2880 руб.

Прѣсененской части.

- У мѣщ. Петра Иванова 1 фунтъ, на 1 р. 20 к., недоимка 1 р. 20 к.
- У мѣщ. Егора Андреева 1 фунтъ, на 1 р. 20 к., недоимка 1 р. 20 к.
- У купца Изосима Королева 113 фунтовъ, на 135 р. 60 к., недоимка 67 р. 80 коп.
- У купца Матвѣя Михайлова 510 фунтовъ, на 612 р., недоимка 306 р.
- У купца Дмитрія Никитина 134 фунта, на 160 р. 80 к., недоимка 80 р. 40 к.

Мясницкой части.

- У мѣщ. Михея Смирнова 7 фунтовъ, на 8 р. 40 к., недоимка 8 р. 40 к.
- У мѣщ. Саввы Кириллова 11 фунтовъ, на 13 р. 20 к., недоимка 13 р. 20 к.
- У мѣщ. Ѳедора Никифорова 7 фунтовъ, на 8 р. 40 к., недоимка 8 р. 40 к.
- У купца Петра Павлова 4 фунта, на 4 р. 80 к., недоимка 4 р. 80 к.
- У купца Николая Верещагина 2 фунта, на 2 р. 40 к., недоимка 2 р. 40 к.
- У мѣщ. Ѳомы Кондратьева 7 фунт., на 8 р. 40 к., недоимка 8 р. 40 к.
- У купца Никифора Исаева 3 фунта, на 3 р. 60 к., недоимка 3 р. 60 к.
- У купца Андрея Алексѣева 1 фунтъ, на 1 р. 20 к., недоимка 1 р. 20 к.
- У мѣщ. Алексѣя Лукьянова 5 фунтовъ, на 6 р., недоимка 6 р.
- У купца Крестьяна Денке 1 фунтъ, на 1 р. 20 к., недоимка 1 р. 20 к.
- У купца Михаила Лежнева 1 фунтъ, на 1 р. 20 к., недоимка 1 р. 20 к.
- У мѣщ. Ивана Шерапова 5 фунтовъ, на 6 р., недоимка 6 р.
- У мѣщ. Гаврилы Филиппова 1 фунтъ, на 1 р. 20 к., недоимка 1 р. 20 к.
- У купца Егора Шарапова 5 фунтовъ, на 6 р., недоимка 6 р.
- У московскаго купца Николая Иванова Филиппова 500 фунтовъ, на 600 руб., недоимка 600 руб.
- У нѣжинскаго грека Федора Моцовитова 9510 фунтовъ, на 11412 руб., недоимка 11412 руб.
- У купца Филиппа Паули 490 фунтовъ, на 588 руб., недоимка 294 руб.
- У московскаго купца Николая Филиппова 812 фунтовъ, на 9744 руб., недоимка 9744 руб.

Пречистенской части.

- У купца Ильи Захарова 10 фунтовъ, на 12 руб., недоимка 12 руб.
У мѣщ. Сергѣя Фролова 1 фунтъ, на 1 р. 20 к., недоимка 1 р. 20 к.

Яузской части.

- У купца Ѳедора Мошкова 7 фунтовъ, на 8 р. 40 к., недоимка 8 р. 40 к.
У мѣщ. Петра Лапина 20 фунтовъ, на 24 руб., недоимка 24 руб.
У мѣщ. Николая Дмитриева 6 фунтовъ, на 7 р. 20 к., недоимка 7 р. 20 к.
У мѣщ. Степана Прокофьева 2 фунта, на 2 р. 40 к., недоимка 2 р. 40 к.

Пятницкой части.

- У купца Авдула Исакова 50 фунт., на 60 р., недоимка 60 руб.
У крест. Ивана Иванова 1 фунтъ, на 1 р. 20 к., недоимка 1 р. 20 к.
У тотемскаго купца Ильи Холодкова 10095 фунтовъ, на 12114 руб., недоимка 6057 руб.
У вологодскаго купца Александра Сумкина 2955 фунтовъ, на 3546 руб., недоимка 1773 руб.
У правителя конторы Американской компаниі Ивана Васильева 120 фунтовъ, на 144 руб., недоимка 144 руб.
У тульскаго оружейника Петра Самсонова 878 фунтовъ, на 1053 руб. 60 к. недоимка 526 руб. 80 к.
У московскаго мѣщанина Ѳедора Афанасьева 781 фунтъ, на 937 р. 20 к., недоимка 468 р. 60 к.
У купца Василия Капустина 16 фунтовъ, на 19 р. 20 к., недоимка 19 р. 20 коп.
У купца Григорія Капустина 190 фунтовъ, на 228 руб. недоимка 228 руб.

Хамовнической части.

- У мѣщ. Венедикта Шеколдина 1 фунтъ, на 1 р. 20 к., недоимка 1 р. 20 к.

Суцевской части.

- У мѣщ. Петра Жерихова 1 фунтъ, на 1 р. 20 к., недоимка 1 р. 20 к.

Покровской части.

- У купца Ивана Иванова 5 фунтовъ, на 6 руб., недоимка 6 руб.

Мѣщанской части.

- У московскаго купца Ивана Дерюжинскаго 2 фунта, на 2 р. 40 к., недоимка 2 р. 40 к.
Итого осталось въ недоимкѣ 1100698 руб. 80 коп.

Сверхъ того:

За слѣдующій изъ дороги чай купцовъ: Андрея Корзинкина, Ивана Лобкова 15692 фунта, на 18830 руб. 40 к., недоимка 18830 в. 40 к.

За описанный въ г. Иркутскѣ чай купцовъ Невѣжина и Сорокина 101304 фунта, на 121564 р. 80 к., недоимка 121564 р. 80 к.

За описанный въ г. Тюмени чай вологодскаго купца Ивана Колосова 18470 фунтовъ, на 22164 руб., недоимка 22164 руб.

Итого недоимки 162559 р. 80 к.

Опредѣленіе Думы, 10 февраля 1819 года.

Думѣ докладывано по дѣлу объ описи чая и взысканіи съ cadaго фунта по 1 рублю 20 копѣекъ пошрины, начавшемся вслѣдствіе Высочайшаго Манифеста, въ 11 день Февраля 1812 года состоявшагося, изъ коего между прочимъ явствуетъ, что за поступленіемъ въ приходъ 89977 рублей 50 копѣекъ, оставалось оныхъ въ недоимкѣ на разныхъ торговцахъ 1251485 рублей, но какъ Всемилостивѣйшимъ Манифестомъ, въ 30 день Августа 1814 года состоявшимся, повелѣно недоимку въ сборѣ единовременной, Манифестомъ 11 Февраля 1812 года учрежденной, пошрины съ чая, въ предѣлахъ Имперіи уже находившагося, яко тягость, главнѣйше падающая на московское разоренное купечество, сложить и уничтожить, и такъ какъ пошрина сія принадлежитъ государственной казнѣ, то о сложеніи недоимки оной, съ испрашиваніемъ предписанія, представлено было рапортомъ въ Московское Губернское Правленіе и въ Казенную Палату, 30 Октября 1814 года и 2 Марта 1816 года, но разрѣшенія понынѣ еще не послѣдовало, Приказали: Поелику, за неполученіемъ испрашиваемаго отъ Губернскаго Правленія и Казенной Палаты разрѣшенія, до сего времени дѣло о взысканіи за чай поименованныхъ денегъ показывается по вѣдомостямъ нерѣшеннымъ, хотя недоимка сія Всемилостивѣйшимъ Манифестомъ, въ 30 день Августа 1814 года состоявшимся, и уничтожена, а потому, дабы оное вышло изъ общей вѣдомости, Дума полагаетъ почислить его рѣшеннымъ, и изъ вѣдомости нерѣшенныхъ исключить, о чемъ Московскому Губернскому Правленію и Казенной Палатѣ донести рапортами.

Копія съ доклада секретнаго комитета финансовъ императору Александру I, 14 іюля 1812 года.

Копія съ доклада Его Императорскому Величеству.

По изданіи состоявшагося сего 1812 года въ день Манифеста, Московское дворянство и всѣ прочія сословія изъявили готовность и усердіе свое къ составленію внутреннихъ силъ для защиты отечества. Почему учрежденный отъ Вашего Императорскаго Величества комитетъ разсматривая какимъ бы образомъ скорѣе и удобнѣе произвести сіе въ дѣйство, имѣетъ щастіе представить на благоусмотрѣніе Вашего Величества нижеслѣдующее свое мнѣніе.

Для скорѣйшаго составленія и образованія военной Московской силы надлежитъ учредить слѣдующіе комитеты.

1.

Для приѣма и вооруженія людей, такожъ и для свѣденія обо всемъ касающемся до продовольствія оныхъ.

2.

Для приѣма и записки пожертвованій, такожъ для сохраненія и отпуску ихъ по назначенію.

Первый комитетъ составляется изъ гражданскаго губернатора, губернскаго дворянскаго предводителя, градскаго головы и тѣхъ чиновниковъ кои назначены будутъ отъ Государя Императора. Второй составляется изъ вице губернатора и двухъ депутатовъ: одного отъ дворянства, другаго отъ купечества.

Въ обѣихъ сихъ комитетахъ присутствуетъ военный губернаторъ въ Москвѣ.

Обязанности комитетовъ.

Перваго въ самой столицѣ комитетъ по открытіи онаго приступаетъ къ приѣму и запискѣ всѣхъ подаваемыхъ отъ всякаго сословія объявленій, о числѣ представляемыхъ по волѣ cadaго людей, въ составъ военной Московской Силы; вноситъ въ книгу и ежедневно чрезъ военнаго губернатора подаетъ Государю Императору записку, которая и доводится до общаго свѣдѣнія печатными листами. Срокъ приѣма сихъ объявленій поставляется 5-ть дней съ открытія комитета и потомъ уже изо всего правительства усмотритъ достаточно ли оное

для достиженія предназначенной цѣли и нужно ли будетъ принять другія мѣры для умноженія числа воиновъ.

Второго: комитетъ занимается пріемомъ и запискою пожертвованій и сохраненіемъ и выдачею по требованію Командующаго Московскою военною Силою.

Пожертвованія суть трехъ родовъ: 1-е—деньгами 2-е оружіемъ (разумѣется ружьями и саблями) 3-е провіантомъ хлѣбнымъ, мяснымъ и виномъ.

Составъ Московской военной Силы.

Оная составляется изъ конныхъ козаковъ, пѣшихъ егерей и пѣшихъ козаковъ; конные козаки дѣлятся на полки.

Полки на сотни.

Сотни на десятки въ каждомъ полку десять сотенъ.

Въ каждой сотнѣ десять десятковъ.

Сотня состоитъ изъ 120-ти *) конныхъ козаковъ, а десятокъ изъ 12-ти козаковъ.

Полкъ состоитъ въ командѣ полковаго начальника. Сотня въ командѣ сотеннаго начальника.

А десятокъ въ командѣ урядника.

По сему изчисленію должно состоять въ полку.

Полковыхъ чиновъ.

Полковой начальникъ.

Полковыхъ адъютантовъ два оберъ офицера.

Полковые квартирмистры.

Казначей изъ оберъ офицеровъ.

Писарей два при полковомъ начальникѣ и два для казначея и квартирмистра.

Сотенныхъ чиновъ.

Сотенный начальникъ.

Два оберъ офицера.

Десять урядниковъ.

120 козаковъ.

2 урядника для пріему провіанта и фуража.

Одинъ писарь.

По сему разчету въ полку будетъ состоять.

Одинъ полковой начальникъ.

*) На поляхъ написано карандашомъ: „Ето похоже на то, что единица значить $3\frac{1}{2}$ по манифесту о лажѣ.“

10-ть сотенныхъ начальниковъ.
24 оберъ офицера.
120 урядниковъ конныхъ.
14 писарей пѣшихъ.
1200 конныхъ козаковъ.
Пѣшіе егаря дѣлятся на полки.
Полки на батальоны.
Батальоны на сотни.
Сотни на десятки.
Въ каждомъ батальонѣ 4 сотни.
Въ каждой сотнѣ 10 десятковъ.
Сотня состоитъ изъ 150 егерей.
Полкъ состоитъ въ командѣ полковаго начальника.
Батальонъ въ командѣ батальоннаго начальника.
Сотня въ командѣ сотеннаго начальника.
А десятковъ въ командѣ урядника.
По сему изчислѣнію должно состоять въ полку.

Полковыхъ чиновъ.

Полковой начальникъ.
Полковой адъютантъ одинъ оберъ офицеръ.
Писарей два.

Баталіонныхъ чиновъ.

Баталіонный начальникъ.
Баталіонный адъютантъ оберъ офицеръ.
Баталіонный квартирмейстеръ и казначей оберъ офицеръ.
Писарей одинъ при баталіонномъ начальникѣ и одинъ при квартирмейстерѣ.

Сотенныхъ чиновъ.

Сотенный начальникъ.
Два оберъ офицера.
10-ть урядниковъ.
150 егерей.
1 урядникъ для приему провіанта.
1 писарь.
По сему расчету въ полку будетъ состоять.
1-ъ полковой начальникъ.
4 баталіонныхъ начальниковъ.
16 сотенныхъ начальниковъ.

41 оберъ офицеровъ.

176 урядниковъ.

26 писарей.

2400 егерей.

Пѣшіе козаки дѣлятся на полки совершенно во всѣхъ чинахъ равные егерямъ.

Полки конные и пѣшіе называются по номерамъ, равно баталіоны и сотни.

Одежда.

Штабъ и оберъ офицеры имѣютъ мундиры общіе армейскіе.

Тѣ же кои имѣютъ мундиры при отставкѣ, то могутъ носить и оныя.

Конные и пѣшіе козаки и егеря одѣваются въ рускіе сѣрые кафтаны, изъ крестьянскаго сукна.

Изъ таковаго же сукна имѣютъ длинные шаровары, рубашки рускіе съ косымъ воротомъ.

Платокъ на шеѣ, фурашку на головѣ суконную и сапоги хорошіе рускіе смазные, отъ сырости надѣвая сверхъ шароваръ.

Кафтаны должны быть такой ширины дабы подъ оной могъ надѣвать каждой человѣкъ овчинной полушубокъ.

Сапоги должны быть такъ просторны, чтобы каждой человѣкъ въ зимнее время могъ обертывать ноги въ суконные онучи.

Длина кафтановъ по колѣно.

Кушакъ имѣть какой кто можетъ.

Фурашка должна быть такъ, чтобы оную могъ каждой во время холоду подвязывать сверхъ ушей подъ бородою.

Форма предоставляется по полкамъ, на полковыхъ начальниковъ, но на каждой изъ оныхъ имѣть выбитой изъ мѣдной латуни крестъ и въ низу онаго Вензелевое Его Императорскаго Величества Имя во знаменіе: „За вѣру и Царя.“

Каждый пѣшій человѣкъ долженъ имѣть ранецъ кожаной или телячей. Конные же козаки имѣютъ вмѣсто ранцевъ чемоданы и мѣшки для овса. Къ ранцамъ въ полкахъ полковые начальники придѣлаютъ ремни для носки оныхъ какъ въ регулярныхъ войскахъ. Каждому человѣку имѣть въ ранцѣ одну рубашку и двой холстинные портки, дабы онъ внѣ службы могъ ходить и безъ шароваровъ. Руковицы съ теплыми варишками, двой портянки, а третьи на ногахъ суконныя онучи и запасныя сапоги.

Сверхъ онаго должно оставатся въ ранцѣ столько мѣста, дабы онъ могъ имѣть сухарей на трои сутокъ, подобно сему у конныхъ козаковъ имѣть вещи въ чемоданахъ. Полушубки овчинные носить скатанные сверху ранца, на подобіе какъ прежде носили шинели.

Вооруженіе.

Конные козаки могутъ имѣть сабли, если найдутъ возможность полковые начальники оными ихъ вооружить, а потомъ каждый козакъ пику. Древки у нихъ имѣть крашеные или некрашеные предоставляется на волю полковыхъ начальниковъ.

Для лошади имѣть козацкое или ямское сѣдло съ стременами железными уздѣчка и недоуздокъ съ арканомъ.

Егери имѣютъ ружья охотничьи; суму для патроновъ кожаную чрезъ плечо такой формы, какую могутъ имѣть полковые начальники.

Патроновъ съ пулями на каждого человѣка не менѣе шестидесяти.

Пѣшіе козаки пики, о древкахъ же наблюдать то же правило что сказано о конныхъ козакахъ.

Естьли которой полковой начальникъ найдетъ возможность въ полку своемъ имѣть въ одномъ или нѣсколькихъ батальонахъ ружья вмѣсто пикъ, то оныя позволяется, но тогда уже имѣть и сумы и патроновъ съ пулями не мѣнѣе на каждого человѣка по 60.

Сабель же и тесаковъ у пѣшихъ козаковъ егерей не имѣть.

Не позволяется у кафтановъ дѣлать особыя какіе воротники или перемѣнять покррой и форму рускаго кафтана.

Позволяется полковымъ начальникамъ имѣть номеръ полку на людяхъ своихъ вышитой сукномъ или тесмою на фурашкахъ, или на кафтанахъ на верхней полтѣ на груди.

О жалованьѣ.

Полковымъ начальникамъ жалованья никакого не полагается по важности званія въ коемъ онѣ служатъ и по особой довѣренности Государя Императора изъ усердія къ отечеству.

Батальоннымъ командирамъ на сихъ же правилахъ жалованья не полагается, а какъ могутъ изъ нихъ случится и недостаточные люди, то пособіе таковымъ конечно преподано будетъ отъ полковыхъ начальниковъ.

Протчимъ оберъ офицерамъ полагается жалованье.

Сотеннымъ чиновникамъ по 30 р. въ мѣсяць.

Кавалерійскія же сотенныя начальники и офицеры получаютъ единовременно на покупку лошадей по 150 рублей а потомъ фуражъ на лошадей.

Урядникамъ и писарямъ полагается жалованья въ мѣсяць по 125 копѣекъ и провіантъ.

Всѣмъ прочимъ козакамъ и егерямъ по рублю въ мѣсяць и провіантъ.

Жалованье выдавать всѣмъ чинамъ помѣсячно а провіантъ въ сухаряхъ.

Мясныя и винная порція выдается по назначенію командующаго военною Московскою Силою.

О наградахъ и пенсіяхъ.

Всѣ штабъ и оберъ-офицеры получаютъ награды за храбрость и мужество противъ непріятеля точно такіе же, какіе опредѣлены въ арміяхъ дѣйствующихъ. Всякой изувѣченный ранами штабъ или оберъ-офицеръ не имѣющій своего достатку получаетъ отъ Московскихъ сословій вѣчную пенсію по собственному ихъ назначенію.

Тотъ же, который имѣетъ свое достаточное содержаніе получаетъ отъ Государя чинъ или орденъ. Всѣ урядники козаки и егери получаютъ за храбрость медаль для сего случая отъ Государя Императора устанавливаемую, получившій же такую медаль получаетъ по смерти въ пенсію жалованье имъ получаемое во время временной его службы.

Всякой урядникъ козакъ и егеръ сдѣлавшійся неспособнымъ отъ ранъ получаетъ такъ же по смерти жалованье имъ получаемое на временной службѣ.

О деньщикахъ.

Деньщики всѣмъ штабъ и оберъ офицерамъ неимѣющимъ своихъ людей не полагается, а предоставляется по дозволенію полковыхъ и баталіонныхъ начальниковъ употреблять во время свободное людей въ ихъ сотняхъ находящихся.

Протчіе же штабъ и оберъ офицеры имѣющіе своихъ людей, позволяется имѣть оныхъ полковымъ начальникамъ не болѣе 4-хъ человѣкъ, баталіоннымъ не болѣе 2-х, а прочимъ не болѣе одного.

О обозахъ.

Полковому начальнику позволяется имѣть двѣ повозки.

Баталіонному начальнику одну повозку. Да въ каждой сотнѣ имѣютъ одну повозку парю, въ коей возитъ котлы артельные и офицерской экипажъ.

Полковымъ адъютантамъ и квартемістрамъ и казначеямъ имѣть въ каждомъ полку одну повозку.

Въ баталіонахъ адъютантамъ и казначеямъ имѣть такъ же одну повозку.

О опредѣленіи и комплектованіи штабъ и оберъ офицерами Московской военной силы.

Полковые начальники утверждаются Государемъ Императоромъ.

При убыли полковаго начальника замѣщаетъ другимъ его мѣсто командующій генераль и представляетъ на утвержденіе Государю.

Полковые начальники могутъ быть подполковники, полковники и генераль-маіоры.

Баталіонные начальники назначаются и при убыли замѣщаются полковыми начальниками, а утверждаются командующимъ генераломъ.

Баталіонные начальники могутъ быть маіоры, подполковники и даже полковники.

Сотенные начальники назначаются и при убыли замѣщаются баталіоннымъ начальникомъ, а утверждаются полковымъ начальникомъ.

Сотенные начальники въ кавалерійскихъ полкахъ могутъ быть ротмистры и капитаны, кои называются уже ротмистрами а такъ же и маіоры въ пѣхотныхъ же полкахъ могутъ быть порутчики, штабсъ-капитаны и капитаны.

Прочіе всѣ офицеры опредѣляются и при убыли замѣщаются полковыми начальниками съ донесеніемъ къ одному свѣденію командующему генералу.

Сіи офицеры должны быть прапорщики, подпорутчики или порутчики.

Адъютанты, квартирмистры и казначей полковые назначаются полковымъ начальникомъ, а баталіонные баталіоннымъ начальникомъ, но утверждаются полковымъ.

О урядникахъ.

Урядники назначаются первоначально и при убыли замѣщаются сотенными начальниками, а утверждаются баталіонными начальниками; перемѣняются же другими не иначе, какъ съ дозволенія баталіонныхъ начальниковъ.

О чинахъ штабъ и оберъ офицерскихъ.

Всѣ отставные изъ военной службы помѣщаются въ Московскую военную силу тѣми же чинами, какими они состояли въ отставкѣ.

Естьли въ военной службѣ бывшіе состоятъ нынѣ по какому либо случаю переименованы статскими чинами безъ повышенія, то оное не отнимаетъ вышеписаннаго правила.

Изъ штатскихъ чиновъ неслужившіе въ оберъ офицерскихъ чинахъ въ военную службу помѣщаются на слѣдующихъ правилахъ.

Коллежскіе совѣтники ротмистрами или капитанами.

Надворные совѣтники и коллежскіе ассессоры штабъ ротмистрами, или штабъ капитанами.

Титулярные совѣтники порутчиками.

Коллежскіе и губернскіе секретари подпорутчиками.

Коллежскіе регистраторы прапорщиками, или корнетами; служившіе же въ военной службѣ штабсъ капитаны и штабъ ротмистры капитанами и ротмист-

рами и дослужившись по штатской службѣ въ коллежскіе и надворные совѣтники принимаются маіорами.

Чины штатскіе остаются при нихъ.

О производствѣ.

Производство дѣлается не по линіи, а только за оказанную храбрость, или по особому представленію командующаго генерала.

На семь правилъ замѣщеніе чиновъ уже дѣлается слѣдующимъ порядкомъ.

При убыли полковаго начальника командующій генералъ можетъ опредѣлить начальникомъ предпочтительнѣе изъ баталіонныхъ начальниковъ изъ полковниковъ или подполковниковъ и представляетъ на утвержденіе Государю Императору.

Равнымъ образомъ можетъ изъ баталіонныхъ начальниковъ изъ маіоровъ назначить полковымъ и представляетъ Государю о производствѣ онаго въ подполковники изъясняя въ представленіи своемъ ясныя причины, по коимъ онъ удостоиваетъ къ сему производству.

При убыли сотеннаго начальника баталіонный можетъ изъ поручиковъ назначить сотеннымъ и представляетъ къ полковому на утвержденіе или принимаетъ изъ отставныхъ съ утвержденія такъ же полковаго начальника.

Прочіе чины при убыли не иначе пополняются какъ принятыми изъ отставныхъ не смотря на то, что сколько въ баталіонѣ или въ полку будетъ поручиковъ, подпоручиковъ, прапорщиковъ и корнетовъ.

О построеніи и обученіи пѣхоты.

Построеніе и разчетъ въ баталіонахъ производится на правилахъ предписанныхъ пѣхотнымъ баталіонамъ.

Обученіе же людей состоитъ въ слѣдующемъ:

1, Баталіоны имѣющіе ружья обучаютъ людей порознь исправно заряжать ружья.

2) Какъ стрѣлять изъ ружья.

3) Какъ во время огня внимательно слушать отбою, дабы въ скорости можно было прекратить огонь.

4) Какъ держать ружье на плечѣ и подъ курокъ.

5) Какъ дѣйствовать штыкомъ державъ ружье на руку.

Въ тѣхъ же баталіонахъ, гдѣ нѣтъ ружья, то умѣть дѣйствовать пикою, и какъ оную носить въ маршѣ дабы она ему и другому не мѣшала.

6) Знать твердо свое мѣсто во фронтѣ, дабы могли люди въ ротѣ скоро построится.

- 7) Повороты направо, налево и налево кругомъ.
- 8) Какъ изъ фронта съ фланговъ и изъ середины построить колонны.
- 9) Какъ ходить колоннами.
- 10) Какъ изъ колонны выстроить фронтъ, а въ егерскихъ полкахъ, какъ дѣйствовать цѣпью разсыпную.

Кавалерію же учить равномерно первоначальнымъ построениемъ и движениемъ.

Москва

Юля 14 дня

1812.

**Копія съ указа императора Александра I графу Николаю
Ивановичу Салтыкову, 18 ноября 1812 года.**

Графъ Николай Ивановичъ. Согласно съ представлениемъ Комитета Министровъ, давъ повелѣніе Главному Директору Зрѣлищъ, объ увольненіи изъ службы Моей всей французской Труппы, а Управляющему Кабинетомъ, о обращеніи суммы по Штату для содержанія ея опредѣленной на вспоможеніе жителямъ тѣхъ мѣстъ, которыя потерпѣли отъ Неприятеля раззореніе, предоставляю Я распоряженію Комитета употребленіе оной по сему назначенію. Впрочемъ пребываю Вамъ всегда благосклонный.

На подлинномъ подписано собственною Его Императорскаго Величества рукою тако:

Александръ

Въ С. Петербургѣ

Ноября 18-го дня

1812-го года.

Мнѣніе министра финансовъ о содержаніи плѣнныхъ, 1812 г.

М. Ф.
О содержаніи
плѣнныхъ.
Декабря 1812.

Въ числѣ чрезвычайныхъ расходовъ текущаго года обременяющихъ Государственное Казначейство, заключается и содержаніе Плѣнныхъ, которыхъ число естьли бѣ и не простиралось болѣе 100 т. человекъ, потребуеъ по самому умѣренному положенію до 4 м. рублей въ годъ.

Чтобъ облегчить сію тягость, въ настоящемъ положеніи Доходовъ столь чувствительную, Министръ Финансовъ почитаетъ долгомъ представить мнѣніе свое къ уменьшенію сего необходимаго впрочемъ расхода и къ доставленію самимъ плѣннымъ болѣе удобностей жизни.

Въ числѣ Плѣнныхъ находится безъ сомнѣнія не малая часть Поляковъ, которые всѣ могли бы нынѣ же быть обращены къ укомплектованію Полковъ на Кавказѣ, въ Грузіи и даже на Сибирской Линіи находящихся; чѣмъ не только уменьшится число Плѣнныхъ на содержаніи Казны остающихся, но сохраняются еще собственныя Рекруты къ усиленію Арміи противу Франціи дѣйствующихъ.

За исключеніемъ Поляковъ, прочіе какъ подданные Франціи такъ и союзныхъ съ ней земель, по образу набора коими наполняются войски вездѣ гдѣ учреждена Конскрипція, состоятъ какъ извѣстно изъ людей всѣхъ состояній и промысловъ. Въ числѣ ихъ безъ сомнѣнія найдется великое множество Художниковъ, Мастеровыхъ и Работниковъ, которыя съ пользою могутъ быть употреблены на фабрикахъ и заводахъ нашихъ. Здѣлавъ выборъ всѣмъ таковымъ и предложивъ имъ обыкновенную плату или содержаніе, которое получаютъ Работники и Мастеровые тѣхъ ремѣслъ, къ которымъ они употреблены быть могутъ, должно полагать, что съ охотою предпочтутъ они выгоднѣйшую для себя жизнь, той неволѣ и недостаткамъ, которыя претерпѣваютъ оставаясь военноплѣнными.

На семъ основаніи можно бы всѣхъ ихъ роздать какъ на Казенныя фабрики и заводы такъ и частнымъ содержателямъ, которыя принять ихъ пожелаютъ.

Прочимъ, взятымъ изъ класса земледѣльцовъ, можно бы казалось также предложить поселеніе между колонистами Саратовской и Екатеринославской Губерній; гдѣ на первый случай зарабатывали бы они себѣ содержаніе въ домахъ поселенцовъ, которыя принять ихъ согласятся, а со временемъ могли

бы и сами получить участки земли, для заселенія безъ всякой однако отъ казны денежной ссуды.

Остальныя затѣмъ, которые по привычкѣ ли къ солдатской жизни или неспособности къ трудамъ другаго рода, оставаться будутъ въ числѣ военно-плѣнныхъ могли бы быть обращены для облегченія ихъ содержанія къ многоразличнымъ простымъ работамъ, въ Москвѣ и другихъ городахъ, при исправленіи и перестройкахъ разрушенныхъ домовъ и зданій.

Сими или сему подобными распоряженіями не только сократятся издержки казны на содержаніе бесполезныхъ людей, и сами они приобрѣтутъ себѣ выгоднѣйшую жизнь, но замѣнятся нѣсколько и убыль работниковъ, ополченіемъ и наборами отнятыхъ отъ нужныхъ обществу трудовъ.

Министръ Финансовъ *Д. Гурьевъ*

Отчетъ (черновой) о дѣйствіяхъ Комитета Министровъ.

О дѣйствіяхъ Комитета Министровъ.

Во все продолженіе минувшей войны, не смотря на потрясеніе произведенное вторженіемъ Непріятеля въ предѣлы Россіи сохраненный въ Государственномъ управленіи непоколебимый порядокъ, существовавшія повсемѣстно Тишина и Спокойствіе, доставлявшіеся Арміямъ усиленіе и продовольствіе и наконецъ не только безостановочное отправленіе дѣлъ обыкновенныхъ, но и благоуспѣшная дѣятельность во всѣхъ чрезвычайныхъ случаяхъ, да засвидѣтельствуютъ предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ попеченіе Комитета Министровъ о точномъ исполненіи возложенной на него обязанности.

Поднося при семъ краткую вѣдомость о числѣ разрѣшенныхъ Комитетомъ дѣлъ со времени его учрежденія т. е. съ 20 Марта 1812-го года по Іюнь мѣсяцъ сего Года съ означеніемъ сколько имѣлъ онъ засѣданій и сколько состоялось Общихъ и Особенныхъ Журналовъ, долгомъ поставляю представить Вашему Императорскому Величеству о главнѣйшихъ его дѣйствіяхъ. Оныя состоятъ въ слѣдующемъ:

Въ Пермской Губерніи при расположеніи заводскихъ работъ по тамошнимъ Горнымъ Заводамъ приписные къ онымъ Крестьяне оказали неповиновеніе, какъ содержателямъ Заводовъ такъ и Власти Земскаго Начальства. Неповиновеніе сіе возродилось отъ различныхъ злонамѣренныхъ внушеній и переходя изъ одного уѣзда въ другой внезапно распространилось на пятьсотъ верстъ. Комитетъ

по важности сего происшествія употребилъ самыя рѣшительныя мѣры къ отвращенію дальнѣйшихъ послѣдствій и мятежъ въ короткое время прекращень, крестьяне приведены въ повиновеніе, Главные же зачинщики возмущенія взяты подъ Стражу и преданы суду.

По полученіи изъ Риги извѣстія, что Движенія Непріятеля пресекли сообщенія съ Ригою и угрожали Петербургу, Комитетъ приступилъ немедленно ко всѣмъ способамъ, дабы подать помощь Арміи защищавшей путь къ Столицѣ и принялъ мѣры къ сохраненію въ оной спокойствія, между тѣмъ со всею поспѣшностію сдѣланы тайныя приуготовленія, дабы въ случаѣ крайней опасности спасти важнѣйшіе предметы, Вашимъ Императорскимъ Величествомъ назначенные.

Для усиленія Армій назначенъ въ Августъ мѣсяцъ 1812 года рекрутскій наборъ. Повинность сія расположена со всевозможнымъ для народа облегченіемъ и исполнена съ совершеннымъ успѣхомъ, несмотря на затрудненія непрерывно умножавшіяся отъ движеній неприятели.

Обыватели удалившіеся изъ мѣстъ занятыхъ Непріателемъ во внутреннія Губерніи терпѣли во всемъ крайнюю нужду. Комитетъ имѣя попеченіе о призрѣніи ихъ учредилъ въ Губерніяхъ на сей предметъ особыя Коммисіи и ассигновалъ въ каждую нужныя суммы денегъ.

Въ то же время, когда Государство потрясено было нещастіями Войны въ Новороссійскомъ краѣ свирѣпствовала заразительная болѣзнь. Бѣдствіе сіе распространялось отъ Одессы во многія мѣста и угрожало всѣмъ сопредѣльнымъ Губерніямъ. Мѣры принятыя мѣстнымъ начальствомъ и попеченія Херсонскаго Военнаго Губернатора были недостаточны. Комитетъ испросилъ Высочайшее соизволеніе на отправленіе туда довѣренной Особы, на что избранъ былъ Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ Князь Куракинъ. Комитетъ разсматривая всѣ донесенія его по сему возложенному на него дѣлу, надзиралъ за дѣйствіями его и руководствовалъ его столь тщательно, сколько важность случая требовала. Многія употребленныя имъ мѣры по неудобству ихъ вовсе отмѣнены, а по нѣкоторымъ сообщены ему замѣчанія и нынѣ Край Новороссійскій находится въ совершенно благополучномъ состояніи.

Въ Твери заготовлено было Провіантскимъ Департаментомъ для продовольствія Армій нашихъ значущее количество хлѣба, стоившее казнѣ многихъ милліоновъ. Въ то время когда неприятели находились отъ Твери въ весьма близкомъ разстояніи учинено было распоряженіе, чтобы всѣ запасы сіи предать истребленію. Комитетъ по полученному о томъ извѣстію принялъ мѣры къ сохраненію сихъ запасовъ отправленіемъ ихъ въ Новгородскую Губернію, что исполнено съ совершеннымъ успѣхомъ и тѣмъ избавлена казна отъ чрезвычайной потери, которую должна бы была понести отъ истребленія сихъ запасовъ.

Для формировавшихся въ Муромѣ Кавалерійскихъ резервовъ поручено было

Генераль Лейтенанту Графу Толстому купить 9 т. лошадей, но онъ получивъ другое назначеніе не успѣлъ исполнить сего порученія; Генераль же Кологривовъ, которому поручено было формированіе тѣхъ резервовъ встрѣтилъ разныя затрудненія въ приобрѣтеніи столь значительнаго числа лошадей. Комитетъ по полученіи о семъ донесенія принялъ на себя попеченіе о томъ и учиненными по сему предмету распоряженіями сія Государственная надобность удовлетворена въ свое время и съ сохраненіемъ пользы казенной.

Московская, Смоленская и Калужская Губерніи потерпѣли отъ нашествія непріятели чрезвычайное разстройство. Комитетъ для поддержанія сихъ Губерній въ несчастномъ ихъ положеніи опредѣлилъ раззореннымъ обывателямъ льготу, сложилъ съ нихъ казенныя недоимки и на снабженіе крестьянъ хлѣбомъ для засѣва полей и на покупку нужнаго скота ассигновалъ для губерній Смоленской и Калужской заимообразно изъ государственнаго казначейства на 10 лѣтъ 6 м. рублей; для Московской же Губерніи назначена потомъ особая сумма.

Въ Декабрѣ 1812 года дошло до Комитета свѣденіе, что по Тамбовской Губерніи замѣчены Генераломъ Кологривовымъ многія злоупотребленія и безпорядки въ приѣмѣ и обмундированіи рекрутъ. Комитетъ отправилъ туда чиновника для настоянія о скорѣйшемъ исправленіи всѣхъ безпорядковъ, чѣмъ дѣло сіе обращено въ надлежащій порядокъ, а Губернаторъ по сему случаю былъ отставленъ.

Во всѣхъ почти мѣстахъ, чрезъ которыя поражаемый Непріатель былъ преслѣдуемъ произошли отъ безчисленнаго множества мертвыхъ тѣлъ весьма опасныя болѣзни, которыя распространились равнымъ образомъ и во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, чрезъ которыя проводимы были плѣнные. Комитетъ озабочиваясь прекращеніемъ сего бѣдствія предписалъ, тѣла со всевозможною поспѣшностію убрать а проводъ плѣнныхъ до времени остановить; между тѣмъ же для лѣченія больныхъ посланы были отсюда, изъ Москвы и изъ другихъ Губернскихъ городовъ Медицинскіе чиновники.

По случаю дошедшаго до Комитета свѣдѣнія, что изъ Бессарбіи выпускаются за границу лошади не взирая на учиненное по Высочайшему повелѣнію запрещеніе, Комитетъ сдѣлалъ тамошнему Губернатору выговоръ и отправилъ къ нему съ нарочною эстафетою предписаніе, чтобы выпускъ лошадей за границу наистрожайше былъ запрещенъ, чрезъ что отвращено поступленіе сихъ лошадей въ Непріательскую Кавалерію.

По распоряженіямъ Главнокомандующаго Арміями назначено было перевезти всѣ Тверскіе запасы хлѣба въ Смоленскъ и другіе города. Перевозка сія начата была нарядомъ обывательскихъ подводъ, коихъ требовалось съ Тверской и Новгородской Губерній до 137 т. Когда дошли до Комитета свѣдѣнія о семъ

нарядъ сдѣланномъ безъ его разрѣшенія усмотрѣно было: 1, что Губерніи сіи подверглись бы всеконечному раззоренію, ибо съ обывателей собиралось деньгами на каждый пудъ провіанта отъ 2-х р: 60 к: до 2-х р: 80 к:, что составило бы болѣе 9 м. рублей; 2, что доставленіе обывательскими подводами провіанта весьма ненадежно, потому что отправляемые симъ же способомъ изъ другихъ Губерній Транспорты не доходили до мѣстъ своего назначенія, разбрасывались по дорогамъ, лошади издыхали и самые подводчики скрывались бѣгствомъ. По симъ уваженіямъ Комитетъ изыскалъ способъ сохранить сіи двѣ Губерніи отъ раззоренія и обезпечить доставленіе продовольствія Арміи въ свое время. Перевозка запасовъ отмѣнена и сдѣланъ вмѣсто оной подрядъ съ Купцемъ Коисиковскимъ на поставку для Арміи продовольствія по такимъ цѣнамъ, которыя въ нѣсколько разъ ниже того, чего бы одна перевозка запасовъ стоила.

По симъ же причинамъ Комитетъ отмѣнилъ назначенную военнымъ начальствомъ перевозку за границу изъ Калужской губерніи заготовленной тамъ солонины и хлѣба и предписалъ оныя на мѣстѣ продать, съ тѣмъ, чтобъ вырученныя деньги употреблены были на покупку мяса тамъ, куда должно бы было везти солонину.

Въ то время, когда предѣлы Государства по причинѣ нашествія непріятели обнажены были отъ таможеннаго досмотра, ввезено въ пограничныя Губерніи весьма много товаровъ безъ платежа пошлинъ. Комитетъ въ свое время сдѣлалъ распоряженіе, чтобы всѣ сіи товары предъявлены были въ теченіи 6 недель къ заклеяменію и очищенію пошлинами, естли же кто утаитъ оныя и откроется сіе по прошествіи того срока, то съ таковыми поступать по узаконеніямъ, какъ съ тайнопровозимыми. По сему распоряженію посланы были особые чиновники вѣдомства Департамента внѣшней торговли и казна пріобрѣла пошлинъ болѣе 500 т. рублей.

Изъ Литовскихъ Губерній получены были свѣденія о злонамѣренныхъ предпріятіяхъ тамошнихъ жителей и разсѣваемыхъ тамъ ложныхъ слухахъ. Комитетъ по сему случаю снабдилъ нужными наставленіями какъ Литовскаго такъ и Рижскаго Военнаго губернаторовъ и зло сіе въ самомъ началѣ истреблено.

Въ свое время по обстоятельствамъ разрѣшенъ былъ выпускъ хлѣба въ Дружественныя Державы.

Высочайшимъ указомъ на имя Управляющаго Военнымъ Министерствомъ повелѣно было приготовить для резервной Арміи посредствомъ раскладки на обывателей 16 т. лошадей. Комитетъ дабы съ одной стороны избавить обывателей отъ тягостной для нихъ раскладки а съ другой удовлетворить немедленно столь важную надобность рѣшился пріобрѣсти лошадей вольною покупкою и возложивъ оную на Гражданскихъ Губернаторовъ, снабдилъ ихъ всѣми нужными способами.

Многія Губерніи снабжаются солью изъ Крымскихъ озеръ чрезъ вольно-промышленниковъ; но по случаю свирѣпствовавшей во всемъ Новороссійскомъ краѣ заразы приняты были Княземъ Куракинымъ такія мѣры, по которымъ цѣна на соль въ губерніяхъ должна бы была къ отягощенію народа чрезвычайно возвыситься, да и могъ бы произойти въ соли недостатокъ. Комитетъ сообщилъ Князю Куракину свои замѣчанія, послужившія къ отвращенію оскудѣнія въ соли, непомерной дороговизны на оную и народнаго неудовольствія, которое бы отъ того необходимо произойти должно было.

Съ Бѣлорусскихъ Губерній наряжаемы были для продолженія крѣпостныхъ работъ въ Бобруйскѣ и Борисовѣ обыватели. Комитетъ освободилъ ихъ отъ сихъ работъ и оставилъ при оныхъ однихъ плѣнныхъ во первыхъ потому, что по обстоятельствамъ не было никакой надобности поспѣшать окончаніемъ сихъ крѣпостей, *) а во вторыхъ, чтобы изнуренные обыватели облегчились и могли себя приготовить къ приближавшимся полевымъ работамъ.

При назначеніи рекрутскихъ наборовъ въ 1812 году, нѣкоторыя Губерніи поставили рекрутъ гораздо меньше противу другихъ. Комитетъ расположилъ повинность сію такъ что, она исполнена съ возможнымъ уравниемъ.

По оказавшейся въ слѣдъ за тѣмъ необходимости въ новомъ рекрутскомъ наборѣ со всего Государства, Комитетъ поспѣшилъ составить всѣ нужныя правила какъ къ облегченію для народа сей повинности такъ и къ скорѣйшему оной исполненію, чего требовали обстоятельства.

Въ Вологодской и Новгородской губерніяхъ крестьяне Надворнаго Совѣтника Яковлева многократно оказывали ему неповиновеніе подъ тѣмъ предлогомъ, что они ему не должны принадлежать, ибо какъ они думали прежняя помѣщица ихъ не имѣла права продать ихъ Яковлеву; хотя со стороны правительства учинены были имъ надлежащія внушенія, дабы вывести ихъ изъ заблужденія, но не смотря на то въ половинѣ 1813-го года они столь ожесточились, что воспротивились всякой власти. Комитетъ употребилъ мѣры строгости, чтобы обуздать ихъ буйство и они приведены въ послушаніе, главные же начиньщики преданы суду.

Министръ Финансовъ настоялъ, чтобы питейные сборы въ Московской, Смоленской и частію Калужской губерніяхъ взяты были въ казенное вѣдомство и отданы въ управленіе избранному имъ Инспектору Рюмину. Комитетъ долженъ былъ по необходимости удовлетворить настоянію Министра Финансовъ, но предписалъ, чтобъ немедленно произведены были торги для отдачи тѣхъ сборовъ на откупъ.

*) На поляхъ приписано карандашомъ: „Можно было бы прибавить: и для того, чтобы плѣнныхъ употребить въ пользу и не кормить ихъ даромъ“.

Начальство путей сообщенія требовало, чтобы для исправленія дорогъ въ Лифляндіи нарядить изъ оной и съ Витебской Губерніи обывателей. Комитетъ основываясь на удостовѣреніи мѣстнаго начальства, что дороги сіи въ наилучшей исправности находятся отмѣнилъ требуемый нарядъ, отвѣтственность же за исправностію дорогъ оставилъ на Губернскомъ начальствѣ.

По изданіи Манифеста о рекрутскомъ наборѣ Высочайше повелѣно было въ Губерніяхъ изобилующихъ конскими заводами дозволить ставить, естли кто пожелаетъ, вмѣсто рекрутъ лошадей. Комитетъ назначивъ Губерніи, въ которыхъ можно было дозволить принимать лошадей вмѣсто рекрутъ сдѣлалъ все надлежащія къ тому распоряженія.

Высочайше повелѣно было купить и доставить въ Богемію 100 т. шубъ для Арміи. Комитетъ исполнилъ сіе, чрезъ подрядъ, по которому обошлись шубы и съ поставкою не дороже 23-хъ рублей.

По Новгородской Губерніи открылось, что при опредѣленіи рекрутъ на тамошнюю парусную фабрику производится совершенный торгъ и подъ предлогомъ неспособности къ фрунтовой службѣ оставляются на фабрикѣ самые лучшіе люди изъ рекрутъ. По изслѣдованіи о семъ злоупотребленіи чрезъ посланнаго Комитетомъ Генераль Маіора Милованова, Комитетъ отправилъ для обревизованія Новгородской Губерніи Сенатора, по донесеніямъ котораго виновные преданы законному сужденію, а Губернаторъ впредь до разсмотрѣнія представленій Сенатора отозванъ отъ должности.

Въ Вологодской и Вятской Губерніяхъ накопилось казенной недоимки до 8 м. Комитетъ отправилъ Сенатора для принятія нужныхъ на мѣстѣ мѣръ ко взысканію сей недоимки. По донесеніямъ его Вологодскіе Губернаторъ и Вице Губернаторъ удалены отъ должностей, представленія объ нихъ Сенатора разсматриваются въ Правительствующемъ Сенатѣ, многіе чиновники преданы суду, а между тѣмъ недоимка поступаетъ, по Вятской же Губерніи почти вся полнена.

По вожделенномъ возвращеніи Вашего Императорскаго Величества въ Столицу въ 1814-м году, я имѣлъ щастіе всеподданнѣйше поднести воззрѣнію Вашему краткое изображеніе дѣйствій Комитета Министровъ со времени его учрежденія подъ моимъ предсѣдательствомъ, т. е. съ 20 Марта 1812-го года. При чемъ осмѣлился представить, что не смотря на потрясеніе, произведенное вторженіемъ непріятели въ предѣлы Россіи, сохраненный непоколебимо въ Государственномъ управленіи порядокъ, существовавшія повсемѣстно тишина и спокойствіе, доставлявшіяся въ свое время Арміямъ усиленіе и продовольствіе и наконецъ нетолько безостановочное отправленіе для обыкновенныхъ, но благоуспѣшная дѣятельность во всѣхъ чрезвычайныхъ случаяхъ, должны служить свидѣтельствомъ о точномъ исполненіи возложенной на Комитетъ обязанности.

При вторичномъ отбытіи Вашего Величества за предѣлы отечества, благоудно было Вамъ оставить Комитетъ на прежнемъ основаніи.

Всеподданнѣйше поднося присемъ начертаніе главнѣйшихъ дѣйствій Комитета, съ того времени осмѣливаюсь обратить справедливое Монаршее Вашего Императорскаго Величества вниманіе на усмотрѣніе изъ оныхъ, что онъ, сверхъ удовлетворенія воинскихъ потребностей во всемъ ихъ пространствѣ, не упустилъ ничего изъ виду относительно внутренняго благоустройства, поколику зависимо то въ отсутствіе В. И. В. отъ его.....

Два приказа, подписанные княземъ А. М. Голицынымъ, 24 и 31 іюля 1812 года.

1. Богородской вотчины села Гребнева съ деревнями бурмистру Егору Королеву и земскому Ивану Саламатову!

Въ слѣдствіе Высочайшаго Его Императорскаго Величества манифеста состоявшагося въ 6-й день Іюля, о составленіи внутреннихъ военныхъ силъ для защиты вѣры, Государя и Отечества, естли дано будетъ знать вамъ отъ Предводителя, или земскаго исправника о требованіи людей, сколько для вооруженія съ тамошней вотчины нашей причтется, то созвавъ крестьянъ въ земскую объявить имъ объ ономъ и приступить къ выбору изъ семьянистыхъ отъ 20-ти до 45-ти лѣтъ, и по выборѣ не взирая на ростъ и какіе нибудь неважные телесные недостатки, приготова і снабдивъ платьемъ и провіантомъ на сколько приказано будетъ, сдать ихъ куда они потребуются, исполняя сверхъ того всякое требованіе, какое будетъ отъ губернскаго начальства со всевозможною поспѣшностію.—При выборѣ же растолковать всѣмъ крестьянамъ съ тихостію и въ разумительнымъ образомъ, что требуются они не въ рекруты, а на временную только надобность, въ случаѣ буде наступить опасность, чтобъ защитить себя отъ непріятели угрожающаго нашей Христіанской вѣрѣ, раззореніемъ всего Государства и возмущеніемъ спокойствія всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Церкви и Отечества, и что послѣ минованія сей опасности всѣ они возвратятся на прежнія свои жительства.—Я же со своей стороны обнадеживаю по возвращеніи сихъ людей въ дома, освободить на нѣсколько лѣтъ отъ рекрутской повинности, а нынѣшній годъ исключить тѣ души отъ платежа оброку, дабы они готовясь на защищеніе собственныхъ жилищъ своихъ и Государства, ни о чемъ болѣе въ разсужденіи домашняго своего положенія не помышляли, какъ только о точномъ

и послушнейшемъ исполненіи Монаршаго соизволенія къ единственному спокойствію всѣхъ вѣрноподданныхъ простирающагося. — Въ противномъ же случаѣ, естли на кого выйдетъ выборъ сей, и тотъ будетъ отговариваться какими нибудь не справедливыми невозможностями, таковой повиненъ будетъ отвѣтствовать предъ Богомъ и судомъ установленнымъ Монаршею властію. Прежде же нежели объявить вышеписанное крестьянамъ, собрать ихъ всѣхъ въ церковь гдѣ и отслужить молебенъ съ коленопреклоненіемъ, и потомъ извѣстить ихъ обо всѣмъ ономъ.

24 Іюля

К. Александръ Голицынъ

1812.

Изъ Москвы.

Р. С. Покуда же о требованіи людей отъ земскаго суда объявлено не будетъ, до тѣхъ поръ ни къ выбору и ни къ какому по сему исполненію не приступать. Платѣ для сихъ людей готовится въ Московской канторѣ, за котормъ чрезъ три дни и прислать 3-х лошадей.

Получ. 25 Іюля

1812.

2. Богородской вотчины села Гребнева съ деревнями бурмистру Егору Королеву и земскому Ивану Саламатову!

Деревни Фрязиной крестьянинъ Никифоръ Ларионовъ являсь ко мнѣ, приносилъ жалобу на несправедливый его выборъ въ ополченіе, объявляя притомъ, что многіе богатые и семьянистые, никого изъ себя не выбирая, остаются безъ всякаго участія въ сей повинности. И для того предписываю, по учиненіи выбора, на всѣхъ, кто будетъ назначенъ въ отдачу, представить мнѣ списокъ въ будущее воскресенье, тебѣ бурмистръ съ Дорофеемъ Ивановымъ, Михайломъ Кандрашевымъ, Карпомъ Михайловымъ и братомъ твоимъ Алексѣемъ и другихъ пяти человекъ посредственнаго и бѣднаго состоянія крестьянъ: и тогда я дамъ резолюцію о представленіи ихъ въ отдачу.

К. Александръ Голицынъ

31 Іюля

1812.

Изъ Москвы

Получ. того ж числа

Отчетъ объ израсходованныхъ деньгахъ на содержаніе 45 ратниковъ и 15 лошадей изъ вотчины князя Але- ксандра Михайловича Голицына, 1812 года.

Отчетъ о расходѣ денѣгъ, употребленныхъ в городѣ Сычевкахъ по отдаче Смо-
ленской вотчины ратниковъ, 45-ти человекъ, и 15-ти лошадей, и на содержа-
ніе оных, во время прохода из Сычевокъ до города Дорогобужа, и по бытно-
сти въ ономъ съ 21-го июля по 6-е число августа 1812-го года, а куда именно
означается под симъ.

ч.		Рубли.	Коп.
	Мѣсяць Июль.		
22	Для 45-ти ратниковъ старосты земскаго и 4-х караульщи- ковъ того 51-го человека взято баранины 1 пу. выдано 6 ру. крупъ грешневыхъ 2 ч. по 4 ру. 8 ру. сала свинаго 8 фу. по 30 к. 2 ру. 40 к. для ратниковъ вина ведро 6 ру. калачей на 1 ру. 50 к. того двадцать три рубли девяносто копеекъ.....	23	90
23	Квасу 2 ведра 80 к. калачей на 1 ру. для ратническихъ 15-ти и 2-х господскихъ лошадей взято сена 8 пу. 20 фу. по 40 к. пудъ 3 ру. 40 к. при разменѣ 50 ру. ассигнаціи на медныя дано промену по 10 к. с. рубля 5 ру. для ратниковъ взято вина полведра 3 ру. къ ужину баранины 20 фу. по 15 к. фунтъ 3 ру. того шестнадцать рублей двадцать копеекъ.	16	20
24	Крупъ грешневыхъ 4 гар. по 50 к., 2 ру. снетковъ 12-тъ фунтовъ по 20 к. фунтъ 2 ру. 40 к. для ратниковъ 45-ти и 11-ти подставныхъ взято вина ведро 6 ру. при смѣнѣ 25 ру. ассигнаціи на медныя дано промѣну по 10 ко. с. рубля 2 ру. 50 к. того двенадцать рублей девяносто копеекъ.....	12	90
—	Подканцеляристу Дмитрею Рубцову за написаніе роспи- сей на представляемыхъ ратниковъ дано два рубли.....	2	—
—	Для ратниковъ 45-ти подставныхъ 11-ти взято хлеба пе- ченаго на 2 ру. 50 к. калачей на 1 ру. того три рубли пять- десять копеекъ.....	3	50
—	Для 15-ти ратническихъ и 2-х господскихъ лошадей взято		

ч.		Рубл.	Коп.
	сена 8 пу. по 40 ко. каждой того три рубли двадцать копеекъ	3	20
25	За взятаго для ратниковъ барана выдано 4 ру. 50 к. за квасъ 2 ведра 80 к. крупу грешневую 4 гар. 2 ру. хлеба печенаго три пуда 4 ру. 80 к. того двенадцать рублей дѣсять копеекъ.....	12	10
—	По принятіи ратниковъ 45-ти человекъ для оных взято вина пять осьмыхъ ведра по 80 к. каждая того четырѣ рубли.	4	—
—	Для ратническихъ и 2-х господскихъ лошадей взято сена 15 пу. по 40 к. каждой шесть рублей	6	—
—	Для ночнаго случаю сальныхъ свечъ 3 фу. по 30 к. каждой	—	90
—	Для ратниковъ калачей на рубль	1	—
—	За взятыя на подхвостники и подгрудники и для привяски аммуниці ремни выдано 12 ру. 50 к. на подпруги за 32 ремня по 65 к. каждой, 20 ру. 80 к. за гвозди для прибивки к седламъ подгрудниковъ подпругъ и подхвостниковъ 1 ру. 20 к. за починку ветхихъ седель заплочено 3 ру. 75 к. за седло купленное выдано 5 ру. за 3 войлока на потники 1 ру. 80 к. кузнецу за дело 5-ти стремен 2 ру. веревокъ 6-ть круговъ по 1 ру. каждой 6 ру. нагаекъ 15-ть по 25 к. 3 ру. 75 к. того пятьдесятъ шесть рублей восемьдесятъ копеекъ	56	80
26	За взятыя для ратниковъ сметки 6 фу. выдано по 25 к. за фунтъ 1 ру. 50 к. калачей на 1 ру. 50 к. огурцовъ на 70 к. квасу два ведра 80 к. для лошадей сена 9 пу. по 40 к. пудъ 3 ру. 60 к. того восемь рублей десять копеекъ.....	8	10
27	Взято для ратниковъ вина ведро за которое выдано 6 ру. свинаго сала 4 фу. по 30 к. 1 ру. 20 к. огурцовъ на 80 к. крупъ грешневыхъ 1 ч. 4 ру. калачей на 1 ру. 20 к. хлеба печенаго на 2 ру. 75 к. баранины 25 фу. по 12 к. фунтъ 3 ру. того осьмнадцать рублей девяносто пять копеекъ.....	18	95
28	За взятыя для ратниковъ шляпы выдано за 15 - ть по 1 ру. 35 к. 20 ру. 25 к. за 12 - ть по 1 ру. 60 к. 19 ру. 20 к. 18-ти ратникамъ за шляпы выдано деньгами по 1 ру. 35 к. за каждую 24 ру. 30 к. того шестьдесятъ три рубли семьдесятъ пять копеекъ	63	75

ч.		Рубли.	Коп.
—	За взятыя сапоги 36-ть паръ разною ценою по сложности обошлась каждая пара по 4 ру. 12 к. 148 ру. 32 к. ратникамъ 9-ти человекѣмъ выдано деньгами по 3 ру. 50 к. каждому 31 ру. 50 к. того сто семьдесятъ девять рублей восемьдесятъ две копейки.....	179	82
—	За взятыя для конныхъ ратниковъ к пикамъ ремни выдано.	6	50
—	Для ратниковъ взято калачей на 1 ру. огурцовъ на 60 к. квасу 3 ведра 1 ру. 20 к. того два рубли восемьдесятъ копеекъ	2	80
—	Пятисотенному начальнику Шаманскому за приѣмъ старыхъ лошадей и ветхихъ седель отнесено французской вотки штофъ 4 ру. 20 к. чаю фунтъ 6 ру. того десять рублей двадцать копеекъ.....	10	20
29	Взято к завтраку и обѣду баранины 25 фу. по 13 к. фунтъ 3 ру. 25 к. свиного сала 2 фу. по 30 к. фунтъ 60 к. огурцовъ на 60 к. хлеба печенаго на 2 ру. 30 к. калачей на 1 ру. 30 к. вина пять осьмихъ вѣдра 80 к. каждая 4 ру. того двенадцать рублей пятъ копеекъ.....	12	5
—	За взятое для ратническихъ лошадей сено 13 пу. плочено. по 35 к. за каждой того четырѣ рубли пятьдесятъ пять копеекъ	4	55
—	45-ти ратникамъ выдано награжденія по 3 ру. каждому того сто тридцать пять рублей.....	135	—
—	За взятыя на провіантъ ратникамъ крупу грешневую 6 ч. плочено по 3 ру. 50 к. 21 ру. ячную 6 ч. по 3 ру. 10 к. 18 ру 60 к. того тридцать девять рублей шестьдесятъ копеекъ.	39	60
—	Взято для продовольствія ратниковъ в дорогѣ крупъ грешневыхъ 2 ч. по 4 ру. 8 ру. свиного сала 30 фу. по 30 к. фунтъ 9 ру. того	17	—
—	Ратническому десятскому дано на вотку пятнадцать копеекъ	—	15
—	Пятисотенному начальнику Шаманскому на покупку для 15-ти ратническихъ лошадей во время дороги овса и сена выдано по 15 ру. на каждую лошадь того семьдесятъ пять рублей	75	—
—	Пред выходомъ в походъ для ратниковъ взято вина пол-		

ч.		Рубл.	Коп.
	ведра за которое плочено 3 ру. огурцовъ на 50 к. калачей на 1 ру. 20 к. того четыре рубли семьдесятъ копеекъ	4	70
—	По бытности прикащика Ключникова въ городѣ Сычевкахъ съ 23-го по 30-е число июля на угощеніе приходившихъ в квартиру сотенныхъ начальниковъ уезднаго суда приказныхъ и протоколиста взято сладкой вотки штофъ 2 ру. 50 к. ординарной 2 штофа 3 ру. полпива на 2 ру. на закуску икры 2 фу. по 80 к. фунтъ 1 ру. 60 к. огурцовъ на 30 к. калачей на 50 к. того девять рублѣй девяносто копеекъ	9	90
30	Сычевскому мещанину Федору Лихачеву за постои въ квартирѣ осьми сутокъ 45-ти ратниковъ старосты земскаго и 5-ти караульщиковъ того 52-хъ человекъ по 10 к. съ каждаго в сутки выдано сорокъ одинъ рубль шестьдесятъ копеекъ	41	60
—	За взятое при отправкѣ изъ села Гривы в Сычевки в два раза ратниковъ 45-ти и 11-ти подставныхъ взято вина $\frac{3}{8}$ ведра по 80 к. каждая того четыре рубли	4	—
—	Того въ расходѣ по отдаче ратниковъ въ городѣ Сычевкахъ имѣлось семь сотъ семьдесятъ шесть рублей семнадцать копеекъ	776	17
—	По отчету крестьянина Ларіона Никифорова и земскаго Степанова бывшихъ для продовольствія ратниковъ в дорогѣ по возвращеніи изъ Дорогобужа показано в расходѣ употребленныхъ съ 29-го июля по 6-е число августа.		
—	Въ первой станціи от Сычевокъ к Дорогобужу Г-на Барышникова в селѣ Николе Погореломъ по случаю заговинъ взято говядины 1 пу. 20 фу. по 4 ру. пудъ 6 ру. за барана выдано 4 ру. 50 к. хлеба печенаго 15 фу. по 6 к. фунтъ 90 к. молока на 20 к. за починку двухъ седелъ выдано кузнѣцу 25 к. за оглоблю 10 к. за 2 горшка 25 к. того двенадцать рублей двадцать копеекъ	12	20
31	В другой станціи в селеніи Г-на Тушнѣва взято хлеба чрезъ крестьянъ Захара Александрова 3 пу. 35 фу. выдано 9 ру. 30 к. Ларіона Никифорова одна коврига безъ весу 1 ру. 30 к. вина ведро с четвертью 6 ру. 87 к. того семнадцать рублей сорокъ семь копеекъ	17	47

ч.		Рубля.	Коп.
	Августъ.		
1	Въ городѣ Дорогобуже за взятой печеной хлебъ 2 пу. 11 фу. выдано 4 ру. 55 к. соли 10 фу. 50 к. крупъ грешневых 1 ч. 3 ру. 60 к. десятокъ ложекъ 20 к. того восемь рублей.....	8	—
—	Двумъ сотеннымъ начальникамъ Агіанову и Колокуцкому дано два рубли.....	2	—
3	При смѣнѣ 25 ру. ассигнаціи на медныя и серебро плочено промену по 10 к. с рубля того два рубли пятьдесятъ копеекъ.....	2	50
—	Взято для ратниковъ 45-ти человекъ и трехъ крестьянъ печенаго хлеба 4 пу. 24 фу. за которой выдано одиннадцать рублѣй четырѣ копейки.....	11	4
4	По приказанію пятисотеннаго начальника Шаманскаго на провіантъ ратникамъ взято крупъ 7 ч. плочено по 3 ру. 50 к. за каждой того двадцать четырѣ рубли пятьдесятъ копеекъ.	24	50
—	Хлеба печенаго 15 фу. по 6 к. фунтъ того девяносто копеекъ.....	—	90
—	При перевесѣ въ Дорогобуже провианской муки оказалось въ 90 пу. провѣсу 3 пу. 20 ф. которое количество куплено плочено по 2 ру. за пуд того семь рублей.	7	—
5	Чрезъ крестьянина Ларіона Никифорова взято хлеба печенаго 2 пу. по 2 ру. 40 к. пудъ того четырѣ рубли семьдесятъ копеекъ.....	4	80
—	Пятисотенному начальнику Шаманскому и полсотнику Богуславскому за освобожденіе из Дорогобужа всехъ бывшихъ при ратникахъ извощиковъ и земскаго даю 5 ру. отнесено слаткой вотки штофъ за которую плочено 3 ру. 30 к. того восемь рублѣй тридцать копеекъ.....	8	30
	Того въ дорогѣ и по бытности въ Дорогобуже на содержаніе ратниковъ употреблено в расходъ девяносто восемь рублей семьдесятъ одна копейка.....	98	71
	А всего по отдаче ратниковъ в расходѣ восемь сотъ семьдесятъ четырѣ рубли восемьдесятъ восемь копеекъ.....	874	88
	К сему отчету прикащикъ Пертъ Ключниковъ руку приложилъ.		

Отрывокъ изъ донесенія (черноваго) изъ вотчины князя Александра Михайловича Голицына.

Въ Мартѣ мѣсяцѣ былъ я въ Смоленскѣ за подачею объясненія о доходахъ и отдачею рекрутъ, и по приѣздѣ изъ онаго потребованы были подъѣмныя лошади въ Іюнѣ и Іюлѣ мѣсяцахъ по случаю вторженія непріятели въ Россію, собирать уже было невозможно, такъ какъ въ другихъ мѣстахъ начинались уже бунты. А по предписаніямъ Гражданскихъ правительствъ, чинимы были приготовления къ защитѣ. Въ Іюлѣ же мѣсяцѣ отдаваны были въ ополченіе люди. Въ Августѣ мѣсяцѣ по взятіи непріятельскими войсками города Вязьмы, пришли оныя въ состоящее въ 3-хъ верстахъ отъ села Гривы Г. Варбутова сельцо Кошиевое съ намѣреніемъ зажечь оное; о чемъ по извѣщенію призваны мною были находящіяся въ селѣ Гривѣ крестьянѣ съ пиками, которые потребовали желанія ѣхать въ то сельцо и дватцать человекъ на верховыхъ лошадяхъ поѣхали въ слѣдъ за оными, и я съ прикащикомъ того Варбутова; изъ приѣхавшихъ прежде крестьянинъ поѣхалъ въ переулокъ къ Господскому дому, коего всего отъ сего отвлекали но онъ не послушалъ и Французомъ убитъ, а съ другихъ сторонъ въ помощь не успѣли приѣхать, и по тому Французы большею дорогою уѣхали въ вотчину Князя Лобанова Ростовскаго, и по сему поѣхалъ я въ село Гриву обратно, по приѣздѣ куда объявили мнѣ священники и дьяконъ, что собранъ сходъ, совѣтовали неѣхать на дворъ, однакожь я въѣхалъ взшелъ въ земской на крыльцо и увидя крестьянъ во многомъ количествѣ бунтующихся, уговаривалъ ихъ, чтобъ не бунтовали; но дьяконъ Осипъ Осиповъ стоя на крыльцѣ закричалъ, что Французы идутъ отъ деревни Петровой,—по выходѣ моемъ изъ земской сказалъ онъ, что замѣтилъ изъ крестьянъ одного приготовляющаго на меня пику, совѣтовалъ уѣхать. А по сему случаю и уѣхалъ я Графа Панина въ село Дугино, гдѣ дождавшійся исправника, поѣхали все вмѣстѣ въ помянутое село Кошиевое, съ вооруженными крестьянами Графа Панина и частію казаковъ, въ коемъ и было взято в плѣнъ Французовъ за 80 челов. По окончаніи же сего поѣхалъ я ввечеру въ село Гриву, по приѣздѣ куда не нашелъ караульных, старосты и протчихъ, и пришли ко мнѣ церковники, чрезъ посредство коихъ найденъ былъ староста и велено было мною поставить гдѣ должно караулы, что и исполнено.

21-го Сентября бывъ я въ состоящихъ при селѣ Гривѣ лугахъ по прозбѣ Князя Лобанова крестьянина, коего товарищи тутъ отъ нашествія Французовъ

бывшія, хотѣли утопить, для удержанія чего я пошел и бывъ тамъ увѣдомился отъ крестьянина деревни Васоновой Алимпія Спиридонова, что Французы идутъ въ село, и уже въ ихъ деревнѣ; а посему съ тѣхъ луговъ пришедъ въ домъ, отправа дѣла и все съ земскимъ въ деревню Петерникову, поѣхалъ я съ крестьяниномъ Степаномъ Дмитріевымъ въ село Дугино, вчаяніи застать во ономъ исправника, коего уже не было, поѣхалъ обратно ввечеру съ помянутымъ Дмитріевымъ въ село Гриву, пріѣзжая въ деревню Еришнину увидѣлъ къ огню стоящихъ около онаго Французовъ, каковыя были въ деревняхъ Восовой, Замотѣ и селѣ Гривѣ, поѣхали по дорогѣ ведущей въ деревню Петерникову, проѣзжая деревню Тяхову жители оной останова бывшаго со мною крестьянина Дмитріева, принудили насильно сойти съ лошади, которая была той деревни крестьянина Афонася Григорьева,—видя сіе потребовалъ я десятскаго Ульяна Федотова, велѣлъ дать мнѣ проважатаго, которой далъ свою лошадь, а прочіе бывъ пьяны въ состояніи были учинить вѣщей поступокъ,—по пріѣздѣ въ деревню Петерникову, на другой день поутру послалъ для узнанія о Французахъ бывшаго кучеромъ мальчика, коего обратно ко мнѣ крестьянѣ неотпустили.

Показаніе бывшаго бурмистра деревни Щелково, Егора Королева.

В бытность неприятеля в Москве в деревни Щелкови

Во все шесть недель прошло болныхъ и раненыхъ салдатъ человекъ до тысячи которыхъ на лошадяхъ подѣживали селения до селенія: кормили ихъ и начевали и жили по суткам казаки кажды день ездили партиями человекъ 20 и 18 и 16 кормили с лошадми и начевали: с пленными когда пленыхъ человекъ 15 и 12 и 10 и 8 и 6 и 5 и 4: всего не упомнишь и все были также накормлены: и караулъ около деревни каждая ночь ходилъ: 10 и 12: человекъ кроме того что приставлено к пленнымъ: и пленныхъ всегда провожали с казаками когда: 12 и 10 человекъ и у каждава жителя было ародия пика или вилы: и на подѣводахъ возили пленных болныхъ: сами выезжали с казаками в село Пахру и деревню Лукино и Азеры человекъ по 25: и адинъ бурмистъ Каралевъ ездилъ и бралъ сабой чело 50 и выезжалъ разъ 5: в бытность етаво для казаковъ вина вышло 7 ведръ для того ихъ угощали чтобы к намъ чаще наезжали: казакамъ в станцію возили сена возами: и овса возами: а збирали по деревни Щелкови: и карофъ для говядины имъ: прислано было писмо с пархава заводу от генерала францускава в село Гребенево чтобы начальникъ села

Гребенева явилса к нему на пархавой завогъ: и писана верху по французски а внизу по руски ежели не приедить то наказанъ будить: и ето писмо прислано накануни Покрова Божии Матери а мы его отвезли в Покровъ: казацкому маиеру Григорью Петровичу на троицкаю дорогу в село Братошину и онъ намъ не приказал явитца туда а писмо взялъ и хотель отослать в главнаю армию: по близости француза возили хлебъ муку и крупу

бывшиі бурмистръ Егоръ Караловъ.

Показаніе крестьянина деревни Щелково, Михаила Кандрашова.

Показания деревни Щолкава крестьянина Михаила Кандрашова.

В бытность неприятеля в Москве оной крестьянинъ содержалъ 8 человекъ своихъ работниковъ из ткачей для караулу деревни также и своей фабрики и для разъезда с казаками которых оной крестьянинъ посылал с камандою казаковъ и с которыми самъ много разъ ездилъ а для защищения оной Кандрашовъ ездилъ на троицкаю дорогу в деревню Тарасавку къ казацкому началнику полковому маиору Григорью Петровичу от котораго по усилной прозбе и спросилъ атрадъ казаковъ для защиты села Гребенева и деревни Щелкова со окружності ея и которой отрядъ ходилъ в деревню Щолково х Кандрашову почти ежедневно і оной Кандрашовъ наряжалъ своихъ работниковъ в казацкия платъя и зъ жителями і протчихъ деревень крестьянами отправлялъ для защищения в село Пехру и Азеры и в протчия места откуда виделася опасность оной же отрядъ наежъжалъ изъ 20 и 18 и 16 человекъ когда какъ случится которыхъ угощал оной Кандрашовъ всегда на свой щотъ оной жа Кандрашовъ много из Москвы от неприятеля бежавших и без всякава покровительства находившихся духовенства и купечества и благородных в томъ числе двухъ капитанов и двухъ порутчиков армейскихъ содержалъ сутки по двое и по трое и более і упокоевалъ и означенныхъ военныхъ афицеровъ препроводилъ къ началнику казаковъ въ означеннаю деревню Тарасавку которой и отсылалъ ихъ въ Ерославль к принцу: и множество раненыхъ салдатъ упокоевалъ и кормилъ бежа всякава отказу которое содержание составляло по счислению ему Кандрашову более тысячи двусотъ рублевъ и по милости Божии и за онаго вышеозначеннаго казацкаго начальника всемірныи врагъ не показался на поле Щелковском.

Рапортъ домовому правленію княгини А. А. Голицыной,
о расходѣ хлѣбныхъ и другихъ припасовъ на декабрь
1812 года.

Рапортъ.

По московскому Ея Сіятельства Генераль Леитенантши и Кавалерственной Дамы
Княгини Анны Александровны Голицыной Домовому Правленію, о расходѣ при
Московскомъ запасѣ хлѣбныхъ и другихъ припасовъ.

На декабрь мѣсяцъ 1812.

Муки ржаной.			
По росписямъ на сентябрь октябрь ноябрь и декабрь выдано служителямъ	428 . 30.		
На посыпку сѣна коровамъ	2 . 25.		
Ратникамъ 16 челов. бывшимъ въ домѣ вы- дано въ сентябрѣ мѣсяцѣ	30 . —		
На дѣланіе квасовъ въ ноябрѣ и семь мѣ- сяцѣ	44 . 20.		
Отпущено къ запасу села Влахернскаго....	451 . 10.		
		956.	35
Муки пшеничной.			
Для оклейки въ домѣ окошекъ выдано	1 . —		
На кислые щи	20.		
Отпущено къ запасу села Влахернскаго 30-го мая	2 . 22.		
Во время занятія непріателемъ Москвы, раз- граблено въ сентябрѣ	6 . 18.		
		10.	20.
Муки крупичатой.			
Выдано въ кухню на пирожное въ ноябрѣ и декабрѣ	5 . 22.		

Ивану Чеснокову выдано по положенію къ Рождеству	1 . —		
Во время занятія Москвы непріателемъ разграблено	1 . 27.		
<u>Муки беклеванной.</u>		8.	9.
Выдано въ кухню на хлѣбы въ ноябрѣ и семь мѣсяцѣ		10.	25.
<u>Соли.</u>			
Отпущено къ запасу села Влахернскаго	26 . 5.		
Выдано въ кухню въ ноябрѣ и семь мѣсяцѣ	2 . 23.		
<u>Солоду ржаного.</u>		28.	28.
Выдано на деланіе квасовъ въ ноябрѣ и семь мѣсяцѣ		чет. 1	ч. 2 ¹ / ₂
<u>Крупъ гречневыхъ.</u>			
По росписки выдано служителямъ на 2 - ю половину сего года	26 чет. 2 ¹ / ₂ ч.		
Отпущено къ запасу села Влахернскаго	9 . 3 ³ / ₄		
Выдано въ кухню и на кислые щи	— 2.		
<u>Овса.</u>		36.	¹ / ₄
Выдано въ конюшну для корму лошадей въ ноябрѣ	9 . —		
Отпущено въ село Гребнево въ маѣ 18 чет. въ село Влахернское въ семь мѣсяцѣ 24 чет. 4 ¹ / ₂ ч. того	42 . 4 ¹ / ₂		
Непріателемъ разграблено въ сентябрѣ	6 . 4.		
<u>Масла коровьяго.</u>		чет. 58	ч. ¹ / ₂
Выдано въ кухню на расходъ		пу. 22	ф. 20

Масла чухонскаго.			
Выдано туда жъ		—	30.
Меду.			
Разграблено непріателемъ въ сентябрѣ		16.	28.
Воску желтаго.			
Выдано Гардемебелю для натирки въ домѣ половъ	25.		
Непріателемъ разграблено въ сентябрѣ мѣсяцѣ	3 . 37.		
		4.	22.
Мыла сальнаго.			
Непріателемъ разграблено въ сентябрѣ		2.	7.
Свѣчь сальныхъ.			
Выдано въ домъ и Ивану Оборину на расходъ въ октябрѣ ноябрѣ и декабрѣ.			
Столовыхъ	500 вѣсомъ	3 . 10.	
Мелкихъ.	1600 —	7 . 10	
	2100.	10.	20.
Суконъ цвѣтныхъ.			
Во время занятія Москвы непріателемъ разграблено		700 ар.	—
Холста хрящу.			
Непріателемъ разграблено		69 ар.	—
Лѣсу дровянаго.			
Во время бывшаго въ Москвѣ пожара въ сентябрѣ мѣсяцѣ сгорѣло на набережномъ дворѣ.			
8 ар.		15407	—
Поворнику		—	253.

Домоправитель Иванъ Чесмоковъ.

Повытчикъ Алексѣй Большаковъ.

Письмо герцогини Антуанеты Виртембергской генералу-отъ-инфантеріи Римскому - Корсакову, 11 марта 1813 года.

Monsieur

J'ose m'adresser à Vôtre Excellence pour Lui recommander les Officiers du Contingent du Duc de Saxe Cobourg mon frère: Le Prince Gordschakoff a eu la complaisance il y a presque 6 Semaines de Vous faire passer 1450 Rbl: en papier mon Général! pour les remettre au Capitaine Baron de Wangenheim avec la priere de me faire avoir Sa quittance et une réponse à ma lettre. N'en ayant point reçu encore jusquasprésent je renouvelle cette prière, et prie Votre Excellence dagréer les assurances de ma plus haute Estime!

St Petersburg

ce 11 de Mars

1813

Antoinette Duchesse de Wurtemberg

**Отрывокъ изъ письма Александра Алексѣевича Муханова,
отъ 25 іюля 1826 года.**

Я жалѣю, что туманъ налегавшій на окрестностяхъ Малоярославецкихъ помѣшалъ мнѣ подробно разсмотрѣть ихъ; къ тому же оплошность моя была причиною, что не взялъ съ собою ничего о 12-мъ годѣ; такъ, что и лишился возможности свѣрить мѣстность съ описаніями. Ямщикъ мой указывалъ мнѣ здѣсь въ Никольскомъ монастырѣ ворота изпятненные картечью, которая задѣла даже въ нѣсколькихъ мѣстахъ и образъ Нерукотвореннаго Спаса на нихъ ви-сящій, но пощадила Ликъ Господень; это содѣлало ихъ предметомъ столь сильнаго суевѣрія, что народъ желалъ бы и самые ворота припереть въ какуюнибудь кіоту.

Прошение императору Александру I маіорши Т. И.
Мансуровой, 10 февраля 1813 года.

Всепресвѣтлейшій державнѣйшій Великій Государь Императоръ Александръ Павловичъ Самодержецъ Всероссійскій Государь Всемилоствѣйшій.

Просить Маіорша Татьяна Иванова дочь Мансурова а о чемъ тому слѣдуетъ пункты.

1-е

Имѣла я собственныя свои два дома деревянные купленные мною 1-ой въ 1807 году въ Хамовнической части въ 1-мъ кварталѣ подъ № 59-м противъ цѣрькви Неопалимыя купины на каменномъ фундаментѣ съ принадлежащимъ къ нему службами и имѣвшюся въ немъ мебелью, которой мой домъ отдавался въ наймы за каждой мѣсяцъ по сту по пятидесяти рублей, что и записывалось въ нашей части у маклера. 2-ой мой домъ купленъ въ 1811-мъ году на занятые мною деньги подъ залогъ онаго жъ дома на каменномъ фундаментѣ и съ принадлежащимъ къ нему строеніемъ и мебелью въ той же части и кварталѣ и подъ тѣмъ же № 59-м и оной мой домъ отданъ былъ въ наймы 1812-го года Іюля съ 1-го числа срокомъ на годъ цѣною за 1600 рублей, что и записано нашей же части въ маклерской книгѣ отъ которыхъ домовъ моихъ только имѣла я съ двумя моими дочерьми дѣвицами пропитаніе и содержаніе трехъ сыновей моихъ находящихся въ военной службѣ и къ онымъ моимъ домамъ приписанные крѣпостныхъ моихъ дворовыхъ людей 17 душъ за которые получая съ тѣхъ домовъ моихъ доходъ платила за людей моихъ всякіе казенные подати ибо я другова имѣнія за собою никакого не имѣю и оставленное мое разграблено и дома съ прочимъ строеніемъ созжены. остатку а что стоили дома мои и всѣ имущество присемъ прилагаю реестръ и тому объявляю цѣну по сущей справедливости и чистой совѣсти прошу.

Дабы Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества указомъ повелено было сіе мое прошеніе въ Московской Управѣ Благодѣнія принять и записать въ книгу явочныхъ прошеній, а мнѣ впредь для вѣдома какъ съ онаго прошенія такъ и реестра дать за надлежащимъ обстоятельствомъ копію.

Всемилоствѣйшій Государь прошу Вашего Императорскаго Величества о семъ моемъ прошеніи рѣшеніе учинить, февраля 10 дня 1813-го года.

Реестръ.

Два деревянные дома купленные мною перьвой въ 1807 году въ Хамов-
 нической части въ 1-мъ квартале подъ № 59-мъ противъ цѣркви Неопалимые
 купины на каменномъ фундаментѣ на семи сажѣняхъ по улицѣ о 9-ти комна-
 тахъ и къ нему принадлежащее строеніе какъ то: кухня, изба и особенная къ
 нимъ комната, погребъ и вновь выстроенные въ прошломъ 1811-мъ году пог-
 ребъ каретной сарай и конюшня о шести стойлахъ, которой мой домъ отдавался
 въ наймы за каждой мѣсяць сто пятьдесятъ рублей, что и записывалось въ на-
 шей части у маклера. Другой домъ большой на 11 саженьяхъ и два аршина по
 улицѣ въ низу десять комнатъ въ антресоляхъ четыре купленъ..... году
мною деньги подъ залогъ онаго жъ дома, на каменномъ фундаментѣ и
 подъ онымъ погребъ со сводами и прочее принадлежащее къ нему строеніе
 три избы и кухня каретной большой сарай и конюшня о десяти стойлахъ и два
 большихъ погреба съ напогребницами въ той же части въ томъ же квартале и
 подъ темъ же № 59 и оной мой домъ отданъ былъ въ наймы 1812 года Юля
 съ 1-го числа срокомъ на годъ цѣною за тысячу шестьсотъ рублей и записано
 въ той же части въ маклерской книгѣ означенные дома стоили 25000 рублей.

Въ оныхъ домахъ образовъ въ серебрянныхъ окладахъ шесть безъ окладу
 шестнатцать

Мѣбели въ большомъ домѣ

Зеркаловъ большихъ четыре цѣною.....	1400 ру.
Два круглыхъ стѣнныхъ	100 ру.
Столовъ мраморныхъ съ отдѣлкою четыре.....	120 ру.
Ломбѣрныхъ краснаго дѣрева четыре.....	150 ру.
Трое софѣ и полторы дюжины кресель.	155 ру.
Къ софамъ столовъ краснаго дерева съ бронзою три	125 ру.
Стульевъ плетеныхъ три дюжины	75 ру.
Коженныхъ стульевъ двѣ дюжины	60 ру.
Диванъ съ ситцемъ и къ нему 8 стульевъ цѣльнаго крас- наго дерева	250 ру.
Гардины коленкоровые съ ситцемъ и бахрамами а въ дру- гой горницѣ кисейные съ бахрамами	175 ру.
Столиковъ краснаго дерева съ наклейкой четыре	60 ру.
Краснаго дерева два комода и бюро.....	206 ру.
Ширмы краснаго дерева со стекломъ	30 ру.

Въ другомъ домѣ мебели

Два большіе зеркала	250 ру.
Туалетъ краснаго дерева	65 ру.
Два круглыхъ зеркала	100 ру.
Столовъ ломберныхъ краснаго дерева четыре	125 ру.
Софе и полторы дюжины кресель	100 ру.
Столъ къ софе съ бронзою	35 ру.
Два стола съ бронзою и наклейкою	50 ру.
Стульевъ коженыхъ три дюжины	60 ру.
Столиковъ разныхъ краснаго дерева четыре	75 ру.
Три комода краснаго дерева	120 ру.
Канторка съ бронзою	45 ру.
Разныхъ картинъ въ рамахъ и за стеклами 150 на	400 ру.
Гардины въ трехъ комнатахъ перкалевые съ бахрамами ..	120 ру.
Фортопіано	350 ру.

Серебро.

Столовыхъ ложекъ четыре дюжины	729 ру. 60 ко.
Разливныхъ двѣ	205 ру.
Соусныхъ четыре	194 ру.
Десертныхъ полторы дюжины	150 ру.
Чайныхъ двѣ дюжины	100 ру.
Для хлебнаго лопатка	90 ру.
Судки столовые ..	273 ру.
Солонокъ двѣнадцать	125 ру.
Доска	275 ру.
Два молошника	150 ру.
Подсвѣшниковъ двойныхъ два	315
Два колпака большихъ серебряныхъ	45
Четыре чарочки вызолоченные ..	50
Четыре подсвѣшника аплике	30
Часы золотые съ амалью	250
Табакерка золотая съ медалью	400
.....	
Мое и дочерей моихъ 24 пары	1500 ру.
Два солопа атласные черные	300 ру.

Соболя опушка съ шубы и воротникъ	250 ру.
На лисьемъ мѣху шуба	150 ру.
Мужа моего медвежья шуба крытая краснымъ казимиромъ	500 ру.
Разнаго его платья и мундиры	350 ру.
Людскихъ платьевъ и шубъ на	700
Сундукъ съ кроватнымъ бѣльемъ для дочерей моихъ а имянно шесть подушекъ съ оборками и кружевомъ наволоки тафтѣяныя покрывало кисейное на тафтѣ другое покрывало ки- сея шитое все рѣшетками одѣяло атласное стеганое да тканье аглинское не сшивное кисея къ кровати шитая рѣшетками. . . .	
Полотняныхъ наволокъ шесть съ оборками и 4 простыни.	180 ру.
Кружева на кровать 160 аршинъ	320
Широкаго кружева 30 аршинъ	500
Черныхъ блондовъ 25 аршинъ	250
Сундукъ съ столовымъ новымъ бѣльемъ Гарнитуръ ска- терть 12 аршинъ и къ ней 6 дюжинъ салфетокъ	
Другая 10 аршинъ и 4 дюжины салфетокъ	600 ру.
Третья девяти аршинная и 3 дюжины салфетокъ	425
Скатерть семи аршинная и двѣ дюжины салфетокъ	250
Да шести аршинныхъ двѣ скатерти и три дюжины салфе- токъ	200
Скатерть трехъ аршинная	300 ру.
Простыхъ не гирныхъ два куска дюжины въ кускѣ и простыхъ двѣ скатерти	100
Полотенъ самыхъ тонкихъ четырѣ по 25 аршинъ	300

Расхожаго бѣлья.

Скатертей салфетокъ простынь наволокъ рубашекъ и одѣ- яль на	1100 ру.
---	----------

Пуховиковъ пуховыхъ

Двойной пуховикъ въ три пуда и тиковая наволока	250
Полуторной въ полтора пуда тиковая наволока	125
Одинакой въ пудъ и 10 фунтовъ и наволока	100
Еще въ пудъ и 10 фунтовъ съ наволокой же	100
Подушекъ пуховыхъ дватцать двѣ	265
Верченыхъ 4 пуховика и тиковая наволока	234

Посуды мѣдной

Кострюль двѣнадцать	}	Всего 900 ру.
Котловъ четыре		
Самоваровъ три		
Тазовъ шесть		
Самоваръ Англинской высеребряные краны.....		150 ру.
Чайниковъ медныхъ большихъ два.....		80
Дѣженъ фарфоровой		100
Сервизъ столовой аглинской фаянсовой.....		250
Книгъ разнаго званія до 500 на		1200
Карета.....		1000
Сани		350
Заготовленной муки на годъ 340 пудъ.....		510
Ситной муки 50 пудъ.....		100
Крупъ грѣшневыхъ пять четвертей.....		100
Масла коровьяго 8 пудъ		64
Итого съ домами.....		49385 ру.

О сборѣ съ Московскоѣ губерніи милліона рублей на покупку воловъ въ 1812 году.

Выписка изъ Богородскаго земскаго суда отъ 6-го Іюля 1812 года послѣдовавшаго.

О зборѣ съ Московскоѣ Губерніи милліона рублей на покупку валовъ потребныхъ для подъема воинскихъ тягостей и продовольствія войскъ добровольными отъ достоянія приношеніями, Московское дворянское депутатское собраніе въ присутствіе Г. Г. Губернскаго и Уѣзнаго предводителей положило такъ какъ слѣдующую съ дворянскаго сословія сумму 500,000 рублей, по случаю малаго прибытія в то собраніе дворянства добровольнымъ приношеніемъ собрать въ скорости не можно а время къ тому нимало не терпитъ, то расположить раскладкою по числу ревизскихъ душъ, чрезъ каковую уравниельность и предоставляется вносить по рублю по семидесяти копеекъ съ каждой мужеска пола души изъ собственнаго своего достоянія за владѣльцомъ фабрикантомъ и заводчикомъ состоящихъ съ тѣмъ чтоб те деньги вносимы были по

богородскому округу къ здѣшнему Г. уѣздному предводителю Его С-ву Князю Михайлѣ Петровичу Голицыну, живущему въ Москвѣ въ Новой Басманной въ своемъ домѣ непремѣнно въ теченіи двухъ недѣль безъ доимочно; въ противномъ случаѣ означенной зборъ возложенъ будетъ на отвѣтственность земской полиціи то тогда уже не упуститъ сей судъ взять во взысканіи онаго яко поступившаго въ недоимку неослабныя мѣры, а притомъ же отъ таковаго высочайше повеленнаго збору отнюдь не освобождаются те владѣльцы кои не были по приглашенію на лицо въ Дворянскомъ Собраніи, а неотмѣнно обязаны выполнить зависящее отъ нихъ по сему предмѣту; естли же кто изъ господъ дворянъ пожелаетъ къ пользѣ общей сверхъ сей раскладки дѣлать пожертваніе: то сіе предоставляется на ихъ добрую волю; о чемъ и могутъ относиться къ господину предводителю и те подписки во оригиналахъ представить въ сей судъ, а для поспѣшенія въ пути требовать отъ селенія до селенія по одной подводѣ съ проводникомъ.

Получ. 9-го Іюля

1812:

Рапортъ (черновой) управляющаго княгини А. А. Голицыной въ Богородскій земскій судъ, 4 іюля 1812 года.

Въ Богородской земской Судъ!

Генераль-Лейтенантши и Ордена Святыя Екатерины Кавалерственной Дамы Княгини Анны Александровны Голицыной, вотчины села Гребнева отъ управляющаго

Рапортъ!

Сего числа пополудни въ шесть часовъ явившись въ вотчинѣ Госпожи моей въ деревнѣ Фрязиной, какъ видно и по мундиру, что Московскаго гарнизоннаго полка но и по объявленію дѣйствительно онаго полка 3-го Баталіона 4-й роты рядовой Алексѣй Лопатинъ, котораго замѣтивъ выборной оной деревни, что шатаясь по деревни взявъ его представилъ ко мнѣ. А какъ онъ объявилъ мнѣ, что ушедши безъ вѣдома своего начальства, и не имѣя при себѣ никакого виду: то и представляя его во оный земской судъ. Іюля 4-го дня 1812 года.

Копія съ объявленія Богородскаго уѣзднаго предводителя дворянскому сословію, 24 іюля 1812 года.

Отъ Богородскаго Уѣзднаго Предводителя Богородскаго уѣзда, почтенному дворянскому сословію

Объявляется.

Комитетъ учрежденный въ силу Высочайшаго Его Императорскаго Величества повеленія о составѣ земскаго ополченія подъ названіемъ Московской военной силы между прочимъ опредѣлилъ на укомплектованія оной по здѣшней Губерніи собрать съ каждаго десяти ревизскихъ душъ за помѣщикомъ состоящихъ одного воина на защиту отечества во всемъ томъ одѣяніи въ какомъ онѣ есть и притомъ с пиками или ружьями, стараясь сколько можно, чтобъ ружья были со штыками, сверхъ сего комитетъ предоставляет на волю владѣльцамъ одному или родственнику за другаго ставить техъ людѣй въ земское войско, но не моложе 20-ти и не старше 45-ти лѣтъ, которыхъ имѣють господа дворянѣ сколько кому слѣдуетъ представить въ столичный городъ Москву или въ уѣздный городъ Богородскъ, кому куда удобнѣе будетъ непременно, по полученіи сей повѣстки чрезъ семь дней вмѣстѣ съ положеннымъ на нихъ трехъ месячнымъ провіантомъ, потомъ обязанъ каждый дворянинъ затѣмъ же въ слѣдъ и конечно не далѣе двухъ недель представить къ пріемщику назначенную Высочайше конфирмованномъ докладѣ на тѣхъ внутреннихъ воиновъ одежду. Въ прочемъ я увѣренъ, что почтенное Богородское благородное сословіе усугубитъ своимъ стараніемъ выполнить по сему предмѣту волю Государя Императора пекущагося о благе общемъ къ спокойствію каждаго, внуша вооружающимся воинамъ, что сіе ополченіе есть временное и составляется единственно изъ предосторожности въ защиту домовъ женъ и дѣтей каждаго противу врага угрожающаго поколебать спокойствіе Россіи. Іюля 24 дня 1812-го года: Подлинное подписалъ

Предводитель Князь Михайла Голицынъ.

Копія съ приказа Богородскаго земскаго суда рядовому
Богородской уѣздной инвалидной команды, 28 іюля
1812 года.

Изъ Богородскаго Земскаго Суда Богородской Уѣздной Инвалидной команды
рядовому

Приказъ.

На сихъ дняхъ почтенному дворянскому сословію отъ Господина уѣзднаго предводителя предварительно объявлено было чрезъ нарочно посланныхъ опредѣленіе комитета учрежденнаго въ силу Высочайшаго Его Императорскаго Величества повеленія о составѣ земскаго ополченія под названіемъ Московской военной силы на защиту вѣры Царя и отечества противу врага угрожающаго поколебать спокойствіе Россіи на укомплектованіе которой и велено собрать съ каждаго 10-ти ревизскихъ душъ за помещикомъ состоящихъ одного воина, а какъ Военной Приѣмщикъ Господинъ Генералъ Маіоръ Алексѣй Сергѣевичъ Свечинъ уже въ городъ Богородскъ прибылъ: то и предписывается тебѣ сей же часъ отправиться въ округу по части Дворянскаго Заседателя Вяземскаго и Господамъ дворянамъ а не въ бытность ихъ управляющимъ вотчинами, равно и фабрикантамъ или ихъ прикащикамъ съ должною учтивостію объявить съ подпискою, чтобъ техъ воиновъ по полученіи сей повески представили въ сей городъ Богородскъ непременно на другой день во всемъ томъ одѣяніи въ какомъ онѣ есть и притомъ съ пиками и ружьями, стараясь сколько можно, чтобъ ружья были со штыками, а такъ же не освобождаются отъ сего сбора воиновъ и те помещики за кемъ состоитъ 9 и 8-мъ душъ, или у некоторыхъ таковое число останется отъ полныхъ участниковъ, кто же имѣетъ за собою не болѣе 7 душъ или менѣе, то съ того воина не требуется, а предоставляется поставить таковаго, естли кто добровольно пожелаетъ; и менѣе мужа съ женою или родственниковъ съ дѣтьми отнюдь въ семъ вооруженіи въ подобномъ случаѣ не раздробляется а могутъ они соединять состоящія за ними именія воедино для составленія полныхъ десятковъ помещики жъ коего имѣнія въ одной равной и въ другихъ округахъ здѣшней губерніи находятся, должны составлять воедино жъ полные участки. Въ противномъ случаѣ Господинъ Предводитель не упуститъ подлежащихъ съ нихъ воиновъ взыскать.

При приѣмѣ воиновъ наблюдаются слѣдующія правила; люди были б здо-

ровы не уроды и не кривы, летами отъ 20 до 45, или же несколько моложе первыхъ и старѣ послѣднихъ, представляя вмѣстѣ съ пиками по положенію на 3 мѣсяца провіантомъ, а имянно муки по 5 пуд. 25 ѳу. крупъ по 4¹/₂ гарнца на каждаго воина, и те подписки по возвращеніи представить въ сей судъ Юля 28-го дня 1812.

Исправникъ Евреиновъ.

Рукописная книжка „Описаніе Москвы“ изъ библіотеки графа А. А. Закревскаго.

Описаніе Москвы.

	До наше- ствія не- пріятеля было.	Ныне состоитъ.		До наше- ствія не- пріятеля было.	Ныне состоитъ.						
Арсеналовъ	1.	—	Временная тюрьма	1.	1.						
Академія	2.	2.	Вдовій домъ	1.	1.						
Аптекъ {	Казенныхъ 8.	5.	Гофшпиталь	1.	1.						
						Партикулярныхъ 21.	20.	Гимназія	2.	1.	
Богадѣлень	55.	51.	Герберговъ	41.	40.						
Больницъ	9.	9.	Губернскій замокъ	1.	1.						
Башень	19.	19.	Дворцовъ	4.	4.						
Бутокъ	360.	360.	Домовъ {	Казен- (Каменныхъ 387.	402.						
Блинной	142.	42.				ныхъ. (Деревянныхъ —	—	—			
Бань {	Торговыхъ 41.	33.	Обыва- (Каменныхъ 2180.	6591.	3261.						
						Домовыхъ 1050.	600.	тельскихъ. (Деревянныхъ	6591.	7651.	
Боень	19.	20.	Екзерциргаузъ	—	1.						
Барокъ {	Съ хлѣбомъ . 343.		Жителей {	Духовныхъ 4779.							
						Съ солью 37.	Дворянъ 10732.				
						Съ лѣсомъ и дровами 41.		Военнослужа- щихъ 21978.			
						Съ казною —			Купцовъ 11885.		
						Съ мѣдью 6.				Мѣщанъ 19036.	
						Съ железомъ 31.					Дворовыхъ лю- дей 38404.
						Съ разнымъ камнемъ и проч. 202.					
Итого 660.	Всѣхъ прочихъ сословій 203776.										
Воспитательный домъ 1.		Итого 312000.									
Военно-сиротское отдѣленіе 1.											

	квадратныхъ сажень.			До наше-	Ныне	
	До наше-	Ныне		ствія не-		состоять.
Земли подъ городомъ . . .	16,120800.			ствія не-	состоять.	
	До наше-	Ныне		ствія не-	состоять.	
	ствія не-	состоять.		ствія не-	состоять.	
	пріятеля			пріятеля		
	было			было.		
			Полпивныхъ продажъ . . .	99.	87.	
			Переулковъ	401.	539.	
			Прудовъ	297.	253.	
			Рядовъ	192.	192.	
Заводовъ и фабрикъ . . .	441.	377.	Рынковъ	29.	29.	
Заставъ	16.	16.	Рабочій домъ	1.	1.	
Институтовъ	2.	2.				
Клубовъ	2.	2.	Рѣкъ	2.	2.	
Казармъ для войскъ . . .	9.	9.	Ручьевъ	4.	4.	
Конюшенъ для кавалерій-			Соборовъ	7.	7.	
скихъ лошадей	2.	5.	Собраній	2.	2.	
Кухмистерскихъ столовъ . .	4.	14.	Страннопріемный домъ . . .	1.	1.	
Кофейныхъ домовъ	9.	6.	Садовъ	1393.	1021.	
Калачныхъ избъ	132.	98.	Смирительный домъ	1.	1.	
Кладбищъ	14.	14.	Типо- Казенныхъ	6.	3.	
Кузницъ	316.	237.	графіи Партикулярныхъ	6.	3.	
Колодцевъ	3670.	3793.	Театровъ	1.	1.	
Лабазовъ	55.	66.	Трактировъ съѣстныхъ . . .	204.	181.	
Лавокъ {	въ рядахъ	6789.	6138.	Университетъ	1.	1.
	мелочныхъ	1732.	1226.	Училищъ	21.	17.
Монастырей {	мужскихъ	15.	14.	Улицъ	188.	164.
	женскихъ	9.	7.	Умалитенныхъ домъ	1.	1.
Мостовъ {	каменныхъ	8.	8.	Фабрикъ и заводовъ	441.	376.
	деревянныхъ	72.	98.	Фряжскихъ погребовъ	170.	162.
			Фонарей по улицамъ	7292.	4341.	
Мостовой каменной	598754 1/2		Харчевень	182.	57.	
Оранжерей	111.	107.	Хлѣбныхъ избъ	159.	110.	
Огородовъ	248.	233.	Греко-Россійскихъ церквей.	296.	280.	
Пансіоновъ	18.	22.	Прочихъ исповѣданій цер-			
Площадей	25.	25.	квей	6.	6.	
Полевой дворъ	1.	1.	Часовень	30.	30.	
Постоялый дворъ	568.	395.	Частей города	20.	20.	
Питѣйныхъ домовъ	200.	132.				

**Копія съ вѣдомостей обгорѣлымъ въ 1812 году домамъ,
которыя не были еще отстроены въ 1819 году.**

1819 года Мая 14 дня предписано было отъ московскаго оберъ-полиціймейстера А. С. Шульгина полиціймейстерамъ Отдѣленій доставить ему свѣдѣнія въ формѣ вѣдомостей о всѣхъ въ Москвѣ обгорѣвшихъ и неотстроенныхъ съ 1812 года домахъ, пустопорожнихъ земляхъ, незастроенныхъ и неогороженныхъ пустыряхъ и неисправленныхъ мостовыхъ.

Вслѣдствіе сего были составлены и представлены къ оберъ-полиціймейстеру вѣдомости отъ слѣдующихъ частей:

Отъ Тверской части.

1-го квартала.

№ 19. Въ Григоріебогословскомъ переулкѣ, пустопорожняя земля титулярнаго совѣтника Михаила Силина. Земля не огорожена; мостовой и тротуара нѣтъ. Владѣлецъ гдѣ живетъ, неизвѣстно.

№ 3. Въ Крапивенскомъ переулкѣ, домъ священника церкви Сергія чудотворца что въ Крапивкахъ, Михаила Петрова; земля не огорожена.

№ 30. Въ Алексѣевскомъ переулкѣ, пустопорожняя земля церкви Алексѣя митрополита просвирни Марьи Ивановой; земля не огорожена по несостоянію.

№ 50. Въ томъ же переулкѣ, пустопорожняя земля соборнаго дьячка Семена Руднева, не огорожена.

№ 59. Въ Шубинскомъ переулкѣ, сломанной церкви Воскресенія Славущаго дьячка Василія Петрова земля, не огорожена.

№ 63. На Дмитровской улицѣ, сломанной церкви Воскресенія Славущаго что на Дмитровкѣ мѣсто не огорожено; по сломкѣ церкви, мостовой и тротуаровъ съ тумбами не имѣется. Земля отдана Московскою Духовною Консистоіею во владѣніе священнику Печерской Ризположенской что въ Кремлѣ церкви, который отзывается, что не имѣетъ указа изъ Консистоіи, и къ исправленію означеннаго приступить потому не можетъ.

№ 70. На Дмитровской улицѣ, пустопорожняя земля генераль - маіорши Елизаветы Петровны Глѣбовой - Стрѣшневой, на той землѣ корпусъ обгорѣлый

не отстроены и не огорожены. Владѣлица отозвалась, что корпуса отдѣлать и привести въ надлежащій порядокъ еще не располагаетъ.

№ 78. Въ Салтыковскомъ переулкѣ, пустопорозжая земля покойной генераль-поручицы Матрены Павловны Салтыковой, не обгорожена, мостовой и тротуара нѣтъ. Оная госпожа 1813 года Апрѣля 24-го помре, а наслѣдники, князя Павелъ Петровичъ, Александръ Александровичъ Щербатовы и дѣйствительный статскій совѣтникъ Петръ Ѳедоровичъ Балкъ-Полевъ, имѣютъ между собою споръ, и дѣло объ ономъ производится въ 7 - мь Департаментѣ Сената; опекунъ же, Г. Л. Хомутовъ, обѣщался сдѣлать временный заборъ.

Церкви Рождества Богородицы что въ Столешникахъ пустопорозжія земли причетниковъ:

№ 82. Пономаря Якова Николаева.

№ 83. Дьячка Филиппа Данилова.

№ 85. Дьячка Василия Никитина.

№ 84. Просвирни Анны Семеновой. Земли не огорожены; отзываются несостояніемъ.

2-го квартала.

№ 104. На Петровской площади, казенный обгорѣлый Петровскій театръ. Не отстроены, не огорожены, и мостовая неисправна. Исправленіе зависитъ отъ Казны.

№ 106. На Петровкѣ, деревянный домъ гвардіи поручика Степана Александровича Хомякова, и мостовая ветха. На будущій годъ обѣщаетъ строить новый каменный корпусъ.

№ 108. По Газетному переулку, домъ надворнаго совѣтника, князя Александра Сергѣевича Трубецкаго, не отстроены и не покрыты, заборы, мостовая и тротуары и тумбы въ неисправности; состоитъ въ залогѣ у купца Зюзенкова, котораго имѣнія описаны, и который по многократнымъ понужденіямъ къ отстройкѣ дома не приступаетъ.

№ 109. По Тверской улицѣ, домъ дѣйствительнаго камергера Петра Петровича Бекетова. Главный корпусъ не покрытъ и не отдѣланъ, флигель по Газетному переулку не отдѣланъ, а по Георгіевскому переулку мостовая неисправна. Отзывается неимѣніемъ въ наличности капитала.

№ 110. По Георгіевскому переулку, бывшаго Георгіевскаго монастыря священника Алексѣя Александрова пустопорозжее мѣсто, не огорожено, мостовая неисправна; отзывается неимѣніемъ денегъ.

№ 111. По Георгіевскому переулку, титулярной совѣтницы Аграфены Романовой пустое мѣсто, не огорожено. Владѣлица гдѣ живетъ, неизвѣстно.

№ 116. Въ Охотномъ ряду, пустопорозжее мѣсто священника церкви Пят-

ницы Параскевы, огорожено временным неприличным забором. Объявилъ, что къ застроению сего мѣста приступитъ нынѣшнимъ лѣтомъ.

№ 121. Въ Охотномъ ряду, домъ московской купеческой жены Авдотьи Патрикѣевой, огороженъ неприличнымъ заборомъ; отзывается неимѣніемъ къ отстройкѣ въ наличности капитала, доходу же съ дому получается 203 рубля; обѣщалась нынѣшнимъ лѣтомъ сдѣлать каменный заборъ.

№ 150. По Неглинной, домъ дѣйствительной статской совѣтницы Надежды Ивановны Курманалѣевой, огороженъ неприличнымъ заборомъ; обязалась построить каменный заборъ.

№ 167. По Моховой улицѣ, домъ московскаго купца Василя Григорьева Назарова. Главный корпусъ не отдѣланъ и не покрытъ, по сторонамъ лавки не оштукатурены; мостовой, тротуаровъ и тумбъ нѣтъ. Къ будущему Юлю мѣсяцу обѣщается приступитъ къ отдѣлкѣ дома.

№ 187. По Газетному переулку, домъ князя Алексѣя Ивановича Долгорукова. Обѣщается приступитъ къ исправленію.

№ 169. По Моховой, домъ московскаго мѣщанина Василя Андреева Павлова; флигель каменный въ два этажа, обгорѣлый; мостовая въ неисправности, къ отдѣлкѣ приступитъ отзывается неимѣніемъ денегъ.

№ 172. По Никитской улицѣ, Императорскій Московскій Университетъ. По Никитской флигель въ два этажа не оштукатуренъ и другой таковой же, но не отдѣланъ, обгорѣлый, и по Университетскому переулку каменные конюшни не отдѣланы; и по Моховой улицѣ и Никитской заборы, мостовыя, тротуары въ неисправности. Къ отдѣлкѣ флигелей производятся подряды; къ исправленію же мостовыхъ приступлено.

№ 183. Университетскій пансіонъ. У сего пансіона по Газетному переулку мостовая и тротуары въ ветхости и неисправности; приступлено къ исправленію.

По Дмитровкѣ, бывшій Георгіевскій монастырь, а нынѣ приходская церковь. Корпусъ каменный, въ два этажа, не оштукатуренъ и не отдѣланъ; по Георгіевскому и Газетному переулкамъ и по Дмитровской улицѣ мостовой, тротуаровъ и тумбъ нѣтъ; по Газетному переулку два флигеля разломаны, весьма въ дурномъ видѣ, и вырытый фундаментъ загороженъ неприличными досками. Не исправляется за неимѣніемъ ассигнованной суммы.

По Петровской улицѣ, пустопорозжее мѣсто купчихи Марьи Шеховцевой, не огорожено, мостовой и тротуаровъ нѣтъ; владѣлица гдѣ живетъ, неизвѣстно.

№ 180. По Тверской улицѣ, домъ графини Елизаветы Ѳедоровны Мусиной-Пушкиной. Главный корпусъ не отдѣланъ; по Университетскому переулку заборъ деревянный. Приступлено къ отдѣлкѣ корпуса.

№ 188. По Никитской улицѣ, домъ умершаго московскаго купца Андрея Тимофеева Заикина. Корпусъ въ два этажа не покрытъ и не отдѣланъ, по Уни-

верситетскому переулку заборъ деревянный. Оный домъ состоитъ по долгамъ въ описи, дѣло производится въ 4 департаментѣ Магистрата.

№ 187. По Газетному переулку, домъ князя Алексѣя Ивановича Долгорукова. Мостовой и тротуаровъ нѣтъ.

3-го квартала.

№ 198 } По Тверской улицѣ, тайнаго совѣтника Николая Ивановича Ба-
№ 199 } ранова земля; огорожена временнымъ заборомъ. Къ стройкѣ отзы-
вается неимѣніемъ еще средствъ.

№ 203. Въ Брюсовскомъ переулкѣ, домъ маіора князя Алексѣя Васильевича Шаховскаго. Главный корпусъ сломанъ, не огороженъ. Обѣщаетъ строиться, но приступаетъ весьма медленно.

№ 216. Въ томъ же переулкѣ, умершей купеческой жены Марьи Эрнетовой земли; не загорожена, тротуаровъ нѣтъ. По бѣдности наслѣдниковъ не отстраивается.

№ 223. Въ Чернышевскомъ переулкѣ, бригадирши Софьи Васильевой Обуховой земля; огорожена. Отзывается, что хочетъ на оной землѣ разводить садъ.

№ 228. Въ томъ же переулкѣ, домъ ея же, бригадирши Обуховой; не отстроены, огорожены временнымъ заборомъ. Не отстраиваетъ и ничего не исправляетъ, отзываясь, что его продаетъ.

№ 229. Въ томъ же переулкѣ, земля курьерши Феклы Ильиной; не огорожена. По недостатку не отстраиваетъ и продаетъ.

№ 277. На Тверскомъ бульварѣ, земля генерала отъ кавалеріи Кологривова; не огорожена, мостовая и тротуаръ въ неисправности. Обязался къ исправленію приступить.

№ 276. Въ Пименовскомъ переулкѣ, домъ обгорѣлый бригадирши Пелагеи Николаевны Толстой; не отстроены и огорожены временнымъ заборомъ. Описанъ за казенные и партикулярные долги.

№ 277. Въ томъ же переулкѣ, земля умершей полковницы Евгеніи Васильевны Свѣчиной; не огорожена. Наслѣдники гдѣ, неизвѣстно.

№ 279. Домъ числится за умершею купчихою Прасковьею Булычевою; не отстроены и не огорожены; находится въ спорѣ у наслѣдниковъ, а кто наслѣдники, неизвѣстно.

№ 290. Въ Леонтьевскомъ и Пименовскомъ переулкахъ, земля петербургскаго купца Степана Усачева; не огорожена. Описанъ за долги и продается съ аукціоннаго торга.

№ 243. Въ Леонтьевскомъ переулкѣ, домъ каменный коллежскаго ассессора Филиппа Гаврилова Демельяни; не отстроены. Владѣлецъ находится въ Петербургѣ.

№ 273. На Тверскомъ бульварѣ, домъ казенный гвардіи прапорщика Петра Ивановича Мосолова; главный корпусъ не отстроены. Отзывается неимѣніемъ средствъ.

4-го квартала.

№ 295. Въ Калашномъ переулкѣ и на Никитскомъ бульварѣ, покойной генеральши отъ кавалеріи, княгини Варвары Васильевны Голицыной, обгорѣлые двухъэтажные два дома; огородки и мостовой нѣтъ; дохода не имѣется; и присмотра отъ наслѣдниковъ нѣтъ. Описаны по указу Московскаго Губернскаго Правленія по казеннымъ искамъ. Гдѣ наслѣдники жительство имѣютъ, неизвѣстно.

№ 300. На Никитской улицѣ, московскаго купца Григорія Никитина Зарубина обгорѣлый трехъэтажный домъ; не покрытъ, мостовая и тротуары въ не исправности. Началь домъ частію отстраивать.

№ 308. Въ Кисловкѣ, капитана Павла Никифоровича Иванова обгорѣлый, непокрытый трехъэтажный домъ; огороженъ, мостовая ветха, тротуаровъ нѣтъ, дохода не имѣетъ. По полученіи изъ Коммиссіи вспоможенія, приступить къ отдѣлкѣ.

№ 307. Надворнаго совѣтника Алексѣя Ивановича Кологривова обгорѣлый двухъэтажный покрытый домъ; огороженъ временнымъ заборомъ, мостовая ветха, тротуаровъ нѣтъ. Приступилъ къ отдѣлкѣ.

№ 312. На Никитской улицѣ, генераль-лейтенанта графа Михаила Семеновича Воронцова обгорѣлый и непокрытый трехъэтажный домъ; огороженъ, мостовой, тротуаровъ и тумбъ нѣтъ. Доходу до 700 рублей въ годъ. Продаетъ.

№ 340. На Моховой, тайнаго совѣтника оберъ-гофмаршала Василя Александровича Пашкова обгорѣлый двухъэтажный флигель и лавки, непокрытые; огорожены мѣстами; мостовой, тротуаровъ не исправливается; дохода получаетъ въ годъ 29000 руб. Частію отстроены нижній этажъ, кромѣ лавокъ на Моховой улицѣ, кои не отстраиваются.

№ 360. Гвардіи прапорщика князя Павла Петровича Шаховскаго обгорѣлые два двухъэтажные флигеля. Приступлено къ отстройкѣ.

№ 361. Московскаго купца Сергѣя Иванова Епанешникова обгорѣлый непокрытый двухъэтажный домъ, огорожка и мостовая ветхи, тротуаровъ нѣтъ; доходу съ дома получается до 5000 рублей. Обязался подпискою приступить къ отдѣлкѣ.

№ 371. Въ Ваганьковскомъ переулкѣ, московскихъ купцовъ Николая и Петра Ивановыхъ Грезениковыхъ обгорѣлый двухъэтажный корпусъ; мостовая ветха, тротуаровъ и тумбъ нѣтъ; дохода нѣтъ; самъ хозяинъ занимаетъ флигель негорѣлый. Въ спорѣ съ прежде бывшимъ хозяиномъ, княземъ Трубецкимъ, дѣло производится въ Сенатѣ, въ 7-мъ Департаментѣ.

№ 378. Въ Малой Знаменкѣ, титулярной совѣтницы Александры Семеновны Смирновой обгорѣлый непокрытый домъ; огороженъ временнымъ простымъ заборомъ; мостовой, тротуаровъ, тумбъ нѣтъ; дохода получается въ годъ до 380 рублей. Отзывается неимѣніемъ денегъ; а когда получить отъ Комиссіи вспоможеніе, тогда приступить къ отдѣлкѣ.

№ 385. На Арбатѣ, умершаго московскаго купца Петра Орлова обгорѣлый непокрытый домъ; мостовой, тротуаровъ нѣтъ и дохода не имѣется. Назначенъ къ сломкѣ отъ Комиссіи Строеній.

№ 322. Въ Никитскомъ переулкѣ, генераль-маіора Александра Дмитріевича Арсеньева пустопорожее мѣсто; огорожено временнымъ заборомъ; мостовой и тротуаровъ нѣтъ. Продается.

№ 344. На Моховой, московскаго мѣщанина Щербакова домъ.

№ 345. Губернскаго регистратора Степана Семенова домъ.

№ 346. Московскаго мѣщанина Алексѣя Трофимова домъ.

Не огорожены, мостовой, тротуаровъ и тумбъ нѣтъ, и гдѣ владѣльцы жительство имѣютъ, неизвѣстно.

№ 347. Умершаго московскаго мѣщанина Сидора Сысоева; мостовой нѣтъ; описанъ за долги; и гдѣ владѣльцы жительство имѣютъ, неизвѣстно.

№ 350. Московскаго мѣщанина Ефрема Яковлева домъ.

№ 351. Московской купеческой дочери, дѣвицы Варвары Целибѣевой домъ.

Не огорожены, мостовой нѣтъ. Гдѣ владѣльцы жительство имѣютъ, неизвѣстно.

№ 357. Московскаго мѣщанина Максима Безпалова домъ, не огороженъ, мостовая ветха; описанъ за долги.

№ 358. Умершаго московскаго мѣщанина Ивана Сысоева, не огороженъ, мостовой нѣтъ; описанъ за долги.

№ 359. Вѣдомства Кремлевской экспедиціи земля, отдана купцу Абраму Багриновскому; не огорожена, мостовая ветха, и гдѣ онъ жительство имѣетъ, неизвѣстно.

№ 372. Въ Ваганьковскомъ переулкѣ, послѣ сломанной церкви Благовѣщенія Божіей Матери отдано мѣсто коллежскому ассессору Павлу
№ 373. Дмитріевичу Левашеву; не огорожено, мостовая ветха, тротуаровъ
№ 374. нѣтъ; обязался приступить къ отстройкѣ.

5-го квартала.

№ 422. На Большой Знаменкѣ, домъ полковника князя Сергія Николаевича Голицына, огороженъ временнымъ заборомъ, мостовая и тротуары въ неисправности. Отзывается неимѣніемъ наличныхъ денегъ.

№ 442. У Боровицкаго мѣста, домъ обгорѣлый московскаго купца Никиты Иванова Соколова, не огороженъ и мостовой нѣтъ. Оный домъ приступилъ вновь дѣлать.

№ 443. Въ Лебяжемъ переулкѣ московскаго купца Ларіона Иванова Соколова. Флигель не отстроенъ и не покрытъ за неимѣніемъ денегъ.

№ 391. У Арбатскихъ воротъ, пустопорожее мѣсто Алексѣя Дмитріева Березина, не огорожено и мостовой нѣтъ.

№ 392. Въ Знаменскомъ переулкѣ, пустопорожее мѣсто полковницы Анны Александровны Тургеневой, не огорожено, мостовая ветха, тротуаровъ нѣтъ.

№ 394. }
№ 396. } Въ Знаменскомъ переулкѣ и къ Пречистенскому бульвару, пусто-
№ 401. } стопорожее мѣсто, принадлежащее церкви Ржевскія Божіей Ма-
№ 403. } тери, не огорожено, мостовыя ветхи, тротуаровъ нѣтъ.

№ 400. Въ Знаменскомъ переулкѣ, генераль-маіора князя Владиміра Сергѣевича Долгорукова, не огороженъ, мостовая ветха, тротуаровъ нѣтъ.

№ 404. На Пречистенскомъ бульварѣ, пустопорожнее мѣсто подполковника Михаила Петровича Нарышкина, не огорожено, мостовая ветха, тротуаровъ нѣтъ.

№ 406. Въ Знаменскомъ переулкѣ, пустопорожее мѣсто московской купеческой жены Екатерины Сергѣевой Соколовой, не огорожено, мостовая ветха, тротуаровъ нѣтъ.

№ 407. Въ Знаменскомъ и Лукинскомъ переулкахъ, пустопорожее мѣсто секундъ-маіора Ивана Борисовича Чекмарева, не огорожено, мостовая въ неисправности.

№ 408. }
№ 410. } Въ Знаменскомъ переулкѣ и къ Пречистенскому бульвару, пусто-
стопорожее мѣсто священнической жены Анисьи Яковлевой; мо-
стовая ветха. Отзывается несостояніемъ.

№ 411. На Пречистенскомъ бульварѣ, пустопорожее мѣсто капитана Николая Зыбина, огорожено временнымъ заборомъ и мостовая въ неисправности. Отзывается неимѣніемъ наличныхъ денегъ.

№ 412. На Пречистенскомъ бульварѣ, пустопорожее мѣсто дѣтей дѣйствительнаго статскаго совѣтника Мельгунова, Сергѣя и Петра, не огорожено, мостовая въ неисправности. Оная земля продается.

№ 413. На Пречистенскомъ бульварѣ, близь дома генерала Апраксина пустопорожее мѣсто сенатскаго доктора Феликса Михайловича Лаевского, не огорожено, мостовая въ неисправности. Оная земля продается.

№ 419. На погостѣ церкви Знаменія Божіей Матери, пустопорожее мѣсто пономаря Гавріила Иванова.

№ 420. Священника той же церкви мѣсто Андреяна Николаева.

№ 423. Въ Антипьевскомъ переулкѣ, пустопорожее мѣсто церкви Антипія чудотворца священника Василія Иванова.

№ 424. Той же церкви мѣсто діакона Андрея Андреева.

№ 428. Той же церкви пономаря мѣсто Василія Александрова.

№ 431. Въ Антипьевскомъ переулкѣ, пустопорожее мѣсто московскаго купца Митрофана Прокофьева Головкина, загорожено временнымъ заборомъ, мостовая въ неисправности.

№ 449. Въ Колымажномъ переулкѣ, пустопорожее мѣсто московскаго купца Семена Борисова, огорожено временнымъ заборомъ.

№ 455. На Валу пустопорожее мѣсто, принадлежащее церкви Похвалы Богородицы.

№ 468. Въ Знаменскомъ переулкѣ, пустопорожее мѣсто московскаго купца Алексѣя Андреева Кирьякова, не огорожено, мостовая въ неисправности. Запродано Московской Губернской Гимназіи.

Въ Прѣсененской части.

№ 7. Въ Конюшевскомъ переулкѣ, пустопорожжая земля губернской секретарши Екатерины Николаевой Страшковой, не огорожена, мостовой нѣтъ. Мѣстожителство владѣлицы неизвѣстно.

№ 8. Въ томъ же переулкѣ, московскаго мѣщанина Захара Ульянова обгорѣвшая пустопорожняя земля, не огорожена.

№ 10. Въ переулкѣ Малыхъ Конюшкахъ, московской мѣщанки, вдовы Марьи Ивановой Ланшиковой обгорѣвшая пустопорожжая земля, не огорожена; жителство владѣлицы неизвѣстно.

№ 11. Въ томъ же переулкѣ, обгорѣвшая пустопорожжая земля титулярной совѣтницы Марьи Матвѣевой Жуковой; гдѣ живетъ, неизвѣстно.

№ 12. Въ томъ же переулкѣ, пустопорожжая земля московскаго купца Ивана Петрова Умолотова, не огорожена; гдѣ живетъ, неизвѣстно.

№ 17. Въ томъ же переулкѣ, московскаго купца Федора Федорова Ножевщикова обгорѣвшая пустопорожжая земля. Гдѣ живетъ, неизвѣстно.

№ 26. Въ томъ же переулкѣ, обгорѣвшая пустопорожжая земля коллежскаго секретаря Михаила Петрова Зайцева. Обѣщался приступить къ отстройкѣ.

№ 28. Въ томъ же переулкѣ, обгорѣвшая пустопорожжая земля студента Ивана Ильина Кандорскаго, не огорожена. Живетъ въ Петербургѣ.

№ 29. Въ томъ же переулкѣ, такая же земля титулярной совѣтницы Екатерины Красовской, не огорожена. Гдѣ живетъ, неизвѣстно.

№ 35. Въ Кудринской улицѣ, обгорѣвшій каменный домъ московской купеческой жены Анны Васильевой Постниковой, не огороженъ. Находится въ залогѣ у аптекаря Екатерининской больницы Шелле и за неплатежъ долга описанъ.

№ 36. Въ той же улицѣ, обгорѣвшая пустопорозжая земля дьячка церкви Покрова Богородицы, Ивана Алексѣева. Отзывается бѣдностью.

№ 37. Той же церкви пономаря Николая Васильева обгорѣвшая пустопорозжая земля, не огорожена. Строиться по бѣдности не можетъ.

№ 38. Въ той же Кудринской улицѣ, пустопорозжая обгорѣвшая земля графа Александра Генрихова, не огорожена. Гдѣ владѣлецъ живетъ, неизвѣстно.

№ 40. Въ той же улицѣ, каменный обгорѣлый домъ гвардіи капитана Александра Петровича Скворцова, не отстроень. По многократному понужденію и за взятіемъ изъ казны на обстройку денегъ, къ отстройкѣ не приступаетъ.

№ 85. Казенный инструментальный обгорѣлый каменный домъ, не отстроень; въ той же улицѣ. Купленъ нынѣ для Съѣзжаго Дома сей Части.

№ 42. По улицѣ Нижняго Прѣсенскаго пруда, гвардіи капитана Александра Петровича Скворцова обгорѣлый каменный домъ, не отстроень, мостовой издавна не существуетъ. За многократнымъ понужденіемъ и за взятіемъ изъ казны на обстройку денегъ, къ отстройкѣ не приступаетъ.

№ 53. На той же улицѣ, пустопорозжая обгорѣвшая земля титулярнаго совѣтника Ѳедора Родіонова Рудина. Оная земля продана Г. Полѣнову, который приступилъ къ отстройкѣ.

№ 74. По Большой Грузинской улицѣ, пустопорозжая обгорѣвшая земля титулярной совѣтницы Настасьи Вельяминовны Ахшарумовой, не огорожена. Мѣстожителство ея неизвѣстно.

№ 100. Въ Живодеринскомъ переулкѣ, пустопорожня земля тайнаго совѣтника князя Михаила Дмитриевича Циціанова, не огорожена; доставшаяся отъ него полковнику Петру Кологривову, который объявилъ намѣреніе на томъ мѣстѣ строиться.

№ 101. Въ томъ же переулкѣ, пустопорозжая земля генераль - лейтенанта Василя Николаевича Чичерина, не огорожена. Г. Чичеринъ изъявилъ намѣреніе строиться на той землѣ.

№ 119. На 3-й Ямской улицѣ, деревянный домъ московскаго мѣщанина Петра Разсудина, не огороженъ. По бѣдности не отстраивается.

№ 120. Въ той же улицѣ, деревянный домъ мѣщанина Ѳедора Истомина, не огороженъ. Отзывается бѣдностью.

№ 133. На 2-й Ямской улицѣ: домъ ямщика Михаила Жильцова.

№ 146. Земля ямщика Семена Иванова Ершова.

№ 151. Земля ямщицхи Прасковьи Звѣревой.

№ 150. Домъ ямщицхи Ирины Балакиревой.

№ 152. Домъ ямщицхи Аграфены Балибиной.

Отзываются отъ отстройки бѣдностью.

№ 169. На Большой Тверской Ямской улицѣ, двѣ каменные лавки обгорѣлыя московской мѣщанской дочери, дѣвицы Домны Волковой, не отстроены.

На 2-й Тверской Ямской улицѣ:

№ 227. Деревянный домъ ямщика Василья Тропина.	} По бѣдности не отстраиваютъ.
№ 228. Земля ямщика Алексѣя Шайкина.	
№ 231. Земля ямщика Дмитрія Антонова Гладкова.	

№ 254. На Большой Грузинской улицѣ, пустопорозжая земля умершаго московскаго мѣщанина Кузьмы Васильева Садова малолѣтнихъ дѣтей, не огорожена. Наслѣдники гдѣ живутъ, неизвѣстно.

№ 269. Во 2-мъ Тишинскомъ переулкѣ, пустопорозжая земля умершаго Грузинскаго князя Семена Захаровича Херхеулидзева, а нынѣ малолѣтнихъ его дѣтей, не огорожена. Наслѣдники оной земли гдѣ жительство имѣютъ, неизвѣстно.

№ 279. Въ Глухомъ переулкѣ, пустопорозжая земля грузинки Ирины Борисовой Паркадзевои, не огорожена. Владѣлица жительство имѣетъ въ Петербургѣ.

№ 285. Во 2-мъ Грузинскомъ переулкѣ, умершаго московскаго купца Михаила Пасхалова пустопорозжая земля, огорожена частоколомъ. Жительство наслѣдниковъ неизвѣстно.

№ 240. Въ томъ же переулкѣ, умершаго коллежскаго ассессора Ивана Назарова Тулаева пустопорозжая земля, не огорожена. Жительство наслѣдниковъ неизвѣстно.

№ 313. Въ Грузинскомъ переулкѣ, пустопорозжая земля надворнаго совѣтника Николая Павловича Тимченкова, не огорожена. Отзывается, что по бѣдности строить не въ состояніи.

№ 326. Въ Хвостовскомъ переулкѣ, пустопорозжая земля Тверскаго подворья, не огорожена. Жительство владѣльцевъ неизвѣстно.

№ 327. Въ томъ же переулкѣ, пустопорозжая земля, бывшая сержанта Лапшина, а нынѣ доставшаяся по наслѣдству поручику Мустафину, не огорожена. Жительство наслѣдника неизвѣстно.

№ 334. Въ Грузинскомъ переулкѣ, премьеръ - маіора князя Антона Афанасьевича Грузинскаго пустопорозжая земля, не огорожена. Жительство владѣльца неизвѣстно.

№ 335. Въ томъ же переулкѣ, пустопорозжая земля умершаго бригадира, князя Петра Сергѣевича Трубецкаго, не огорожена. Наслѣдники жительство имѣютъ въ Петербургѣ.

№ 361. На Большой Прѣсененской улицѣ близъ заставы, пустопорозжая

земля нѣжинскаго грека Дмитрія Павлова Вафлѣва, не огорожена. По неимуществу.

№ 376. Подлѣ Нижняго Прѣсненскаго пруда обгорѣлая пустопорозжая земля мѣщанскихъ дочерей Екатерины и Клавдіи Дмитриевыхъ, не огорожена. Гдѣ живутъ, неизвѣстно.

№ 377. Тамъ же, обгорѣлая пустопорозжая земля дворянки дѣвицы Елизаветы Игнатьевны Поливановой, не огорожена.

№ 378. Тамъ же, капитанши Александры Игнатьевны Воейковой обгорѣлая пустопорозжая земля, не огорожена. Жительство владѣлицы неизвѣстно.

№ 390. На Средней Прѣсненской улицѣ, пустопорозжая обгорѣлая земля мѣщанки Марьи Коптевой, не огорожена. Обязуется огородить.

№ 394. Въ той же улицѣ, графа Владиміра Степановича Толстого обгорѣлая пустопорозжая земля, не огорожена. Владѣлецъ жительство имѣетъ въ Орловской губерніи.

№ 395. Въ той же улицѣ, подполковника Ѳедора Алексѣевича Маркова обгорѣлая пустопорозжая земля, не огорожена. Жительство владѣльца неизвѣстно.

№ 396. На той же улицѣ, умершаго коллежскаго секретаря Игнатія Петрова Соболева обгорѣлая пустопорозжая земля, не огорожена. Наслѣдники обстроить не въ состояніи.

№ 411. Въ Предтеченскомъ переулкѣ, обгорѣлая пустопорозжая земля коллежской совѣтницы Юрьевой, не огорожена. Приступлено къ отстройкѣ.

№ 414. Въ томъ же переулкѣ, обгорѣвшая земля канцеляриста Василья Бутудзева, не огорожена. Гдѣ владѣлецъ находится, неизвѣстно.

№ 416. Въ томъ же переулкѣ, обгорѣвшая пустопорозжая земля московскаго мѣщанина Петра Иванова, не огорожена. Приступилъ къ постройкѣ.

№ 417. Въ томъ же переулкѣ, церкви Іоанна Предтечи просвирни Афимьи Ѳедоровой обгорѣлая пустопорозжая земля, не огорожена. По бѣдности строиться не въ состояніи.

№ 418. Той же церкви пономаря Дмитрія Степанова обгорѣвшая пустопорозжая земля, не огорожена; по бѣдности строиться не въ состояніи.

№ 431. По Задней Прѣсненской улицѣ, покойнаго коллежскаго ассессора Павла Васильевича Ваксея пустопорозжая земля, не огорожена. Гдѣ наслѣдники находятся, неизвѣстно.

№ 432. На той же улицѣ, умершаго купца Ивана Гнусина пустопорозжая земля, не огорожена. Гдѣ наслѣдники находятся, неизвѣстно.

№ 433. На той же улицѣ, солдатки Натальи Молодцовой пустопорозжая земля, не огорожена. По бѣдности строиться не въ состояніи.

№ 434. На той же улицѣ, дворянина Зоя Павловича Зосимы пустопорозжая земля, не огорожена. Владѣлецъ объявилъ, что приступить къ постройкѣ.

Пречистенской части.

1-го квартала обгорѣлые дома и пустыя земли.

№ 18. По Сивцеву Вражку отъ Арбатскихъ воротъ земля гвардіи прапорщицы Елизаветы Николаевны Хомяковой; земля куплена въ 1818 году купеческою женой Ѳедосьею Ивановой, которая обязалась приступить къ постройкѣ.

№ 24. По тому же переулку, обгорѣлый каменный двухъэтажный домъ дочери дѣйствительнаго камергера, Настасьи Александровны Ржевской, не огороженъ. Послѣ смерти владѣлицы ближайшій наслѣдникъ братъ ея, Константинъ Владиміровичъ Ржевскій, находится Орловской губерніи, Мценскаго уѣзда, въ сельцѣ Александровкѣ.

№ 26. Въ Филипповскомъ переулкѣ, земля коллежскаго регистратора Павла Михайлова Яковлева, огорожена временнымъ заборомъ. Владѣлецъ находится въ городѣ Угличѣ.

№ 29. Въ томъ же переулкѣ, земля дьякона Доримедонта Ѳедорова, не огорожена. Состоитъ въ спорѣ съ Г. Львовымъ.

№ 38. Въ томъ же переулкѣ, прапорщика Семена Тимоеева Потанчикова обгорѣлый флигель, не огороженъ; владѣлецъ находится въ г. Оренбургѣ, а жена его по бѣдности не можетъ отстроить.

№ 42. Церкви Аѳанасія и Кирилла дьячка Михаила Иванова земля, не огорожена. Отзывается несостоятельностью.

№ 44. Въ Аѳанасьевскомъ переулкѣ, той же церкви священника Николая Яковлева дворъ, не огороженъ при выстроенномъ домѣ. Отзывается недостаткомъ.

№ 45. Въ томъ же переулкѣ, той же церкви мѣсто, не огорожено. При оной церкви просвирни не назначено.

№ 27. Въ Филипповскомъ переулкѣ, земля дочери полковника Прасковьи Аничковой, не огорожена. Она земля куплена церкви Тихона чудотворца церковнослужителями, которые нынѣшнимъ лѣтомъ приступятъ къ постройкѣ домовъ.

№ 62. Въ Протасовскомъ переулкѣ, земля церкви Аѳанасія и Кирилла дьякона Ивана Григорьева, не огорожена. По смерти онаго дьякона другаго не состоитъ.

№ 64. По Сивцеву Вражку, земля тайнаго совѣтника Александра Петровича Нащокина, не огорожена. Домовладѣлецъ находится Серпуховскаго уѣзда въ селѣ Семеновскомъ.

№ 70. Въ Нащокинскомъ переулкѣ, обгорѣлый каменный домъ. Здѣсь помѣщается Пречистенской части Сѣвѣжій дворъ.

№ 76. Въ Юшковскомъ переулкѣ, обгорѣлый каменный домъ, не огороженъ, князя Василя Алексѣевича Урусова. Оный домъ по Коммисариату находится въ секвестрѣ, а кн. Урусовъ въ г. Ярославлѣ.

№ 84. Въ Предтеченскомъ переулкѣ, земля лѣкаря Ивана Адамовича Адамса, загорожена временнымъ заборомъ. Отозвался, что та земля предоставлена имъ на уплату долговъ, а потому ее собственною и не почитаетъ.

№ 85. Въ томъ же переулкѣ, земля тайнаго совѣтника Николая Васильевича Обрѣзкова, не огорожена. По смерти Г. Обрѣзкова, оная земля досталась сестрѣ его, Марьѣ Васильевнѣ Обрѣзковой, но надлежащимъ порядкомъ еще не зачислена, почему и не отстраивается.

№ 103. Въ Гагаринскомъ переулкѣ, московской купеческой жены, вдовы Матрены Алексѣевой Миляковой, обгорѣлый каменный двухъэтажный домъ. По ветхости просила о разломаніи онаго.

2-го квартала.

№ 117. Въ Староконюшенномъ переулкѣ, земля дѣйствительной тайной совѣтницы, графини Александры Ивановны Толстой, не огорожена, и мостовая въ неисправности. Владѣлица помре, а наслѣдникъ сынъ ея, графъ Ѳедоръ Андреевичъ Толстой, отъ строенія изъ наслѣдства отказался.

№ 122. Въ томъ же переулкѣ, дочери надворнаго совѣтника, дѣвицы Прасковьи Николаевны Огаревой, земля, не огорожена, мостовая въ неисправности. Приступаетъ къ отстройкѣ.

№ 124. Въ Староконюшенномъ переулкѣ, земля генераль-маіорши Екатерины Ѳедоровны Ларионовой, не огорожена. Владѣлица помре, а кто къ оной землѣ наслѣдникъ и гдѣ находится, неизвѣстно.

№ 126. Въ Сивцевомъ переулкѣ, земля гвардіи капитанши Екатерины Михайловны Рахмановой, не огорожена. Продается.

№ 133. Въ Кокешкинскомъ переулкѣ, земля коллежской ассессорши Елены Ивановны Глазовой, не огорожена. Приступаетъ къ отстройкѣ.

№ 136. На большой Арбатской улицѣ, земля коллежскаго ассессора Петра Родіоновича Кошелева. Объявилъ, что строиться будетъ.

№ 144. Въ Никольскомъ переулкѣ (въ Плотникахъ), пустопорозжая земля священника Ѳедора Алексѣева Лебедева. Обязуется строить нынѣшнимъ лѣтомъ.

№ 150. Въ Кривомъ переулкѣ, земля московской купеческой жены Марьи Ивановой Брикманъ, не огорожена. Владѣлица помре, а кто къ оной землѣ наслѣдники и гдѣ находятся, неизвѣстно.

№ 152. Въ Сивцевомъ переулкѣ, обгорѣлый каменный домъ генераль-поручика дочери, дѣвицы Настасьи Яковлевны Протасовой, не огороженъ. Владѣлица дала показаніе такое: „по волѣ Государя Императора имѣю я именное

повелѣніе, которое послано графу главнокомандующему и кавалеру Александру Петровичу Тормасову, что Его Величество соизволилъ приказать: не строиться и не съ аукціона продавать, а продать по вольной цѣнѣ. Настасья Протасова“. Отмѣтка полиціи: „по высочайшему повелѣнію срокъ продажи предоставляется на волю владѣлицы.“

№ 165. Во Власьевскомъ переулкѣ, пустопорожня земля 7-го класса Василия Петровича Нестерова. Владѣлецъ гдѣ жительство имѣеть, неизвѣстно.

№ 174. Въ Никольскомъ переулкѣ, земля поручика Якова Яковлевича Познякова, не огорожена. Владѣлецъ гдѣ, неизвѣстно.

№ 180. Въ томъ же переулкѣ, земля московской купеческой жены Александры Филипповой, не огорожена. Владѣлица помре, а кто къ той землѣ наслѣдники, неизвѣстно.

№ 181. Въ томъ же переулкѣ, земля прапорщика Николая Алексѣевича Янькова. Владѣлецъ гдѣ находится, неизвѣстно.

№ 188. Въ Старомъ Денежномъ переулкѣ, земля генераль-маіора Александра Сергѣевича Свѣчина, не огорожена. Владѣлецъ умре, а кто наслѣдники и гдѣ находятся, неизвѣстно.

№ 189. Въ томъ же переулкѣ, маіора Николая Герасимовича Ефимова земля, не огорожена. Владѣлецъ умре, а кто наслѣдники и гдѣ находятся, неизвѣстно.

№ 193. Въ Сивцевомъ переулкѣ, земля московскаго мѣщанина Андрея Алексѣева Маркелова. Строиться не въ состояніи.

№ 195. Въ Старомъ Денежномъ переулкѣ, обгорѣлый домъ губернской секретарши Татьяны Афанасьевой Яковлевой. Владѣлица помре, а наслѣдницы дочери ея жительство имѣють въ Петербургѣ.

№ 217. На монастырѣ церкви Троицы, что на Арбатѣ, земля просвирни Марьи Максимовой. По бѣдности къ постройкѣ приступить не можетъ.

№ 218. Въ Старомъ Денежномъ переулкѣ, неотстроенный домъ генераль-маіорской дочери Ольги Матвѣевны Ивинской. Обязуется приступить къ постройкѣ.

№ 221. Въ томъ же переулкѣ, земля бригадирской дочери, дѣвицы Марьи Глѣбовны Образцовой. Жительство ея неизвѣстно.

№ 223. Въ томъ же переулкѣ, земля коллежской секретарши Анны Шехларевой. Владѣлица гдѣ живетъ, неизвѣстно.

3-го квартала.

№ 235. По Земляному валу, прапорщицы Марьи Ивановны Левиной обгорѣлая пустопорожня земля, не огорожена. Отъ выхода непріятеля изъ столицы неизвѣстно жительство владѣлицы.

№ 244. По Пречистенской улицѣ, Пречистенскій Частный Домъ, обгорѣлый каменный. Отстройка зависитъ отъ Комиссiи для Строенiя въ Москвѣ.

№ 243. Въ Языковскомъ переулкѣ, обгорѣлая земля подпоручика Ивана Васильевича Познякава, не огорожена. Владѣлецъ находится въ Можайскомъ уѣздѣ.

№ 246. По тому же переулку, обгорѣлая земля съ каменною обгорѣлою кладовою титулярнаго совѣтника, князя Петра Николаевича Крапоткина, огорожена временнымъ заборомъ. Владѣлецъ обязался приступить къ отстройкѣ.

№ 247. По тому же переулку, обгорѣлая земля полковника Павла Петровича Яковлева. Владѣлецъ находится Новгородской губернии, Тихвинскаго уѣзда, въ селѣ Знаменскомъ.

№ 249. Въ Левшинскомъ переулкѣ, обгорѣлая земля надворнаго совѣтника Андрея Борисовича Сумбулова, не огорожена. Владѣлецъ находится Рязанской губернии, Зарайскаго уѣзда, въ дер. Спиридовкѣ.

№ 271. Въ Обуховскомъ переулкѣ, обгорѣлыя двѣ каменные кладовыя бригадирши, княгини Софьи Ивановны Волконской. Владѣлица помре, а кто наследники и гдѣ находятся, неизвѣстно.

№ 299. Въ Денежномъ переулкѣ, поручика Ѳедора Антоновича Азанчѣва обгорѣлая земля, огорожена временнымъ заборомъ. Обязался строиться.

№ 301. Въ томъ же переулкѣ, губернскаго секретаря Павла Антонова Кондратьева обгорѣлая земля, не огорожена. По бѣдности строиться не можетъ.

4-го квартала.

№ 325. Во Всеволодскомъ переулкѣ, каменный домъ неотстроенный дѣйствительнаго камергера Всеволода Андреевича Всеволожскаго. Владѣлецъ находится въ Петербургѣ.

№ 330. На Остоженкѣ, пустопорожжая земля, не огорожена, священника церкви Воскресенiя Новаго, Егора Васильевича. Объявилъ, что землю огородить, а строенiе производить не имѣетъ денегъ.

№ 335. Въ Полуэхтовскомъ переулкѣ, каменный неотстроенный домъ генераль-маіора Бориса Владиміровича Полуэхтова, огороженъ временнымъ заборомъ. Владѣлецъ проживаетъ въ Тулѣ.

№ 339. Въ томъ же переулкѣ, пустопорожжая земля полковника Александра Семеновича Игнатѣва, не огорожена. Владѣлецъ живетъ Тульской губернии, въ селѣ Высокомъ.

№ 341. На Остоженкѣ, пустопорожжая земля умершаго мѣщанина Николая Антонова, не огорожена. Продается.

№ 343. Въ Министерскомъ переулкѣ, пустопорожжая земля московскаго купца Игнатѣя Никитина Золотарева, не огорожена. Владѣлецъ обѣщалъ произвести строенiе.

№ 345. Въ Еропкиномъ переулкѣ, пустопорожжая земля московскаго купца Ивана Дмитріева Телепнева, не огорожена. Обѣщаль строитья.

№ 348. Въ томъ же переулкѣ, пустопорожжая земля дѣйствительнаго статскаго совѣтника Николая Михайловича Яковлева, не огорожена. Владѣлецъ гдѣ жительство имѣеть, неизвѣстно.

№ 358. На Пречистенской улицѣ, пустопорожжая земля коллежскаго совѣтника Захара Аникѣевича Горюшкина, не огорожена; продается.

№ 362. Въ Троицкомъ переулкѣ, пустопорожжая церковная земля, не огорожена. Священникъ отзывается, что на огороженіе денегъ не имѣеть.

№ 371. Въ Штатномъ переулкѣ, пустопорожжая земля московскаго купца Григорія Соколова, не огорожена. Владѣлецъ гдѣ жительство имѣеть, неизвѣстно.

№ 373. На Остоженкѣ, пустопорожжая земля дочери коллежскаго ассессора, дѣвицы Елены Матвѣевой Зеркалевой, не огорожена. Объявила, что огородить и застроить землю за неимѣніемъ денегъ не можетъ.

№ 378. Въ Штатномъ переулкѣ, пустопорожжая земля отставныхъ корнетовъ Александра и Андрея Васильевыхъ Толстыхъ, не огорожена. Продается.

№ 379. Въ томъ же переулкѣ, пустопорожжая земля дочери полковника, дѣвицы Софьи Александровны Наумовой, не огорожена. Владѣлица обѣщаетъ временно загородить землю.

№ 386. На Земляномъ валу, домъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Александра Даниловича Чоклокова, отстроень, но не огорожень.

№ 387. Придворная пустопорожжая и обгорѣвшая казенная земля, не огорожена. Зависитъ отъ Конюшеннаго вѣдомства.

5-го квартала.

№ 390. Въ Безобразовскомъ переулкѣ, обгорѣлый каменный корпусъ Г.г. Салтыковыхъ, не огорожень. Гдѣ находятся владѣльцы, неизвѣстно.

№ 392. На Остоженкѣ, мѣсто съ обгорѣлымъ каменнымъ фундаментомъ маіора Ипполита Шеншина, не огорожено. Неизвѣстно, гдѣ оный владѣлецъ имѣеть жительство.

На Остоженкѣ пустопорожжія земли.

Церкви Успенія на Остоженкѣ.

№ 393. Дьячка.

№ 394. Дьякона.

№ 395. Просвирни.

№ 396. Пономаря.

№ 397. Священника.

Ничѣмъ не огорожены за неотдѣлкою оной церкви и незамѣщеніемъ священника съ причтомъ.

№ 402. Въ Большомъ Ушаковскомъ переулкѣ, пустопорожжая земля коллежской ассессорши Натальи Никитиной Четвериковой, ничѣмъ не огорожена. Неизвѣстно, гдѣ владѣлица имѣеть мѣстожителство.

№ 405. На Остоженкѣ, пустопорожжее мѣсто генераль-маіора Ѳедора Яковлевича Побѣдинскаго, огорожено временнымъ заборомъ. Мѣстожителство владѣльца неизвѣстно.

№ 427. Въ переулкѣ Зачатейскаго монастыря, пустопорожжее мѣсто сенатскаго канцеляриста Павла Шеншина. Владѣлецъ обѣщался приступить къ постройкѣ.

№ 428. Въ Большомъ Ушаковскомъ переулкѣ, обгорѣлое жилье надворнаго совѣтника дочери, дѣвицы Александры Васильевны Окуловой, не огорожено. Владѣлица гдѣ находится, неизвѣстно.

№ 430. Въ Безыменномъ переулкѣ Зачатейскаго монастыря, пустопорожжее мѣсто малолѣтнихъ дѣтей полковника, Михаила и Петра Чедневыхъ, ничѣмъ не огорожено. Неизвѣстно, гдѣ владѣльцы находятся.

№ 438. Въ томъ же переулкѣ, пустопорожжее мѣсто коллежскаго секретаря Ивана Ѳедорова Соколова, не огорожено. Неизвѣстно, гдѣ находится владѣлецъ.

№ 444. Въ томъ же переулкѣ, пустопорожжее мѣсто малолѣтняго дворянина Александра Екимова, ничѣмъ не огорожено. Мѣстожителство владѣльца неизвѣстно.

№ 453. Въ Савеловскомъ переулкѣ, пустопорожжее мѣсто мѣщанина Петра Архипова, ничѣмъ не огорожено. Мѣстожителство владѣльца неизвѣстно.

№ 463.	} На Остоженкѣ, церкви Воскресенія, пустая церковная земля, обнесена заборомъ. Оныя зависятъ отъ Алексѣевскаго монастыря, но что игуменья того монастыря, Афанасія Иванова, вѣдѣніемъ объявляетъ, что оныя земли отдаются на выстройку въ годы, но кому имянно, того показать не можетъ.
№ 464.	
№ 465.	

Въ Городской части.

Обгорѣлые дома и пустопорожжія земли.

№ 7. На Никольской улицѣ, Ремесленной Управы на дворѣ двухъэтажный флигель, не отстроенъ, безъ крыши, на улицу воротъ нѣтъ. Ремесленный голова, купецъ Страшковъ, объявилъ, что приступить къ отстройкѣ.

№ 15. Въ Черкасскомъ переулкѣ, что къ Никольскимъ воротамъ, Колязинское подворье, обгорѣлое строеніе, совсѣмъ обвалилось, вмѣсто забора стѣна съ окнами дѣлаеть на улицу безобразіе, мостовая ветха. Завѣдующій подворьемъ обязуется исправить.

№ 19. Въ Козьмодемьянскомъ переулкѣ, московскихъ купеческихъ дѣтей Головиныхъ флигель, не отстроены. Отзываются неимѣніемъ денегъ.

№ 41. Въ томъ же переулкѣ, не отстроены флигель купеческой жены Марьи Плотниковой. Обязуется приступить къ отстройкѣ.

№ 48. Въ Черкасскомъ переулкѣ и на Новой площади, домъ Московскаго Градскаго Общества, главный корпусъ безъ крыши, мостовой нѣтъ. Приступлено къ исправленію.

№ 43. Въ томъ же переулкѣ и на Никольской улицѣ, неотстроенный домъ купца Николая Гризенкова. Отзывается неимѣніемъ денегъ.

Въ Ипатьевскомъ переулкѣ, казенный Съѣзжій Дворъ; три флигеля, конюшни, сараи не отстроены, мостовой нѣтъ. Отстраиваются.

№ 76. Въ томъ же переулкѣ, тайнаго совѣтника Юшкова флигель не отстроены, мостовой нѣтъ. Управляющій отзывается, что на обстройку отъ господина своего разрѣшенія и денегъ не имѣетъ. Владѣлецъ живетъ въ Петербургѣ.

№ 75. Въ томъ же переулкѣ, умершаго корнета Янкова неотстроенный домъ, безъ крыши, описанъ за долги. Кто наследники, неизвѣстно.

№ 72. Во Вьюшковскомъ переулкѣ, титулярнаго совѣтника Мѣщанинова неотстроенный домъ, безъ крыши. Отзывается намѣреніемъ продать.

№ 61. На Новой площади, бывшей Губернской гимназіи домъ, обгорѣлый, совѣмъ не отстроены; тротуара, тумбъ и мостовой нѣтъ. Зависитъ отъ Московскаго Университета.

№ 188. Въ Зарядьѣ, купеческой жены Поляковой.

№ 109. Въ Знаменскомъ переулкѣ, 14 класса Кожевникова.

№ 119. Въ Ершовскомъ переулкѣ, коллежскаго секретаря Лисицына.

№ 131. Въ Николомокринскомъ переулкѣ, мѣщанки Осокиной.

Дома не отстроены, безъ крышъ, мостовыя въ неисправности. Владѣльцы отзываются неимѣніемъ денегъ.

№ 141. Во Псковскомъ переулкѣ, домъ купца Пирожникова, не отстроены, и не покрыты. Обязуется приступить къ постройкѣ.

№ 151. Въ Кривомъ переулкѣ, купеческой жены Москвитиновой домъ неотстроенный. Обѣщается приступить къ отстройкѣ.

№ 155. На Варварской улицѣ, домъ купеческой дочери Чувашевой, весь не отстроены и не покрыты, мостовая ветха. Домъ въ спорѣ съ давнихъ лѣтъ съ опекунами Бабенковыми, доходы собираются въ Магистратъ за неплатежъ Чувашевою долговъ.

№ 93. Въ Зарядьѣ, купеческихъ дѣтей Курносовыхъ домъ не отстроены. Отзываются неимѣніемъ денегъ.

Въ Арбатской части.

Обгорѣлые дома и пустопорожія земли.

№ 1. У Арбатскихъ воротъ, купеческой жены Ольги Пивоваровой съ дѣтьми обгорѣлый каменный. Обязалась приступить къ отстройкѣ.

№ 4. На большой Арбатской улицѣ, земля дѣйствительной камергерши Анны Дмитриевны Приклонской. Обѣщалась приступить къ отстройкѣ.

№ 11. На той же улицѣ, пустая земля коллежской совѣтницы Марьи Павловской. Владѣлица гдѣ находится, неизвѣстно.

№ 13. На той же улицѣ, богадѣльня, принадлежащая Приказу Общественнаго Призрѣнія, обгорѣлая каменная, не отдѣлана, безъ крыши, вышла изъ линіи и въ безобразномъ видѣ. Отъ Приказа Общественнаго Призрѣнія продается на сломку.

№ 40. На Поварской улицѣ, земля прапорщика Дмитрія Похвистнева, огорожена временнымъ заборомъ. Гдѣ находится владѣлецъ, неизвѣстно.

№ 45. Дьякона Василья Иванова.	} Церкви Ржевскія Божіей Матери земли. По бѣдности строиться не въ состояніи.
№ 46. Пономаря Матвѣя Алексѣева.	

№ 48. Въ Ржевскомъ переулкѣ, дѣвицы Натальи Ржевской, пустопорожжая неотстроенная земля. Г. Ржевская живетъ въ Курской губерніи.

№ 49. На Поварской улицѣ, дѣвицы Екатерины Ивановны Тимирязевой пустопорожжая земля. Гдѣ владѣлица находится, неизвѣстно, а земля описана за долги.

№ 57. Въ Борисоглѣбскомъ переулкѣ, титулярной совѣтницы Марьи Алексѣевой земля, не огорожена. Гдѣ владѣлица находится, неизвѣстно.

№ 62. На Поварской улицѣ, земля надворнаго совѣтника Михаила Данилова, не огорожена. Продается.

№ 68. Въ Кречетниковскомъ переулкѣ, полковницы Аграфены Березниковой земля, не огорожена. Владѣлица помре, а наслѣдники землю продаютъ.

№ 82. На Арбатской улицѣ, прапорщика Петра Кирѣевского земля, огорожена временнымъ заборомъ. Владѣлецъ живетъ въ Тамбовской губерніи.

№ 85. Въ Никольскомъ переулкѣ, земля мѣщанки Анны Ивановой. Продается.

№ 89. Въ томъ же переулкѣ, пустая земля Казанскаго собора протоіерея Ивана Шумилина. Отозвался: по бѣдности строиться не можетъ.

№ 92. Въ томъ же переулкѣ, земля секретаря Антона Курбатова, огорожена временнымъ заборомъ. Г. Курбатовъ умре, а опекунъ Г. Кокошкинъ землю продаетъ.

№ 94. Церкви Николы Песковъ земля церковнослужителей, пустая, не огорожена издавна, мостовой не имѣется. За несуществованіемъ церкви, причетниковъ не имѣется.

№ 103. Въ Стрѣлецкомъ переулкѣ, иностранки Елизаветы Мары каменный обгорѣлый двухъэтажный домъ, не огороженъ и мостовой нѣтъ. Гдѣ иностранка Мара находится, неизвѣстно.

№ 114. Въ Большихъ Трубникахъ, гвардіи прапорщика Александра Ѳедорова Соковнина, пустопорожее мѣсто, не огорожено, мостовой нѣтъ. Гдѣ владѣлецъ живетъ, неизвѣстно.

№ 115. Въ Малыхъ Трубникахъ, вдовы маіорши Настасьи земля, не огорожена. Владѣлица живетъ Тульской губерніи въ Ефремовскомъ уѣздѣ.

№ 117. Въ Большихъ Трубникахъ, надворной совѣтницы Екатерины Алѣевой пустая земля. Владѣлица объявила, что землю продаетъ.

№ 120. Въ томъ же переулкѣ, противъ церкви Спаса на Пескахъ земля капитана Александра Васильевича Зыкова. Продается.

№ 121. Противъ той же церкви, поручицы Александры Васильевой Щепочкиной земля, не огорожена. Объявила, что приступаетъ къ отстройкѣ.

№ 125. Въ Спасскомъ переулкѣ, артиллеріи капитана Ивана Петрова Топильскаго пустая земля. Начата обстроиваться.

№ 127. На Арбатской улицѣ, полковника Александра Ѳедоровича Кошкина земля. Продается.

№ 160. Въ Безыменномъ переулкѣ, статскаго совѣтника Ивана Петровича Іевлева пустопорожняя земля, не огорожена. Владѣлецъ живетъ въ городѣ Ярославлѣ.

№ 161. Въ Решиковскомъ переулкѣ, коллежскаго совѣтника Ѳедора Михайловича Вельяминова - Зернова земля, не огорожена. Обѣщается приступить къ постройкѣ.

№ 164. Въ Малыхъ Трубникахъ, гвардіи корнета Павла Ѳедоровича Кокочкина пустая земля, не огорожена. Продается.

№ 172. Противъ Землянаго вала, на Обыденкѣ, земля московской мѣщанки Настасьи Ивановой Клушенцовой. Описана за долги.

№ 201. Въ Кудринѣ, противъ Землянаго вала, гвардіи прапорщика Александра Яковлевича Поливанова земля, не огорожена. Владѣлецъ гдѣ находится, неизвѣстно.

№ 220. На Большой Никитской улицѣ, церкви Стараго Вознесенія протоіерея Іосифа Михайлова Смирнова пустопорожжая земля, огорожена временнымъ заборомъ. Нынѣшнимъ лѣтомъ будетъ строиться.

№ 224. Той же церкви просвирни Елены Ивановой пустопорожжая земля. За смертію просвирни земля не обстраивается.

№ 248. Въ Скатертномъ переулкѣ, бригадирши княгини Елизаветы Сергѣевны Шаховской обгорѣлый каменный двухъэтажный домъ. Княгиня отъ стройки отзывается неимѣніемъ денегъ.

№ 258. Въ Хлѣбномъ переулкѣ, подполковника дочери Екатерины Михайловны Афросимовой порозжая земля, огорожена временнымъ заборомъ. Она земля продается.

№ 268. Въ томъ же переулкѣ, земля московскаго купца Сергѣя Ларионова Сельскаго, не огорожена. Мѣстожителство владѣльца неизвѣстно.

№ 272. Въ томъ же переулкѣ, земля губернскаго секретаря Данилы Степанова Зеркальникова, не огорожена. Мѣстожителство владѣльца неизвѣстно.

Церкви Бориса и Глѣба, что на Поварской.

№ 277. Земля просвирни Марьи Андреевой.	} Земли не огорожены. Желаютъ приступить къ постройкѣ.
№ 278. Пономаря Алексѣя Андреева.	
№ 280. Дьякона Григорія Львова.	

№ 298. Въ Мерзляковскомъ переулкѣ, коллежскаго ассессора Дмитрія Сергѣевича Болтина обгорѣлый двухъэтажный во дворѣ каменный домъ, огороженъ временнымъ заборомъ. Владѣлецъ живетъ Нижегородской губерніи, Арзамасскаго уѣзда, въ селѣ Яновѣ.

№ 301. Въ томъ же переулкѣ, генераль - маіора Василья Александровича Новосильцева пустая земля, огорожена временнымъ заборомъ. Владѣлецъ отзывается неимѣніемъ денегъ.

№ 303. Въ томъ же переулкѣ, земля иностранца Ивана Данилова Шнейдера, не огорожена и мостовой нѣтъ. Владѣлецъ умре, а наслѣдники гдѣ живутъ, неизвѣстно.

№ 306. Церкви Ѳедора Студита просвирни Лукерьи Сергѣевой земля на погостѣ, не огорожена. Владѣлица умре.

№ 318. Въ Малой Бронной, генераль - лейтенантши Анны Николаевны Неключевой каменный неотстроенный флигель, огороженъ заборомъ. Отзывается неимѣніемъ денегъ.

№ 392. У Патріаршаго пруда, бывшій Арбатской части частный домъ, принадлежавшій содержателю, московскому купцу Ѳедору Пантелѣеву съ товарищи, а послѣ доставшійся по купчей московскому купцу Зеленину, обгорѣлый каменный домъ. Огороженъ временнымъ заборомъ. Владѣлецъ обязался строиться.

О числѣ лошадей, взятыхъ подѣ обозы безѣ уплаты прогоновѣ, въ 1812-1813 гг.

Съ 1812 года сколько подѣ проходящіе валки выпущено лошадей безѣ полу-
ченія прогонныхъ денегѣ

Сентября	1812 года до Ярымова	
16.	Подѣ канцелярію московскаго гражданскаго губернатора и чиновниковъ.....	11
	Подѣ волоколамскіе суды.....	8
	Подѣ дела московскаго Сиротскаго Суда и можайскаго магистрата.....	20
	Подѣ медикохерургическую московскую академію.....	18
17.	Подѣ Государствѣнной Архивъ.....	70
18.	Императорскаго московскаго университета подѣ чинов- никовъ.....	50
	Подѣ московскій Комитетъ и дворянское Депутатское Со- браніе.....	20
	Подѣ Московскую Управу Благочинія.....	45
	Московскаго Надворнаго Суда 2-го департамента под чи- новниковъ.....	13
19.	Подѣ московское артиллерійское депо.....	130
20.	Московской гражданской палаты подѣ дела и чиновниковъ.	36
21.	Московскаго запаснаго артиллерійскаго депо подѣ пушки и салдатъ.....	700
22.	Подѣ Московское Коммерческое Училищѣ.....	37
23.	Подѣ порохъ артиллерійскаго депо.....	114
	Подѣ следующую партію салдатъ.....	45
	Ещѣ подѣ салдатъ жѣ.....	18
27.	Подѣ повоски Ионы митрополита Грузинскаго.....	15
	Следующему офицеру до Ярымова.....	3
30.	Подѣ дела и чиновниковъ московскаго уезднаго суда 2-го Департамента.....	27

Октября		
1.	Подъ дела и чиновниковъ московскаго артиллерійскаго депо.....	20
	Подъ артиллерію до Ярымова.....	275
2.	Подъ артиллерію.....	375
3.	Подъ свинець артиллерійскаго депо.....	124
	Подъ артиллерійскіе ружьи... ..	110
	Московскаго магистрата 2 департамента подъ дела.....	11
4.	Подъ разную бумагу.....	32
8.	Подъ дела московской шестигласной думы перваго департамента.....	21
	Подъ дела московской ремесленной управы и губернскаго прокурора и чиновниковъ съ оными.....	19
Ноября		
17.	По отъ крытому ордеру подъ московское обществѣнное призреніе.....	40
18.	Подъ эксѣкутора московской шестигласной думы.....	4
19.	По отъ крытому листу московскаго пехотнаго 11-го егерскаго полку порутчику.....	12
	Губернскому Секретарю Спаскому которой следоваль изъ Владимира.....	2
21.	До Монакова московской шестигласной думы гласному Ивану Андрееву с чиновниками.....	22
	При делахъ сержанту Петрову.....	18
22.	По отъ крытому листу до Монакова подъ медикохерургическія дела.....	45
	Московскаго градскаго общества губернскому секретарю Зеркальникову с чиновниками и делами.....	27
23.	Московской Уголовной Палаты канцеляристамъ Акиму и Василью Грандицкимъ.....	2
	Московской экспѣдиціи Кремлѣвскаго строенія титулярному советнику Казакову съ будущимъ по отъ крытому ордеру....	2
24.	По отъ крытому листу подъ управу благочинія дела по требованію губернскаго секретаря Малѣева.....	70
25.	21-го егерскаго полку порутчику Варнингу съ деньщиками по отъ крытому листу следующему въ главную квартиру....	4

26.	До Ярымова 40-го егерскаго полку подпорутчику Фролову и томскаго пехотнаго полку подпорутчикамъ Тугаевскому Карелину и Пихтину.....	14
	До Монакова московской управы благочинія регистратору.....	2
	До Ярымова водяной коммунікаці артиллеріи унтеръ цехъ вахтеру 13 класса Шеину.....	2
28.	До Ярымова перемышленскаго земскаго суда коммисиріатскаго депо 14 класса Короткову.....	1
	До Монакова московской шестигласной думы коллежскому регистратору Дмитрію Ивановскому.....	2
30.	До Ярымова подъ раненые, пушки и ядра.....	249
	До Монакова штата московскаго Коммисиріатскаго Депо коммисіонеру 10 класса Ушакову следующему до Владимира.	4
Декабря		
2.	До Монакова московской гражданской палаты 2 департамента надъ смотрщику титулярному советнику Егорову и коллежскому регистратору Аверкіеву.....	7
	До Монакова московскаго надворнаго суда 2 департамента чиновникамъ и канцелярскимъ служителямъ.....	32
3.	До Ярымова подъпорутчику артиллеріи Гладышеву.....	3
4.	До Монакова московской ремесленной управы губернскимъ секретарямъ Алексееву и Вознесѣнскому.....	18
	До Павлова Литовскаго уланскаго полку порутчику Готштову.....	2
5.	До Ярымова правительствующаго сената 6 департамента титулярному совѣтнику Ивашкину.....	1
	До Павлова Киевскаго драгунскаго полку унтеръ офицеру Клименко.....	1
6.	До Ярымова отъ калужскаго вицѣ губернатора, четырехъ оберъ офицерамъ Никифорову Фитингофу Бянину и Гутковскому.....	8
7.	До Монакова московской градской полиціи частному приставу Васильеву.....	2
10.	До Ярымова Тамбовскаго пѣхотнаго полку подъпорутчику Маринову с товарищи.....	12

	До Ярымова Владимирскаго полку офицерамъ.....	6
	До Монакова московскаго надворнаго суда 3 департамента секретарю Безъсонову.....	2
12.	Подпорутчику господину Гладышеву для свидетельства по Окѣ рѣкѣ съ артиллеріею судовъ до Шарапова.....	3
	До Монакова подѣ московскую гражданскую палату.....	50
19.	До Ярымова артиллерійской гарнизонной роты фейерверкеру Трутникову подѣ свозѣ казенной каразеи.....	16
22.	До Монакова кригсѣ коммисиріата коллежскому ассесору Черняевскому.....	3
25.	До Монакова порутчику Мансурову прапорщику Дидятеву съ воинами.....	10
	До Монакова московскаго горнаго правленія секретарю титулярному советнику Фатьянову с будущими следующимъ золотомъ.....	25
28.	До Монакова московскаго почтамта коллежскому регистратору Давыду Никласу.....	2
28.	До Монакова московской управы благочинія губернскому секретарю Колобову.....	2
29.	Баталіонному писарю Николаю Жданову с будущими следующимъ въ Арзамасѣ.....	6
30.	До Ярымова московскаго правительствующаго сената 2 департамента губернскому секретарю Ивану Борисоглебскому...	3
	Итого.....	3103
1813 года		
Генвар		
2.	До Монакова унтеръ офицеру Козлову.....	2
	До Монакова коммисиріатскаго депо вахтеру Козмину...	1
6.	До Ярымова московской межевой канцеляріи под чиновниковъ.....	6
7.	До Монакова титулярному советнику Зорину.....	2
8.	До Монакова казачьяго полка подѣ больныхъ.....	32
10.	До Монакова подѣ музыкантскую команду.....	12
11.	До Монакова губернскому секретарю Фомину.....	3

12.	Подъ московской Почтамтъ до Монакова.....	120
13.	До Монакова иностранную коллегію	152
15.	До Монакова подъ салдатыъ следующихъ изъ Вятки.....	30
17.	До Мон: подъ казаковъ	60
	Коммисіріатскаго Депо коллежскому секретарю Чиркову с чиновниками следующему из Нижнего	14
24.	3-го Егерскаго полка унтеръ офицеру с командою до Ярымова.....	5
	До Монакова Коммисіріатскому коммисіонеру 8 класса Волкову.....	2
27.	По подорожной под свиту Грузинской царевны до Мо- накова.....	60
28.	До Монакова грацкаго земскаго суда секретарю Домаш- неву и канцеляристу Мамову съ семействомъ	10
Февраля		
2.	До Монакова Новъгородскаго гарнизоннаго баталіона пра- порщику Семенову следующему в Новъ городъ с конвойною командою	5
7.	До Монакова мастерской оружейной палаты коллежскому регистратору Рябинову.....	4
15.	До Монакова московскаго воспитательнаго дома воспи- таннику Петру Захарову съ отцемъ матерью братомъ и се- строю.....	3
16.	До Ярымова унтеръ офицеру Якубову Нижегородскаго баталіона съ двумя конвойными для препровожденія аре- стантовъ	2
Марта		
2.	До Монакова московскаго государственнаго Архива ста- рыхъ делъ члену господину надворному советнику Тимченко съ делами и денежною казною.	65
4.	До Монакова Нижегородской военной силы пятидесят- ному началнику Павловскому съ беглыми.....	2
Маія		
9.	До Ярымова 40-го Егерскаго полка подъ салдатыъ.....	70
Июля		
22.	До Монакова подъ московской институтъ	122

25.	До М: подъ московской воспитательной домъ	118
26.	До Ярымова подъ пленныхъ французовъ и раненыхъ русскихъ салдатъ	16
Сентябрь		
8.	До Монакова подъ австрийцовъ обратившихъ обратно в російскую службу	9
19.	До Монакова под свиту генерала Никанора Богдановича Плещеева	27
	Итого	954
	А всѣго 4057 ло.	
	1812 года выгружали съ Оки ядры	
	Лошадми 432 ло.	
	Людми 634 че.	
	1813 года.	
	Апреля дня перегружали ядры на Окѣ рекѣ подъ деревнѣй Шараповомъ с нашей части 315 человекъ.	

Копія съ дѣла о чиновникахъ 1-го отдѣленія 6-го департамента сената, изъявившихъ желаніе поступить въ ополченіе, 1812 года.

Ордеръ министра юстиціи оберъ-прокурору 1-го Отдѣленія 6-го Департамента Сената, 12 іюля 1812 года.

Вслѣдствіе отношенія ко мнѣ Г. Главкомандующаго въ здѣшной Столицѣ, рекомендую Вамъ объявить всѣмъ чиновникамъ ввѣреннаго Вамъ Отдѣленія кромѣ оберъ-секретарей, секретарей, повѣтчиковъ и находящихся при другихъ штатныхъ должностяхъ, что они, буде пожелаютъ, могутъ вступить въ Ополченіе: на каковой случай имѣете Вы снабдить ихъ отъ себя и надлежащимъ свидѣтельствомъ въ томъ, что начальство дозволяетъ имъ вступить въ Ополченіе.

Министръ Юстиціи Иванъ Дмитріевъ.

Донесеніе оберъ-прокурора министру юстиціи, 15 іюля 1812 года.

Изъ служащихъ въ канцеляріи ввѣреннаго мнѣ Отдѣленія 6-го Департамента Сената чиновниковъ, нѣкоторые объявили мнѣ желаніе вступить въ военную службу. Я долгомъ моимъ почелъ испросить отъ Вашего Высокопревосходительства начальническое предписаніе въ томъ: подаваемыя отъ желающихъ перейти изъ канцеляріи 1-го Отдѣленія 6-го Департамента Сената въ военную службу просьбы представлять ли Вашему Высокопревосходительству или дабы въ разсужденіи настоящей съ Франціей войны не терять времени, въ то же время представлять ихъ съ аттестатами къ Московскому Коменданту.

Ордеръ министра юстиціи оберъ-прокурору, 2 августа 1812 года.

На рапортъ Вашъ, которымъ испрашиваете разрѣшенія какъ поступать, въ разсужденіи настоящей съ французами войны, съ чиновниками канцеляріи Правительствующаго Сената, изъявляющими желаніе перейти въ военную службу, даю знать, что поелику на переходъ чиновниковъ изъ статскаго званія въ военное не сдѣлано противъ прежняго отмѣны, а установленъ по случаю нынѣшнихъ военныхъ обстоятельствъ только порядокъ вступленія гражданскимъ чиновникамъ во временное внутреннее Ополченіе, то въ увольненіи ихъ въ военную службу и должно руководствоваться тѣми правилами, какія доселѣ наблюдаемы были.

Министръ Юстиціи Иванъ Дмитріевъ.

Свидѣтельства, выданныя оберъ-прокуроромъ чиновникамъ сената, изъявившимъ желаніе поступить въ ополченіе.

1. Дано сіе служившему въ 1-мъ Отдѣленіи 6 Департамента Прав. Сената, канцеляристу Петру Сучкову въ томъ, что онъ въ службу вступилъ въ Сенатъ изъ дворянъ, 1811 года Іюня 28 дня, канцеляристомъ, и что ему начальство во временное внутреннее Ополченіе вступить дозволяетъ. Въ Москвѣ, Августа 2 дня 1812 года.

(Подпись оберъ-прокурора.)

2. Дано сіе служившему въ 1 Отдѣленіи 6-го Департамента Прав. Сената, губернскому секретарю Николаю Шурупову въ томъ, что онъ въ службу вступилъ 1808 года января 4-го, изъ гимназистовъ 1-го кадетскаго корпуса, въ оное Отдѣленіе, съ переименованіемъ его въ коллежскіе регистраторы, и въ 1810 году Декабря 31 дня произведенъ въ губернскіе секретари, нынѣ же начальство вступить ему во временное внутреннее Ополченіе дозволяетъ. Въ Москвѣ, Августа 12 дня 1812 года.

Отмѣтка: 1813 года Октября 8 дня онъ, Шуруповъ, опредѣленъ подпоручикомъ въ Бородинскій полкъ.

3. Дано сіе служившему въ 1-мъ Отдѣленіи 6-го Департамента Прав. Сената, коллежскому регистратору Василию Ильину въ томъ, что онъ въ службу вступилъ 1811 года Августа 4 дня въ Правит. Сенатъ изъ студентовъ Императорскаго Московскаго Университета, съ переименованіемъ его въ коллежскіе регистраторы, и что ему начальство вступить во временное Ополченіе дозволяетъ. Въ Москвѣ, Августа 21 дня 1812 года.

1812 года Августа 5 дня, въ спискѣ, отправленномъ министру юстиціи отъ того оберъ-прокурора, значится, что вступилъ въ Ополченіе канцеляристъ 1-го Отдѣленія 6-го Департамента, Егоръ Долининъ, вступившій въ службу въ 1809 году, изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей, служилъ при экзекуторскихъ дѣлахъ съ 1812 года Февраля 29 дня.

Записка о покупныхъ въ 1812-1814 гг. людяхъ, отданныхъ въ ополченіе и рекруты.

Записка о покупныхъ въ 1812-м и 1814-м годахъ людяхъ отданныхъ въ ополченіе и въ рекруты и изъ оныхъ возвратившихся отъ кого изъ крестьянъ вотчины села Гребнева оныя куплены въ какихъ уѣздахъ и селеніяхъ тѣ покупныя люди и въ подушномъ окладѣ по 6-й ревизіи состояли означается подъ симъ.

Остались въ службѣ.

Андрей Ивановъ.

Купленъ въ 1812 году деревни Новой крестьяниномъ Григорьемъ Андрѣевымъ отъ помещика Маіора Ильина Давыдова отданъ въ ополченіе по полюбовному условію не возвратился почему въ 1814 году зачтенъ за рекрута.

Родіонъ Ивановъ.

Купленъ въ 1812 году крестьяниномъ Ефимомъ Ивановымъ отъ помещика Ассесора и кавалера Александра Алексѣева отданъ въ ополченіе по полюбовному условію въ вотчину Его Сіятельства не явился и потому въ 1814 году зачтенъ за рекрута и поступилъ за семейство крестьянина Иванова и гдѣ означенной покупной теперь находится неизвестно.

Возвратились изъ
Ополченія.

Никита Алексѣевъ.

Купленъ въ 1812 году деревни Слободы крестьяниномъ Иваномъ Бирюковымъ отъ Генералъ Маіорши Натальи Николаевны Депрерадовичевой по 6-й ревизіи въ подушномъ окладе состоялъ Орловской губерніи Мещевской округи при сельцѣ Неруче отданъ былъ въ ополченіе по полюбовному условію отъ куда возвратился въ вотчину и таперь находится въ Московскомъ Его С-ва домѣ купчей же на онаго по сіе время не совершено.

Изотъ Афонасьевъ.

Купленъ въ 1812-м году деревни Трубиной крестьяниномъ Козьмой Мозохинымъ изъ дворовыхъ Титулярной Советницы Александры Ивановны Борисовой отданъ былъ въ ополченіе по полюбовному условію отъ куда возвратился и по совершеніи въ 1814-м году апреля въ 24 купчей Маія 4-го числѣ отданъ въ рекруты которой по нынѣшней 7-й ревизіи написанъ покупнымъ и отданнымъ въ рекруты.

Александръ Федоровъ.

Купленъ въ 1812-м году деревни Щелковой крест. Алексѣемъ Королевымъ отъ Надворнаго Советника Ильи Герасимова сына Нефимонова отданъ въ ополченіе по полюбовному условію изъ онаго по возвращеніи 1814 года апреля 18 дня отданъ въ рекруты по полюбовному жъ условію.

Въ 1814-м году отданы
въ рекруты.

Терентей Никитинъ. }
Ефрѣмъ Степановъ. }

Куплены въ 1814 году отъ помещицы Варвары Григорьевой Гець по 6-й ревизіи состояли въ подушномъ окладе Новгородской губерніи Белозерскаго уѣзда въ деревняхъ 1-й Никитинъ Ивановской а последней Степановъ Савинской которые 1814-го года Марта 13 дня отданы въ рекруты по полюбовному условію и поступили за семейства вотчины села Гребнева крестьянъ.

Иванъ Мелентьевъ.

Купленъ въ 1814-м году отъ помещика гвардіи прапорщика Николая Яковлева сына Железникова изъ

Максимъ Елисеѣвъ.

дворовыхъ въ подушномъ окладе по 6-й ревизіи состоялъ Белорускаго уѣзда въ сельцѣ Мизимовѣ которой 1814 года марта въ 20-й день по полюбовному условію отданъ въ рекруты и поступилъ за семейство вотчины села Гребнева деревни крестьянина.

Купленъ въ 1814 году отъ надворной советницы Катерины Николаевой Ивановой изъ крестьянъ которой по 6-й ревизіи въ подушномъ окладѣ состоялъ Симбирской губерніи Алатырскаго уѣзда при селѣ Барышевѣ того жъ 1814 года маія въ 7 день по полюбовному условію отданъ въ рекруты и поступилъ за семейство села Гребнева деревни крестьянина.

Семень Ивановъ.

Отданъ былъ помещицею ево коллежскою советницею Катериною Алексѣевою Копачевскою въ 30 день генваря 1812-го въ зачетъ будущихъ наборовъ которой по полюбовному условію 1814-го года марта въ 21-е число зачтенъ за рекрута поступилъ же оной за семейство вотчины села Гребнева деревни крестьянина.

Послано при писмѣ 13 февраля 1816 года къ Алексею Гавриловичу Костареву.

О правилахъ при употребленіи на фабрикахъ военноплѣнныхъ, вступающихъ въ русское подданство.

Правительствующему Сенату Господинъ министръ внутреннихъ дѣлъ, тайный совѣтникъ, сенаторъ и кавалеръ Осипъ Петровичъ Козодавлевъ донесъ что, по высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, онъ представлялъ на рассмотрѣніе комитета Господъ Министровъ правила о употребленіи на фабрикахъ военноплѣнныхъ, вступающихъ въ подданство Россіи.

Комитетъ Господъ Министровъ, дѣйствующій съ особенною властію, согласно съ прежними распоряженіями Управляющаго Министерствомъ Полиціи, Г-на Глав-

нокомандующаго въ Санктпетербургѣ и съ правилами, изложенными въ мнѣніи его Господина Министра, постановилъ слѣдующее:

1. Военноплѣннымъ, желающимъ навсегда остаться въ Россіи и учинить на подданство присягу, по приведеніи къ оной отъ мѣстныхъ Начальствъ, позволять имѣть жительство во всѣхъ Россійскихъ Губерніяхъ, кромѣ присоединенныхъ въ Россіи отъ бывшей Польши, также Курляндіи, Финляндіи, Бессарабіи, областей Бѣлостокской и Тарнопольской и обѣихъ Столицъ, что и означать въ выдаваемыхъ имъ пашпортахъ.

2. Каждому такому изъ военноплѣнныхъ, присягнувшихъ на подданство, имѣютъ мѣстныя начальства объявлять, что по узаконеніямъ долженствуютъ они необходимо избрать себѣ родъ жизни или состоянія, на что и давать имъ сроку два мѣсяца со дня приведенія къ присягѣ. Сіе разумѣется токмо о тѣхъ изъ нихъ, кои до сего распоряженія не снабжены еще пашпортами на девять мѣсяцевъ.

3. Всѣ тѣ изъ нихъ, кои въ теченіи назначеннаго срока не изберутъ рода жизни, почтутся вредными и подозрительными, и съ ними поступаемо должно быть какъ съ бродягами.

4. Изъ числа присягнувшихъ на подданство военноплѣннымъ тѣмъ, кои знаютъ какое-нибудь ремесло, или же объявляютъ желаніе работать на фабрикахъ, или заводахъ, предоставить опредѣляться на частныя и казенныя фабрики и заводы по ихъ добровольному желанію, безъ малѣйшаго ихъ принужденія, и по взаимному съ содержателями и управляющими согласію и условію, каковыя заключаемы быть должны подъ надзоромъ мѣстнаго начальства, дабы не послѣдовало при семъ никакого недоразумѣнія со стороны военноплѣнныхъ, по незнанію ими русскаго языка и Русскихъ Узаконеній.

5. Поелику каждой подданной по узаконеніямъ долженствуетъ быть причисленъ къ какому-нибудь сословію или званію; то таковыхъ военноплѣнныхъ ремесленниковъ, учинившихъ на подданство присягу, записывать въ мѣщане, освобождая на десять лѣтъ со дня записки ихъ въ сіе званіе, отъ всѣхъ мѣщанскихъ податей и повинностей, яко новыхъ подданныхъ, и не имѣющихъ еще осѣдлости и собственности.

6. Тѣ военноплѣнные, кои хотя и знаютъ какое-нибудь ремесло, но не могутъ быть употребляемы на фабрикахъ, какъ то: садовники, портные, сапожники и тому подобныя, могутъ по запискѣ въ мѣщане оставляемы быть по желанію ихъ въ городахъ мастеровыми, или же опредѣляться въ наймы у частныхъ людей, съ коими заключать имъ условія на основаніи въ 4-мъ пунктѣ изъясненомъ.

7. Мѣстныя Губернскія Начальства обязаны доставлять Министру внутреннихъ дѣлъ вѣдомости о тѣхъ изъ поступившихъ въ Россійское подданство

военнопленныхъ, кои опредѣлились на какую либо фабрику, съ означеніемъ на какихъ условіяхъ и гдѣ именно опредѣлены.

Комитетъ Господъ Министровъ, сообщивъ о семъ положеніи Г-ну Главнокомандующему въ Санктпетербургѣ для свѣдѣнія и нужныхъ по сему предмету со стороны его распоряженій, возложилъ на него, Господина Министра внутреннихъ дѣлъ, привести оное въ должное исполненіе. Въ слѣдствіе чего онъ и сдѣлалъ уже надлежащія по сему предмету отношенія къ Господамъ Гражданскимъ Губернаторамъ.

Копія съ дѣла о дворовой дѣвкѣ Анисѣй Мироновой, 1812 года.

1812 года Іюня 15 дня, въ Пречистенской части крѣпостная дворовая дѣвка Анисья Миронова съ увѣщанія священника допрашивана и показала:

Доподлинно ее зовутъ Анисѣй Мироновой, отъ роду имѣеть 21 годъ, вѣры греческаго исповѣданія, грамотѣ не умѣеть, на исповѣди и у Святаго Причастія бываетъ, крѣпостная она Г. Чичерина дворовая дѣвка, жительство имѣла здѣсь въ Москвѣ, въ сей части, въ услуженіи у госпожи своей, въ должности верховой дѣвушки, а прошлаго 1811 года въ Октябрѣ мѣсяцѣ, а котораго именно числа, не упомнить, отъ госпожи, по глупости своей, безъ всякой кражи, бѣжала и проживала у крестьянской дѣвки Татьяны Михайловой, незавѣдомо бѣглой, а увѣряла ее, что она день со дня доставить пашпортъ, первоначально по бытности Михайловой у Каменнаго моста въ гербергѣ кофейницей, въ оной кофейной мѣсяца два, а по смѣнѣ ея, Михайловой, съ ней же въ оной части, въ домѣ Кузмодемьянскаго пономаря Петра Иванова, а сего Іюня 10 числа идя она, Миронова, по Москворѣцкому мосту, гдѣ увидѣлъ ее братъ родной госпожи ея, Василій Ивановичъ Булыгинъ, взялъ ее, доставилъ къ госпожѣ; во время жъ побѣга своего обращалась въ непотребствѣ, а съ подозрительными людьми знакомства не имѣла, кражи нигдѣ никакой не чинила, и во время жительства у мѣщанина Василя Петрова была знакома сей части съ квартальнымъ поручикомъ Суханинымъ, назадъ тому мѣсяца три чинила съ нимъ непотребство безъ всякой заплаты, на спросъ же его, Суханина, неоднократно ея, Мироновой, отвѣчала, что отпущенная на волю и записывается въ мѣщанство, а что она бѣглая Г-жи Чичериной, того не объявляла, и о всемъ показала по самой сущей справедливости, а буде что ложно или утаила, въ томъ подвергаетъ себя законному сужденію.

1812 года Юня 17 дня, въ Пречистенской части крестьянская дѣвка Татьяна Михайлова допрашивана и показала:

Доподлинно ее зовутъ Татьяною Михайловою, отъ роду имѣеть 26 годъ, вѣры греческаго исповѣданія, на исповѣди и у Святаго Причастія бываетъ, грамотѣ не умѣеть, жительство имѣеть сей части у Кузмодемьянскаго пономаря Петра Иванова, у нанимающаго комнаты московскаго мѣщанина Василья Петрова, пропитаніе имѣеть отъ шитья бѣлья, а назадъ тому мѣсяцевъ 8, бывъ у Каменнаго моста, у содержателя герберга, купца Верещагина, въ кофейной, въ должности кофейницы, съ платою въ мѣсяць по 15 рублей, и живя въ ономъ, познакомилась она съ приходящею въ оную кофейную, называвшею себя по имени Анной Ивановою, и проговорила, что отпущена на волю и приписывается въ мѣщанство, кою приглася для жительства съ нею, въ оной кофейной, у себя въ комнатѣ, и иногда она съ неизвѣстными людьми въ оной комнатѣ чинила непотребство, а иногда хаживала для того же къ желающимъ и на квартиры; а сего 1812 года Генваря 2 числа, смѣнясь она, Михайлова, по волѣ хозяина, наняла квартиру у помянутаго мѣщанина Петрова, и съ нею также стала жить оная Миронова, и спустя нѣсколько времени оная Миронова неизвѣстно почему взята была въ Тверскую часть, и что оная бѣглая Г. Чичерина дворовая дѣвка, совсѣмъ она, Михайлова, не знала.

1812 года Юня 17 дня, въ Пречистенской части московскій 2-ой гильдіи купецъ Николай Гавриловъ Верещагинъ *) спрашиванъ и показалъ:

Что онъ жительство имѣеть Яузской части, въ своемъ домѣ, производитъ пивовареніе и содержаніе герберговъ, и въ ономъ числѣ содержалъ онъ, Верещагинъ, у Каменнаго моста, въ Тверской части, въ домѣ купца Суровцева гербергъ, въ коемъ находился у него прикащикомъ дворовый Г. Ласунскаго челоувѣкъ Иванъ Антроповъ съ полною довѣренностью отъ него, Верещагина, управлять онымъ гербергомъ, нанимать и смѣнять рабочихъ людей, имѣть смотрѣніе за приходящими гостями, а паче за оставшимися ночевать безъ видовъ, бѣглую же Г. Чичерина дворовую дѣвку Анисью Миронову у живущей въ томъ гербергѣ кофейницы Татьяны Михайловой никогда не видывалъ, и ночевала ли когда, не замѣчалъ.

Мнѣніе Московской Управы Благочинія, 10 декабря 1815 года.

Оное слѣдствіе, какъ не заключающее въ себѣ грабежа, убійства и тому подобнаго, на основаніи Всемиловивѣйшаго Манифеста, прошлаго 1814 года въ 30 день Августа состоявшагося, статей 16-й и 18-й, предать забвенію.

*) Сынъ его Михаилъ былъ преданъ графомъ Ѳ. В. Растопчинымъ народу на расправу. П. Щ.

Копія съ дѣла объ иностранцѣ Ларме, 1812 года.

Письмо князя Сергія Голицына московскому оберъ-полиціймейстеру Ивашкину,
16 декабря 1812 года.

Сего Декабря 3 и 4 числѣ получилъ я отъ бывшаго надъ заводами моими и имѣніемъ управляющаго, московскаго купца Петра Иванова сына Ларме, изъ Тулы, два письма, изъясняющія будто бы невинность и тому подобное, а какъ оный Ларме, въ бытность непріятеля въ Москвѣ, по показанію дворянки Натальи Ивановой дочери Матвѣевой и людей моихъ, бывшихъ при немъ и нѣкоторыхъ увезенныхъ имъ съ собою, которые отъ него въ дорогѣ бѣжали и явились ко мнѣ, находился онъ въ службѣ у непріятеля и носилъ его знаки отличія, а притомъ изъ моихъ людей малолѣтняго человѣка онъ, Ларме, подарилъ какому то начальнику непріятельскихъ войскъ, жившему, въ бытность непріятеля въ Москвѣ, въ домѣ графини Зубовой, слѣдовательно, таковой человѣкъ есть уже законопреступникъ, то я, не желая помянутыя письма оставить въ неизвѣстности, препровождая присемъ къ Вамъ, Милостивый Государь, прошу увѣдомить меня, не нужно ли въ удостовѣреніе Ваше означенныхъ жившихъ съ нимъ—дворянку опросить, а людей моихъ, находившихся въ услуженіи у Ларме, допросить. Въ ожиданіи на сіе Вашего отвѣта, имѣю честь остаться Вамъ съ истиннымъ почтеніемъ, Милостивый Государь, покорнѣйшій слуга К. Сергій Голицынъ.

Донесеніе оберъ-полиціймейстера Ивашкина графу Растопчину, декабря 1812 года.

Полковникъ князь Сергій Николаевичъ Голицынъ въ присланномъ ко мнѣ письмѣ изъясняетъ жалобу свою на управлявшаго у него, до нашествія непріятельскаго, заводами и имѣніемъ, московскаго купца Петра Иванова Ларме, расхитившаго все имущество, въ домѣ остававшееся, подарившаго малолѣтняго двороваго его мальчика какому то начальнику французскихъ войскъ, жившему въ домѣ графини Зубовой, находившагося притомъ въ службѣ враговъ и съ ними выѣзжавшаго, проситъ о истребованіи того Ларме къ слѣдствію; а какъ изъ препровожденныхъ притомъ писемъ Ларме къ его сіятельству видно, что онъ живетъ въ городѣ Тулѣ, въ домѣ его превосходительства Дмитрія Алексѣевича Безобразова, то и счелъ я долгомъ, представя о семъ начальническому Вашего Сіятельства уваженію, покорнѣйше просить, о доставленіи Ларме къ производящемуся по сему предмету слѣдствію, сдѣлать съ кѣмъ слѣдуетъ сношеніе свое.

Два письма, представленныя княземъ Сергіемъ Николаевичемъ Голицынымъ, писанныя къ нему иностранцемъ Петромъ Ларме, получилъ обратно для передачи Его Сіятельству, служащій Его Сіятельства Иванъ Никулинъ, 31 Декабря 1812 года.

**Копія съ отношенія моск. гражданскаго губернатора
Обрескова об.-полиц. Ивашкину, 31 октября 1812 года.**

Какъ по теперешнимъ обстоятельствамъ потребны со стороны градскаго главы Шестигласной Думы частыя и скорыя содѣйствія въ требованіяхъ какъ Г. Московскому Коменданту, такъ и Московской Управѣ Благочинія, то и предписалъ я имъ поспѣшить возвращеніемъ сюда, а поелику между тѣмъ Московскій городской староста, коммерціи совѣтникъ и первой гильдіи купецъ Шелапутинъ, въ Москву явился, то до прибытія градскаго главы и предписалъ я ему исправлять должность его во всѣхъ частяхъ съ надлежащимъ успѣхомъ и и расторопностью; о чемъ почитаю долгомъ и Ваше Превосходительство увѣдомить.

**Копія съ дѣла о сгорѣвшей въ 1812 году аммуниціи
Рязанскаго ополченія.**

Сообщеніе моск. гражд. губерн. Обрескова об.-полиц. Ивашкину, 4 декабря 1812 г.

Рязанскій гражданскій губернаторъ въ отношеніи ко мнѣ изъясняетъ, что тамошняго Губернскаго Правленія совѣтникъ Рыхлевскій, по порученію начальства находясь въ Москвѣ, заключилъ контръ-актъ съ московскими купцами, Баканинымъ и Матанинымъ, на поставку для Рязанскаго Военнаго Ополченія ранцевъ, чемодановъ, ремней и вензелевыхъ Его Императорскаго Величества Имени знаковъ съ крестами изъ латуни. На основаніи контракта сего выдалъ онъ подрядчикамъ въ задатокъ 20000 рублей съ тѣмъ, чтобъ 10000 рублей были зачислены при первомъ отпускѣ вещей, а достальныя оставались въ задатокъ до самаго окончанія поставки. Купцы сіи въ исполненіи обязанности своей по контракту остановлены были внезапнымъ вступленіемъ въ Москву непріятеля, и до того времени успѣли командированному для приема тѣхъ вещей чиновнику въ

число подряженныхъ отдать не болѣе какъ на 10000 рублей, а какъ Рязанское Военное Ополченіе, присоединясь къ ополченію, состоящему подъ начальствомъ генераль-лейтенанта графа Толстаго, должно будетъ выступить въ походъ, то буде купцы, Баканинъ и Матанинъ, находятся въ Москвѣ, просить меня приказать внушить имъ, чтобы они, на основаніи заключеннаго съ ними совѣтникомъ Рыхлевскимъ контракта, выставили всѣ вещи какъ можно поспѣшнѣе, для приѣма коихъ, по мѣрѣ изготовленія ихъ, немедленно отправлены будутъ въ Москву чиновники, въ случаѣ же отзыва ихъ о невозможности въ свое время окончить всей поставки, понудить ихъ по крайней мѣрѣ къ выставкѣ вещей на оставленные 10000 рублей или принять мѣры ко взысканію оныхъ изъ имѣнія ихъ, такъ какъ они другъ по другѣ были порукою. Вслѣдствіе чего я покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство кому слѣдуетъ приказать о надлежащемъ исполненіи сего отношенія Рязанскаго губернатора, прося о послѣдующемъ незамедлительно меня увѣдомить.

Циркуляръ по полиціи отъ об.-полиц. Ивашкина, 7 декабря 1812 года.

Г. Оберъ-Полиціймейстеръ приказать изволилъ развѣдать, гдѣ имѣютъ жительство московскіе купцы, Баканинъ и Матанинъ, въ которой части окажутся, отъ той тотчасъ подать рапортъ, чрезъ 5 дней непременно репортовать же.

Рапортъ об.-полиц. Ивашкину отъ пристава Якиманской части, 26 іюля 1813 года.

Во исполненіе предписанія Вашего Превосходительства, по дѣлу о поставкѣ для Рязанскаго Военнаго Ополченія аммуниціонныхъ вещей, московскіе купцы, Баканинъ и Матанинъ, подали объясненіе, что ими по контракту разныхъ вещей поставлено на 55901 рубль, кои бывъ приняты отъ нихъ приѣмщикомъ капитаномъ Вельяминовымъ, но по неимѣнію подводъ оставлены имъ въ кладовой купца Матанина за замкомъ и печатью его, Вельяминова, кои вещи, во время нашествія въ Москву непріятели, въ той кладовой сгорѣли, денегъ же ими отъ приѣмщика получено 50000 рублей, слѣдовательно, за Рязанскимъ Ополченіемъ имѣется еще ихъ суммы 5901 рубль. Въ принятіи вещей съ данныхъ приѣмщикомъ Вельяминовымъ квитанцій представили копии, кои, равно и объясненіе купцовъ, Баканина и Матанина, съ прочими документами Вашему Превосходительству присемъ представляю.

**Дѣло о выдачѣ чиновникамъ Павловской фабрики
денежнаго награжденія, 1813 года.**

О выдачѣ чиновникамъ Павловской фабрики денежнаго награжденія. Директоръ Павловской казенной суконной фабрики Военный Совѣтникъ Зыбелинъ представляетъ мнѣ, что при нашествіи въ 812-м году непріятели, значущіяся въ прилагаемомъ присемъ списокѣ чиновники при вверенной ему фабрикѣ находящіяся, лишились всего ихъ имущества и претерпѣваютъ теперь всекрайнѣйшую бѣдность. Онъ свидѣтельствуя о усердной и ревностной ихъ службѣ, проситъ меня о исходатайствованіи имъ денежнаго награжденія, въ пособіе потерпѣннаго ими раззоренія.

Входя въ бѣдственное состояніе сихъ чиновниковъ и приѣмля во уваженіе усердную и ревностную ихъ службу, долгомъ моимъ поставляю представя объ ономъ Вашему Сіятельству, всепокорнѣйше просить соизволѣнія вашего на выдачу имъ въ награжденіе 4500 р. изъ суммъ фабрики, расположивъ оныя деньги на щетъ отдѣлки суконъ, которыхъ причтется по числу отдѣлываемой фабрикою препорціи 250 т. аршинъ, менѣе 2 ко. на аршинъ. Таковая награда не только облегчитъ участь ихъ, но и поощритъ къ продолженію ревностнаго служенія.

При семъ случаѣ нужнымъ считаю доложить Вашему Сіятельству, что по отчету представленному ко мнѣ директоромъ Павловской фабрики за 812 годъ, выработанныя ею въ томъ году армѣйскія сукна мундирныхъ цвѣтовъ обошлись гораздо дешевлѣе цѣнъ платимыхъ обязаннымъ фабрикантамъ и казна противъ оныхъ получила приращенія до 19 т. руб. Какими жъ имянно цѣнами обошлись сукна, полагая съ содержаніемъ фабрики и со всѣми расходами, имѣю честь представить при семъ Вашему Сіятельству записку. Относя сіе къ особенному усердію директора фабрики военнаго Совѣтника Зыбелина, долгомъ моимъ поставляю довести объ ономъ до сведѣнія Вашего Сіятельства.

Генералъ Кругъ Комисаръ Татищевъ

№ 4195.
17-го Декабря
1813-го.

Списокъ

Чиновникамъ Павловской казенной Суконной Фабрики, потерпѣвшимъ раззореніе при нашествіи непріятеля.

Управляющій Фабрикою 9-го класса Палиловъ.
Бухгалтеръ Титулярный Совѣтникъ Малыгинъ.
Помощникъ Бухгалтера 9-го класса Зыбелинъ.

Находящіяся при Фабрикѣ для разныхъ порученій.

9-го класса Аврамовъ.

Губернскія Секретари.

Микулинъ.
Кучинскій, механикъ при фабрикѣ.
Штабъ-Лѣкарь Прейферъ.

Писаря.

Серебряковъ.
Бобарыкинъ.
Шаховъ.
Николаевъ.
Летавинъ.

Генераль Кригсъ Комисаръ Татищевъ

Записка.

Какими цѣнами обошлись отдѣланныя на Павловской Фабрикѣ въ 812-м году армійскія сукна, полагая съ содержаніемъ фабрики и со всѣми расходами, и какая разница въ цѣнахъ противъ платимыхъ обязаннымъ фабрикантамъ.

	Цѣны ободѣшяея на Павловской фабрикѣ		Цѣны платимыя обязаннымъ фабрикантамъ		Противъ сихъ послѣднихъ дешевлѣе.	
	Руб.	ко.	Руб.	ко.		ко.
Темнозеленыя.....	2	20	2	43	—	23
Серыя.....	1	83	1	95	—	12
Бѣлыя панталонныя.....	1	90	1	95	—	5
Черныя.....	2	8	2	20	—	12
Синія, полагая противъ темнозеленаго.....	2	29	2	43	—	14
Красныя краповыя, тожь противъ темнозеленаго.....	2	25	2	43	—	18
Красныя канцелярныя.....	3	44	—	—		
Каришневые.....	2	15	—	—		
Голубыя.....	2	7	—	—		
Желтыя.....	1	92	—	—		

Генераль Кругсъ Комисаръ Татищевъ

Министерство
военное.

Общая канцелярія.
Отдѣленіе II.
18 декабря 1813.
№ 7605.

Отвѣтъ на № 4195-й.

Господину Генераль Кругсъ Коммисару.

Изъ представленія вашего превосходительства о производствѣ въ 1812-м году работъ на казенной Павловской фабрикѣ съ удовольствіемъ усмотрѣлъ я, что приготовленныя на той фабрикѣ сукна по особенному усердію къ службѣ и казенной пользѣ директора оной фабрики военнаго совѣтника Зыбѣлина обошлись вообще на 19000 рублей дешевлѣе цѣнъ для обязанныхъ фабрикантовъ установленныхъ, и потому поручаю вамъ объявить ему Зыбѣлину за сіе совершенную мою благодарность, и прочимъ чиновникамъ Павловской фабрики, въ приложенномъ при вашемъ представленіи списокъ поименованнымъ, въ награду засвидѣтельствованныхъ вами трудовъ ихъ и потерпеннаго при нашествіи непріятелей раззоренія, рекомендую выдать имъ согласно

предположенію вашему четырѣ тысячи пять сотъ рублей изъ прибыльной отъ выработки суконъ суммы, увѣренъ будучи, что какъ директоръ, такъ и чиновники ему содѣйствующія побудятся симъ къ доставленію впредъ вящей прибыли казнѣ исполняя въ точности обязанности свои и предписываемыя вашимъ превосходительствомъ правила для достиженія сей цѣли.

Управляющій военнымъ Министерствомъ.

**Копіи съ двухъ отношеній моск. коменданта Гессе
об.-полиц. Ивашкину, 1 и 2 декабря 1812 года.**

1. Прибывъ въ сію Столицу, я не могъ еще осмотрѣть казармы, но получилъ отъ нѣкоторыхъ квартирныхъ комисаровъ рапорты, что казармы находятся въ большой неисправности, а нѣкоторыя совсѣмъ сгорѣли, и бывшія въ нихъ вещи всѣ разграблены. Покорно прошу Вашего Превосходительства приказать комисарамъ входить въ свою должность и учинить описи казармамъ, дабы какіе покои можно будетъ на маловажную сумму привести въ прежнюю исправность, дабы во оныхъ можно помѣщать Г.г. штабъ и оберъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, а также не оставьте предписать комисару Екатерининскихъ казармъ сдѣлать лучшее распоряженіе въ квартирваніи войскъ, ибо Московское Военно-Сиротское Отдѣленіе расположено въ казармахъ очень тѣсно, ибо того Отдѣленія смотрительскій помощникъ штабсъ-капитанъ Покровскій рапортомъ доноситъ, что онъ помѣщалъ съ нуждою 126 человѣкъ, а нынѣ прибыло еще 164, а къ тому же не имѣетъ для складки провіанта никакого амбара.

2. Сего числа я былъ для составленія на сей Декабрь мѣсяцъ разнымъ съѣстнымъ припасамъ таксы, обще съ членами Московской Городской Шестиглазной Думы, но въ оной старость рядовъ и рынковъ не явилось, а посему прошу Ваше Превосходительство приказать частнымъ приставамъ, у коихъ въ частяхъ ряды и рынки состоятъ, чтобы старосты оныхъ непременно явились сего мѣсяца 4 числа, то есть въ среду, поутру въ 9 часовъ, Мясницкой части, близъ Златоустовскаго монастыря, въ домъ купца Шоргина, гдѣ Дума будетъ имѣть свое присутствіе.

Копія съ отношенія с.петербургскаго опекунскаго совѣта московскому оберъ-полиціймейстеру, 18 ноября 1812 года.

Московскаго Воспитательнаго Дома воспитанникъ Алексѣй Николаевъ, явясь въ Опекунскій Совѣтъ, письменно объявилъ, что онъ имѣлъ жительство въ Москвѣ, въ домѣ Батенеровыхъ, что на Срѣтенкѣ, въ приходѣ церкви Спаса Пушкарей, у полковника Брунина, и по вступленіи непріятели въ Москву, захваченъ съ прочими и употребленъ въ разныя работы, по прошествіи же нѣкотораго времени, при удобномъ случаѣ отъ непріятели скрылся, оставя данное ему отъ Совѣта вѣчноувольнительное свидѣтельство у него, Брунина. А посему Опекунскій Совѣтъ, сообщая о семъ, просить, дабы благоволили Вы, отыскавъ онаго полковника Брунина, отъ него истребовать помянутое свидѣтельство и доставить въ Совѣтъ.

(Полковникъ Брунинъ, по розыску полиціи, не отысканъ.)

О розыскѣ Льва Руцкова и поручика Глушевскаго.

Предписаніе моск. оберъ-полиціймейстера Шульгина моск. полиціймейстеру
1-го Отдѣленія Ровинскому, 5 февраля 1819 года.

Предписавъ, вслѣдствіе полученнаго мною предписанія Г. Управляющаго Министерствомъ Полициі, отъ 30 прошлаго Генваря, Частнымъ Приставамъ объ отысканіи уроженца города Сѣпнова, что въ Галиціи, Льва Руцкова, взятаго въ плѣнъ при переправѣ французской арміи чрезъ р. Березину, и находящагося за ранами въ отставкѣ поручика Глушевскаго, я предписываю Вашему Выс-блдію наблюсти о надлежащемъ онаго исполненіи.

**Копія съ предписанія графа А. П. Тормасова моск.
об.-полиц. Шульгину, 16 іюня 1819 года.**

Г. дежурный генералъ Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества, вслѣдствіе всеподданнѣйшаго прошенія жительствовающаго въ Венеціи Паола Біанкини о сдѣланіи справки о братѣ его, Гизиппѣ Біанкини, находившемся въ 1812 году въ Россіи, въ корпусѣ Италіанскаго королевства фурьеромъ и взятомъ въ плѣнъ во время ретирады французскихъ войскъ, отъ коего онъ послѣднее извѣстіе получилъ изъ Москвы въ Октябрѣ мѣсяцѣ 1812 года, проситъ открыть, куда означенный Гизиппъ Біанкини изъ Москвы отправился, или не находится ли и понынѣ въ оной, равно и въ случаѣ смерти его, достовѣрно о томъ освѣдомиться и о послѣдующемъ его увѣдомить для донесенія о семъ Его Императорскому Высочеству Великому Князю Михаилу Павловичу.

Вслѣдствіе чего рекомендую Вашему Превосходительству учинить объ означенномъ Гизиппѣ Біанкини развѣданіе, распросивъ между прочимъ торгующихъ здѣсь италіанской націи купцовъ, не имѣютъ ли они о немъ какого либо свѣдѣнія, и о послѣдующемъ мнѣ донести.

(1819 года Іюля 17 дня донесено об.-полиціймейстеромъ графу Тормасову, что Гизиппа Біанкини въ Москвѣ не оказалось.)

Копія съ дѣла англійскаго купца Шутлеворта, 1812 года.

Прошеніе англійскаго купца, Христофора Шутлеворта, графу Растопчину,
28 ноября 1812 года.

Жительство я имѣю здѣсь, въ столичномъ городѣ Москвѣ, въ собственномъ своемъ домѣ, состоящемъ Мясницкой части во 2 кварталѣ, изъ котораго, по небытности моей во время бытія непріятели въ Москвѣ, пріѣзжій послѣ меня въ самое то время, когда вступилъ непріятель, прикащикъ мой Керлеръ вывезъ изъ показаннаго дома моего нѣсколько количества сафьяну, лаекъ, опоекъ и глянцовыхъ кожъ и положилъ для сохраненія въ домѣ иностранца Юрша, которые нынѣ находятся за печатью полиціи. Въ такомъ случаѣ Ваше Сіятельство всепокорнѣйше прошу показанныя вещи, какъ то сафьянъ, лаекъ, опоекъ

и кожъ разныхъ, чрезъ кого слѣдуетъ, благоволите, Ваше Сіятельство, приказать выдать. Къ сему прошенію англичанинъ Христофоръ Шутлевортъ руку приложилъ.

Донесеніе моск. об.-полиц. Ивашкину отъ пристава Мясницкой части, 12 декабря 1812 года.

Во исполненіе предписанія Вашего Превосходительства по прошенію аглицкаго купца Христофора Шутлеворта, хранящійся въ домѣ иностранца Юрша за казенною печатью кожевенный товаръ по принадлежности ему, Шутлеворту, съ роспискою отданъ, и отъ удостовѣрителей свидѣтельство отобрано, о чемъ Вашему Превосходительству, съ приложеніемъ росписки получителя и свидѣтельства по немъ, рапортую.

Росписка получителя, 9 декабря 1812 года.

Я нижеподписавшійся, агличанинъ Христофоръ Васильевъ Шутлевортъ, принялъ изъ Мѣщанской части, изъ дому иностранца Ивана Григорьева Юрша хранящійся у него въ подвалѣ кожевенный товаръ, а именно: чернаго сафьяну 46, разноцвѣтныхъ 570, опойковыхъ 190, голубой лайки 300, лайки красной 570, желтой 210 и разноцвѣтной 20 кожъ, въ чемъ сію росписку и далъ агличанинъ Христофоръ Васильевъ Шутлевортъ.

Свидѣтельство по получателѣ и его обязательство, 5 декабря 1812 года.

Я нижеподписавшійся, англійскій подданный, Христофоръ Васильевъ сынъ Шутлевортъ, въ хранящихся нынѣ за казенною печатью, въ домѣ иностранца Юрша, принадлежащихъ мнѣ кожахъ, симъ объявляю, что оныя дѣйствительно собственныя мои, въ томъ нижеподписавшіеся свидѣтели удостовѣряютъ, который товаръ по такому удостовѣренію и прошу отдать мнѣ съ роспискою, съ такимъ обязательствомъ, что если оный въ послѣдствіи времени окажется принадлежащимъ кому либо другому, въ такомъ случаѣ я и подписавшіеся подъ симъ удостовѣреніемъ подвергаемъ себя законному сужденію. Въ чемъ свидѣтельствую Христофоръ Шутлевортъ.

Во всемъ означенномъ свидѣтельствую, подписуемся съ такимъ же обязательствомъ:

Карль Пицкеръ.

Frank Baumann.

Iacob Kerler.

Копія съ донесенія сенату изъ калужскаго губернскаго правленія, 28 іюля 1814 года.

Сего Іюня 22 числа, Губернское Правленіе, слушавъ предложеніе Г. Тайнаго Совѣтника, Сенатора, Управляющаго Калужскою и Смоленскою губерніями Павла Никитича Каверина, коимъ прописывая, что Его Пр-во, обозрѣвая разоренные не-пріятелемъ города Смоленской и Калужской губерній, захъавъ въ Калугу и про-бывъ въ оной нѣсколько дней, единственно для закрытія Военнаго Комитета, бывшаго учрежденнымъ по обстоятельствамъ 1812 года, при нашествіи не-пріятеля, и для распоряженія по роспуску по домамъ возвращающагося Калужскаго ополченія, равно и для окончательнаго положенія о дѣлахъ по Комитету сего ополченія, но на пути изъ Боровска къ Малоярославцу, получивъ Его Пр-во отъ Г. Предсѣдателя Палаты Уголовнаго Суда извѣщеніе, что Г. Вицегубернатору, Управляющему за отсутствіемъ Его Пр-ва губерніею, приключилась сильная болѣзнь, такъ что онъ должности исправлять не можетъ, поспѣшилъ Его Пр-во приѣздомъ и прибылъ въ ночи, съ вышеписаннаго числа; по такому встрѣтившемуся обстоятельству, вступаетъ Его Пр-во въ управленіе здѣшнею губерніею, и потому и предлагалъ сему Правленію сдѣлать о томъ надлежащее распоряженіе; и для того въ семъ Правленіи опредѣлено: Съ прописаніемъ вышеписаннаго предложенія Его Пр-ва, Г. Сенатора, Управляющаго Калужскою и Смоленскою губерніями, дать (и дано) знать всѣмъ здѣшней губерніи присутственнымъ мѣстамъ, равнымъ сему Правленію, сообщеніями, а подчиненнымъ и городничимъ указами, Правительствующаго же Сената 1-му и 6-му Департаментамъ донести о всемъ вышеписанномъ рапортами, каковымъ Правленіе сіе имѣеть честь представить.

Копія съ предложенія оберъ-прокурора сенату, 9 декабря 1812 года.

Господинъ Тайный Совѣтникъ, Министръ Юстиціи, въ ордерѣ своемъ мнѣ, отъ 20 числа минувшаго Ноября, по прочемъ изъяснивъ, что Государь Императоръ, по выслушаніи доклада Правительствующаго Сената 6-го, 7-го и 8-го Департаментовъ, о предоставленіи канцелярскимъ служителямъ Сената выдан-

наго имъ впередъ за Сентябрьскую треть жалованья безъ вычету, Высочайше повелѣтъ соизволилъ: распространить сіе на тѣхъ только, кои до открытія Сенатомъ присутствія прибыли въ Казань, дабы имъ за сіе усердіе сдѣлать вознагражденіе, равнымъ образомъ на курьерскую команду и начальника оной Кастеляна,—предписалъ мнѣ о сей Высочайшей волѣ предложить Правительствующему Сенату къ надлежащему исполненію. О чемъ и имѣю честь предложить Правительствующему Сенату.

Оберъ-Прокуроръ Графъ Кутайсовъ.

Копія съ дѣла о московскомъ купцѣ И. М. Макаровѣ, 1814 года.

1812 года іюня 22 дня. Въ Московской Управѣ Благочинія производилось дѣло по прошенію крестьянки Василисы о взысканіи съ московскаго купца Ивана Макарова сына Макарова по векселю должныхъ денегъ 500 рублей. Макаровъ въ отзывахъ своихъ показывалъ, что часть оныхъ онъ уплатилъ, а остальныхъ, по причинѣ потерпѣннаго отъ непріятеля разоренія, уплатить не въ состояніи.

При произведеніи слѣдствія этого дѣла, Управа между прочимъ предписала Серпуховской части приставу объ отобраніи свѣдѣнія отъ онаго Макарова: гдѣ онъ до нашествія въ Москву непріятеля и во оное время имѣлъ жителство, буде былъ въ отъѣздѣ, когда именно въ Москву прибылъ. На каковое предписаніе частный приставъ представилъ слѣдующее свѣдѣніе, отобранное отъ купца Макарова 19 декабря 1814 года:

На требованіе оной Части, по приказу Московской Управы Благочинія, объяснить честь имѣю, что я до нашествія непріятеля выѣхалъ въ воскресенье, наканунѣ входа его въ Москву, Московской губерніи въ городъ Богородскъ, и проживъ въ ономъ не болѣе одного дня, выѣхалъ въ село Богословъ, отстоящее отъ г. Богородска въ 8 верстахъ, гдѣ проживши у священника онаго села болѣе трехъ недѣль, до нашествія непріятеля въ г. Богородскъ, а потомъ выѣхалъ изъ онаго села въ деревню Песьяна, отстоящую отъ того села Богослова верстахъ въ 20-ти, гдѣ прожилъ около недѣли, откуда выѣхалъ въ лѣсъ, по близости оной деревни верстахъ въ 4-хъ отстоящій, изъ онаго жъ лѣсу выѣхалъ въ деревню, не болѣе 7 верстъ отстоящую, а какъ ее называютъ и какого

уѣзда, не упомню, изъ оной же деревни, по выходѣ непріятели изъ Москвы, переѣхалъ обратно въ городъ Богородскъ, гдѣ и проживалъ у своего отца, московскаго купца Макара Кириллова, изъ Богородска пріѣхалъ въ Москву прошлаго 1813-го года въ Декабрѣ мѣсяцѣ на квартиру къ купцу Герасиму Алексѣеву, гдѣ и по сіе время жительство имѣю.

Московскій купецъ Иванъ Макаровъ сынъ Макаровъ.

Копія съ дѣла Т. З. Кирьяковой, 1817-1825 гг.

Объявленіе въ комиссію строеній жены московскаго купца, Алексѣя Ѳедорова Кирьякова, Татьяны Зиновеевой Кирьяковой, 17 іюля 1817 года.

Имѣю я собственный свой каменный домъ, состоящій въ Серпуховской части 1 квартала, подъ № 468, въ приходѣ Живоначальныя Троицы что въ Кожевникахъ, на большой Кожевнической улицѣ, который во время нашествія непріятели обгорѣлъ, и по разстроенному моему состоянію, привести его въ совершенство не могу, то на основаніи учиненной отъ сей Комиссіи публикаціи, по бѣдности моей желаю воспользоваться пособіемъ по волѣ Все милостивѣйшаго Государя Императора, отъ оной назначеннымъ, для обстройки онаго дома и выстройки вновь принадлежностей, равно и на внутреннюю отдѣлку другаго дома, доставшагося мнѣ по купчей въ семь 1817 году Апрѣля 18 дня, отъ московскихъ купцовъ Шаковыхъ, въ залогъ, спорахъ и подъ запрещеніемъ не состоящаго; а потому представляя у сего свидѣтельство отъ Г. Московскаго Оберъ-Полиціймейстера, мнѣ данное 21 Мая, и планъ и фасадъ, какъ предполагаю строить оный, покорнѣйше прошу Комиссію, по учиненіи сей землѣ и оставшимся отъ сгорѣнія матеріаламъ надлежащей оцѣнки, принявъ оное въ залогъ, отпустить мнѣ на сообразную по цѣнѣ сумму въ пособіе на 5 лѣтъ безъ процентовъ наличными деньгами, причемъ обязуюсь я, Кирьякова, показанный мой домъ, въ теченіи одного года отъ полученія денегъ, по плану и фасаду отдѣлать и всю заимствованную сумму возвратитъ сполна въ Комиссію не далѣе какъ въ теченіи послѣдняго до срочнаго дня мѣсяца.

Свидѣтельство оберъ-полиціймейстера Шульгина, 21 мая 1817 года.

Дано сіе купеческой женѣ Татьянѣ Кирьяковой вслѣдствіе поданнаго отъ нея прошенія и учиненной по оному выправки, въ томъ, что домъ Кирьяковой, купленный ею у купца Шакова, въ бытность непріятели въ Москвѣ сгорѣлъ,

и безъ пособія правительства, по разстроенному ея состоянію, обстроить не можетъ. Мая 21 дня 1817 года. Оберъ-Полиціймейстеръ Шульгинъ.

Прошеніе главнокомандующему, графу Тормасову, моск. купчихи Татьяны
Кирыяковой, 18 января 1819 года.

Прошлаго 1818 года Октября 1 дня имѣла я счастье утрудять Ваше Сіятельство покорнѣйшею моею просьбою о учиненіи пособія выдачею изъ Строительной Коммиссіи денегъ на обстройку каменнаго дома моего, состоящаго Серпуховской части по большой Кожевнической улицѣ, который во время нашествія непріятели обгорѣлъ, и который оною Коммиссіею былъ оцѣненъ въ 39000 рублей, но на сію просьбу отъ Вашего Сіятельства послѣдовала резолюція, что за неполученіемъ въ Коммиссіи изъ министерства финансовъ суммы, нѣтъ возможности пособить мнѣ на отстройку дома деньгами, а ежели желаю я получить матеріалами, то могу подать о томъ прошеніе въ Коммиссію. Посему, желая привести скорѣе въ настоящей порядокъ домъ свой, принуждена была занимать у разныхъ людей на срокъ деньги, и такимъ образомъ оный спѣшила совершенно обстроить, но за неимѣніемъ денегъ тотъ домъ остается и понынѣ не обстроенъ, а между тѣмъ кредиторы мои, дѣлавшіе мнѣ въ семь случаѣ благодѣяніе, нынѣ по приблизившимся срокамъ требуютъ обратно деньги; я, не имѣя сихъ и возможности, какъ удовлетворить моихъ кредиторовъ, такъ и обстроить домъ мой, но имѣя единую надежду на покровительство Вашего Сіятельства о оказаніи мнѣ милости, вторично осмѣливаюсь утрудять Ваше Сіятельство повелѣть Строительной Коммиссіи по учиненной ею оцѣнкѣ выдать мнѣ подъ тотъ домъ заимообразно деньги и тѣмъ осчастливить лишенную всѣхъ способовъ оказаніемъ благодѣянія.

Прошеніе военному генералъ-губернатору, князю Д. В. Голицыну, моск. мѣщанки
Татьяны Кирыяковой, 26 декабря 1824 года.

Великодушіе и благотворительность, оказываемая Вашимъ Сіятельствомъ всѣмъ ищущимъ Вашего покровительства, одушевляють меня смѣлостью прибѣгнуть къ Вашей особѣ и представить глазамъ Вашимъ горестное положеніе моего семейства. Въ 1812 году все наше недвижимое имѣніе учинилось жертвою пламени, и мы лишились всѣхъ средствъ къ пропитанію себя, однако Богъ послалъ добрыхъ людей, и мужъ мой при помощи ихъ поправилъ дѣятельностію своею разстроенное положеніе своего семейства, но лишь только успѣли выстроить обгорѣлыя наши дома, какъ одинъ изъ нихъ опять сгорѣлъ, и мы снова увидѣли себя всего лишенными. Сіятельнѣйшій Князь, милосердное сердце Ваше легко

можетъ сообразить, что чувствовала тогда я, несчастная мать, когда увидѣла себя, мужа и дѣтей безъ пристанища, безъ одежды и безъ хлѣба, однако упованіе на Промысль Всевышняго не допустило меня впасть въ крайнее отчаяніе, молитвы подкрѣпили, и участь наша облегчилась, и вполсѣдствіе времени мой мужъ по милости Вашего Сіятельства и Московскаго Общества выбранъ въ аукціонисты, и я, желая отстроить обгорѣлый свой домъ, получила изъ Московской Строительной Коммиссіи пособіе на пять лѣтъ, безъ процентовъ, въ три срока: 1-й, 1819 года 11 Февраля шесть тысячъ рублей, 2-й, 1820 года 5 Марта шесть тысячъ рублей, и 3-й, того же года 2 Сентября шесть тысячъ рублей, итого 18000 рублей, которому займу сроки должны выходить: 11 Февраля и 5 Марта 1824 года и 2 Сентября 1826 года, заемъ сей однакожъ для отстроенія моего дома оказался недостаточнымъ, почему нашлась я принужденною занимать еще деньги у частныхъ лицъ, и при всемъ этомъ домъ мой и до днесь остается совершенно еще не отдѣланнымъ, а между тѣмъ наступилъ срокъ платить въ Коммиссію занятый капиталъ, и оная Коммиссія требуетъ съ меня всю сумму съ первой выдачи, чего выполнить я по разстроенному своему положенію не могу; въ такомъ случаѣ, дабы не подвергнуть тѣхъ людей, которые снабжали меня деньгами, чувствительному убытку, если домъ продается аукціоннымъ порядкомъ, рѣшилась я оный запродать за самую малѣйшую, противъ употребленной на постройку его суммы, цѣну, съ условіемъ, чтобъ мнѣ съ покупателя договоренную цѣну получить въ пять лѣтъ. А какъ счастье семейства моего зависитъ отъ Вашего Сіятельства, то всепокорнѣйше прошу, благоволите принять сіе мое прошеніе и осчастливьте меня отсрочкою занятаго мною капитала, за уплатою 4000 рублей впередъ, на четыре года, каковой капиталъ покупатель моего дома. пріемлетъ на себя и обязывается ежегодно вносить по равной части съ узаконенными процентами. Сіятельнѣйшій Князь, умоляю Васъ, удостойте сіе мое прошеніе милостивымъ Вашимъ рѣшеніемъ и избавьте тѣмъ семейство мое отъ ужасающей нищеты.

Прошеніе со словъ просительницы писалъ Московскаго Коммерческаго Училища воспитанникъ Логинъ Шапошниковъ.

Объясненіе въ Тверскую часть мѣщанки Татьяны Зиновеевой Кирьяковой,
сентября 1825 года.

На объявленное мнѣ оною Частію отношеніе Строительной Коммиссіи о томъ, что по случаю непредставленія мною доказательствъ, которыя могли бы служить къ разрѣшенію оказавшихся въ Крѣпостной Экспедиціи запрещеній на запроданномъ мною домѣ иностранцамъ Кунишу и Фритшу, безъ коихъ Гражданская Палата не можетъ дозволить совершить на оный домъ купчую, имѣю

честь объяснить, что какія слѣдовало представить отъ меня доказательства, касающіяся до разрѣшенія запрещеній, то оныя мною по принадлежности, куда слѣдовало, представлены, о чемъ на сихъ дняхъ подано отъ меня въ Строительную Коммиссію объявленіе, дабы она сообщила въ Гражданскую Палату о позволеніи мнѣ совершенія купчей. Московская мѣщанка Татьяна Зиновеева Кирьякова руку приложила.

Копія съ письма И. А. Тутолмина почетному опекуну Баранову, 1812 года.

М. Г. Николай Ивановичь!

Великодушно извините ваше Превосходительство, что я къ вамъ не писалъ; по истиннѣ не было время. Какъ вы изъ Москвы выѣхали, вскорѣ получилъ отъ Государыни повеленіе отправить въ Казань обоего пола старшихъ воспитанниковъ; Августа 31-го ихъ выпроводилъ, а 2-го Сентября пожаловали гости, объ оныхъ ни отъ кого не былъ предувѣдомленъ: армія наша ретируется чрезъ Москву, а говорятъ идетъ преслѣдовать непріятели, который будто поворотилъ на Коломну; конецъ нашихъ у воспитательнаго дома, а непріятели вступаютъ въ городъ, сіе происходило по полудни въ 4 часа и въ Кремль вошелъ. Войска наши кабаки разбили, народъ мой перепился; куда ни сунусь все пьяно: караульщики, рабочіе, мушкетеры и женщины натащали вина ведрами, горшками и кувшинами, принужденъ въ квартирахъ обыскивать; найдя, вино лилъ, а ихъ билъ, приведя въ нѣкоторый порядокъ; а непріятели уже въ городѣ по всѣмъ улицамъ фланкируютъ и около Москвы цѣпь обводятъ. Нечего дремать; пустился по своему прешпекту и на Солянкѣ дожидаюсь вышнихъ непріятельскихъ начальниковъ, но нейдутъ. Сказалъ Зейпелю и экономскому сыну за переводчика, самъ-третей полѣтелъ въ Кремль; пройдя Варварку повернулъ въ яблосные ряды, взглянулъ къ Лобному мѣсту, видя: изъ Спаскихъ воротъ густыя колонны идутъ на площадь, прибавя шаговъ въ Спаскія ворота, въ которыхъ очень стѣснены взводы, кое-какъ продрались въ Кремль. Отойдя отъ воротъ шаговъ 50, навстрѣчу ихъ Генералъ; я приступилъ къ нему, сказавъ о себѣ, спросилъ: кто войсками начальствуетъ? онъ спросилъ: на что?— просить его покровительства для воспитательнаго дома салвагвардію. Онъ отвѣчалъ: отъ Императора назначенъ Губернаторъ Графъ Дюронель, очень учтиво, оборотилъ свою лошадь и повелъ насъ къ Ивану великому, навстрѣчу ему жандармской поручикъ, онъ ему

приказалъ: „оного чиновника доставьте къ Губернатору.“ Съ тѣмъ мы и пошли на площадь противъ Сената: онъ велѣлъ намъ на одномъ мѣстѣ стоять, чтобъ насъ онъ не потерялъ, а мы его: самъ поскакалъ по всему Кремлю искать Губернатора. Возвратясь сказалъ: нѣтъ здѣсь, онъ поѣхалъ на Тверскую въ на-мѣстнической домъ. Мы туда промаршировали. По многимъ исканіямъ добрили къ Губернатору уже темно; я его прошу о салвагвардіи, онъ тотчасъ тому жъ Поручику приказалъ, чтобъ онъ сказалъ жандармскому Полковнику дать мнѣ 12 жандармъ при одномъ Офицерѣ; Полковникъ оного жъ Поручика нарядилъ, и на походѣ изъ взводу отчелъ 12 и мы пошли въ Домъ: Казанскую церковь прошли, повернули въ Никольскую, уже большой грабежъ начался въ рядахъ; прошу Поручика, хотя они конные, а мы пѣшіе, прибавить ходу. Итакъ достигли до Дому; слава Богу! никого еще не было. Уже для нихъ приготовлено ѣство сахарное и питье веселое; но они сказали; что „мы желаемъ напередъ успокоить своихъ лошадокъ, а послѣ будемъ просить и для насъ.“ Я на конюшню: казенныхъ лошадей выкинулъ, ихъ помѣстилъ; они чрезъ полчаса пришли кушать: пили и ѣли аппетитно. Поблагодаря я имъ предложилъ квартиру докторскую, въ которой приготовлены были постели. Они поблагодаря:— „нынѣ поздно мы на сѣнцѣ можемъ, а завтра будемъ васъ просить о квартирахъ.“ Поставили посреди кор-де-ложскаго двора одного часоваго, сказавъ мнѣ: „будьте покойны.“ Съ тѣмъ съ нами и распрощались. Какой покой? всю ночь на дворѣ, всѣ сами были караульные. Въ эту жъ ночь начались пожары, но не такъ сильны. 3-го числа тожъ у насъ въ домѣ до крестовыхъ воротъ на кор-де-ложскомъ дворѣ, въ кор-де-ложи и въ квадратѣ покойно; на кой-часъ за крестовые и водяные ворота и въ окружномъ строеніи грабятъ, оставляютъ какъ мать родила, — бѣднякъ бѣжить: ваше Превосходительство, ограбили!—что жъ дѣлать, такъ тому и быть. Жандармы говорятъ: мы въ домѣ стережемъ, а за воротами сами не смѣемъ, не приказано. 4-е число въ вечерни вся Москва объята пламенемъ такъ, что нашъ домъ отъ огня былъ какъ въ котлѣ, при сильномъ вѣтрѣ. Нельзя отдать нашимъ трудамъ, что мы всю ночь и на другой день до 10 часовъ въ потѣ лица были. Нѣтъ возможности всѣхъ страховъ и ужасовъ описать; но Провидѣніе Божіе насъ отъ гибели спасло. При ономъ сгорѣла вся аптека съ лѣкарствами Доктора Таненберга, домъ инвалидной, Шереметьевой, у корпуса одинъ уголь загорался, то спасло, что онъ весь со сводами; а конюшни, сараи, погреба и заборы сгорѣли. 5-го числа въ 2 часа Наполеонъ поѣхалъ по городу смотрѣть свои злодѣянія, по набережной доѣхалъ до Воспитательнаго Дома, спросилъ что это за зданіе? ему сказали: воспитательный домъ.—Почему онъ не горѣлъ?—Его избавилъ оного Начальникъ своими подчиненными. Тутъ же на мѣстѣ послалъ ко мнѣ Генераль-Интенданта всей арміи Графа Дюмаса (я преждѣ съ нимъ видѣлся); прискакалъ въ домъ, спросилъ: гдѣ вашъ Генераль?

я былъ въ безсмѣнной стражѣ. Подошедъ къ нему: — что вамъ угодно? — „Я присланъ къ вамъ отъ Императора и Короля, который вашего Превосходительства приказалъ благодарить за трудъ и за спасеніе вашего дома, притомъ Его Величеству угодно съ вами лично познакомиться.“ Я поблагодаря принялъ равнодушно, но тѣмъ очень былъ обрадованъ, что весь домъ онымъ окуражился. 6 - го числа въ 12 часовъ пріѣхалъ ко мнѣ отъ Императора Статсъ - Секретарь Делорнъ; я встрѣчаю его; онъ мнѣ говоритъ, что присланъ отъ Государя просить, чтобъ я былъ къ нему. Присланнаго я зналъ въ Москвѣ назадъ 5 лѣтъ, который у Александра Дмитриевича Хрушова ежедневно бывалъ; поцаловались, посадя его, стали говорить какъ знакомые; я обрадовался, что онъ по русски говоритъ какъ русской, спрашивалъ про все семейство Хрушова, наконецъ взялъ меня за руку сказалъ тихо: „поѣдемъ, чѣмъ скорѣе, тѣмъ ему пріятнѣе“. Сѣли на дрожки, а его верховую за нами. Пріѣхали въ Кремль; онъ введя меня въ гостиную, подлѣ большой тронной. Тутъ много армейскихъ и штатскихъ, всѣ заняты. Не болѣе 10 минутъ, отворилъ Делорнъ двери.—Пожалуйте къ Императору. Я войдя, Делорнъ показалъ: вотъ Государь. Онъ стоитъ промежъ колоннъ у камина. Я большими шагами, не доходя въ десяти шагахъ сдѣлалъ ему низкой поклонъ, онъ съ мѣста подошелъ ко мнѣ и сталъ отъ меня въ одномъ шагу. Я зачалъ его благодарить за милость караула и за спасеніе дома. Онъ мнѣ отвѣчалъ: „намѣреніе мое было сдѣлать для всего города то, „что я теперь только могу сдѣлать для одного вашего заведенія. Скажите мнѣ „кто причиною зажигательства Москвы? — на сіе я сказалъ: Государь! можетъ быть начально зажигали русскіе, а въ послѣдствіи французскія войска. На то сердито отозвался: „неправда, я ежечасно получаю рапорты, зажигатели русскіе, но и пойманы, на самомъ дѣлѣ доказываютъ достаточно, откуда происходятъ варварскіе повелѣнія чинить таковыя ужасы; я бы желалъ поступить „съ вашимъ городомъ, такъ, какъ поступалъ съ Вѣною и Берлиномъ, которые „и понынѣ неразрушены; но Россіяне оставивши сей городъ почти пустымъ „сдѣлали безпримѣрное дѣло: они сами хотѣли предать пламени свою столицу, „и чтобъ причинить мнѣ временное зло разрушили созиданіе многихъ вѣковъ; „я могу оставить сей городъ и весь вредъ самимъ себѣ причиненный останется „невозвратнымъ; внушите о томъ Императору Александру, которому безсомнѣнія неизвѣстны таковыя злодѣянія; я никогда подобнымъ образомъ не воевалъ; „воины мои умѣютъ сражаться, но не жгутъ. Отъ самага Смоленска до Москвы „я болѣе ничего не находилъ какъ одинъ пепелъ“. Потомъ спросилъ меня: известно ли мнѣ, что въ день вшествія французскаго войска въ столицу, выпущены были изъ темницъ колодники и правда ли что Полиція съ собою увезла пожарныя трубы?— На сіе я сказалъ что я слышалъ.— Отвѣчалъ мнѣ на сіе: что дѣло сіе не подлежитъ никакому сомнѣнію. Я съ нимъ обо всемъ полчаса

говорилъ. Онъ стоялъ на одномъ мѣстѣ какъ вкопаной. Фигура его пряма, невеликъ, бѣлъ, полонъ, носъ съ маленькимъ горбомъ, глаза сверкаютъ, похожъ больше на немѣцкое лицо, широко плечистъ, бедра и икры полныя. Отпусти меня, подтвердилъ еще, чтобъ я о семъ писалъ къ своему Императору Александру и послалъ бы рапортъ чрезъ одного изъ своихъ чиновниковъ, которого онъ велитъ препроводить до своихъ форпостовъ, что я и исполнилъ, отправилъ 7-го Сентября, но отвѣту не имѣлъ; а какъ непріятель оставилъ Москву, то отъ Государыни и Рухинъ мой возвратился ко мнѣ. Вашъ домъ въ сильный пожаръ 4-го Сентября сгорѣлъ и ограбленъ. Въ Москвѣ больше не осталось домовъ какъ восьмая часть, и то разграблены. Никакъ нельзя описать какіе ужасы и страхи происходили. Наконецъ взяли у меня половину квадрата, все окружное строеніе для раненыхъ и больныхъ, въ оныхъ помѣстили 3000. Ежедневно умирало отъ ранъ и поносовъ отъ 50-и до 80-ти человѣкъ. Совсѣмъ меня загадили, гдѣ спали, ѣли, испражнялись. Каковы же нынѣ отдѣленія! а въ корде-ложи Полковникъ съ 300 жандармъ квартировалъ и Совѣтъ былъ занятъ. Было представленіе свѣта, одинъ Всевышній наставилъ, подкрѣпилъ и спасъ. Благодареніе Богу! 7-го Октября Наполеонъ выѣхалъ изъ Москвы въ 5-ть часовъ съ главною своею арміею, которая потянулась по Калужской дорогѣ, а обозы тяжелые отправили по Смоленской; въ Москвѣ же остался Маршалъ Герцогъ Тревизскій съ малымъ числомъ войскъ, которые съ 9-го числа начали перебираться изъ города въ Кремль, гдѣ преждѣ того производимы были злодѣйственныя приготовленія для взорванія на воздухъ находящихся въ Кремлѣ зданій. 10-го числа по наступленіи ночи въ воспитательномъ домѣ снятъ французскій караулъ и всѣ французскія войска вышли изъ Кремля и оставили городъ. Въ 11-ть часовъ загорѣлся Кремлевскій дворецъ, а во 2-мъ часу ночи первой сдѣлался жестокой ударъ подорвавшій и разрушившій арсеналь, какихъ было пять ударовъ; оныя слышны были за 80 верстъ, коими разрушены: пристройка къ Ивановской колокольнѣ, нѣкоторыя башни и часть Кремлевской стѣны; соборы жъ Промысломъ Божиимъ остались цѣлы но самымъ хищнымъ образомъ разграблены. Еще гораздо ужаснѣйшихъ произшествій надлежало бы ожидать, если бы не было дождя, который во всю ночь сильно шелъ. Отъ ударовъ сихъ въ воспитательномъ домѣ было наичувствительнѣйшее потрясеніе, хотя предварительно открыты были окна, однако во многихъ мѣстахъ разбились стекла, выбились рамы и двери и обвалилась штукатурка, что подѣйствовало и въ оставшихъ въ городѣ домахъ. Дѣти не были слишкомъ встревожены потому что я заблаговременно о семъ предупредилъ какъ ихъ такъ и служащихъ и всѣ мы по совершеніи бѣдствій и ужасовъ остались живы. Нѣтъ возможности всего описать, я очень нездоровъ а притомъ отъ Государыни перепиской чрезвычайно замученъ. При усерднѣйшемъ почитаніи свидѣтельствую

вамъ равно и Милос. Государынѣ В. А. П. Н. нелестнѣйшее почитаніе съ каковымъ на весь вѣкъ имѣю щастіе быть

Писано въ Ноябрѣ 1812.

Милост. Государей
всепокорнѣйшимъ слугой
Иванъ Тутолминъ

Копія съ выписки изъ донесенія И. А. Тутолмина императрицѣ, 11 ноября 1812 года.

1812. Августа 31 въ субботу загородный домъ воспитательнаго дома, состоящій за Новодѣвичимъ монастыремъ; и за Москвою рѣкою, передовыми нашими казачьими войсками разграбленъ.

1-го Сентября въ воскресенье, войска наши вошедшія въ Москву, разбили питейныя дома; простой народъ бросился въ оныя, таская вино ведрами, кувшинами и пьянствовали. Всѣ присутственныя мѣста и большая часть жителей, имѣющихъ состояніе, выѣхали еще за нѣсколько дней изъ города.

2-го Сентября въ понедѣльникъ, проходили Москву Россійскія войска а въ слѣдъ за оными въ 4 часа пополудни вступило въ Москву непріятельское Французское войско, такъ, что послѣднія Русскія войска проходили набережною воспитательнаго дома а непріятельскія были уже въ Кремлѣ. По вступленіи непріятеля въ Москву, Главный Надзиратель воспитательнаго дома, Дѣйств. Статскій Совѣтникъ Иванъ Акинфѣевичъ Тутолминъ ожидая отъ непріятеля всѣхъ насилій и жестокостей, дабы спасти домъ съ сиротами пошелъ съ твердымъ духомъ въ Кремль, съ двумя чиновниками служащими ему переводчиками. Въ Кремлѣ по многуму переходенію доведенъ былъ онъ до опредѣленнаго отъ Наполеона Губернатора Графа Дюронеля, коему объяснивъ объ оставленномъ на попеченіи его воспитательномъ домѣ съ грудными и малолѣтними дѣтьми, просилъ его принять изъ единаго человѣколюбія оный домъ подъ свою защиту. Дюронель приказалъ ему дать 12 человѣкъ конныхъ жандармовъ съ офицеромъ: съ сими гостями отправился Тутолминъ въ домъ, которые и были на содержаніи дома. Какъ въ сей день, такъ и въ слѣдующіе французскія войска входили въ городъ и выходили изъ онаго, осталось же ихъ тогда до 50,000.

Съ самаго перваго вечера начались пожары, но и день ото дня увеличены были, разосланы были по всему городу зажигателями, бросавшими во всѣ дома и церкви зажигательные составы, въ низкія мѣста изъ рукъ, а въ высокія изъ

пистолетовъ. Съ пожарами вмѣстѣ начались грабежи, смертоубійства и всякаго рода жестокости и поруганія отъ непріятельскихъ войскъ, по безчеловѣчію своему, не внемлющихъ ни гласу совѣсти, ни просьбамъ и слезамъ несчастныхъ жителей. Грабежи сіи продолжались до того времени, пока у бѣдныхъ жителей ничего уже не осталось, и они будучи лишены домовъ и жилищъ, пищи и одежды, принуждены были искать себѣ насущнаго хлѣба у самаго непріятеля.

3-го числа Сентября во вторникъ, пожаръ и грабежи продолжались. Русскіе больные и раненые помѣщены были въ Екатерининскомъ и Александровскомъ училищахъ, и оставлены были безъ пищи, безъ присмотра и даже мертвые тѣла не похоронены. Тутолминъ узнавъ о томъ сего числа и не имѣя никакой возможности оказать имъ пособіе предписалъ онъ Оппелю, главному больницы для бѣдныхъ лѣкарю, не оставить ихъ безъ призрѣнія.

Того жъ числа пріѣхалъ въ воспит. домъ Генераль-Интендантъ Дюмасъ, и осмотрѣвъ домъ, распорядилъ тутъ возлѣ лабазъ строить печи для печенія хлѣбовъ. И хотя на другой день пришедшіе солдаты съ офицерами разломали деревянныя строенія и конюшни, выкинувъ изъ нихъ экипажи, изъ коихъ нѣкоторые ободрали, а другіе увезли, но пекарню дѣлать не разсудили.

4-го Сентября въ среду, былъ самый жесточайшій пожаръ; весь городъ былъ объятъ пламенемъ, горѣли храмы Божіи, превращались въ пепель великолѣпныя зданія и дома; отцы и матери кидались въ пламя, чтобъ спасти погибающихъ дѣтей; и дѣлались жертвою ихъ нѣжности. Жалостные вопли ихъ заглушались только шумомъ ужаснѣйшаго вѣтра и обрушеніемъ стѣнъ. Все было жертвою огня. Мосты и суда на рѣкѣ были въ огнѣ и сгорѣли до самой воды. Воспитательный домъ находился въ величайшей опасности, будучи со всѣхъ сторонъ окруженъ пламенемъ. Всѣ окрестныя строенія пожираемы были ужаснымъ пожаромъ; пламя разливалось рѣками повсюду; вихрь отрывалъ клубы огня и переносилъ на другія дальнія строенія, кои тотчасъ загорались: весь городъ былъ въ огнѣ, и ночь не различалась свѣтомъ со днемъ. Въ воспитательномъ домѣ воспитанники съ вѣниками и шайками разставлены были по дровамъ, куда какъ дождь сыпались искры, которыя они гасили. Неоднократно загорались въ домѣ рамы оконничныя и косяки, главный надзиратель съ подчиненными гасилъ, раскидывая сосѣдственные заборы и строенія, загашая водою загоравшіяся мѣста; и такимъ образомъ спасъ домъ съ воспитанниками, служащими и пришельцами. Только что одинъ деревянный домъ и аптека сгорѣли; когда главный надзиратель пожарными трубами старался загашать огонь; тогда французскіе зажигатели поджигали съ другихъ сторонъ вновь аптеку и тотъ домъ; наконецъ нѣкоторые изъ стоявшихъ въ домѣ жандармовъ сжалившись на тщетные ихъ труды, сказали главному надзирателю: оставьте, приказано сжечь.

Итакъ домъ тотъ и аптека обратились въ пламя а послѣ въ пепель. Изъ инвалиднаго дома Шереметевой всѣ вещи расхищены а нѣкоторые взяты были живущими въ домѣ жандармами.

При сихъ ужасныхъ обстоятельствахъ прибѣгнули въ воспит. домъ въ великомъ числѣ несчастные жители Москвы и просили пристанища и покрова. Главный надзиратель Тутолминъ всѣхъ ихъ успокоивалъ, елико возможно было. Раненыхъ же нашихъ припалывающихъ въ домъ, принималъ рядовыхъ въ свои больницы, а трехъ офицеровъ къ себѣ. Между прочими бѣдными приведена была такъ же престарѣлая, лишенная зрѣнія и отягченная болѣзнями Княгиня Катерина Михайловна Голицына съ поручицею Бауверъ, лишенная всего имущества и нѣсколько дней бывшія безъ пищи, коихъ помѣстилъ онъ со вдовами.

Послѣ столь ужаснаго пожара, домъ оставался въ величайшей опасности; ибо не преставали ходить французскіе зажигатели около дома; и для того главный надзиратель учредилъ изъ подчиненныхъ своихъ безпрестанные днемъ и ночью около дома обходы, и во всѣхъ мѣстахъ приготовилъ воду. Таковыми мѣрами избавилъ онъ домъ отъ огня. Между тѣмъ безпрестанно пріѣзжали и приходили къ дому толпы французскихъ мародеровъ, кои искали пищи для злыхъ и развращенныхъ ихъ сердецъ, грабительствомъ и всякаго рода буйствами, не смотря на имѣющійся въ домѣ караулъ жандармовъ, который и самъ не съ лишкомъ могъ во всей силѣ выполнять свою обязанность; и потому, что отъ начальства имъ позволено было грабительство. Почему, дабы симъ людямъ изъяснить какое заведеніе есть воспит. домъ, и дабы убѣждать ихъ къ жалости къ невиннымъ сиротамъ, главный надзиратель поставилъ у воротъ переводчиковъ, собравъ ихъ изъ служащихъ въ домѣ и постороннихъ, во время пожара прибѣгнувшихъ къ его покровительству, знающихъ французскій языкъ; и еще до вступленія злодѣевъ у всѣхъ воротъ выставилъ доски съ французскими надписями: „сіе заведеніе есть домъ несчастныхъ и сирыхъ дѣтей“. Изъ дома нельзя было выдти за ворота безъ того, чтобъ не быть ограбленнымъ. Въ городѣ учреждены были французскіе начальники, кои были: первый Губернаторъ Графъ Дюронель, на мѣсто котораго поступилъ послѣ Герцогъ Тревизскій, Маршалъ Мортъе, Комендантъ Графъ де Миллю, Генераль Интендантъ арміи Дюмасъ и интендантъ города Лессепъ.

5-го Сентября въ четвертокъ пополудни въ 2 часа, Наполеонъ прогуливаясь по городу, смотря на свои злодѣянія, ѣхалъ по набережной мимо воспит. дома, противъ онаго остановясь спросилъ: что это за зданіе, которое отъ пожара сохранено? Ему отвѣчали: что это воспитательный домъ, спасенный отъ предстояв-

шей ему гибели начальникомъ онаго съ своими подчиненными. Наполеонъ велѣлъ Генералъ Интенданту Дюмасу ѣхать въ домъ, найти главнаго надзирателя и объявить ему свое благоволеніе. Дюмасъ прискакавъ въ домъ, и объявилъ главному надзирателю: я присланъ къ вашему пр-ву отъ Императора, который приказалъ благодарить васъ за трудъ и за спасеніе вашего дома отъ огня. Его Величеству угодно съ вами лично познакомиться. Старикъ Тутолминъ, человѣкъ духа неустрашимаго, равнодушно принялъ оное; но утѣшился тѣмъ что весь домъ отъ онаго приведенъ въ ободреніе.

6-го числа Сентября, въ пятницу, Наполеонъ прислалъ за Тутолминымъ Статсъ-Секретаря своего Делорма. Сей Делормъ жилъ много лѣтъ преждѣ въ Москвѣ, и былъ нарочно для того въ Москву присыланъ, чтобы онъ зналъ Русской языкъ, входилъ въ дома и давалъ вѣсти Наполеону, слѣдов. ето былъ лазутчикъ. Тутолминъ отправился къ Наполеону въ Кремлевской дворецъ. Какимъ образомъ принятъ былъ онъ Наполеономъ, и о чемъ имѣлъ съ нимъ разговоръ, о томъ отъ 7-го Сентября донесъ Государю Императору съ нарочно-посланнымъ, въ Петербургъ. А сверхъ того Наполеонъ дѣлалъ Тутолмину слѣдующіе вопросы. Великое ли число дѣтей въ домѣ? На какое время запасено продовольствіе, и откуда снабдить можно домъ съѣстными припасами на зиму? Тутолминъ подалъ вѣдомость о числѣ дѣтей. Наполеонъ разсмотрѣвши оную, съ улыбкою сказалъ: „вы увезли въ Казань большихъ дѣвицъ“. Потомъ Тутолминъ отвѣчалъ: „я имѣю продовольствія только на мѣсяцъ, хотя обыкновенно домъ дѣлаетъ подрядъ на цѣлый годъ, но по неимѣнію мѣста, запасается только на одинъ мѣсяцъ. Подрядчикъ же теперь уѣхалъ изъ Москвы, слѣдовательно домъ лишенъ всѣхъ способовъ къ полученію запасовъ“. Въ добавокъ спросилъ Наполеонъ: откуда городъ получаетъ съѣстные припасы? Тутолминъ отвѣчалъ: хлѣбъ изъ Украинскихъ, скотину изъ Малороссійскихъ, а мѣлкую живность изъ ближайшихъ областей. Хлѣбъ доставляется по большей части на баркахъ весною; а часть онаго привозится и сухимъ путемъ зимою. Еще спросилъ Наполеонъ: какій шаръ англичанинъ Шмитъ дѣлалъ на пагубу его войска и его самого? прибавивъ, что такое варварство просвѣщенному народу непростительно. Тутолминъ отвѣчалъ: я о томъ ничего не знаю. На сіе возразилъ Наполеонъ: мнѣ извѣстно что шаръ дѣлался въ 7 верстахъ отъ Москвы, но за неприведеніемъ въ дѣйствіе созженъ; а оставшіеся же горючія вещества, употреблены на созженіе Москвы. Наконецъ сказалъ онъ: какъ безчеловѣчно поступили Русскіе, оставивъ 10000 раненыхъ солдатъ, безъ пищи и призрачія! повторяю вамъ еще: напишите о всѣхъ произшествіяхъ Москвы къ своему Императору Александру, и отправьте съ донесеніемъ чиновника своего. Я дамъ ему пропускъ чрезъ свои форпосты.

Въ этотъ же день пріѣхали въ домъ для помѣщенія 300 жандармовъ съ

полковникомъ и офицерами и помѣстились въ корделожѣ. Сѣно и овесъ у всѣхъ обобрали а такъ же и лошадей отняли, лучшихъ въ строевую службу, а поменьше въ обозы. Екипажи изъ сараевъ повыбросали, иные взяли подъ свой обозъ. Должно было сихъ гостей довольствовать съѣстными припасами, доколѣ сами непріатели увидѣли, что не остается чѣмъ питать себя и дѣтей.

8-го Сентября, въ воскресенье смотритель вдовьяго дома Мирицкій пришелъ въ воспитательный домъ въ рублищѣ; ибо какъ онъ съ семействомъ ограбленъ, такъ и домъ вдовій что въ Кудринѣ ограбленъ и соженъ, гдѣ сгорѣло до 700 человекъ русскихъ раненыхъ; изъ коихъ нѣкоторые только могли спастись, т. е. тѣ, кои имѣли силы выползти *). Того жъ числа Генераль-Интендантъ Дюмасъ пріѣхалъ въ домъ и объявилъ повелѣніе Наполеона, чтобъ осмотрѣть внутренность воспитательнаго дома, по осмотрѣ дома взять онъ планъ онаго съ собою.

9-го Сентября, въ понедѣльникъ, Дюмасъ прислалъ обратно планъ раздѣливъ въ немъ карандашемъ квадратъ на равныя половины; и велѣно было главному надзирателю сказать, что половина квадрата и окружное строеніе все займется французскими ранеными и больными, и чтобъ непременно оныя зданія очистить.

10-го Сентября, во вторникъ, главный надзиратель чрезъ статсъ-секретаря Делорма подалъ Наполеону письмо объ отмѣненіи намѣренія учредить госпиталь въ квадратѣ; но на оное никакого письменнаго рѣшенія не получилъ. И какъ по отправленіи взрослыхъ дѣтей въ Казань многія въ квадратѣ отдѣленія остались пусты, то сіе подало французскому начальству поводъ и мысль помѣстить въ домѣ лазаретъ. Посему и прозъба о нестѣснѣннѣи дѣтей и объ отмѣненіи сего намѣренія осталась безуспѣшна; сказали главному надзирателю, что Наполеонъ получа отъ него письмо отозвался: „чего онъ хочетъ? когда у него много пустыхъ комнатъ слѣдоват. онъ не стѣснится“. А въ отраду приказалъ, въ квадратъ однихъ только раненыхъ помѣщать, а больныхъ въ окружное строеніе, и раздѣлить заборомъ отъ дѣтей, и особые сдѣлать вѣзды.

12 Сентября, въ четвертокъ, Наполеонъ чрезъ статсъ-секретаря своего прислалъ двухъ сиротъ для помѣщенія оныхъ въ домъ, которыя послѣ того по его повелѣнію два раза были свидѣтельствованы, какъ оныя содержатся? Сироты и въ бѣдности находящихся родителей дѣти присылаемы были отъ го-

*) Кудринскій вдовій домъ сгорѣлъ 3-го Сентября во вторникъ, не отъ сосѣдственныхъ дворовъ, но отъ явнаго зажигательства французовъ, которые видя что въ томъ домѣ русскихъ раненыхъ было около 3000 человекъ стрѣляли въ оный горючими веществами и сколько смотритель Мирицкій ни просилъ варваровъ сихъ о пощадѣ дома; до 700 раненыхъ нашихъ въ ономъ сгорѣло; имѣвшіе силы, выбѣжали и кой-куда разбрелись.

Въ домѣ тихо отправляли въ церкви службу; всѣ исповѣдались и причащались готовясь на смерть.

родскихъ начальниковъ, какъ то: отъ Генераль-Губернатора Герцога Тревизскаго 9-ть, отъ комменданта Графа де Милліо 9-ть и отъ французскаго начальства 2, всего 22 человѣка; сверхъ того поступило въ домъ подкидышей 23.

13-го Сентября, въ пятницу, начали привозить французскихъ раненыхъ и больныхъ въ окружное строеніе.

14-го Сентября, въ субботу, присланъ былъ инженерный офицеръ съ рабочими солдатами, который и началъ отдѣлять половину квадрата, почему дѣти и перемѣщены всѣ въ одну половину. Въ послѣдствіи сіи больные на половину своей оставшіяся вещи расхитили, попортили, книги изорвали, шкафы, столы, стулья сожгли въ печахъ. Для лучшаго порядка, главный надзиратель при входѣ на свою половину поставилъ караульныхъ и далъ предписаніе своимъ переводчикамъ изъ служащихъ и постороннихъ, имѣвшихъ пристанище въ домѣ, чтобъ они чередовались безотлучно у воротъ, и приходящимъ и приводимымъ раненымъ показывали дорогу на ихъ половину; но учтиво бы удерживали всѣхъ тѣхъ, кои будутъ входить на дѣтскую. Желających же видѣть заведеніе, провожали бы къ нему главному надзират. Сверхъ того для безопасности отъ пожара, соблюденія спокойствія и удаленія злоумышленниковъ, главный надзиратель учредилъ ночные обходы, употребивъ къ тому своихъ чиновниковъ съ переводчиками, кои поочередно всякую ночь три раза обходили всѣ мѣста квадрата.

15-го Сентября, въ воскресенье, начался въ квадратъ привозъ раненыхъ, коихъ содержали они отъ себя; и оныхъ въ обоихъ госпиталяхъ т. е. въ квадратѣ и окружномъ строеніи, по наполненіи было ежедневно до 300, а во все время болѣе 2000 человѣкъ, умирало ихъ ежедневно въ квадратѣ отъ 20 до 50-ти итого до 1500, которыя тѣла похоронены были за квадратомъ на пустырь къ городской стѣнѣ города Китая, въ чертѣ воспитательнаго дома; въ окружномъ же строеніи умирало оныхъ ежедневно отъ 15-ти до 30; итого до 1000 тѣлъ, которыя положены были изъ онаго строенія за чертой воспитательнаго дома. Хотя для предосторожности на тѣла и сыпана извязь; но за недостаткомъ небольшое количество. Главный надзиратель для отвращенія заразительныхъ болѣзней, хоронилъ оныя тѣла своими людьми; безъ чего онѣ бы валялись по коридорамъ и площадкамъ; ибо приставники больницъ весьма часто мѣнялись, отъ чего совсѣмъ не было порядку (въ послѣдствіи, когда Москва очистилась отъ непріятели, тѣла сіи были вырыты и за городомъ сожжены).

По учрежденіи французскихъ госпиталей, начальство ихъ прислало для оныхъ караулъ, который занялъ крестовую и докторскія комнаты.

Спустя нѣсколько времени главный надзиратель началъ относиться французскому начальству о недостаткахъ въ сѣстныхъ припасахъ для того, чтобы они не покусились отобрать изъ дома сѣстные припасы, или принудить до-

вольствовать ихъ команды пищею. Хотя домъ въ запасахъ большой нужды еще не претерпѣвалъ, но нужно было получить позволеніе для посылки по деревнямъ чиновниковъ своихъ для закупки хлѣба, для того, чтобъ при семъ случаѣ увѣдомить войска наши о непріятелѣ и настоящемъ его положеніи. Къ несчастію главному надзирателю дома по требованію его дали пшеницы 100 центеровъ, да крупъ гречневыхъ 20 центеровъ, предоставивъ ему сыскать для молонья пшеницы мѣльницы и объ оныхъ донести; почему отправленъ экономя, чтобъ осмотрѣть мѣльницы близъ города; довольно ихъ найдено; но крѣпкія заняты были французскимъ мѣливомъ, а порченныя празды. Когда о томъ главный надзиратель отнесся къ французскому начальству, то дано было отъ онаго позволеніе молотъ на испорченныхъ, изъ которыхъ на одной, исправя оную, пшеница была смолота.

По прошествіи 10-и дней главный надзиратель вторично возобновилъ требованіе свое, по которому позволили ему покупать хлѣбъ внутри своихъ форпостовъ. А какъ въ близъ лежащихъ деревняхъ французами все уже было обобрано, то и не могъ онъ успѣть воспользоваться симъ позволеніемъ, а приступилъ еще съ новою просьбою къ Генераль-Интенданту, который отозвался, что сіе принадлежитъ до Интенданта города Лессепса, а когда онъ къ сему отнесся, то сей отвѣчалъ, что не имѣетъ на сіе приказанія, и хотѣлъ доложить о томъ Герцогу Тревизскому Маршалу Мортъе; но сей отозвавшись сначала невозможностью, наконецъ по убѣжденію позволилъ главному надзирателю послать своихъ чиновниковъ по деревнямъ для отысканія хлѣба, снабдивъ ихъ письменнымъ видомъ, каковой и главный надзиратель отъ себя самъ долженъ былъ дать. При семъ Лессепсъ предварялъ его главнаго надзирателя, чтобъ онъ взялъ отъ начальства денегъ ассигнаціями для его расходовъ, но онъ не имѣлъ въ нихъ нужды будучи снабженъ отъ опекунскаго совѣта достаточною суммою денегъ. Это была ихъ зловредность, чтобъ ссужать его своими фальшивыми ассигнаціями, коихъ привезли съ собою весьма большое число, и ими даже выдавали своимъ войскамъ жалованье. По просьбѣ стоявшаго въ домѣ съ жандармами полковника, который къ главному надзирателю принесъ кучу сторублевыхъ фальшивыхъ ассигнацій, просилъ размѣнять на 25-ти рублевыхъ, но онъ выбожился, что у него ихъ нѣтъ, а такія же сотенныя; но принужденъ одну размѣнять на 25-ти рублевыхъ, въ намѣреніи поднести оную Государынѣ Императрицѣ; но въ бытность Генераль-Адъютанта Павла Васильевича Кутузова по просьбѣ его отдалъ ему для отправления къ Государю Императору.

Сентября 28, въ субботу оставшіеся въ Москвѣ французскіе лицедѣи, въ домѣ Позднякова, на Большой Никитской дали комедію, о чемъ по городу и печатными объявленіями на французскомъ языкѣ повѣстили.

2-го Октября отправилъ главный надзиратель своихъ чиновниковъ для оты-

сканія по деревнямъ хлѣба, имѣя однакожь болѣе въ виду чрезъ таковой случай дать извѣстіе войскамъ нашимъ, что французскія войска изъ Москвы значительнымъ числомъ стали выходить, и обозы отпускать, равнымъ образомъ извѣстить обо всѣхъ въ ней происшествіяхъ. Въ слѣдствіе чего отправленъ былъ для сего надворный совѣтникъ Данилевскій, съ тремя чиновниками, переводчикомъ, двумя унтеръ-офицерами и 3-мъ унтеръ-офицерами, которые выѣхавъ на Петербургскую дорогу, въ 12-ти верстахъ отъ Москвы встрѣтились съ казачьимъ отрядомъ подъ командою Генераль-Майора Иловайскаго, который въ то время имѣлъ съ непріателемъ перестрѣлку. Посланные препровождены были къ командующему ихъ корпусомъ, Генералу Винценгеродѣ, который распрашивалъ ихъ подробно обо всѣхъ происшествіяхъ Московскихъ; опасаясь же, чтобы какимъ нибудь образомъ не дошло до непріателя свѣденія о нахожденіи такъ близко русскихъ войскъ, не рѣшался онъ сначала отпустить ихъ въ Москву; но на послѣдокъ въ уваженіе недостатка въ хлѣбѣ для воспитательнаго дома, оставя въ залогъ у себя четырехъ, остальныхъ съ Данилевскимъ 5 человекъ отпустилъ съ такимъ подтвержденіемъ, чтобы по доставленіи хлѣба въ воспит. домъ, паки съ вѣрными извѣстіями о непріателѣ вскорѣ возвратились бы къ нему. Оные чиновники купивъ ржи $5\frac{1}{2}$ четвертей прибыли благополучно въ домъ, съ такимъ объявленіемъ, что оставшіе остались по деревнямъ, скупать съѣстные припасы.

10-го Октября рано поутру Тутолминъ отправилъ тѣхъ же чиновниковъ къ Генералу Винценгероду, гдѣ на пути встрѣтились съ своими казаками отъ Москвы по Петербургской дорогѣ въ 12 верстахъ въ селѣ Никольскомъ, отъ которыхъ узнавъ, что корпусный начальникъ Винценгероде взятъ въ плѣнъ непріателемъ въ Москвѣ на другой день и съ оставленными преждѣ возвратились въ Москву.

По истинному недостатку съѣстныхъ припасовъ Интендантъ Москвы, Лесепсъ доставилъ 8 коровъ и 4 барановъ. Сверхъ того посылалъ онъ Тутолминъ въ поля за картофелемъ, котораго за избраніемъ непріателемъ не находили, а приносили капусту; и за тою не иначе можно было посылать, какъ съ французскими провожатыми, которыхъ Тутолминъ съ трудомъ могъ выпрашивать. По недостатку муки, онъ долженъ былъ довольствоваться домъ умѣреннымъ образомъ; но домъ не имѣлъ однакожь голоду, такъ какъ многіе изъ жителей въ городѣ, кои принуждены были питаться одною намоклою пшеницею, насыпанною въ баркѣ, которая во время пожара сгорѣла и сѣла на дно.

Между тѣмъ французское начальство, видя себя и жителей угнетенныхъ, и нуждающихся во всемъ, стало выдавать разныя провозглашенія, отъ 19 и 29 Сентября.

5-го октября, суббота, присланные отъ французскаго начальства комиссары

заняли въ домѣ хлѣбни для печенія хлѣбовъ на ихъ войско. Съ сего числа поспѣшнымъ образомъ начальство ихъ начало вывозить изъ госпиталей въ домѣ воспитательномъ учрежденныхъ, своихъ легко раненыхъ и выздоравливающихъ изъ Москвы по Можайской дорогѣ, а на мѣсто ихъ изъ другихъ госпиталей наполняли въ домѣ лазареты.

6-го Октября въ воскресенье большая часть французскаго войска стала готовиться къ отбытію изъ Москвы.

7-го Октября въ понедѣльникъ выступили войска непріятельскія изъ Москвы, съ коими отправился и самъ Наполеонъ въ 5-ть часовъ утра по Калужской дорогѣ; а тяжелые обозы отправлены по Смоленской. Того же числа всѣ жандармы вышли въ походъ, въ Москвѣ же оставалось французскихъ войскъ не болѣе 3000, подъ начальствомъ Маршала Мортъе, къ которому предъ выходомъ жандармовъ относился Тутолминъ чрезъ письмо съ просьбою, чтобы онъ приказалъ стоящему офицеру на караулѣ при лазаретахъ охранять и воспитательный домъ.

8-го Октября, во вторникъ, Тутолминъ не получилъ отвѣта на письмо свое о караулѣ, повторилъ къ нему просьбу чрезъ письмо къ Интенданту Лессепсу.

9-го Октября, въ среду, Лессепсъ прислалъ къ Тутолмину адъютанта своего для устройства порядка въ караулѣ. Письмомъ симъ между прочимъ онъ просилъ Тутолмина принять французскихъ раненыхъ и больныхъ въ воспитательномъ домѣ находящихся въ свое попеченіе, равномѣрно и жителей въ Москвѣ французской націи, коихъ онъ присылалъ къ Тутолмину въ домъ для помѣщенія: и онъ не имѣлъ возможности ихъ не принять.

Того жъ числа объявилъ Тутолмину служившій въ домѣ лѣкарь изъ иностранцевъ Науманъ, что онъ принятъ во французскую службу въ штатъ Наполеона по медицинской части, но его Тутолминъ не имѣлъ возможности удержать. *)

10-го Октября въ четвертокъ, по наступленіи ночи въ воспитател. домѣ снятъ французскій караулъ и всѣ французскія войска по совершеніи варварскаго своего намѣренія съ Кремлемъ, очистили весь городъ. О чемъ отъ 12-го Октября Государынѣ Императрицѣ донесено.

11-го Октября въ пятницу, вступилъ въ Москву съ казаками Генераль-Маіоръ Иловайскій 4-й къ коему Тутолминъ сообщилъ письменно о нахожденіи въ домѣ французскихъ раненыхъ и больныхъ и просилъ его объ охранительномъ караулѣ. Между тѣмъ вскакали въ домъ казаки, сопровождаемые толпою крестьянъ, коихъ наканунѣ того дня французы заманили въ Москву, обѣщая отпустить имъ соли, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ при семъ случаѣ воспользо-

*) Сей Наумовъ родомъ изъ жидовъ, изъ той части Польши, которая отошла къ Пруссіи, и опредѣлился въ домъ незадолго до вступленія непріятели въ Россію.

ваться ихъ лошадьми, и ворвавшись въ окружное строеніе, вооружили крестьянъ отнятымъ у больныхъ и раненыхъ французовъ оружіемъ, ограбили оныхъ французовъ и расхитили все имущество жившихъ въ томъ строеніи служителей, чему свидѣтелемъ былъ жившій въ домѣ Тайный Совѣтникъ Повалишинъ. Спустя 4 дня Иловайскій пріѣхалъ въ домъ. Тутолминъ не преминулъ сказать ему, что воинамъ Русскимъ, прибывшимъ сюда для установленія порядка и спокойствія неприлично поступать такъ, какъ поступали его казаки, которые сдѣлали въ домѣ великое безпокойство и беспорядки. Причемъ свидѣтели были: Генераль Маіоры Бенкендорфъ и Чернышъ. Иловайскій отозвался что ему это очень неприятно; а потомъ предъ Тутолминымъ приличнымъ образомъ извинялся.

Того жъ 11-го числа въ вечеру вошелъ съ гусарскимъ полкомъ Генер. Маіоръ Бенкендорфъ, который снабдилъ домъ воспит. карауломъ и оказывалъ всевозможное дому пособіе, по принятой имъ на себя въ городѣ должности Комменданта.

22-го Октября во вторникъ, Бенкендорфъ выступилъ изъ Москвы въ походъ съ своимъ отрядомъ. На мѣсто гусарскаго караула поставленъ въ домѣ полицейской, которая въ Москву уже пріѣхала.

Съ того числа начали вывозить изъ дому французскихъ раненыхъ и больныхъ, и 25 октября совсѣмъ домъ отъ нихъ очистили; остались одни только раненые офицеры числомъ 10 человекъ, да при нихъ служители. Всѣ мѣста, въ коихъ помѣщены были непріятельскіе лазареты, наполнены всякою нечистотою и мерзостью, и все въ нихъ поломано и сожжено; въ печахъ безпрестанной былъ огонь, ибо они не знаютъ закрывать трубъ.

24 Октября въ четвертокъ, прибылъ въ Москву Главнокомандующій Графъ Раstopчинъ. И тогда начали городъ очищать: мертвыхъ лошадей, коихъ по улицамъ валялось нѣсколько тысячъ, вывозить за городъ; жители начали пріѣзжать въ Москву чтобы узнать о своихъ домахъ, и увидѣли ихъ или обращенными въ пепель, или хотя отъ пожара уцѣлѣвшими, каковыхъ очень немного, но совершенно разграбленными, искали своихъ имуществъ, кои для сохраненія многіе зарывали въ землю, или закладывали въ стѣны и подвалы; но увидѣли, что отъ хищной руки непріятели ничего не укрылось. Въ церквахъ сокрытыя въ землю церковныя достоянія не пощажены отъ расхищенія, и самыя церкви обращены были, по безбожію врага, въ конюшни, кухни и скотскія бойни. Въ воспитательномъ домѣ дѣти, какъ малолѣтныя, такъ и возрастныя, оставленныя за болѣзнями, и по времени выздоровѣвшія, такъ же изъ воспитанницъ учительницы и помощницы и всѣ постороннія благородныя молодыя женщины, дѣвицы и мужчины, имѣвшіе прибѣжище въ домѣ во все время, благодареніе Всевышнему, пребыли благополучны; такъ что на невинность ихъ не сдѣлано было никакихъ покушеній. Казну онъ Тутолминъ всю спасъ; подаривъ изъ оной 2000 рублей

разнымъ непріятельскимъ чиновникамъ, что принесло дому немалую пользу. Хотя же многіе французы чиновники пріѣзжали въ домъ, чтобъ видѣть заведеніе онаго; но всѣ они просили на то его Тутолмина позволеніе, и были имъ допускаемы, коихъ онъ или самъ водилъ, или поручалъ водить его подчиненнымъ. Таковыхъ посѣтителей изъ французскихъ чиновниковъ въ домъ было довольное число, и всѣ они, при разстроенномъ положеніи дома, весьма хвалили заведенный порядокъ и чистоту; и отдавали преимущество во всемъ заведенію сему противъ Вѣнскаго. По очищеніи Москвы отъ непріятели оставалось въ домъ воспитательномъ непріятельскихъ раненыхъ и больныхъ офицеровъ 8, рядовыхъ 1098; при нихъ приставниковъ 10, при офицерахъ людей 12, всего 1132 человекъ; да ружей 335, пистолетовъ 5, тесаковъ 113, сабель и палашей 38, сумъ 351, барабановъ 9, кирасовъ 4, седель 2, что все отъ нихъ было отобрано.

Больницы: для бѣдныхъ и Павловская были заняты непріятельскими же больными и ранеными. Въ Александровскомъ училищѣ по 11-е Ноября было Русскихъ раненыхъ 337 человекъ, во время пребыванія непріятели въ Москвѣ прислано отъ ихъ начальства въ домъ 22 человекъ обоего пола младенцевъ.

Копія съ выписки изъ письма чиновника московскаго воспитательнаго дома, Петра Иванова, 16 ноября 1812 г.

Французы вступили Сентября 2-го по полудни въ 6-мъ часу съ музыкою и барабаннымъ боемъ. Наполеонъ остановился въ Кремлѣ, во дворцѣ; поставили пикеты по всѣмъ заставамъ и по улицамъ и по набережной разсыпалась конница, начали стрѣлять, кто имъ попадется; наши вооруженные метали ружья и тесаки, а кто бросить того кололи. Не прошло часа ихъ вступленія какъ зажгли съ начала Гостиной дворъ отъ Варварки. Главный надзиратель воспитательнаго дома, видя опасность взялъ съ собою Архитектора Жиллярдія и економскаго помощника Зейпеля, пошелъ просить отъ нихъ караула, для охраненія дома. Отпустили жандармъ, т. е. конной гвардіи 12 человекъ и при нихъ Капитанъ; главный надзиратель ихъ съ собою привелъ: и тотъ часъ приказалъ дать овса и сѣна лошадямъ, а жандармамъ приготовить столъ; послѣ сего у Рожества на Стрѣлкѣ зажгли поповъ домъ. Мы всѣ бросились на пожаръ и жандармы всѣ съ нами; трубъ въ Москвѣ не было, кромѣ нашихъ 4-хъ, ибо вся полиція и съ трубами уѣхала во Владиміръ. Мы пробыли на пожарѣ всю ночь и главный надзиратель съ нами; жандармы съ нами заливали трубами. Два дома сгорѣли;

а прочіе отстояли. На другой день начали грабить, какъ въ домахъ, такъ и святыя церкви, въ среду и четвертокъ зажгли всѣ ряды, зарядье, Гимназію, аптеку воспитательнаго дома, церкви и всѣ дома въ округъ воспитательнаго дома, такъ, что рамы въ квадратѣ нѣсколько разовъ загорались; но поспѣшили затушить, и домъ воспит. отъ пожара избавленъ. Потомъ прислали въ воспитательный домъ 80 человекъ гвардіи, съ полковникомъ и 3-мя капитанами, 4-я поручиками и 2 прапорщиками и докторомъ, и требовали квартиръ; потомъ приѣхалъ Губернаторъ и многіе съ нимъ чиновники, пошли по всѣмъ покоемъ и кладовымъ, въ Совѣтъ, въ церковь, и въ алтарь въ шляпахъ и съ собаками. Въ комнатахъ Совѣта назначено стоять жандармамъ; тотъ часъ начали рубить столы, конторки, ящики, двери отбивать, выбрасывать, въ архивѣ тюки съ дѣлами пороли, книги портили; больницу у жандармовъ сдѣлали въ комнатахъ гдѣ бухгалтерія. Полковникъ ихъ увидя въ кладовой мѣдную посуду, велѣлъ къ себѣ нѣсколько оной принести. Москва такъ обругана, что смотрѣть на нее сердце замираетъ. Въ церквахъ ставили лошадей, святыя иконы кололи и жгли, которая церковь не сгорѣла такъ вся ограблена, ризы, плащеницы жгли на выжигу, вѣнцы, оклады плавилъ въ слитки. Потомъ привезли въ домъ воспитательный раненыхъ и больныхъ. Отняли все окружное строеніе и половину квадрата и дворъ онаго перегородили. Больныхъ было до 3000, изъ коихъ до 2000 померло; хоронили въ домѣ у кузницы къ стѣнѣ города Китая лежащей, а другихъ кидали въ колодцы; по прибытіи въ Москву полиціи, приказано ямы разрывать и тѣла возить за заставу въ кучу и жечь, чтобъ не было на весну заразы. Теперь въ воспит. домѣ раненыхъ и больныхъ 10 офицеровъ и 10 денщиковъ на содержаніи дома, при нихъ докторъ и лѣкарь. Французы выѣхали изъ дома въ Кремль 10 Октября въ 3 часа по полудни, а изъ Кремля выѣхали въ 7 часовъ; оставили зажигателей; кои зажгли сначала дворецъ, потомъ грановитую палату, арсеналь; потомъ начали рвать подкопы; взорвало на воздухъ пристройку къ Ивановской колокольнѣ съ большими колоколами, потомъ взорвало новую угольную башню водовзводную, потомъ арсеналь отъ Троицкихъ воротъ: такъ были сильны удары, что въ воспитательномъ домѣ рамы изъ оконъ выскочили, множество истрескалось стеколъ и трещины по дому показались. Въ окружномъ строеніи и вездѣ въ домѣ, гдѣ стояли французы, перегородки выломали и выбросили за окошки, мебель всю кололи и жгли, кіоты, образа, все выбросали; мука, крупа все разграблено французами; таскали хлѣбъ и свои, взять было негдѣ; а въ домъ воспитательный напущено несчастныхъ и бѣдныхъ погорѣлыхъ людей множество. Наполеонъ приказалъ дать въ домъ пшеницы 500 пудовъ и мололи на мельницѣ за 15 верстъ, а то такъ пришло, что нечѣмъ бы кормить дѣтей. Намъ и погорѣвшимъ дали пшеницы, парили и варили тѣмъ и кормились. Мука была пудъ 10 рублей и 8, крупа 4 рубля четверикъ, это только во

время пребыванія Французовъ, и то только можно было достать отъ жандармовъ. Крестъ съ Ивана Великаго сняли и съ собой увезли. При Французахъ не пушчали въ Кремль никого и ворота были кругомъ затворены и завалены; по вступленіи нашихъ они остались также, никого не пушчаютъ и что тамъ дѣлается, не знаемъ. Два раза былъ я раненъ отъ Французовъ, штыкомъ въ ногу и саблей по лѣвой рукѣ, а бить отъ нихъ былъ безъ счету. Сей народъ суть варвары злонаправные, хуже звѣрей, народъ презлой, хитрой и лукавой. Французы навезли изъ города разныхъ сокровищъ, мѣховъ дорогихъ, разныхъ винъ бочками, рому, шампанскаго, цимлянскаго, нагнали овецъ, телятъ и праздничали у насъ въ домѣ. Коммисаръ Рухинъ былъ посланъ въ Петербургъ къ Государынѣ; подорожная дана ему отъ Наполеона, за его подписаніемъ; онъ тамъ пробылъ болѣе 3-хъ недѣль, жандармы его провожали до Черной Грязи; Государыня ему пожаловала 150 рублей. Наши войска вступили въ Москву съ начала казаки, 12 Октября былъ въ домѣ караулъ изъ казаковъ, казаковъ смѣнили гусары, а потомъ прибыли пѣхотные полки.

Копія съ письма изъ Москвы, Федора Захаровича Захарова Петру Семеновичу Полуденскому, 16 октября 1812 года.

По избавленіи отъ врага Москвы я сообщу вамъ въ семь писемъ моемъ нѣкоторое описаніе несчастныхъ обстоятельствъ постигшихъ оную. 2-го Сентября въ слѣдъ за нашими войсками, проходившими Москву, вошли въ оную Французскія. Въ тотъ же вечеръ показались пожары, грабительства и всякаго рода буйства отъ оныхъ; а потомъ день ото дня оныя увеличивались. 4-го же Сентября самый ужаснѣйшій былъ пожаръ, который еще болѣе разпространялся отъ сильнаго вѣтра. Весь городъ объятъ былъ пламенемъ, а воспит. домъ со всѣхъ сторонъ онымъ окруженъ былъ, но съ Божіею помощію трудами и попеченіемъ главнаго надзирателя и всѣхъ насъ спасенъ отъ гибели. Нѣсколько дней къ ряду продолжались пожары и несчетное число верховыхъ развѣзжало въ Москвѣ для зажигательства, кидая въ дома и церкви зажигательные препараты. Итакъ Москва изъ древней столицы обратилась въ развалины, для приведенія которой въ прежнее состояніе недостаточно кажется, будетъ и двухъ вѣковъ. Весьма немного осталось цѣлыхъ или избавившихся отъ пожара домовъ, въ числѣ которыхъ домъ Князя Сергія Мих. Голицына, домъ Юрія Александровича Нелединскаго-Мелецкаго, и всѣ заведенія нашей Императрицы, кромѣ Кудринскаго

вдовьяго дома, до самаго основанія сгорѣвшаго и съ нимъ были жертвою пламени до 300 человекъ, или и болѣе тяжело раненые, оставленные въ Москвѣ, кои не могли уполсти отъ гибели, инвалидный домъ (близъ воспит. дома состоящій на иждивеніи покойной Шереметевой) съ одного угла пожаромъ поврежденъ; но не осталось въ Москвѣ ни одного дома, ни одной церкви которая бы не были до самой послѣдней вещи разграблены или разбиты. Домъ Николая Иван. Баранова сгорѣлъ. Въ храмахъ Божіихъ были конюшни, бойни скота, сѣзжіе, мастерскія кузнецовъ и столяровъ, солдаты въ нихъ жили; ликами Божіими и св. угодниковъ варили себѣ пищу и дѣлали въ нихъ всѣ поруганія, коихъ бы не сдѣлалъ и самый необразованный безбожникъ. Вотъ памятникъ, оставленный въ Россіи просвѣщеннымъ народомъ! Но невозможно представить бѣдственной участи народа! Каждый на одномъ часу былъ нѣсколько разъ ограбленъ; и наконецъ всѣ жители остались безъ жилищъ, безъ пищи, безъ одежды, растеряли своихъ женъ и дѣтей. Къ главному надзирателю пришелъ Тайный Совѣтникъ Повалишинъ въ рубищѣ и въ лаптяхъ! Императоръ Наполеонъ жилъ въ Кремлевскомъ дворцѣ и въ Петровскомъ. Онъ призывалъ къ себѣ главнаго надзирателя, говорилъ съ нимъ болѣе получаса и удивлялся какъ можно было такъ оставить Москву. Онъ приказалъ ему писать къ нашему Императору о пожарахъ съ тѣмъ, чтобы онъ показалъ, что Русскіе зажигали; доказывалъ се тѣмъ что въ Москвѣ не оставлено ни одной трубы и ни одного полицейскаго солдата; однакоже не дождавшись отъ нашего Императора отвѣта, онъ 7-го Октября выѣхалъ изъ Москвы къ своей арміи, оставивъ здѣсь не болѣе 6000 человекъ, которые 10-го числа и всѣ вышли, сдѣлавъ злодѣйское приготовленіе, подорвать весь Кремль. Итакъ въ ночь на 11-е число загорѣлся Кремлевской дворецъ, а потомъ послѣдовалъ первый ужасный ударъ, подорвавшій и разрушившій арсеналъ, каковыхъ ударовъ было 5, коими разрушены пристройки къ Ивановской колокольнѣ, нѣкоторыя башни и часть Кремлевской стѣны; соборы же хотя Промысломъ Божіимъ остались цѣлы; но въ нихъ тоже были ругательства и грабительства какъ и въ прочихъ церквахъ. Отъ ударовъ сихъ въ воспит. домѣ было ужасное потрясеніе; нѣкоторые оконныя рамы и двери вывалились. Мы живы, но имѣемъ недостатокъ въ пропитаніи. Теперь въ Москвѣ казаки и гусары. Воспитательной домъ наполненъ французскими ранеными; однако главный надзиратель удержалъ весь порядокъ. Въ совѣтѣ жили жандармы.

Копія съ выписки изъ письма чиновника московскаго почтамта, Андрея Карфачевскаго, 6 ноября 1812 года.

Нельзя описать всѣхъ ужасовъ, произведенныхъ въ Москвѣ французами, а препровождаю присемъ списокъ съ замѣчаній одного нашего чиновника; они справедливы. Я отъ пожара пошелъ на пожаръ, и наконецъ добрался до Почтамта и живу въ немъ. Но 10-го Октября пришелъ французскій караулъ съ повеленіемъ зажечь Почтамтъ. Я накормилъ и напоилъ сихъ голодныхъ пришлецовъ и заплатилъ, съ помощію нашихъ собратій, 205 рублей, за что остались несозженными и тѣмъ спасъ до 60-ти сѣмействъ. Я рапортовалъ начальству нашему; но что получилъ зато? ничего, ниже отвѣту какого.

Замѣчанія. За нѣсколько дней до вторженія непріятели въ Москву народъ былъ увѣренъ, что столица сія никогда французами взята не будетъ; однако что-то предчувствуя приходилъ въ уныніе и выѣзжали изъ оной; но не взирая на сіе нашлось болѣе 20000 жителей, кои, или по неимѣнію способовъ къ выѣзду, или по любви къ отечеству, остались для защиты первопрестольнаго града и сѣмействъ своихъ. 1-го Сентября на улицахъ уже не было столько народа, какъ преждѣ; а только прохаживались одни раненые солдаты, бывшіе въ дѣлѣ подъ Можайскимъ, разбивали питейные дома и лавочки на рынкахъ. По извѣстію, что подъ стѣнами Москвы назначено дать непріятели сраженіе оставшіеся жители приготавливали себя къ оному: но въ понедѣльникъ, т. е. 2-го Сентября по утру удалилась изъ Москвы градская полиція, вмѣстѣ съ чиновниками и пожарными трубами; везли въ множествѣ чрезъ городъ пушки и шло русское войско, въ большомъ количествѣ и скорымъ походомъ, имѣя направленіе отъ Тверской къ Рогожской заставѣ. Послѣ полудня отданъ былъ раненымъ солдатамъ приказъ: идти по Коломенской дорогѣ; а между тѣмъ выдали изъ арсенала народу ружья и сабли. Въ сіе время слышны были близъ Москвы выстрѣлы: всѣ думали, что началось сраженіе; а потому возносили мольбы свои къ Богу, о низпосланиі побѣды и торопились бѣжать съ оружіемъ на помощь соотечественникамъ своимъ. Но вдругъ появилось въ самомъ Кремлѣ войско, которое велѣло бѣгущему народу кидать оружіе и говорить: пардонъ. Противящихся тому или непонимающихъ ихъ языка кололи и рубили безъ милосердія. Тутъ-то догадались что ето нашъ непріятель и съ трепетомъ бѣжали всѣ отъ пораженія, крича: французы въ Москвѣ. И въ самомъ дѣлѣ они разсыпались по улицамъ и нѣкоторые изъ нихъ бросали прокламаціи печатныя (коихъ трудно

достать, да и ни у кого ихъ нѣтъ), вмѣстѣ со входомъ французовъ начались пожары. Загорѣлся винный дворъ у Каменнаго моста и подъ Симоновымъ монастыремъ пороховые магазейны; потомъ гостиный дворъ, ряды и во многихъ мѣстахъ дома, церкви; а особливо всѣ сожжены фабрики и другія заведенія. Пожары продолжались цѣлыя 6 сутокъ; такъ что нельзя было различить ночи отъ дня; во все же сіе время продолжался грабежъ: французы входили въ дома и производя большія неистовства, брали у хозяевъ не только деньги, золото и серебро; но даже сапоги, бѣлье, и смѣшныя всего, рясы, женскія шубы и солопы, въ коихъ стояли на часахъ и ѣздили верхомъ. Нерѣдко случалось, что идущихъ по улицамъ обирали до рубахи, а у многихъ снимали сапоги, капоты, сертуки; если же находили сопротивленіе: то съ остервененіемъ того били и часто до смерти; а особливо многіе священники здѣшнихъ церквей потерпѣли большія мученія, будучи ими пытаемы: куда ихъ церковное сокровище скрыто? Французы купцовъ и крестьянъ хватали для пытки, думая по одной бородѣ, что они попы. Словомъ сказать, обращеніе ихъ съ жителями было самое безчеловѣчное; и не было различія: чиновникъ ли кто, или крестьянинъ, всякаго кто имъ попадался, употребляли въ работу: заставляли носить мѣшки съ грабленымъ имуществомъ, бочки съ винами, копать на огородахъ картофель, чистить его, рубить капусту и таскать съ улицъ мертвыхъ людей и лошадей.

Оскверненіе же ими храмовъ Божіихъ ясно доказываетъ, что они не имѣютъ никакой вѣры въ Бога. Въ тѣхъ церквахъ кои не сгорѣли, по ограбленіи ихъ ставили лошадей, били скотину и помѣщали раненыхъ солдатъ; а святыя иконы, по снятіи окладовъ кололи и извергали на нихъ нечистоты; дѣлали притомъ другія мерзости, о коихъ языкъ изъяснить не можетъ. Въ купеческихъ и господскихъ домахъ имущество, поставленное въ кладовыя и подвалы, закладенное искусно кирпичами, такъ, что вовсе нельзя было примѣтить, что тутъ было отверзтіе, французами открыто; даже не скрылось и въ землю закопанное; подъ огородами и дворами землю ощупали и вынимали сундуки. Съ самаго ихъ вступленія Кремль былъ запертъ и никого туда не пускали изъ жителей; въ немъ производили какую-то работу. 7-го Октября былъ взорванъ полевой дворъ и сожженъ Симоновъ монастырь. Въ сей день примѣтно было въ войскѣ ихъ чрезвычайное движеніе, и какъ послѣ узнали, выступило половина войска на Калужскую дорогу. Во всю же ночь ѣхали обозы, неизвѣстно чѣмъ нагруженные; послѣ чего не такъ уже много видно было ихъ по улицамъ; а съ 10-го на 11-е число въ ночь вышли они изъ Москвы и взорвали пороховъ арсеналь, во многихъ мѣстахъ Кремлевскія стѣны и башни; ударомъ, отъ сего происшедшимъ, разрушились въ городѣ Китаѣ обгорѣлыя стѣны, которые для пущаго ихъ паденія были подбиты подъ основаніе; во всѣхъ почти домахъ, уцѣлѣвшихъ отъ пожара, вылетѣли отъ сотрясенія воздуха стекла и даже вы-

шибло рамы и растворились двери; что же было съ жителями Москвы, когда и находящіеся за 20 верстъ отъ оной приведены были трескомъ симъ въ смущеніе. Со свѣтомъ дня увидѣли мы Русскихъ казаковъ въ Кремлѣ, кои успѣли изловить оставленныхъ для зажиганія подрывовъ, французами учиненныхъ и принудивъ ихъ загасить многіе фитили въ бочкахъ съ порохомъ, спасли отъ разрушенія соборы, монастыри, Спаскую башню, Оружейную палату, колокольню Ивана Великаго, отъ коей оторвало пристройку съ большими колоколами; крестъ съ Ивана Великаго снятъ и листы съ главы его во многихъ мѣстахъ сняты: позлащенный всадникъ стоявшій на строеніи Сената, снятъ же.

Со 2-го Сентября по 12-е Октября въ Москвѣ никакихъ торговъ не было; а потому жители лишены будучи отъ грабленія запасеннаго хлѣба, претерпѣвали ужаснѣйшій голодъ. Съ прибытія въ Москву французовъ всѣ церкви были безъ службы: захваченный въ плѣнъ полковый протоіерей Михаилъ испросилъ позволеніе отправлять службу; и 13-го Сентября въ церкви мученика Архидіакона Евпла, что на Мясницкой, совершилъ Богослуженіе. Стѣненіе народа было чрезвычайное: жители не слыхавши благовѣста были поражены звукомъ колокола. По примѣру сего и въ другихъ церквахъ изрѣдка началась служба.

Копія съ поденной записки о путешествіи изъ Москвы въ Казань московскаго опекунскаго совѣта чиновниковъ съ дѣлами, казною и вещами, 1812 года.

1812 г. Августа 15 числа, въ день Успенія Богородицы, въ Москов. Опекунскомъ Совѣтѣ было чрезвычайное собраніе, тайно присутствовавшее, въ которомъ, въ слѣдствіе повелѣнія вдовствующія Государыни Маріи Ѳеодоровны и по опасенію отъ нашествія непріятели, положено: закрыть присутствіе Совѣта; о чемъ послѣ и въ Московскихъ вѣдомостяхъ объявлено; и уложивъ казну вещи и дѣла, отправиться и съ чиновниками въ Казань.

Почему по укладкѣ дѣлъ, казны и вещей и по истребованіи отъ главноначальствующаго въ Москвѣ, Графа Федора Васильевича Ростопчина обывательскихъ изъ деревень подводъ, и воинской стражи, въ числѣ 50 человекъ съ заряженными ружьями, при двухъ офицерахъ, отправился обозъ въ 200 подводахъ, 21-го Августа въ среду поутру въ 4 часа, дабы жителей города не встревожить. Стало уже разсвѣтать, когда выѣхали изъ Москвы и обозрѣя на го-

родъ, почти каждый прослезился, оставляя свои жилища, родныхъ, ближнихъ и знакомыхъ.

Августа 24, въ субботу проѣхавъ городъ Коломну остановился обозъ за Сергіевымъ Старогалутвинскимъ монастыремъ, на берегу Москвы рѣки близъ самаго ея устья. Здѣсь вещи, казну и дѣла на 2 барки погрузили.

25-го Авг. въ воскресенье, въ 5-м часу послѣ полудня, на большой баркѣ, помянутаго монастыря строитель Самуиль съ братіею, пѣли молебенъ о благопоспѣшеніи въ путь шествующимъ по водамъ, съ освященіемъ воды и съ чтеніемъ молитвы съ колѣнопреклоненіемъ и кропленіемъ обѣихъ барокъ святою водою.

26-го Авг. въ понедѣльникъ въ половинѣ 8-го часу пополудни изъ подъ Галутвина монастыря поплыли обѣ барки; чрезъ 20 минутъ вошли изъ Москвы рѣки въ Оку и поплыли ею въ низъ. Отсюда началась Рязанская область. Сего числа прибылъ на барки Зарайскаго Земскаго Суда сельскій засѣдатель Феоктистовъ, съ даннымъ ему отъ того суда наставленіемъ для сопровожденія барокъ до границы Рязанской округи. Въ 10-ть часовъ утра миновали песчаный островъ Коробчеевской, плыли правымъ рукавомъ рѣки и проплывъ островъ миновали село Коробчеево, на лѣвой сторонѣ лежащее. Въ 6 часовъ пополудни проплыли большое село, по обѣ стороны рѣки поселенное, назыв. Дѣдново, имѣющее на лѣвой сторонѣ двѣ каменные церкви, гдѣ бываетъ по пятницамъ великой торгъ. Судовщики считаютъ водяной ходъ „перемѣнами“ и Дѣдново отъ Коломны есть первая перемѣна. Отъ Коломны до Дѣднава полагаютъ 20 верстъ сухопутныхъ. Въ 8 часовъ вечера причалили къ берегу; подъ селомъ Любичами, отъ Дѣднава въ 8 верстахъ и тутъ ночевали.

27-го Авг. во вторникъ поутру въ 5-м часу поплыли барки, въ 4-м часу пополудни плыли мимо Перевицкихъ горъ, по правую сторону Оки лежащихъ и миновали село Перевицкое. Здѣсь судовщики считаютъ отъ Коломны 2-ю перемѣну и полагаютъ отъ Дѣднава 20 верстъ сухопутныхъ. Въ половинѣ 9-го часу причалили къ правому берегу ниже деревни Танькиной отъ села Перевицкаго въ 9 вер. и тутъ ночевали.

28 Авг. среда, въ 5-м часу пополудни поплыли обѣ барки. Вѣтеръ былъ сѣверо-восточный, крѣпкой и ходу барокъ противный; почему тянули барки бичевой; ибо на греблѣ идти за противнымъ вѣтромъ было нельзя. Въ 9 часовъ причалили къ лѣвому берегу подъ селомъ Сельцы для обѣда рабочимъ. Здѣсь кончился Зарайскій уѣздъ и начался Рязанской. Сего числа Зарайскаго З. Суда сел. засѣдатель съ барокъ отбылъ. Въ 8 часовъ вечера причалили для ночлега къ правому берегу не доѣзжая за 2 версты до села Константинова.

29 Авг. четвертокъ, въ 5 часу утра отчалили отъ берегу и плыли косою, называемою „Кошки“, наполненною мѣлями. Плаваніе было трудное какъ за

отмѣлями, а наипаче за сильнымъ сѣвернымъ вѣтромъ, при которомъ снѣгъ мѣлкій порошилъ. Въ 2 часа пополудни проплыли село Кузьминское, лежащее на правомъ берегу. Здѣсь судовщики считаютъ 3-ю перемѣну и отъ села Перевицкаго до Кузьминскаго 20 в. сухопутныхъ. Въ половинѣ 8-го часу пополудни причалили къ лѣвому берегу, не доплывъ 2 верстѣ до села Новоселокъ, лежащаго на правомъ берегу и здѣсь ночевали.

30 Авг. пятница въ 5-м часу поутру барки отчаливъ поплыли въ путь. Вѣтеръ былъ противный и рѣка сильно волновалась. Въ 7-мь часовъ прибылъ на барки Рязанскаго земскаго Суда дворян. засѣдатель Капитанъ Лихачевъ съ 30 человекъ обывателей для подмоги рабочимъ. Къ вечеру буря утихла. Въ 6 часовъ пополудни миновали село Коростово на лѣвомъ берегу лежащее. Здѣсь судовщики считаютъ 4-ю перемѣну и полагаютъ отъ Кузьминскаго сухопутныхъ 18 верстѣ. Подъ самымъ селомъ Коростовымъ барки проходили съ трудностію на греблѣ между двухъ острововъ. Въ 8 часовъ вечера причалили къ берегу правому ночевать, проплывъ отъ Коростова около 4-х верстѣ. Сего числа засѣдатель Лихачевъ съ барокъ отбылъ.

31 Авг. суббота; въ половинѣ 5 часа поутру барки отвалили отъ берегу и поплыли въ путь. Въ 12 часовъ въ полдни барки проплыли мимо устья рѣки Трубежа, которая есть рукавъ изъ Оки и протекая чрезъ Рязань опять въ Оку впадаетъ. Здѣсь полагаютъ 1 $\frac{1}{2}$ версты отъ Оки до города Рязани и судовщики полагаютъ отъ Коломны 5-ю перемѣну. Отъ села Коростова сухопутныхъ 20 верстѣ. Проплывъ устье Трубежа барки причалили къ правому берегу для обоа рабочимъ. Въ 3 часа пополудни барки поплыли въ путь и отплывъ отъ Рязани причалили въ 9 часовъ къ правому берегу на ночлегъ. Отъ Рязани до Касимова считаютъ судовщики 9-ть перемѣнъ.

1-го Сент. воскресенье поутру въ началѣ 5-го часа барки отчалили и поплыли въ путь. Въ 10 часовъ миновали перевозъ подъ селеніемъ Козары. Въ часъ пополудни миновали село Вышгородъ, на правомъ берегу лежащее, до коего отъ Рязани считается первая перемѣна, сухопутныхъ 25 верстѣ. Отсюда начинается Спаская округа. Въ 4 часа пополудни противъ села Гавердова, лежащаго на правомъ берегу, большая барка сѣла на мѣль, называемую Гавердовскую; но скоро снялась. Меньшая барка прошла благополучно. Въ 10 часу причалили къ лѣвому берегу на ночлегъ, не доѣзжая до села, называемаго Троицкое Поленицы версты за 2.

2-го Сент. понедѣльникъ. Барки поутру въ 5 часу отчаливъ поплыли въ путь. Къ половинѣ 5-го часа пополудни миновали устье рѣки Прони впадающей въ Оку съ правой стороны. Въ 9-ть часовъ вечера миновали село, называемое „Старая Рязань“ на правомъ берегу лежащее. Здѣсь полагается отъ Рязани 2-я перемѣна и отъ Вышгорода 29 верстѣ сухопутныхъ. Село это отъ Рязани

зани отстоитъ сухопутныхъ мѣрныхъ 54 версты. Проплывъ отъ села Старой Рязани версты съ 3 причалили въ 10 часовъ къ лѣвому берегу ночевать.

3 Сент. вторникъ. Въ 5 часу поутру барки отчаливъ поплыли въ путь. Въ 9 часовъ пополудни причалили къ правому берегу ночевать не доплывъ до деревни Простополки около 5 верстъ.

4 Сент. среда. Въ 5 часовъ поутру барки отчаливъ поплыли въ путь. Поутру же въ 8-мъ часовъ миновали деревню Простополки, которая считается отъ Рязани 3-ю перемѣною и отъ Старой Рязани полагается сухопутныхъ 25 верстъ. День сей былъ почти весь бурный и для того суда тащили бичевою. Въ исходѣ 9 часа въ вечеру барки причалили ночевать къ правому берегу Погѣры; называемыя Крутицы.

5 Сент. четвертокъ; въ 5-м часу поутру барки отчаливъ поплыли въ путь. Въ половинѣ 5 часа пополудни проплыли они Терехово, лежащее на правомъ берегу. Здѣсь судовщики полагаютъ отъ Рязани 4-ю перемѣну, и отъ Простополокъ сухопутныхъ 20 верстъ. День сей такъ же былъ вѣтренъ и барки почти весь день тянули бичевою; однакожъ нѣсколько времени плыли парусомъ, гдѣ барки подходили подъ вѣтеръ. Къ вечеру погода утихла. Въ исходѣ 9 часа пополудни причалили къ лѣвому берегу на ночлегъ, не доплывъ версты съ двѣ до слободы Теринской.

6 Сент. пятница; поутру въ половинѣ 5-го часу барки отчаливъ поплыли въ путь при ясной погодѣ. Въ часъ пополудни проплыли село Кѣпоново лежащее на правомъ берегу. Здѣсь отъ Рязани считается 5-я перемѣна и отъ Терехова сухоп. 15 верстъ. Около сего мѣста кончилась Спасская округа и началась Касимовская. Здѣсь пронесся слухъ, что непріятель занялъ Москву, всѣ окружныя селенія были въ тревогѣ. Сего числа плыли во всю ночь на греблѣ, бичевою и парусомъ, гдѣ какъ способно было. Въ полночь миновали мысъ, лежащій на лѣвомъ берегу, назыв. „Острая лука“, которая считается отъ Рязани 6-ю перемѣною и отъ Кѣпонова полагается около 18 верстъ сухопутныхъ.

7 Сент. суббота. Въ 3 часа пополудни миновали село Рубецкое, лежащее на правомъ берегу; которое считается отъ Рязани 7-я перемѣна и отъ Острой Луки полагаютъ судовщики около 15 верстъ сухоп. Въ 11 часовъ ночи миновали село Гусь лежащее на лѣвомъ берегу и на рѣкѣ Гусь называемой. Здѣсь считается отъ Рязани 8-я перемѣна а отъ Рубецкаго около 15 в. сухоп. полагается. Сего числа плыли всю ночь.

8 Сент. воскресенье. Въ 11 часовъ утра барки причалили къ городу Касимову, что древлѣ назывался Городецъ, на лѣвой сторонѣ по теченію Оки лежащему; что отъ Рязани считается 9-я перемѣна и отъ села Гусь полагается сухоп. 20 верстъ. Здѣсь нашли мы городъ въ великой тревогѣ; и получили

подлинную вѣдомость что Москву непріятель занялъ 2-го Сентября, въ понедѣльникъ, въ 4 часа пополудни. Много здѣсь было московскихъ жителей, удалившихся изъ Москвы при приближеніи къ оной непріятелей. Мы застали въ городѣ крестный ходъ и пѣніе молебное, о избавленіи отъ нашествія непріятельскаго. Собравшись на барки къ отплытію, пролили мы горькія слезы о несчастіи отечества; а паче женщины были неутѣшны. Въ 2 часа пополудни барки пустились въ путь. Въ Касимовѣ нанято въ прибавку къ рабочимъ еще нѣсколько человекъ до Нижняго Новгорода, которые сегодня въ вечеру и явились на барки. Сего числа въ вечеру меньшая барка отстала отъ большой; большая же барка плыла во всю ночь.

9 Сент. понедѣльникъ. Въ 5 часовъ утра миновали село „Балушевы Починки“, на правомъ берегу лежащее, которое считается отъ Касимова къ Елатъмѣ 1-ю перемѣною и еще полагается 25 верстѣ. Отсюда начинается Тамбовская губернія Елатомская округа. Въ 10 часовъ утра плыли при крѣпкомъ боковомъ вѣтрѣ, съ трудностью мѣсто называемое „Каменная мѣль“, лежащее отъ села Поляны въ 3 верстахъ. Въ часъ пополудни проплыли устье рѣки Мокши впадающей въ Оку, съ правой стороны. Въ 5 часовъ пополудни проплыли Саватьмовской перевозъ, отъ деревни Саватьмы названіе имѣющей. Здѣсь 2-я перемѣна отъ Касимова къ Елатъмѣ отъ Балушевыхъ Починокъ 25 в. сух. Сего числа плыли во всю ночь.

10 Сент. Поутру въ 5 часовъ меньшая барка соединилась съ большею. Въ 11 часовъ пополуночи подплыли къ городу Елатъмѣ, на лѣвомъ берегу лежащемъ который отъ Касимова составляетъ 3-я перем. и отъ Саватьмовскаго перевоза около 30 верстѣ. Здѣсь къ городу не приставали, ибо приказано было съ барокъ никого въ городъ не пускать; и потому многіе не могли запасть съѣстными припасами, и нуждались въ пищѣ. Барки спустясь ниже города, простояли среди рѣки 1½ часа, пустились въ путь и по причинѣ бури, имѣли трудное плаваніе. Сего числа принять на большую барку другой лоцманъ, въ помощь первому. Въ 8 часовъ пополудни проплыли село Акшово лежащее на лѣвомъ берегу, отъ Елатьмы отстоящее 12 верстѣ. Здѣсь началась Владимірской губерніи Меленковская округа. Къ вечеру погода утихла. Сего числа плыли во всю ночь.

11 - го Сент. среда. Поутру въ 4 часа миновали урочище, называемое „Рожновъ боръ“, при рѣчкѣ Рожновкѣ, впадающей въ Оку съ правой стороны, отъ Касимова къ Мурому составляетъ 4-ю перемѣну и отъ Елатьмы полагается 28 сух. верстѣ. Въ часъ полудни бурей прибило большую барку къ правому берегу, гдѣ простояли полтора часа. Въ 5 часовъ миновали желѣзный Баташова заводъ и село „Попъ Сорбка“ лежащее на правомъ берегу что 5-ю перемѣну отъ Касимова составляетъ, и полагается отъ Рожнова бора 15 в.

сух. Отсюда начинается Муромскій уѣздъ. Буря къ вечеру утихла и плыли всю ночь.

12 Сент. четвертокъ. Въ 4 часа поутру приплыли барки подъ городъ Муромъ, лежащій по лѣвую сторону Оки, который составляетъ отъ Касимова 6-ю перемѣну и отъ Попа Сорѳки 15 верстъ сух. Здѣсь бросили якорь и мы вышли на берегъ и вошли въ городъ, гдѣ встрѣтили воспитательнаго дома возрастныхъ воспитанниковъ которые изъ Москвы 31 Августа сухимъ путемъ отправлены; ихъ числомъ мужеска 143, женска 190 а обоего пола 333 человекъ и при нихъ служащихъ обоего пола 85 человекъ. Съ ними же ѣхали сухимъ путемъ и остававшіеся въ Москвѣ чиновники Совѣта съ ихъ семействами. Въ тотъ же день они Оку переѣхавъ продолжали путь свой. Въ Муромѣ были мы въ Благовѣщенскомъ монастырѣ, гдѣ видѣли въ церкви привезенныя изъ Москвы Августиномъ, Епископомъ Дмитровскимъ, Московскимъ Викаріемъ, иконы Богоматери Владимірскую и Иверскую, первую изъ Успенскаго собора, а вторую изъ часовни, что у Воскресенскихъ воротъ, которыя въ тотъ же день изъ онаго монастыря съ крестнымъ ходомъ въ соборъ перенесены. Увидя сіи иконы многіе изъ насъ горькія проливали слезы. Въ 11 часовъ предъ полуднемъ барки поплыли въ путь. Прибылъ на барку Муромскаго Зем. Суда чиновникъ Коллежскій Регистраторъ Алѣевъ для сопровожденія барокъ до рубежа уѣзда Муромскаго. Въ 12 часовъ пополудни, барки проплывъ отъ Муромы версты двѣ кинули якорь, по причинѣ бури, и когда буря поутихла то въ 6-ть часовъ пополудни барки опять поплыли, но въ 7 часовъ съ половиною за возставшею бурей кинули якорь и въ верстахъ 8 отъ Муромы ночевали.

13 Сент. пятница. Когда погода поутихла, то при свѣтѣ луны въ полночь барки пустились въ путь. Въ 7 часовъ утра проплыли село Чудо, лежащее на правомъ берегу которое составляетъ 1-ю перемѣну отъ Муромы къ Нижнему Новгороду; полагается 33 версты сухопут. Въ часъ пополудни бурей пришибло на мѣль, гдѣ около получасу снимались съ мѣли. Къ вечеру погода утихла. Въ 6 часовъ пополудни миновали „Пожницкій перевозъ“ подъ деревнею Пожники, на правомъ берегу лежащею, которая составляетъ отъ Муромы 2-ю перемѣну, отъ села Чуда около 20 верстъ. Сего числа всю ночь плыли.

14 Сент. суббота. Сего числа поутру Муромскаго з. суда чиновникъ Алѣевъ съ барокъ отплылъ; поелику рубежъ его уѣзда кончился. Въ 10-ть часовъ утра проплыли Графа Шереметьева село Павлово лежащее на правомъ берегу, имѣющее 5-ть каменныхъ церквей; знатное по дѣлу ножей и замковъ. Сіе село состоитъ Нижегородской Губерніи въ Горбатовской округѣ, отъ Муромы составляетъ 3-ю перемѣну, отъ Пожницкаго перевоза сухопутныхъ около 25 верстъ. Въ 6 часовъ вечера миновали устье рѣки Клязьмы, впадающей въ Оку съ лѣвой стороны. Въ 9 часовъ вечера проплыли городъ Горбатовъ, лежащій на правомъ

берегу. Онъ составляетъ 4-ю перемѣну отъ Муромъ и отъ села Павлова полагается 20 верстъ сухопутныхъ. Отплывъ съ полверсты отъ Горбатова причалили къ берегу предъ селомъ Избылецъ называемымъ, лежащимъ подъ городомъ Горбатовымъ и здѣсь ночевали; для того, что слѣдовало плыть прорвою, въ которой ночью за мѣлями плыть опасались.

15 Сент. воскресенье. Поутру въ 5 часовъ барки поплыли въ путь. Въ 2 часа пополудни проплыли монастырь, называемый Дудинъ лежащій на правомъ берегу, который составляетъ отъ Муромъ 5-ю перемѣну, отъ Горбатова сухоп. 17 верстъ. Сего числа былъ вѣтеръ холодный и шелъ снѣгъ. Въ 8 часовъ вечера бросили якорь среди рѣки подъ деревнею Бабинки и тутъ ночевали.

16 Сент. понедѣльникъ. Поутру въ 4 часа барки поплыли въ путь. Въ 6 часовъ миновали село Доскино, лежащее на правомъ берегу, которое составляетъ отъ Муромъ 6-ю перемѣну, отъ Дудина мон. около 20 верстъ сухопутныхъ. Въ 6 часовъ вечера барки кинули якорь у Нижняго Новагорода, отъ Муромъ составляетъ 7-ю перемѣну и отъ села Доскина 25 верстъ сухопутныхъ.

Итакъ отъ Коломны до Нижняго барки бывши въ плаваніи 22 дня, проплыли, полагая разстояніе отъ одной перемѣны до другой сухопутными верстами 578 верстъ; но слѣдуя теченію рѣки по ея кривизнамъ и излучинамъ, несравненно болѣе.

Во все сіе плаваніе почетный опекунъ Дѣйств. Тайный Совѣтн. Лунинъ иногда пріѣзжалъ на берегъ и смотрѣлъ на барки; а подъ Рязанью, Касимовымъ и Муромомъ, когда барки останавливались, пріѣзжалъ и на барки; ѣхалъ же онъ отъ Коломны до Нижняго сухимъ путемъ.

Стеченіе удалившагося изъ Москвы всякаго званія народа было въ Нижнемъ чрезвычайное; такъ что многіе и за весьма дорогую цѣну жилища не могли найти.

Изъ Нижняго Новагорода съ барокъ казна, вещи и дѣла выгружены и 21 Сентября въ субботу, отправлены въ Казань сухимъ путемъ на обывательскихъ подводахъ за прогонныя деньги. Съ симъ обозомъ ѣхалъ и Почетный Опекунъ Лунинъ съ другими чиновниками, остальнымъ же было приказано ѣхать въ Казань особымъ обозомъ на другой день.

Итакъ 22 Сентября въ воскресенье, собрался въ крѣпости весь обозъ и въ Преображенскомъ Соборѣ помолясь Богу, и поклонясь гробу Козьмы Минича Сухорукова въ 9 часовъ утра пустились въ путь на обывательскихъ же подводахъ за указные прогоны; въ семъ второмъ обозѣ подводъ было до 150 и примѣчательнаго на пути было слѣдующее.

24 Сентября, вторникъ ночевали Макарьевской округи въ деревнѣ Бѣлозерья, принадлежащей Павлу Григорьевичу Демидову. Здѣсь того жъ числа къ

вечеру прибѣжалъ крестьянинъ его, который по занятіи Москвы непріателемъ, жилъ въ оной 10-ть дней, въ домѣ господина его состоящемъ за Москвою рѣкою на берегу, почти противъ воспитательнаго дома.

Сей самовидецъ рассказывалъ: „что непріатель 2-го Сентября въ понедѣльникъ вошелъ въ Москву въ вечеру съ музыкою и по вшествіи въ Кремль сдѣлалъ 3 выстрѣла. Потомъ начались пожары, съ начала въ гостиномъ дворѣ, въ среду Замоскворѣчье все выгорѣло, потомъ Заяузье, за Сухаревой башней, словомъ весь городъ, кромѣ Кремля, выжженъ. Въ сіе время происходили грабежъ, насиліе женъ и дѣвицъ, убійство; каждаго жителя въ нѣсколько часовъ нѣсколько разъ грабили донага; иныхъ бивъ жестоко кололи. Храмы Божіи грабили, на иконахъ ободравъ ихъ выкалывали глаза, или кололи ихъ и жгли. Которые церкви не сгорѣли въ тѣхъ подѣлали конюшни, скотобойни. Грабленныя вещи навьючивали на жителей, на священниковъ, монаховъ и упадающихъ подъ тяжестію ношъ жестоко били и терзали, а особливо, видѣлъ онъ какъ одинъ священникъ, изнемогающій подъ ношею и падающій съ нею былъ тасканъ варварами за волосы. Наконецъ оный крестьянинъ, часто носившій ноши за Драгомиловскую заставу и ослабшій отъ того, а паче отъ недостатка въ пищѣ, ночью вышелъ чрезъ Сокольничей лѣсъ на Троицкую дорогу. Сію повѣсть слушали мы и окружающая толпа крестьяне не безъ пролитія слезъ.

25 Сент. среда, ночевали въ городѣ Васильевскѣ отъ Нижняго во 146, а отъ Казани въ 240 верстахъ.

27 Сент. пятница ночевали въ Чебоксарахъ, въ уѣздѣ сего города большая часть живутъ крещеные Чуваша.

30 Сент. въ понедѣльникъ пріѣхали въ городъ Свіяжскъ; здѣсь были въ Успенскомъ Богородицкомъ монастырѣ у вечерни и цѣловали мощи Св. Германа. Въ женскомъ монастырѣ осматривали деревянную церковь которая, при основаніи Свіяжска привезена была на судахъ уже срубленная. Здѣсь въ Свіяжскѣ мы ночевали.

1-го Окт. во вторникъ пообѣдавъ изъ Свіяжска выѣхали; на Васильевскомъ перевозѣ чрезъ Волгу около 3 часовъ перевозились; и къ вечеру, когда уже весьма темно было, въ Казань пріѣхали; ибо такъ приказано было чтобъ въ городъ ночью вѣхать.

Первый обозъ съ казною вещами и дѣлами днемъ ранѣе пріѣхалъ въ Казань, т. е. 30 Сент. и такъ же вѣхалъ ночью. Чиновники были размѣщены на Сѣнной улицѣ по обывательскимъ домамъ; вещи ссудной казны сложены въ крѣпости въ кладовыхъ подъ Благовѣщенскимъ соборомъ; а казна и дѣла въ крѣпости же въ архіерейскомъ домѣ, въ которомъ и присутствіе Совѣта открыто.

Вскорѣ прибылъ въ Казань и Московскій Сенатъ и открылъ свои засѣданія.

Наконецъ получено извѣстіе радостное въ Казани, что 11-го Октября Москва совсѣмъ непріателемъ очисчена. Но нельзя изъяснить той радости, каковая произошла во всемъ городѣ, когда получены были изъ Москвы первыя, по выходѣ изъ нея непріателя, Московскія вѣдомости.

Наконецъ, въ слѣдствіе повелѣнія вдовствующія Государыни, Опекунскій Совѣтъ, съ казною, вещьми, дѣлами и чиновниками, раздѣлясь на два обоза въ послѣднихъ числахъ Февраля мѣсяца выѣхали изъ Казани; и 18 и 19 Марта благополучно въ Москву прибыль и въ прежнемъ мѣстѣ пребыванія своего 20 Марта открыль первое присудствіе свое, продолжая оныя попрежнему.

Копія съ письма капитана Ѳедора Ивановича Колобкова, изъ Коломны, А. Озерецковскому, 5 октября 1812 года.

За нужное почитаю васъ увѣдомить о непріателѣ: по взятіи имъ Москвы грабилъ всѣ дома, даже что схоронили имущество въ землю, и оное по доказательствамъ нашихъ соотечественниковъ всѣ сокровища вырыль, церкви разграбилъ, иконы кололь и оклады сняль, и живутъ во многихъ церквахъ, на престолахъ ѣдятъ и дѣлаютъ всякіе неистовства, словомъ сказать: осквернилъ, а во многихъ церквахъ дохлые лошади лежатъ; а въ Москвѣ отъ падали пройти нельзя, наши плѣнные роютъ для нихъ, не взирая на лице картофель, наваливаютъ какъ на скота тяжелыя ноши, а мочи нѣтъ, такъ погоняютъ фухтелями; а нерѣдко и колятъ штыкомъ; а ѣсть нечего, хлѣба ни за 5 рублей фунта не достанешь; почти всѣ пленные ушли изъ Москвы; Москва во многихъ мѣстахъ выжжена и малость осталось, въ крѣпость не пускаютъ, не только нашихъ, и своихъ по разбору пускаютъ; Спаскіе и прочіе ворота заколочены кромѣ Никольскихъ, какъ сказываютъ, что находится въ Кремлѣ главной нашъ злодѣй; теперь французская армія по Калужской дорогѣ отъ Москвы въ 40 верстахъ, въ 8 верстахъ отъ рѣки Нары, и наши войска расположены напротивъ ихъ, уже 14 дней нѣтъ сраженія; на одномъ мѣстѣ стоятъ; какъ слышно нѣтъ переговоровъ О . . . М . . . деревни близъ нашей арміи раззорены и сожжены. Я въ арміи по случаю былъ до отпуска сего письма 2 - го Октября; войскъ нашихъ очень довольно; а ему нечего доходить ѣсть, передаются къ намъ ротами; отрывки его войскъ мужики наши бьютъ и въ плѣнъ берутъ; крайне ему приходится тѣсно, сперва онъ пошелъ по Коломенской дорогѣ къ Боровскому перевозу; но наши его пощипали; послѣ онаго подался уже на Калужскую дорогу, оставя

нѣсколько войска при ономъ перевозѣ, но казаки одни наши были оставлены и согласясь Шубинской волости съ мужиками въ прахъ ихъ разбили, въ плѣнъ взяли до 600 человекъ, а прочіе всѣ побиты; обозъ воинской отбили, гдѣ и найдено множество сокровища, и окладовъ съ образовъ довольно о всемъ что знаю васъ увѣдомилъ, а какъ у насъ есть еще оказія быть въ арміи и за долгъ поставлю буде случатся новости васъ увѣдомить.

Копія съ отрывка изъ письма Василія Ивановича Кочергина брату его, Ивану Ивановичу, въ Казань, 16 октября 1812 года.

Вотъ Московскія вѣдомости: 2-го Сентября вступили безъ сопротивленія французы въ Москву, и тотъ же вечеръ начался пожаръ; 3-го числа горѣли лавки въ городѣ; а 4-го при сильномъ вѣтрѣ, каковъ рѣдко бывалъ, горѣла вся Москва, Замоскворѣчье, Заяузье, и вѣкругъ всего воспитательнаго дома, даже около окружнаго строенія; такъ что невозможно было, ежели бы загорѣлось намъ выдти. Грабили французы всѣхъ жителей, даже и наши нѣкоторые потерпѣли, то часы, то сапоги и шинели. Въ окружномъ все разграблено. Цѣлый мѣсяцъ мы сидѣли въ блокадѣ, не зная, что дѣлаетъ наша армія? наконецъ стали являться мужики и сказывать что близко казаки и жмутъ французовъ. 11-го Октября Наполеонъ подкопалъ и подорвалъ Ивана Великаго, гдѣ были большіе колокола, арсеналь, и кремлевскія стѣны въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и водовзводную башню; дворецъ и грановитую палату сожгли, и прочіе присудственные мѣста; но всего описать невозможно. 12-го числа вступилъ въ Москву Иловайской 4-й съ корпусомъ своимъ учредилъ военную полицію, въ должности полицмейстера Гейсманъ, московской драгунской команды майоръ; командантомъ Генераль-Маіоръ Бенкендорфъ а Иловайской есть управляющій. Сказываютъ что французы по Калужской дорогѣ претерпѣли сильное пораженіе и бѣгутъ по Можайской дорогѣ, въ Смоленскъ. Теперь у насъ въ Москвѣ, кромѣ плѣнныхъ, французовъ нѣтъ. Но Богъ знаетъ, ежели они какъ пробьются въ Москву, то мы всѣ пропали. Навѣрное полагать можно, что 5-я часть Москвы сгорѣла. Мы претерпѣли много. Жизненныхъ припасовъ нѣтъ; въ лабазахъ все забрали французы, но великодушіе главнаго надзирателя неописанно; онъ истинно показалъ свою сострадательность и милость ко всѣмъ служащимъ и даже бѣднымъ погорѣвшимъ, которые прибѣгнули подъ кровъ дома, удѣляя намъ и

прочимъ хлѣба по фунту на день. Дай Богъ ему здоровье и вознагражденье. Но все еще мы въ такомъ положеніи, что не скоро поправимся. Брата Александра Иванова (онъ служилъ въ Звенигородѣ земскаго суда засѣдателемъ) отправили обратно въ Звенигородъ, унять бунтующихъ мужиковъ и водворить порядокъ. Въ окружномъ строеніи живутъ раненные французы; половину квадрата отгорожено, гдѣ также французы больные и раненные, коихъ до 800 чело-вѣкъ теперь въ плѣну.

**Копія съ письма доктора Алексѣя Матв. Чернцова
А. А. Плавильщикову.**

Любезный другъ Алексѣй Алексѣевичъ!

Нешастные обстоятельства постигшіе Москву въ большей или меньшей степени имѣютъ вліяніе на жителей оныя. Едва только сотая доля успѣли спасти нѣкоторую часть своего имѣнія; а протчіе всѣ почти сдѣлались жертвою жесточайшей бѣдности. Вы можете считать себя между щастливыми относительно спасенія и сбереженія вашего имѣнія, выключая самой маловажной потери все оно осталось въ цѣлости, что особенно должно приписать доброму усердію и расторопности оставленныхъ вами людей. Отъ Михайлы я узналъ, что Петръ Алексѣев. выѣхалъ передъ вступленіемъ непріятели въ Москву въ какой то городъ, гдѣ онъ находится и по сіе время и одержимъ болѣзнію. Иванъ Ставровичъ (Меласъ) на сихъ дняхъ выѣхалъ изъ Москвы въ Воронежъ, за своимъ семействомъ, которое по сіе время тамъ еще находится, онъ вамъ свидѣтельствуеъ свое почтеніе, а равно и его братъ Дмитрій Анастасіевичъ, съ которымъ я на сихъ дняхъ видѣлся; онъ остается въ Москвѣ. Ивана Ставровича домъ сгорѣлъ и нѣкоторая часть привезенныхъ товаровъ, впрочемъ онъ кажется еще остался при хорошемъ состояніи. Я пріѣхалъ въ Москву еще въ послѣднихъ числахъ Октября. Мое путешествіе въ Украину было не такъ удачно какъ предполагалъ. Оставшееся здѣсь мое имѣніе все разграблено. Представьте вы себѣ въ какомъ жалостномъ состояніи находится Университетъ! Вся библіотека, весь кабинетъ натуральной исторіи сдѣлались жертвою пламени; что особенно должно приписать неосторожности стараго полицмейстера университета который во все пребываніе здѣсь французовъ по цѣлымъ днямъ пьянствовалъ безъ просыпу. Академія наша осталась въ цѣлости. Подробное извѣстіе о Москвѣ я думаю что вы уже давно имѣете, — 6080 домовъ обращены въ пепель, остается

только 2600. Безпрерывный грабежъ и всякія безчинства продолжались шесть недѣль — сихъ ли ради, или другихъ причинъ вы можете заключить о настоящемъ положеніи Москвы. Иванъ Акинѣевичъ очень нездоровъ. Этотъ почтенный старикъ, жертвуя всѣмъ для спасенія ввѣренныхъ его начальству, разстроилъ совершенно свое здоровье. Впрочемъ кажется что онъ нѣсколько поправляется. Прощайте желаю вамъ всякаго счастья и благополучія. Я остаюсь при службѣ до времени въ воспитательномъ домѣ, и занимаю должность Доктора. Великое множество больныхъ ни днемъ, ни ночью не даетъ мнѣ покою. Декабря 2 дня 1812 года.

Копія съ письма купца Свѣшникова, 4 декабря 1812 года.

Слава Богу мы опять въ Москвѣ, хотя она обезображена, но мила. Мы всѣ своимъ семействомъ выѣхали изъ Москвы 2 сентября, взяли кое-что и странствовали, жили въ Вязникахъ, потомъ переѣхали было на зимовку въ Арзамасъ, но къ 1-му Декабря всѣ переѣхали сюда. Домъ мой совсѣмъ истребленъ огнемъ, такъ же какъ и у прочихъ нѣтъ ни уголка обожженаго; лавка тоже сгорела и обвалилась. Я вамъ пишу о себѣ, а насъ жертвъ такихъ и числа нѣтъ, теперь хлопочу, начинаю строить, низъ у себя отдѣлывать, да покрыть, а наверхъ нарубить.

Письма пишите на мое имя во вновь построенные лавки на Красной площади, ибо тутъ дали мѣста на временные деревянные лавки. Въ Кремль никого не пускаютъ, и тамъ неизвѣстно что. Снаружи взорванъ придѣлокъ къ Ивану Великому съ большими колоколами, арсеналь, водовзводная башня, мѣстами на набережной стѣны, а дворецъ и грановитая палата выжжены. Цѣлы въ Москвѣ мѣста: воспитательный домъ, весь, на Никольской улицѣ немного домовъ, Покровка до Покровскихъ воротъ, Мясницкая до Мясницкихъ воротъ, Лубянка до Срѣтенскихъ воротъ, Петровка мѣстами до Петровскаго монастыря, Рожественка вся, Тверская мѣстами, на Убогомъ дому, Новая слобода, Мюской лѣсной рядъ, на Крестѣ, у Дѣвичьяго монастыря, за Москвой рѣкой, за Калужскими и Серпуховскими воротами, на Щипкѣ, и Даниловка. Впрочемъ непримѣтно гдѣ есть дома, но все истреблено, какъ малые, такъ и большіе деревянные и каменные. Преображенское цѣло, потому что преклонило выю подъ руку врага. Митрополитъ Платонъ умре Ноября 11. Здѣсь всякой день церкви святятъ.

Копія съ дѣла дочери прапорщика, дѣвицы Вѣры
Казариновой, 1815 года.

Читано

Всемиловѣйшая Государыня!

Безпримѣрныя щедроты Вашего Императорскаго Величества изливаемые на подданныхъ раждаютъ во мнѣ смѣлость повѣргнуть себя къ священнымъ стопамъ Милосердой Матери отечества.

Бывъ воспитана подъ покровительство Вашего Императорскаго Величества въ обществѣ благородныхъ дѣвицъ, я выпущена изъ онаго въ 1800-мъ году. Не имѣя никакого имущества, я жила съ больною своею матерью; но недостаточное состояніе совершенно растроено со времени нашествія непріятеля. Нынѣ болѣзнь матери моей еще болѣе истощила малые способы наши, и я вынуждена прибѣгнуть къ Вашему Императорскому Величеству, и просить о воззрѣніи на горестное мое положеніе. Удостоите, Всемиловѣйшая Государыня! воспитанную щедротами Вашими, хотя единовременнаго вспомошествованія, котораго я не осмѣливалась до сихъ поръ испрашивать, не бывъ доведена до того необходимостію.

Всемиловѣйшая Государыня!

Вашего Императорскаго Величества

всеподданнѣйшая

Варвара Казаринова

дѣвица дочь Прапорщика

Юня 8-го дня

1815.

Жительство имѣю въ Москвѣ

Пречистенской части 4-го квартала.

Предоставлено только собрать свѣденія
и увѣдомить: нужна ли ей помощь?

Дочь Прапорщика дѣвица Вѣра Казаринова 25 лѣтъ изъ воспитанницъ С. П. бургскаго общества благородныхъ дѣвицъ. Приготовленное ей въ приданство имущество по цѣнѣ на 6 т./р. ввремя непріятельскаго нашествія разхищено, за которое ни откуда вознагражденія не получала. Находится на попеченіи матери ея при пособіи родныхъ братьевъ имѣющихъ порядочное состояніе.

Отказать.

Его Пре-ву
Григ. Ив-чу
Вилламову

Декабря 9 дня
1815 года.

Ваше Пре-во по высочайшей волѣ Ея Им-го ве-ва препроводя прошеніе дѣвицы Варвары Казариновой предоставили мнѣ собрать о ней свѣденія и увѣдомить васъ, нужна ли ей помощь?

Изъ собранныхъ по сему случаю извѣстій открылось, что приготовленное ей въ приданство разное имущество по цѣнѣ на 6 т./р. вовремя непріятельскаго нашествія разхищено и вознагражденія ни откуда не послѣдовало; но собственное ея содержаніе обезпечено иждивеніемъ ея матери при помощи родныхъ братьевъ имѣющихъ порядочное состояніе, которое по союзу ближайшаго ихъ родства въ теперешнемъ видѣ удовлетворяетъ всѣ ея нужды не заимствуясь стороннимъ пособіемъ.

Подлинное подписалъ
Почетный Опекунъ Князь Сергій Голицынъ.

**Копія съ дѣла коллежскаго регистратора Олимпія
Бантышева, 1815 года.**

Милостивый Государь мой
Князь Михайла Николаевичъ!

Ея Величество Государыня Императрица Марія Теодоровна на поднесенную отъ отставнаго Коллежскаго Регистратора Олимпія Бантышева прозбу о помѣщеніи дочери его въ Институтъ, высочайше представить ему соизволила просить въ будущемъ году узаконеннымъ порядкомъ въ Совѣтъ учрежденномъ при Московскомъ Училищѣ Ордена Св-я Екатерины, который тогда разсудитъ можно ли допустить ея къ балатировкѣ.

По высочайше возложенному на меня препорученію, покорнѣйше прошу ваше Сіятельство приказать чрезъ кого слѣдуетъ ему Бантышеву жительствоующему теперь въ управляемой вашимъ Сіятельствомъ Губерніи сіе объявить.

Съ истиннымъ почтеніемъ и непремѣнною преданностію имѣю честь быть

Ноября 22 дня
1815 года
Его Сіят-ву К. М. Н.
Голицыну.

Милост. Государь мой!
вашего Сіятельства
покорнѣйшій слуга
Князь Сергій Голицынъ

Его Превосходительству
Ивану Францовичу
Вольфу.

Ноября 22 дня
1815 года.

Для объявленія Коллежскому Регистратору Олимпію Бантышеву высочайшаго Ея Им-го ве-ва на его прозбу разрѣшенія, коимъ предоставлено ему о принятіи дочери въ Екатерининское Училище просить установленнымъ порядкомъ, — по жительству его Бантышева въ Ярославской Губерніи отнестя я къ Г-ну тамошнему Гражданскому Губернатору. Изъ собранныхъ же о состояніи его Бантышева свѣденій, находя, что хотя вовремя непріятельскаго нашествія лишился онъ дома приносящаго ему доходъ, но потеря онаго вскорѣ послѣ того вознаградилась полученнымъ в движимомъ и недвижимомъ имѣніи наслѣдствомъ, доставляющимъ ему съ женою и дѣтьми приличное продовольствіе, сдѣлать пособіе изъ суммъ Ея ве-ва счелъ излишнимъ.

Подлинное подписалъ
Почетный Опекунъ Князь Сергій Голицынъ.

Коллежскій Регистраторъ Олимпій Бантышевъ 43 лѣтъ имѣетъ жену и пятерыхъ дѣтей мужеска и женска полу. Во время непріятельскаго нашествія лишился своего дому съ коего получалъ изрядной доходъ; но вскорѣ послѣ того сія потеря вознаградилась полученнымъ наслѣдствомъ въ движимомъ и недвижимомъ имѣніи, которое доставляетъ ему съ семействомъ приличное продовольствіе.

Отказать.

**Копія съ дѣла московскаго купца Гаврилы Кузнецова,
1815 года.**

Выдано 5 Ноября 1815. 150 ру.

Московской купецъ Гаврила Абрамовъ сынъ Кузнецовъ 34 лѣтъ, имѣетъ жену 17-ти лѣтъ и сына 1-го году. При немъ также находятся престарѣлая мать, двѣ тетки, двѣ незамужнія сестры и братъ 44 лѣтъ лишенный ума. Собственный его двухэтажный каменный домъ и три лавки съ тремя палатками и документами сгорѣли; товаръ и домашнее имущество разхищено. Послѣ того остатки лавокъ и палатокъ по распоряженію городского начальства сломаны и мѣсто взято въ казну. О потеряхъ всего на 120 т/р. стирающихся поданы были

объявленія къ Г-ну Главнокомандующему, въ общества Патріотическое женское и призранія раззоренныхъ; но въ пособіе ничего не послѣдовало, а хотя отъ Коммисіи о раззоренныхъ назначено ему 8000 р.; но по случаю лежащаго на домѣ его запрещенія по претензіямъ частныхъ людей до 64 т/р., не имѣя залога воспользоваться пособіемъ не можетъ. Должники его не имѣя въ виду актовъ, долговъ ему не платятъ и на возобновленіе торговли капитала не имѣетъ. Пропитывается вспоможеніями нѣкоторыхъ благотворителей изъ купечества но по многочисленности его семейства весьма нуждается въ самыхъ необходимыхъ потребностяхъ. 150 р.

Его Превосходительству

Ивану Францовичу

Вольфу.

Ноября 8 дня.

1815 года.

По содержанію присланнаго ко мнѣ при письмѣ вашего Пре-ва, прошенія Московскаго купца Гаврилы Кузнецова, выправлялся я о настоящемъ его положеніи, которое при семъ развѣдываніи открыто въ самомъ бѣдственномъ видѣ. До непріятельскаго нашествія онъ имѣлъ собственный каменный домъ, и три лавки съ палатками, съ коихъ пользуясь порядочнымъ доходомъ, производилъ торговлю разнымъ товаромъ на значительную сумму; но въ то время всего лишился: товаръ и имущество разхищено, домъ и лавки съ палатками сожжены; и наконецъ мѣсто изъ подъ лавокъ по распоряженію Городскаго начальства взято въ казну. Все его имѣніе заключается теперь въ обгорѣлыхъ остаткахъ дома, на который по искамъ кредиторовъ до 64 т/р. наложено запрещеніе. Въ замѣнъ потери его на 120 т. рублей простирающейся, назначено ему отъ коммисіи о разоренныхъ 8000 р. коихъ однако за неимѣніемъ въ обезпеченіе залога, получить не можетъ; и при всемъ томъ долженъ содержать себя жену, сына и состоящихъ на его попеченія преставѣлую мать, двухъ тетокъ, двухъ незамужнихъ сестеръ и 44-х лѣтняго лишеннаго ума брата; а посему въ облегченіе столь стѣсненнаго недостатками и нуждами положенія выдалъ я ему Кузнецову изъ суммы Ея Им-го ве-ва 150 р. и полученную мною въ нихъ росписку присемъ къ вашему Пре-ву препровождаю.

Подлинное подписалъ

Почетный Опекунъ Князь Сергій Голицынъ.

Копія съ дѣла маіорши Марьи Сухотиной, 1815 года.

Маіорша Марья Сухотина отъ непріятельскаго нашествія лишилась разнаго имущества въ Москвѣ на 22 т./р. въ вознагражденіе чего назначено отъ комисіи о раззоренныхъ 2000 р. но за непредставленіемъ залога, сія сумма ей не выдана.

Пользуясь доходомъ съ 50-ти крестьянскихъ душъ въ Тульской Губерніи состоящихъ, въ потребномъ продовольствіи не нуждается; но желаніе ея и содержаніе всеподданнѣйшей прозьбы есть то, чтобъ получить такую сумму которая достаточна была бы освободить ея отъ долговъ, до 9000 р. по ея показанію простирающихся.

Отказать.

Его Превосходительству
Григорью Ивановичу
Вилламову.

Ноября 9 дня
1815 года.

По произведенному въ исполненіе высочайшей воли Ея Им-го ве-ва развѣдыванію о Маіоршѣ Марьѣ Сухотиной открылось, что хотя потери ея отъ непріятельскаго нашествія простираются на 22 т./р. но доходъ съ 50-ти крестьянскихъ душъ въ Тульской Губерніи состоящихъ, снабжаетъ ее потребнымъ продовольствіемъ.

Приемля ея въ видѣ такой просительницы, которую не недостатокъ въ содержаніи, но желаніе умножить свои избытки, или уплатить долги простирающіеся по ея показанію до 9000 р. побудило ее желать пособія, я выдать онаго изъ суммъ Ея Им-го ве-ва не разсудилъ.

Подлинное подписалъ
Почетный Опекунъ Князь Сергій Голицынъ.

Всемиловѣйшая Государыня!

Вовремя раззоренія Москвы французами и я подверглась общему несчастію лишилась собственнаго дому имѣнія каковому несчастію подверглись и внучаты мои состоящія под моею опекою всего более нежели на 20000 ру.

Хотя я имѣю въ Тульской губерніи въ Веневскомъ уѣздѣ крестьянъ 50 душъ но и тѣ состоятъ въ залогѣ въ московскомъ опекунскомъ совѣтѣ въ 3500 ру.

и задолжала частнымъ людямъ до 5000 ру. нынѣ лишившись дома и имѣнїя, выкупить крестьянъ и уплатить долговъ не в состоянїи.

Всеилостивѣйшая Государыня возри всеилостивѣйше на таковое мое состоянїе повели отъ щедротъ Вашего Величества учинить бедственному моему состоянїю пособїе самъ Господь узритъ щедроты ваши и молитву сиротъ.

Іюня дня Вашего Императорскаго Величества
1815-го года. верноподданнѣйшая
 Марья Антонова Сухотина маиорша

Копія съ дѣла капитанши Анны Галдановой, 1815 года.

Капитанша Анна Петрова дочь Галданова 42 лѣтъ. Мужъ ея до нашествія непріятельскаго служилъ въ Полицейскомъ штатѣ квартальнымъ надзирателемъ, но оставшись по болѣзни въ то время въ Москвѣ, лишился своего мѣста. Назадъ тому мѣсяць пять опредѣлился въ Провіантскій штатъ комисіонеромъ съ жалованьемъ по 400 р. но будучи болѣнъ ногами, не въ состоянїи почти служить и только крайность его положенїя удерживаетъ въ службѣ. При нихъ находятся четверо малолѣтнихъ дѣтей сынъ 10-ти лѣтъ и дочери 1-й 18-ть 2-й 14-ть и 3-й 11-ть лѣтъ. Имущество ихъ бывшее въ разныхъ домашнихъ вещахъ, серебрѣ, бѣльѣ и платьѣ всего по цѣнѣ болѣе 3000 р. все разхищено; о чемъ объявлено было комисіи о раззоренныхъ, но вознагражденїя не послѣдовало.

Живучи около трехъ лѣтъ безъ всякихъ доходовъ задолжали разнымъ людямъ до 600 р. и выплатить ихъ никакой надежды не имѣютъ, ибо получаемаго мужемъ ея жалованья почти недостаетъ на пропитанїе. 100 р.

Жительствоуетъ въ приходѣ Николе въ Хамовникахъ въ домѣ Брегадирши Пелагѣи Ивановны Челищевой.

Его Пре-ву
Ивану Францовичу
Вольфу.

Ноября 29 дня 1815 года.

По высочайшему ея Им-го ве-ва повелѣнїю, собравъ свѣденїя о капитаншѣ Аннѣ Галдановой и находя оныя согласными ея показанїю о недостаточномъ положенїи ихъ семейства, которое составляютъ одержимый донынѣ слѣдствїями продолжительной болѣзни мужъ ея, 10-ти лѣтній сынъ и три дочери 18-ти 14-ти

и 11-ти лѣтъ, при нихъ находящіяся и содержаніе имѣють однимъ только 400 рублевымъ въ годъ жалованьемъ, послѣ потери имущества вовремя непріятельскаго нашествія, за которое вознагражденія не получили и сверхъ того обременены долгами до 600 р. нажитыми вовремя отставки и болѣзни, безъ всякой надежды ихъ выплатить; выдалъ имъ въ пособіе отъ высочайшаго Имени Ея Величества изъ хранившейся у меня суммы 100 р. въ коихъ росписку присемъ препровождаю, и притомъ объявилъ высочайшій Ея Императ - го ве - ва отзывъ, относительно помѣщенія дочери Галдановыхъ въ институтъ, чтобы она о дочери своей просила военное начальство, которое разсудить можно ли представить объ ней въ Совѣтъ учрежденный при воспитательномъ обществѣ благородныхъ дѣвицъ для балатировки.

Подлинное подписалъ
Почетный Опекунъ Князь Сергій Голицынъ.

Копія съ дѣла вдовы комиссіонера 14-го класса, Настасьи Ивановой, 1815 года.

Вдова комиссіонера 14-го класса Настасья Осипова дочь Иванова 43-х лѣтъ имѣетъ одну 11-ти лѣтнюю дочь и престарѣлую мать. Прежде имѣли они небольшой капиталъ, отъ оборота коего получали содержаніе, но вовремя непріятельскаго нашествія лишились, какъ обязательствъ, такъ и наличнаго всего у нихъ бывшаго до 4000 р. въ вознагражденіе сей потери ни отъ куда ничего не послѣдовало. Положеніе ихъ самое бѣдственное, которое поправить не имѣютъ никакихъ средствъ, и пропитаніе ихъ состоитъ въ томъ, что пользуются квартирою и хлѣбомъ въ Градской Богадѣльнѣ. 100 р.

Его Превосходительству
Ивану Францовичу
Вольфу.

Ноября 8 дня
1815 года.

Высочайше послѣдовавшій на прошеніе вдовы Комиссіонера Настасьи Ивановой отзывъ Ея Им-го Ве-ва что дочь ея въ Александровское Училище помѣстить невозможно, мною ей Ивановой объявленъ, и въ уваженіе ея бѣдности, которую претерпѣваетъ она съ 11-ти лѣтнею своею дочерью и престарелою матерью, отъ потери вовремя непріятельскаго нашествія 4000 рублеваго капитала,

снабжавшаго ихъ посредствомъ оборотовъ достаточнымъ содержаніемъ, выдалъ ей въ пособіе изъ хранящейся у меня на сіе назначеніе суммы Ея Величества 100 ру. въ коихъ взятая съ нее росписка у сего прилагается.

Подлинное подписалъ
Почетный опекунъ Князь Сергій Голицынъ.

**Копія съ дѣла вдовы штабъ-лѣкарши Матрены
Максимовой, 1815 года.**

Выдано 19 Ноября 1815—100 ру.

Вдова Штаб-лѣкарша Матрена Максимова 50 лѣтъ, имѣеть при себѣ двухъ дочерей, 10-ти и 5-ти лѣтъ. Имѣнія не имѣеть. Мужъ ея былъ изъ воспитанниковъ Московскаго воспитательнаго Дома и по окончаніи имъ въ Московскомъ военномъ Гоппиталѣ медицинскаго курса былъ наконецъ Штаб-лѣкаремъ въ Молдавской арміи, гдѣ въ 1811 году и умеръ. Съ оставшимъ послѣ него небольшимъ имуществомъ стоившимъ 2000 р. просительница не задолго до вступленія непріятельскихъ войскъ пріѣхала въ Москву и не успѣвъ укрыться, всего лишилась. По незнанію ея не объявля нигдѣ о потеряхъ, пособій не получала и пропитаніе имѣеть отъ подаенія нѣкоторыхъ благотворительницъ. О произведеніи ей за службу мужа пенсіона просила Комитетъ Гг. Министровъ, но разрѣшенія еще не послѣдовало. Прозьбы же ея о принятіи во вдовій домъ въ Московскомъ Опекунскомъ Совѣтѣ не оказалось и была ли подавана неизвѣстно.

100 р.

Его Превосходительству
Ивану Францовичу
Вольфу.

Ноября 22 дня
1815 года.

По высочайшему Ея Императ-го ве-ва повелѣнію выправляясь о вдовѣ Штаб-лѣкаршѣ Матренѣ Максимовой я нашелъ что мужъ ея былъ изъ воспитанниковъ Московскаго воспитательнаго дома и служба въ Молдавской арміи штаб-лѣкаремъ въ 1811 году умеръ; оставя женѣ своей и двумъ дочерямъ 9-ти и 5-ти лѣтнимъ, разнаго имущества на 2000 р. съ которымъ онѣ не задолго до вступленія непріятельскихъ войскъ въ надеждѣ на пособія родственниковъ пріѣхали въ Москву, гдѣ бывши захвачены, всего лишились. Просительница по незнанію нигдѣ о потеряхъ своихъ не объявляла и потому не

имѣла случая воспользоваться отъ куда либо пособіемъ. Между тѣмъ родной просительницы отецъ, братъ, сестра и зять у которыхъ ожидала она имѣть спокойное и безбѣдное всегда пристанище, умерли и съ тѣмъ вмѣстѣ всѣ на постоянное продовольствіе надежды остались тщетны. Хотя же о произвожденіи ей за службу мужа пенсіона подано отъ нее, по ея показанію, прошеніе въ Комитетъ Господъ Министровъ, но разрѣшенія еще не послѣдовало. Прозьбы же ея о принятіи во вдовій домъ въ Московскомъ Опекунскомъ Совѣтѣ не оказалось. Усмотрѣнная при семъ изысканіи бѣдность которую претерпѣваетъ она съ малолѣтними дочерьми питаясь временнымъ вспоможеніемъ въ видѣ подаванія отъ нѣкоторыхъ благотворительницъ побудила меня выдать ей изъ суммы Ея Им-го ве-ва на сіе назначеніе мнѣ ввѣренной 100 р., въ коихъ росписку у сего препровождаю.

Подлинное подписалъ
Почетный опекунъ Князь Сергій Голицынъ.

Копія съ дѣла коллежской секретарши Александры Жуковой, 1815 года.

Коллежская Секретарша Александра Жукова 42 лѣтъ. Кромѣ мужа, служащаго въ Московской уголовной Палатѣ столоначальникомъ, семейства не имѣетъ. Хотя потеря ея въ платьѣ и прочихъ вещахъ простирается до 20 т./р. и осталась по поданнымъ прошеніямъ безъ вознагражденія; но жалованье ея мужа по 300 р. въ годъ, доходъ съ небольшой деревни и вспоможеніе ея матери, неимѣющей кромѣ ея дѣтей, и которая имѣетъ каменной значительной цѣны домъ, предохраняютъ ихъ отъ всякаго въ приличномъ содержаніи недостатка.

Отказать.

Его Превосходительству
Ивану Францовичу
Вольфу.

Ноября 22 дня
1815 года.

Въ слѣдствіе высочайшей воли Ея Им-го Ве-ва по изысканію о настоящемъ положеніи коллежской секретарши Александры Жуковой, открылось, что жалованье получаемое по службѣ ея мужемъ, доходъ съ небольшой деревни и вспомо-

моженіе родной ея матери изъ доходовъ съ каменнаго значительной цѣны дома неимѣющей кромѣ ея дѣтей, поставляютъ ихъ выше необходимости въ пособіи, котораго посему ей и не здѣлано.

Подлинное подписалъ
Почетный опекунъ Князь Сергій Голицынъ.

**Копія съ прошенія дьякона графу Ө. В. Растопчину,
3 декабря 1812 года.**

Прошеніе дьякона церкви Григорія Богослова, что на Большой Дмитровкѣ,
Тверской части, Ивана Васильева.

Объявлено мнѣ черезъ Тверскую часть, что по повелѣнію Вашего Графскаго Сіятельства опредѣлено жить въ домѣ моемъ служащему въ Казенной Палатѣ коллежскому секретарю Кириллу Иванову сыну Иванову до выздоровленія его отъ болѣзни; но означенный коллежскій секретарь и вступилъ въ домъ мой, имѣя сію продолжительную болѣзнь, повидимому чахотку, нанявъ у меня особый покой, состоящій въ четырехъ комнатахъ, іюля 8 дня сего года, цѣною по 12 рублей 50 копѣекъ въ мѣсяць, каковое количество онъ договаривался мнѣ платить каждый мѣсяць, и до сего времени уплатилъ только 12 рублей 50 копѣекъ; а какъ я при бывшихъ несчастныхъ обстоятельствахъ, лишившись всего имущества, держа при себѣ семейство, въ осми человѣкахъ состоящее, и имѣя только домъ, за который я еще нахожусь должнымъ, и который во многихъ частяхъ отъ непріятели разоренъ, и отъ коего только могу получать все мое содержаніе, пришелъ просить у показаннаго коллежскаго секретаря зажитыя имъ за квартиру деньги, то не только его нашель на сіе согласнымъ, но, услышавъ отъ него оскорбительныя слова, получилъ въ отвѣтъ, что онъ не обязуется мнѣ давать платы за квартиру, и что я не имѣю права сего требовать отъ него; между прочимъ я, усмотря печь въ занимаемомъ имъ покоѣ опасною къ топлению, хотѣлъ исправить оную, но показанный коллежскій секретарь къ передѣлкѣ печи меня не допустилъ и работника выгналъ, о чемъ я относился къ квартальному надзирателю, и хотя онъ по осмотру нашель печь требующею поправки, но показанный секретарь не допускаетъ; сверхъ сего показанный коллежскій секретарь вступилъ ко мнѣ на квартиру съ женщиною Екатериною Тимоѣевою, которую онъ какъ мнѣ, такъ и квартальному надзи-

рателю объявилъ своею женою, но по просьбѣ моей на нее за обиду открылось, что она женщина унтеръ офицерская жена. Того ради, приѣмля съ совершеннымъ уваженіемъ повелѣніе Вашего Графскаго Сіятельства, принужденнымъ нашелся я утруждать Вашу высокую особу моею низжайшею просьбою, повелите домъ мой отдать въ мое распоряженіе и показанному коллежскому секретарю заплатить имъ зажитыя за квартиру деньги, и изъ дома моего выѣхать.

(1813 года марта 19 дня Тверской части приставъ донесъ оберъ-полицій-мейстеру, что помянутый коллежскій секретарь Ивановъ изъ квартиры дьякона Васильева высланъ.)

**Прошеніе императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ солдатки
А. И. Новиковой, 22 мая 1813 года.**

Всемиловѣйшая Государыня!

Прошлаго 1811-го года Августа 4-го дня внесено отъ меня въ Московскую Сохранную Казну Ассигнаціями тысячу восемь сотъ рублей, на которыя данной Гилтъ на имя мое подъ № 39767-мъ ввремя бывшаго нашествія непріятеля въ Москву со всемъ прочимъ моимъ имуществомъ сгорѣлъ, о чемъ отъ меня гдѣ слѣдуетъ объявлено. Оставшись въ крайнѣй бѣдности, а притомъ имѣя на себѣ немалозначущія по бѣдности моей долги, осмѣливаюсь утруждать Ваше Императорское Величество повелѣть Московскому Опекунскому Совѣту изъ капитала моего выдать мнѣ восемь сотъ рублей, и симъ оживотворить подвергающуюся къ Священнѣйшимъ стопамъ Вашего Величества.

Вашего Императорскаго Величества
Всеподданнѣйшая

Салдатка Авдотья Иванова дочь Новикова а за неуменіемъ ея грамоте Московской купецъ Егоръ Григорьевъ сынъ Шапошниковъ руку приложилъ.

Маія 22-го дня
1813-го года.

Прошение Н. Ивановой, 27 іюня 1826 года.

Ваше Императорское Величество!
Всемиловѣйшая Государыня!

Послѣ покойнаго мужа моего Фанагорическаго Гренадерскаго полка Поручика Евдокима Степанова Иванова, лишившагося жизни въ 1812-мъ году на сраженіи, осталась я вдовою съ двенадцатилѣтнею дочерію, которую къ прискорбію моему,—матерънему сердцу лишь извѣстному,—непріятели у меня отняли и увезли, когда я возвращалась по смерти мужниной на свою родину, и по сіе время о коей не имѣю я ни малѣйшаго свѣденія. Такимъ образомъ въ горести вдовѣя болѣе тринадцати лѣтъ, не получая никакой пенсіи и не имѣя ни родственниковъ, ни друзей и будучи уже въ преклонныхъ лѣтахъ, осмѣливаюсь наконецъ прибѣгнуть къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества—истинной Матери Отечества: не оставте всемиловѣйшая Государыня сдѣлать нѣкоторое вспоможеніе нещастной вдовѣ и матери

Іюня 27-го дня
1826-го года.

вѣрноподданнѣйшей и преданнѣйшей рабы
Настасьи Ивановой.

Жительство имѣю въ Арбатской части, въ приходѣ Феодора Студита въ домѣ купчихи Вѣтровой.

Прошение императрицѣ Маріи Феодоровнѣ подпоручика И. М. Щербачева, 1826 года.

Ваше Императорское Величество
Августѣйшая Монархиня!
Всемиловѣйшая Государыня.

*Прошу К. Голицына рассмотреть
помощь нужна ли *).*

Неограниченныя и безпределныя милости Вашего Императорскаго Величества которые изливаются на страждущихъ чрезъ матеренское сердоболѣе къ вер-

*) Писано рукой императрицы Маріи Феодоровны.

ноподаннымъ, изъ числа которыхъ я осмѣливаюсь упасть къ священнейшимъ стопамъ Августѣйшей Монархини и изъяснить бедственнаго положенія моей жизни, къ облегченію коихъ не нахожу болѣе никакихъ средствъ и способовъ какъ только симъ моимъ прошеніемъ, прибегнуть подъ покровъ и милосердіе Великой Императрицы; продолжая службу съ 1791-го года изъ штабъ офицерскихъ дѣтей въ Московской Монетной Экспедиціи находился до 1797 года и за усердное исполненіе оной, въ том же году по Высочайшему повелѣнію, жалованъ учителемъ и потомъ по соизволенію въ Бозѣ почивающаго вѣчно достойно блаженно памяти Всеавгустѣйшаго Государя Павла Петровича, по его веленію былъ переведенъ въ Санктпетербургскую Гофъ Интенданскую Кантору, и по кончинѣ Великаго Монарха Павла Петровича любезнаго вашего Супруга за мою особенную приверженность, я былъ безвинно оклеветанъ, по случаю равно же моего усердія когда я имѣлъ щастіе Вашему Императорскому Величеству поднести своихъ трудовъ картину Священную изображеніе вашего Ангела и Распятіе Господа нашего Иисуса Христа стихами за что по повелѣнію Государя нынѣ въ Бозѣ почивающаго блаженной памяти Александръ Павловича высланъ въ Москву с тѣмъ чтобъ меня никуда изъ Москвы не выпускать но справедливость и невинность моя побудила принять участіе моей жизни, великій Государь по благоусмотренію своему соизволилъ дать мнѣ мѣсто, каковое я и получилъ но напротивъ сего и воли Монаршей и желанію моему въ Штатѣ Московской полиціи, гдѣ и находился до 1807 года когда воспослѣдовало возваніе ревностныхъ сыновъ на услуги къ отечеству тогда я приступа с ревностнымъ духомъ представилъ себя на защиту и былъ помѣщенъ во Владимирскія подвижныя баталіоны, за что и удостоился получить золотую мѣдаль на Владимирской лентѣ и по роспускѣ которыхъ былъ я обращенъ въ Штатъ Полиціи, гдѣ и находился до 1812 года и во ономъ году въ торично былъ глазъ возваніе Монарха, о защитѣ Царя и отѣчества собираемо ополченіе, тогда и я возгоря духомъ и усердіемъ къ Царю и отечеству любовію и ревности вступилъ противу враговъ на брань и находился въ Бородинскомъ сраженіи противу непріятеля, и по разбитіи я былъ захваченъ въ пленъ и отведенъ къ самому Наполеону, почему и долженъ я былъ находится въ его волѣ чрезъ угроженіе собственной мнѣ погибѣли тогда съ упованіемъ на всемогущаго Бога переносить все жестокости прося провиденія въ помощь себя такъ и объ отечествѣ тогда страждущихъ подъ игомъ непріятельскимъ живущихъ въ Москвѣ, по власти мнѣ данной Всемогущаго Творца съ помощію его воли спасалъ я тогда не взирая на все окружающія меня опасности, неоднократно былъ въ домѣ, гдѣ воспитаніе и милосердіе питають юныхъ дѣтей безъ предѣльными милостями Вашего Императорскаго Величества единственно былъ я для охраненія онаго и защиты живущихъ въ немъ равномѣрно также употреблялъ себя орудіемъ къ

предохраненію многихъ обывательскихъ домовъ которые и нынѣ въ цѣлости находятся но по приближеніи конца судьбы всѣхъ бѣдствіяхъ отъ непріятеля жителей столицы когда нужда его заставила отъ нашихъ мѣстъ удалится тогда мнѣ Наполіонъ далъ повелѣніе къ ездѣ съ нимъ изъ моего отечества чѣмъ я былъ несказанно пораженъ но молясь ко Всевышнему и прося его милосердіе въ помощь себя во избавленіе решился таковому приказанію не повиноватся а какъ проникнуто было имъ мое намѣреніе тогда немѣдленно былъ осужденъ къ рострелянію приговоръ судьбы моей решенъ и я на мѣстѣ роковомъ, но непостижимая благость и милосердіе Всемогущаго Творца зиждителя къ человѣкамъ въ другъ въ незапный дождь и сильной громъ съ беспрестанной молніей, чувствуя похитель провидѣніе, и все сіе оставило къ погубленію моей жизни тогда Наполіонъ велѣлъ меня призвать къ себѣ во дворецъ, сказалъ мнѣ вотъ тебѣ пощада или новая жизнь съ тѣмъ чтобъ я въ предъ его повелѣніямъ не ослушался, послѣ сего происшествія и по выходѣ изъ Москвы при помощи Всевышняго отъ непріятеля я скрылся, а потомъ въ скорѣ въ ступили наши Войска тогда немѣдла являсь я къ начальствующему казачьими полками и объяснилъ ему подробно все случившееся и о дѣйствіи Наполіона, тогда означенной начальникъ просилъ меня быть имъ въ помощь и участвовать въ мѣстѣ противу непріятеля которой оставленъ корпусъ въ Москвѣ, я тогда предложенію былъ обрадованъ принявъ отъ рядъ казаковъ подъ свое начальство и дѣйствовалъ какъ верный сынъ отечеству, очистили отъ всѣхъ непріятностей Москву по приездѣ Главнокомандующаго—Ростопчина который меня потребовалъ къ себѣ для потребнаго сведѣнія о непріятелѣ я тогда объясня ему всю истинну о всемъ случившемся, что я могъ заметить, со ожиданіемъ награды и Монаршей милости но вмѣсто награды за оное усердіе и неусыпное стараніе, велелъ заключить меня въ тюрьму и содержался болѣе двухъ лѣтъ, потомъ доведя до свѣденія о невинности моей Августѣйшему Монарху по соизволенію его въ скорѣ повелѣно было меня освободить ис под стражи, и по полученіи моей свободы узнавши я о прибытіи Главнокомандующаго ополченія тогда въ скорости явился какъ къ своему начальнику который преждѣ сего почитая меня совершенно без вести погибшимъ отъ руки непріятельской но вскорѣ случилось въ силу Высочайшаго повелѣнія послѣдовалъ приказъ о роспускѣ сего ополченія при коемъ и я имѣлъ щастіе получить медаль со изображеніемъ Всевидящаго ока на голубой лентѣ за Бородинское сраженіе потомъ былъ обращенъ въ штатъ полиціи гдѣ нахожусь и долго времени не имѣю ни службы ни жалованья равно и выѣздъ изъ Москвы мнѣ воспрещенъ даже всѣ способы къ пріятной жизни все отняты никакихъ пособіевъ не откуда не получилъ но даже позволенія къ опредѣленію къ другому мѣсту, почему совершенно доведенъ до самой крайности и бѣдствія по симъ нестерпимымъ обстоятельствамъ решился принять смѣлость при-

бегнуть подъ покровъ и защиту Вашего Императорскаго Величества подайте руку помощи къ разрѣшенію тяжкой участи въ коей стражду болѣе 25-ти лѣтъ при жестокихъ и неизъяснимыхъ обстоятельствахъ чрезъ что не умолкну возсылать мои молитвы ко Всевышнему Создателю о продолженіи и благодѣнствіи и о вожденномъ здравіи и всего Августѣйшаго Дома.

Ваше Императорское Величество
Всемиловѣйшій Государыни

Съ глубочайшимъ благоговеніемъ повергаюсь съ ожиданіемъ милосердія вѣрноподанный и усердный слуга подпорутчикъ Иванъ Матвеевъ сынъ Щербачевъ.

Августа дня
1826 года.

Жительство имѣю Тверской части въ домъ Графа Панина.

**Письмо (черновое) князя С. М. Голицына Г. П. Виолье,
3 ноября 1813 года.**

№ 702.

Москва.

Ноября 3-го дня
1813 года.

Его Высочайшему

Гаврилѣ Петровичу
Виолье.

Получивъ при письмѣ вашемъ отъ 19-го числа минувшаго октября мѣсяца четыре копии съ прошеній, поданныхъ Ея Императорскому Величеству, а именно: Дѣвицы Катерины Яновой, Коллежской Ассесорши Швейхартъ, Титулярной Совѣтницы Янковской и Секретарши Реутовой, я, по собраніи справокъ объ нихъ, сообщаю вамъ, Милостивый Государь мой, слѣдующее:

1-е. О дѣвицѣ Яновой просившей Высочайшаго Ея Императорскаго Величества покровительства въ полученіи пособія. По первой ея прозбѣ, подаваемой на высочайшее имя Государыни Императрицы, сообщены уже отъ меня Его Превосходительству Григорію Ивановичу Вилламову 17-го апрѣля сего года, о настоящемъ состояніи Яновой справки, а потомъ по Высочайшей волѣ ея Императорскаго Величества вошелъ со мною объ ней въ сношеніе, Г-нъ оберъ-шенкъ Графъ Николай Николаевичъ Головинъ: препроводивъ отъ 28-го апрѣля форму прошенія, по коей бы Г-жа Янова подала таковое въ сословіе призрѣнія раззоренныхъ, что я и сообщилъ ей немедленно по жительству ея тогда Владимирской губерніи въ Переславскомъ уѣздѣ, а по приѣздѣ ея въ Москву ад-

ресовалъ ее письменно къ Графу Николаю Николаевичу Головину и Г-ну Московскому гражданскому губернатору, нынѣ же отъ нея узналъ, что 23-го числа минувшаго октября получила она изъ сословія призрѣнія раззоренныхъ 4000 ру., да преждѣ того, выдано ей отъ дворянскаго предводителя 980 ру. на посевъ крестьянамъ; при всѣмъ томъ однакожь, какъ она потерпѣла отъ непріятеля раззореніе, по ея показанію, на 160,000 ру. и имѣетъ на себѣ долгу 25000 ру., то означеннымъ пособіемъ не могла поправить своего состоянія и теперь дѣйствительно живетъ въ самой бѣдности, ибо полученныя деньги употребила на уплату части долга своего.

2. О коллежской ассессоршѣ вдовѣ Швейхартъ просившей Ея Императорское Величество въ случаѣ неполученія жребія ея дочерью быть принятою по балатировкѣ въ Екатерининское училище, о помѣщеніи ея, тогда, по бѣдности, въ пансіонерки. Прозьбы сіи въ училищномъ совѣтѣ разсматриваемы еще не были и потому неизвѣстно, на основаніи законовъ, имѣетъ ли дочь ея право быть допущена къ балатировкѣ; но кромѣ оной 10-ти лѣтнѣй дочери Швейхартъ имѣетъ еще двухъ 17-ти и 11-ти лѣтъ и сына 7-ми лѣтъ; пропитаніе она получаетъ самое нужное единственно отъ трудовъ рукъ своихъ и старшей дочери и живетъ очень недостаточно.

3. О титулярной совѣтницѣ Янковской просившей о принятіи внуки ея дочери титулярнаго совѣтника Синявскаго Натальи 13-ти лѣтъ въ институтъ. Янковская просила уже въ 1811 - м году, объ опредѣленіи въ Александровское училище означенной внуки ея, но по баллотировкѣ жребія не получила, а нынѣ по лѣтамъ ея на основаніи узаконенія въ институтъ принята быть не можетъ. Отецъ сей дѣвицы гдѣ находится неизвѣстно, а мать ея живетъ въ городѣ Зарайскѣ съ малолѣтнимъ сыномъ въ бѣдности, почему Янковская изъ чело-вѣколюбія и взяла означенную дѣвицу на свое попеченіе, но отъ непріятельскаго нашествія потерпѣвъ раззореніе и имѣя при себѣ родную 16-ти лѣтнюю дочь, ощущаетъ большой недостатокъ въ содержаніи.

и 4-е. О секретаршѣ Реутовой, просившей всемилостивѣйшаго воззрѣнія на бѣдное ея состояніе. Поелику оная Реутова жительство имѣетъ въ Клинскомъ уѣздѣ, то я отнесся къ здѣшнему Г-ну Гражданскому Губернатору для полученія отъ него объ ней справокъ.

Подписалъ Князь С. Голицынъ.

Мужъ Янковской Титуляр. Совѣтникъ Осипъ Игнатьевъ Янковскій служитъ при Университетѣ Экзекуторскимъ Помощникомъ съ жалованьемъ по 450 ру., дочь при нихъ 16 лѣтъ, а внука 13-ти лѣтняя Наталья Синявская, на время поѣхала къ матери въ Зарайскъ по болѣзни матери, но ожидаютъ ее въ скоромъ времени сюда.

О свидѣтельствахъ, выданныхъ разореннымъ въ 1812 году.

1. Свѣдѣніе въ Мѣщанскую часть отъ сенатской регистраторши, Елизаветы Ивановой Смирновой, декабря 1817 года.

По требованію оной части, что я не получала ли на мою бѣдность откуда вспомошествованіе, въ чемъ имѣю честь объяснить слѣдующее: получила изъ Коммиссіи о разоренныхъ непріателемъ, по поданному отъ меня прошенію, въ которомъ и показала по точной моей справедливости и притомъ съ удостовѣреніемъ высокоблагородныхъ лицъ, а равно и духовнаго моего отца, а какъ я прежде непріателя жительство имѣла въ Суцевской части, въ которой все мое дѣйствительно имущество, а равно и разныя вещи непріателемъ похищены, суммою на 19900 рублей, и послѣ онаго осталась въ крайней бѣдности, словомъ сказать, безъ куска хлѣба и къ тому жъ съ малолѣтними дѣтьми, кои въ то самое злосчастное время и померли, а вспомошествованія мнѣ изъ показанной Коммиссіи выдано 200 рублей, что я и по сіе время въ таковой крайней бѣдности моей поправить себя силъ никакихъ не предвижу и къ тому жъ еще многимъ частнымъ людямъ должна, а заплатить не въ состояніи; почему нынѣ и прошу изъ безчисленныхъ щедротъ Монаршей милости вспомошествованія, о чемъ сіе мое свѣдѣніе и представляю оной части на благоразсмотрѣніе. Декабря дня 1817 года.

Свидѣтельство.

Мы нижеподписавшіеся симъ свидѣтельствуемъ, что подлинно сенатскаго регистратора Павла Смирнова жена Елизавета Иванова, имѣющая отъ роду 35 лѣтъ, а мужъ ея за болѣзнію находится въ отставкѣ, жительство имѣетъ въ Мѣщанской части, на дачѣ графа Растопчина, а проситъ о бѣдности вспомошествованія. Декабря дня 1817 года.

Вышеозначенная просительница поведенія хорошаго, состоянія бѣднаго, въ томъ удостовѣряю Мѣщанской части частный приставъ Филипповъ.

Въ томъ же свидѣтельствую подписуюсь Петропавловскій что въ Лафертовѣ священникъ Петръ Ѳедоровъ.

Въ томъ же свидѣтельствую подписуюсь титулярный совѣтникъ Иванъ Михайловъ Сахаровъ.

Въ томъ же свидѣтельствую подписуюсь губернской секретарь Василій Силицынъ.

2. Свидѣтельство.

Мы нижеподписавшіеся симъ свидѣтельствуемъ, что вдова солдатская жена Прасковья Крамзикова, отъ роду 69 лѣтъ, жительство имѣетъ Мѣщанской части въ домѣ цеховаго Ивана Ильина, у которой во время нашествія въ столицу сію непріятели разграблено разнаго имущества суммою на 200 рублей, вспомошествованія ни откуда не получила. Декабря дня 1817 года.

Поведенія хорошаго, состоянія бѣднаго. За частнаго пристава кварталный надзиратель Кочергинъ.

О разграбленіи просительницы я неизвѣстенъ, а поведенія она хорошаго и состоянія бѣднаго, въ чемъ удостовѣряю Знаменскій что въ Ямской Переславской слободѣ священникъ Андрей Ильинъ.

Что подлинно означенная просительница поведенія хорошаго и разореніе отъ непріятели претерпѣла, равно и вспомошествованія ни откуда не получила, въ томъ свидѣтельствуя и подписуюсь, а также и вмѣсто хозяина квартиры, цеховаго Ильина, за неумѣніемъ его грамотѣ, по его препорученію губернской секретарь Николай Сергѣевъ Налетовъ.

Въ томъ же свидѣтельствуя и подписуюсь чиновникъ 14-го класса Ѳедоръ Ѳедоровъ Доброхотовъ.

Копія съ предписанія моск. оберъ-полиціймейстера Шульгина моск. полиціймейстеру 1-го Отдѣленія Ровинскому, 12 января 1819 года.

Препровождая присемъ копію съ отношенія ко мнѣ Коммисіи для строеній въ Москвѣ отъ 10 сего Генваря относительно земель, оставшихся изъ подъ разобранныхъ церквей, отданныхъ Московскою Духовною Консистоіей разнымъ владѣльцамъ и о прочемъ, я предписываю Вашему Выс-бл-дію, по содержанію отношенія сего, всѣхъ тѣхъ владѣльцевъ, кому розданы Консистоіею означенныя въ отношеніи земли, имѣете понудить къ скорѣйшему исполненію всѣхъ полицейскихъ повинностей и мнѣ о послѣдующемъ въ свое время донести рапортомъ.

Копія. Изъ Коммисіи для Строеній въ Москвѣ Г. Московскому Оберъ-Полицій-мейстеру Шульгину, 10 Генваря 1819 года.

По слушаніи сообщенія Московской Духовной Консистеріи, коимъ относительно загороженія московскихъ незастроенныхъ церковныхъ земель и о исправномъ содержаніи противъ оныхъ мостовыхъ, даетъ знать, что разобранныхъ церквей земли отданы, въ Бѣломъ Городѣ: Ильинской на Тверской Г. Лишевичу-Бородуличу, Благовѣщенской на Старомъ Ваганьковѣ Коллежскому Совѣтнику Павлу Левашеву, Іоанномилостивской въ Кисловкѣ Московскаго Большаго Успенскаго Собора пресвитеру Андрею Васильеву, Спасской въ Копьяхъ и Воскресенской на Дмитровкѣ отдана священнику ружной Печерской что въ Кремлѣ церкви Петру Андрееву, Старовоскресенской Алексѣевскому дѣвичьему монастырю, Филипповской у Арбатскихъ воротъ подъ Іерусалимское подворье Іерусалимскому архимандриту Арсенію, Предтеченской близъ Новодѣвичьяго монастыря лежитъ впускъ, Лукинской на Знаменкѣ отдана той церкви умершаго священника женѣ, вдовѣ Ксеніи Яковлевой, Предтеченской на Знаменкѣ жѣ Генераль-маіору Степану Степановичу Апраксину, Васильевской на Тверской отдана на обмѣнъ земли Главнокомандующему въ Москвѣ для Перервинскаго монастыря; а Воскресенской въ Бронной вся, Маловознесенской же на Никитской одна причетницкая и бывшаго Георгіевскаго дѣвичьяго монастыря священническая земля остаются незастроенными, приходы коихъ церквей приписаны: Воскресенской къ Федоростудицкой, а Вознесенской къ Николохлыновской церквямъ, при Георгіевской же, что въ бывшемъ дѣвичьемъ монастырѣ, нынѣ имѣется приходъ, а также и причетъ, для коего и та земля необходимо нужна; для того изъ оныхъ разобранныхъ церквей тѣ земли, кои остаются въ вѣдомствѣ Консистеріи и во владѣніи у мѣстъ и лицъ духовныхъ, какъ то: Воскресенскую на Дмитровкѣ, Старовоскресенскую, Филипповскую и Лукинскую, равнымъ образомъ и всѣ оставшіяся отъ уничтоженныхъ дворовъ причетниковскихъ земли немедленно огородить и мостовыя противъ оныхъ содержать въ исправности тѣмъ людямъ, которымъ онѣ принадлежатъ, о чемъ кому слѣдуетъ указы посланы съ тѣмъ, что ежели паче чаянія приходскихъ церквей священно и церковнослужители отзовутся отъ того совершеннымъ своимъ неимуществомъ, то объявить тѣхъ церквей старостамъ съ прихожанами, чтобы они приняли и сдѣлали все то по силѣ указа Св. Правительствующаго Синода 1811 года Мая 8 дня, пунктовъ 2-го, 3-го и 4-го, насчетъ церковной или собственной своей суммы, и по исполненіи Консистерію репортовать; что же касается до требованія Коммисіи о предоставленіи въ ея вѣдѣніе церковныхъ земель, то сего Консистерія сама собою, за силою именнаго Высочайшаго указа, 1810 года Ноября 17 дня состоявшагося, на

мнѣніи Государственнаго Совѣта, учинить не можетъ; и справки, на коей оказалось: 25 числа минувшаго Октября Г. Московскій Военный Генераль-Губернаторъ присутствію Коммиссіи словесно объявля, что во многихъ мѣстахъ оставшіяся отъ разобранныхъ церквей и уничтоженныхъ дворовъ причетническихъ земли остаются незагороженными и мостовыя противъ нихъ не содержатся, отъ чего происходитъ безобразіе для проѣзжающихъ, предлагалъ Коммиссіи снести съ Духовною Консистоіею, чтобы тѣ земли загородили хотя временными изъ тесу, но чистой работы, заборами, а мостовыя содержали въ чистотѣ и исправности, доставивъ о всѣхъ таковыхъ земляхъ съ показаніемъ о каждой, въ которой части, на какое употребленіе предназначается, кому отдана, или которую предоставить въ распоряженіе Коммиссіи, свѣдѣніе; о каковомъ отзывѣ Духовной Консистоіи Его Сіятельству Московскому Военному Генераль-Губернатору донесено рапортомъ, а Вашему Превосходительству сообщая просить, чтобы, сдѣлавшись извѣстнымъ, кому розданы Консистоіею означенныя земли, приказали съ своей стороны понудить владѣльцевъ оныхъ къ скорѣйшему исполненію приказанія Его Сіятельства. Генваря 10 дня 1819 года.

Свѣдѣнія (черновыя) о пострадавшихъ отъ непріятельскаго нашествія.

Бородинскаго пѣхотнаго полку штабсъ-капитанъ Иванъ Степановъ сынъ Долецкой 34 лѣтъ. Изъ дворянъ, имѣнья не имѣеть. Служилъ съ нижнихъ чиновъ 15 лѣтъ въ Сибирскомъ гранодерскомъ полку и былъ въ разныхъ заграничныхъ походахъ и дѣлахъ съ турками и французами, гдѣ былъ раненъ и лишился на рукѣ пальца. Съ 1811 находился въ вѣдомствѣ водяной коммуникаціи, и при нашествіи французскихъ войскъ въ Россію употребленъ былъ къ наблюденіямъ за ихъ движеніями въ окрестностяхъ Москвы и сохраненіемъ летучихъ почтъ. Во время исполненія сихъ порученій при встрѣчѣ съ непріятельскою партіею отнята у него собственная повозка съ лошадьми и разнымъ имуществомъ состоящимъ изъ вещей военному чиновнику потребныхъ, которыя по цѣнѣ стоятъ 1800 р. и сверхъ того также потерялъ двухъ крѣпостныхъ своихъ людей. За что ни откуда вознагражденія не получилъ. Имѣеть одну престарѣлую мать которую содержитъ при себѣ получаемымъ по окладу штабсъ-капитана жалованьемъ 400 р. въ годъ. Живетъ въ Хамовническихъ казармахъ.

100 р.

1813-го года ноября 6-го дня отъ прибывшаго Клинскаго Земскаго исправника Господина Веревкина, вдова провинциальная секретарша Анисья Никитина дочь Реутова по выслушаніи объявленнаго ей предписанія его превосходительства Господина действительнаго статскаго советника московскаго гражданскаго губернатора и кавалера Григорья Григорьевича Спиридова, симъ сведениемъ показала что при нашествіи неприятеля въ Москву она Реутова именіе свое оставила в нанимаемомъ ею домѣ коего по цене было всего на осьмнатцать тысячъ семь сотъ пять рублей сама жъ с находящеюся при ней дочерью девицею двумя женщинами и малолетнымъ малчиком не воспользуясь ис того имения немало ничемъ; вышла пешая, а сего 1813-го года въ июнѣ мѣсяце въ пособие отъ его сиятельства Главнокомандующаго въ Москвѣ Графа Федора Васильевича Раstopчина получила двѣсти рублей; семейство ее состоитъ она Реутова одна з дочерью девицею имеющая совершенны возрастъ, а сынъ находится въ военной службѣ которой прошлаго 1812-го года имея семнатцать лѣтъ вступилъ въ виленской пехотной полкъ, но в живыхъ ли ныне находится сведения не имеютъ, состоянія жъ она никакого не имеютъ, и находится у клинскаго помещика Дмитрія Сергѣевича Насонова которой ее изъ человеколюбія съ дочерью и находящимися при них женщиною и мальчикомъ содержитъ на своемъ пропитаніи.

К сему сведению секреташа Анисья Реутова руку приложила *Въ томъ свидѣтельствую Клинскаго помѣщика Прaporщикъ Дмитрій Насоновъ*

Присланы прошенія отъ 22 Сентября 1815 отъ Вилламова.

Московскій купецъ Алексѣй Потоловскій 58 вдовъ, имѣетъ дѣтей Алексѣй 17, Николай 12-ти дочь Наталья 16, Марья 14, при немъ же находится умершаго брата его вдова Наталья Павлова 38 и дѣтей его: Алексѣя 18-ти, Петра 16, Михайла увѣчный 12 лѣтъ, Александра 4, дочерей Прасковью 22, Марью 15-ти, Елисавету 13, Настасью 3 лѣтъ. Всѣ они состояли въ одномъ капиталѣ и вели общую торговлю, у нихъ была прядильная на 10-ти машинахъ бумажная фабрика и собственный каменный и деревянный домъ, которое заведеніе съ товаромъ въ лавкѣ и на фабрикѣ стоило 40 т. р. кромѣ разнаго платья и домашнихъ вещей, стоимшаго же до 10 т. р. что все вовремя непріятельскаго нашествия погребло: вещи и имущество растащено, а домъ и фабрика сгорѣли; о потеряхъ своихъ состоявшихъ въ домѣ лавкѣ и фабрикѣ подано объявленіе въ комисію о раззоренныхъ, отъ коей назначено 8000 р. но выдано только 2000 р. потому что выстроенный имъ на занятія послѣ уже непріятеля деньги домъ, въ большей суммѣ для обезпеченія не принять. Изъ числа находящагося при немъ семейства, два его сына и два старшихъ племянника занимаются обу-

ченіемъ торговлѣ у своихъ хозяевъ, а прочія 9 человѣкъ при немъ на его попеченіи, содержаніе же его зависитъ отъ рукодѣля дочерей его и племянницъ весьма недостаточное, а къ тому присоединяется еще долгъ до 13 т. р. которой заплатить не имѣетъ никакого средства.

Отъ Вольфа 22 Сентября 1815.

Отставной унтеръ офицеръ Евстафій Кривицкій 71 года, имѣетъ жену 52 и трехъ дочерей 24, 19 и 17 лѣтъ. До непріятельскаго нашествія семейство его постоянное жительство имѣло въ Смоленскѣ, гдѣ у нихъ было разное хозяйственное заведеніе, которое вовемя непріятельскаго нашествія погибло, самъ же проситель находился при винномъ откупѣ тогда въ Москвѣ; гдѣ наконецъ соединилось съ нимъ и ограбленное его семейство; потеря его простирается до 600 р. о чемъ объявлено было Коммисіи о раззоренныхъ но вознагражденія не послѣдовало. Теперь проситель находится въ услуженіи при домѣ Павла Артемьевича Левашова съ жалованьемъ по 120 р. изъ котораго нанимаетъ для жены и дочерей квартиру, и помогаетъ имъ въ содержаніи, а сами они кое-что приобрѣтаютъ отъ рукодѣля, но вообще жизнь ихъ самая бѣдная.

Жительствоуетъ у Калужскихъ воротъ у Казанской въ домѣ Арсеньева.

Вдова Московская мѣщанка Анна дочь Потапова 45 лѣтъ имѣетъ одного сына, которой находится въ военной службѣ и о которомъ не имѣетъ никакого извѣстія. Собственный ея деревянной домъ стоящій по прежней цѣнѣ 600 р. сгорѣлъ и съ нимъ погибло все ея имущество въ серебрѣ украшеніи святыхъ иконъ и платьѣ, стоившее 2280 р. въ потерѣ всего на 2880 р. подавала объявленія въ комиссію о раззоренныхъ и къ московскому градскому главѣ, но пособія ни откуда не послѣдовало. Пропитаніе имѣетъ отъ портнаго ремесла.

Отъ Вилламова 13 ноября 1815.

Жена священника Матрена Ѳедорова дочь Кобронова, 37 лѣтъ. Имѣетъ девять человѣкъ дѣтей, въ томъ числѣ трехъ сыновей и шесть дочерей. Старшему сыну 23-й годъ находится въ селѣ дьякономъ; второй 21 годъ пономаремъ на Крутицахъ. 3-й сынъ 12 лѣтъ обучается у дѣда своего. Старшей дочери 22-й годъ. Выдана въ замужство за священника еще при родителѣ своемъ. Вторая дочь 18-ти лѣтъ въ замужствѣ за комисариатскимъ вахтеромъ, 3-й дочери 15 лѣтъ, 4-й—11-ть лѣтъ, 5-й—10-й годъ 6—4-й годъ сіи четыре послѣднія находятся при ней. Мужъ просительницы былъ священникомъ при церквѣ Троицы въ Кожевникахъ, и имѣлъ домъ стоящій 15 т. р. и разнаго имущества, какъ для себя такъ и заготовляемаго дочерямъ приданаго до 20 т. р. въ томъ числѣ

наличныхъ денегъ 6 т. р. во время же непріятельскаго нашествія оставаясь со всѣмъ семействомъ въ Москвѣ былъ совершенно разграбленъ, имущество и деньги отняты, домъ до основанія сожженъ и самъ много претерпѣлъ отъ буйства хищниковъ отъ жестокости коихъ, получа болѣзнь чрезъ 6-ть мѣсяцовъ по очищеніи Москвы умре. Хотя о потеряхъ отъ него подано было объявленіе въ Коммисію о раззоренныхъ, но вознагражденія не послѣдовало кромѣ того что отъ Преосвященнаго Августина выдано было въ пособіе 200 р. Жительствуетъ съ четырьмя малолѣтними своими дочерьми, въ небольшой хижинкѣ выстроенной покойнымъ ея мужемъ послѣ пожара на церковной для священника землѣ, который изъ уваженія къ памяти покойнаго ея не беспокоитъ; пропитаніе же получаетъ въ видѣ подаванія отъ бывшихъ ея прихожанъ весьма впрочемъ бѣдное, и сверхъ нужды въ пропитаніи имѣетъ на себѣ до 300 р. долгу по случаю выдачи второй дочери въ замужство.

Отъ Вилламова 23 Октября 1816 г.

Титулярная Совѣтница Матрена Шебалина 28-ми лѣтъ, имѣетъ сына 7-ми и двухъ дочерей 12-ти и 11 лѣтъ. Имущество ея, какъ то домъ, семейство крѣпостныхъ людей, бѣлье, платье и прочія домашнія вещи, во время непріятельскаго нашествія, остались въ цѣлости и въ содержаніи недостатка не замѣчается. *Ненужно.*

Объявлено Шебалиной что мѣсть въ институтахъ для дочерей ея нѣтъ.

Государымъ угодно чтобъ имѣть сихъ двѣицъ въ виду на случай открытія въ Александровскомъ училищѣ ваканціи для помѣщенія ихъ.

Смотрѣно 18 марта 1818 года,

17. Елисавета Иванова Янушь дѣвица, 28 лѣтъ, воспитывалась въ Александровскомъ Институтѣ 3 года, и по окончаніи курса наукъ изъ онаго выпущена съ награжденіемъ 50 руб. въ 1807 году и пребываніе имѣетъ у матери своей повивальной бабки Марьи Янушь; вовремя непріятелей семейство сіе лишилось разнаго имущества на 10 т. руб. за каковую потерю никакой награды не получила; ныне же пропитаніе имѣетъ отъ трудовъ своихъ, а сверхъ того и вышеписанная мать ея по опытности своей въ повивальномъ искусствѣ могутъ содержать себя безъ всякаго пособія. *Не слѣдуетъ.*

- Выданы 21-го Марта 18. Титулярная совѣтница Марья Безсонова 30 лѣтъ;
рописка послана имѣеть при себѣ престарѣлую мать 73 лѣтъ; во время не-
28 Марта. пріятелей лишилась разнаго имущества на 800 руб. за
что и получила изъ Коммисіи раззоренныхъ 125 руб.,
пропитаніе же имѣеть отъ трудовъ своихъ весьма сво-
бодное, а сверхъ того вспомошествоется отъ родственни-
ковъ своихъ, которые безъ всякаго отягощенія себѣ пла-
тятъ за занимаемую ею квартиру, и повидимому въ по-
собіи нужды имѣть не могутъ. 100 р.
- Выданы 20-го марта. 19. Штатнаго служителя вдова Анна Михайлова, 40
лѣтъ у нее малолѣтняя дочь 8 лѣтъ; хотя во время не-
пріятелей лишилась разнаго имущества, но на какую сумму
опредѣлить не можетъ; и за потерянное имѣніе получила
изъ Коммисіи раззоренныхъ 150 руб. Просительница весьма
слабаго здоровья и съ трудомъ можетъ содержать себя,
пособія ни отъ кого не имѣеть, и находится въ бѣдномъ
положеніи. 100 р.
Сія сумма будетъ отъ меня выдана.
- Выд: 2-го Апрѣля 20. Титулярная совѣтница Анна Михайлова Тимо-
рописка послана фѣева 63 лѣтъ, во время непріятелей лишилась разнаго
4 Апрѣля. имущества на 3 т. руб. и никакой помощи отъ правитель-
ства не получала, и по слабости здоровья никакихъ не
имѣеть средствъ къ пропитанію себя, кромѣ того что поль-
зуется благотвореніями нѣкоторыхъ особъ находится въ
бѣдномъ положеніи. 100 р.
- Выдано 25 Мая 21. Мещанка Анна Быкова 35 лѣтъ, имѣеть мужа
рописка послана 37 лѣтъ, дочерей 9 и 7 лѣтъ во время непріятелей ли-
31 Мая. шилась разнаго имущества на 3 т. руб. и никакого посо-
бія отъ правительства не получила; прежде сего пропи-
таніе имѣло сіе семейство отъ содержанія пивоварни, ныне
же по растроенному положенію содержать себя поденною
работою и состоянія весьма бѣднаго. 100 р.
- Выданы 6-го Апрѣля 22. Салдатка Аксинья Игнатъева Андрѣева, 32 лѣтъ
рописка послана у нее дочь 15 лѣтъ, и при ней же престарѣлая мать 80
22 Апрѣля. лѣтъ, хотя во время непріятелей лишилась разнаго иму-
щества, но на какую сумму объявить не могла, и ника-
кого пособія отъ правительства не получала; пропитаніе
же какъ прежде сего равно и ныне имѣеть по возмож-
ности отъ трудовъ своихъ и находится въ бѣдномъ по-

ложеніи, такъ же вспомошествованія ни отъ кого не получаетъ. 100 р.

23. Мещанка Марья Андрѣева, 42-х лѣтъ семейства никакого не имѣеть, хотя во время непріятелей лишилась разнаго имущества на 200 руб. но за сію потерю получено ею изъ Коммиссіи раззоренныхъ 125 руб.; какъ прежде сего равно и ныне пропитаніе имѣеть отъ трудовъ своихъ, посредствомъ коихъ по званію своему себя пропитать можетъ, не требуя никакихъ вспомошествованій. *Не слѣдуетъ.*

Выданы 22 Марта
рописка послана
28 Марта.

24. Мещанка Степанида Борисова 60 лѣтъ у нее дочь 24-х лѣтъ увѣчная и никакой работы производить не можетъ; во время непріятелей лишилась разнаго имущества на 480 рублей и никакого пособія отъ правительства не получала; просительница по старости лѣтъ съ великою нуждою можетъ себя содержать, и большею частію пользуется нѣкоторымъ подаяніемъ отъ благотворителей, находится въ бѣдномъ положеніи. 100 р.

Выдано 9 Апрѣля
рописка послана
22 Апрѣля.

25. Катерина Баскова отставнаго ротмистра жена 52-х лѣтъ имѣеть мужа 57 лѣтъ служившаго въ разныхъ мѣстахъ около 30 лѣтъ; во время непріятелей лишилась разнаго имущества на 8 т. рублей и никакого вспомошествованія отъ правительства не получала; ныне обще съ мужемъ своимъ пропитаніе хотя имѣеть отъ подаянія нѣкоторыхъ благотворителей но незначительное, и находится въ крайнемъ положеніи, такъ что за нанимаемую ею квартиру платить не можетъ. 200 р.

Выданы 22-го Марта
рописка послана
28 Марта.

26. Подпорутчица Анна Бородкина, вдова, 49 лѣтъ, прежде сего пребываніе имѣла въ Калугѣ, и потери въ имуществѣ никакой не имѣла оставленная мужемъ своимъ болѣе 13 лѣтъ и никакого пособія отъ него не получаетъ; ныне пребываніе имѣеть по нѣкоторымъ дѣламъ своимъ въ Москвѣ; по распутству же мужа ея въ такихъ находится растроенныхъ обстоятельствахъ, что съ большимъ трудомъ имѣеть дневное пропитаніе, и получаетъ подаяніе отъ нѣкоторыхъ благотворителей, а сверхъ того и по возможности содержитъ себя трудами своими, но находится въ бѣдномъ положеніи. 100 р.

27. Колежская ассесорша Анна Штраубе, вдова 43

лѣтъ, имѣеть дѣтей 22-х, 14 и незамужнюю дочь 18 лѣтъ, хотя во время непріятелей лишилась разнаго имущества съ домомъ своимъ на 3 т. рублей; но въ вознагражденіе сей потери получила изъ Коммисіи разоренныхъ въ пособіе 500 рублей, а сверхъ того имѣеть ныне вновь выстроенной домъ, съ котораго и пользуется доходомъ по собственному ея удостовѣренію, сверхъ занимаемыхъ ею покоевъ, въ годъ 1000 руб.; кромѣ же сего имѣеть достаточное состояніе и въ пособіи нужды имѣть не можетъ. *Не слѣдуетъ.*

Выданы 5-го Апрѣля 28. Московская мещанка Марья Мясникова 47 лѣтъ
рописка послана имѣеть при себѣ трехъ сыновей 18, 15 и 13 лѣтъ, и не-
22 Апрѣля. замужнюю дочь 16 лѣтъ, находившуюся въ Александровскомъ Институтѣ, и по окончаніи наукъ изъ онаго уволенную. Въ время непріятелей лишилась разнаго имущества на 5 т. рублей, и никакого пособія отъ правительства не получала; ныне пользуется благодѣяніями нѣкоторыхъ благодѣтелей и родственниковъ, находится въ бѣдномъ положеніи. 200 р.

Выдано 29 Марта 29. Мещанская дочь дѣвица Елена Андрѣева 18 лѣтъ,
брату рописка послана имѣеть при себѣ мать родную 45 лѣтъ на своемъ иждивеніи. Въ время нашествія непріятелей лишилась разнаго имущества на 2 т. руб. которой и выдано въ пособіе изъ Коммисіи разоренныхъ 170 руб. ныне по возможности пропитаніе имѣеть отъ трудовъ своихъ и пользуется безденежною квартирою отъ нѣкоторыхъ благодѣтелей но при всѣмъ томъ находится въ недостаточномъ положеніи. 100 р.

Подано 25 Юля
1818.

Выдано 13 Сентября 115. Николаева Аграфена Лукьянова титулярная со-
рописка послана вѣтница вдова 52 лѣтъ у нее дѣти 15 и 12 лѣтъ во
16 Сент. время непріятелей хотя и находилась въ отлучкѣ но имущества своего на 2 т. рублей лишилась, за потерю котораго получила въ единовременное пособіе изъ Коммисіи о разоренныхъ 100 руб. да въ прошломъ 1816 году по всеподданнѣйшему прошенію, отъ щедротъ Ея величества Государыни Императрицы Маріи Феодоровны тожъ 100 р.,

но положеніе ея тѣмъ нимало не исправилось, и поныне находится въ бѣдномъ состояніи, впрочемъ пособія ни отъ кого не имѣеть. *100 р.*

Выдано 24 Сентября
росписка послана
30 Сентября.

116. Якимова Наталья Андреева, дѣвица дочь коллежскаго секретаря 26 лѣтъ воспитывалась въ Александровскомъ Институтѣ три года, изъ котораго выпущена съ награжденіемъ 50 руб., во время непріятелей находилась въ отлучкѣ съ престарѣлою матерью и лишилась имущества своего на 5 т. р.; за утрату котораго мать ея въ прошломъ 1816 году по всеподданнѣйшей прозбѣ получила отъ щедротъ Ея величества 75 руб. ныне пропитаніе имѣеть весьма недостаточное отъ трудовъ своихъ пособія же ни отъ кого не имѣеть, и находится въ бѣдномъ положеніи. *100 р.*

Выдано 24 Августа
росписка послана
26 августа.

117. Посникова Акулина Абрамова титулярная совѣтница 56 лѣтъ, у нее мужъ 60 лѣтъ, дѣти 17 и 15 лѣтъ, во время непріятелей оставалась съ семействомъ въ Москвѣ и лишилась имущества своего на 7 т. руб. за утрату котораго выдано ей изъ Коммисіи 1000 руб. въ единовременное пособіе; мужъ оной просительницы находится еще въ службѣ въ штатѣ Московской полиціи на Серпуховской заставѣ смотрителемъ и получаетъ жалованья 60 руб., дальнѣйшихъ же средствъ къ пропитанію себя съ семействомъ за слабостію здоровья отъ претерпѣннаго истязанія во время непріятелей не предвидится, и находится въ бѣдномъ положеніи. *100 р.*

118. Канторская Авдотья малолѣтняя дочь губернскаго секретаря отъ роду ей 7 лѣтъ, находится при отцѣ своемъ губернскомъ секретарѣ которому отъ роду 35, имѣющаго жену 34 и четырехъ малолѣтнихъ дѣтей, кромѣ вышеписанной просительницы, отъ 9, 8, 4 и 2-х лѣтъ, а сверхъ того и престарѣлую тещу 80 лѣтъ, во время непріятелей находился со всѣмъ семействомъ своимъ въ отлучкѣ, и потери въ имуществѣ никакой не имѣлъ; прежде сего находился въ службѣ комисіонеромъ при Коммисаріатѣ, а ныне по слабости здоровья въ отставкѣ; обремененъ будучи большимъ семействомъ не имѣеть никакихъ средствъ къ содержанію онаго, находится въ бѣднейшемъ положеніи, не получая ни отъ кого никакой помощи. Высочайшая

резолуція просительницѣ о неимѣннѣ мѣста въ Училищѣ, объявлена. *Донести.*

119. Буравова Аграфена Ильина дочь титулярнаго совѣтника, дѣвица 19 лѣтъ, при ней находится мать 50 лѣтъ, и отецъ 57 лѣтъ которой находится еще въ службѣ при Московской полиціи на Спаской заставѣ писаремъ и получаетъ жалованья 120 руб. Въ время непріятелей хотя и лишилась разнаго движимаго имущества по ея показанію на 8 т. руб. но собственной домъ ихъ остался въ цѣлости, гдѣ и поныне жительство имѣютъ, и пользуются съ онаго доходомъ около 100 руб., положеніе сего семейства повидимому не столько растроено, ибо занимаясь золотошвейнымъ мастерствомъ, и не платя за квартиру, при умѣренной жизни можетъ содержать себя посредственно. *Не слѣдуетъ.*

Выдано 17 Сентября 120. Ермакова Матрена унтеръ-офицерская дочь дѣ-
рописка послана вица, и совершенная сирота 17 лѣтъ, въ время непріятелей
30 Сентября. находилась съ матерью своею въ отлучкѣ которая одна-
коже отъ понесенныхъ мученій въ скоромъ времени умре,
и имущество расхищено, на какую сумму опредѣлить не
можетъ; не получая ни отъ кого никакой помощи посред-
ствомъ трудовъ своихъ хотя содержитъ себя, но находится
въ бѣдномъ положеніи. 50 р.

Выдано 11 Декабря 121. Шипкина Варвара маіорская вдова 45 лѣтъ се-
рописка послана мейства не имѣетъ во время непріятелей находилась въ
14 Февраля 1819. отлучкѣ и лишилась разнаго имущества на 20 т. руб. за
потерю котораго никакого пособія отъ правительства не
получала; нынѣ хотя при помощи нѣкоторыхъ благотвори-
тельныхъ особъ имѣетъ пропитаніе, но весьма въ бѣд-
номъ положеніи, и претерпѣваетъ великую нужду. 100 р.

Выдано 24 Августа 122. Курка Анна иностранка 39 лѣтъ, у нее мужъ 69,
рописка послана дѣти 20, 16 и 15 лѣтъ. Старшій сынъ хотя и совершен-
26 Августа. ныхъ лѣтъ, но отъ помѣшательства ума вовсе ни къ чему
неспособенъ; во время нашествія непріятелей хотя проси-
тельница имѣла свободное пристанище въ воспитательномъ
домѣ у матери своей но имущества своего лишилась на
7 т. руб. за утрату котораго никакого пособія отъ пра-
вительства не получила; мужъ оной просительницы хотя
и могъ бы посредствомъ золотыхъ дѣлъ мастерства себя

съ семействомъ содержать, но растроенное его положеніе а сверхъ того и претерпѣнные имъ отъ непріятелей побои нерѣдко подверженъ бываетъ нѣкоторымъ припадкамъ, не имѣя же къ тому ни каковыхъ благодѣтелей, которые бѣ ему вспомошествовали, а находится въ бѣдномъ положеніи. 100 р.

Выдано 15 Октября
рописка послана
21 Октября.

123. Самарская Аграфена вдова губернская секретарша 26 лѣтъ у нее двое дѣтей 6 и 3-х лѣтъ, вовемя непріятелей находилась въ отлучкѣ но имущества своего на 800 руб. лишилась и пособія отъ правительства не получила; оставлена мужемъ своимъ совершенно безъ всякаго состоянія, и ныне съ большимъ трудомъ посредствомъ швейнаго мастерства себя содержать можетъ; не имѣя къ тому никакихъ благотворителей, и претерпѣваетъ великую нужду. 100 р.

Выдано 10 Сентября
рописка послана
12 Сентября

124. Лычкова Анна вдова губернская секретарша отъ роду ей 52 года двое дѣтей 16 и 12 лѣтъ, старшая изъ нихъ воспитывалась въ Александровскомъ Институтѣ, и по выходѣ изъ онаго получила награжденія 50 руб., вовемя же непріятелей находилась въ Володимирской губерніи обще съ матерью своею но имущества своего на 500 руб. лишилась, за потерю котораго никакого пособія отъ правительства не получила, и ныне никакихъ благотворителей не имѣетъ, сама же просительница по древности лѣтъ своихъ себя съ трудомъ съ семействомъ содержать можетъ, и находится въ недостаточномъ положеніи. 100 р.

Выдано 7 Февр.
рописка послана.

125. Шихларева Анна титулярная совѣтница 28 лѣтъ, имѣетъ мужа 31 года которой продолжаетъ службу Правительствующаго Сената въ 6-м департаментѣ съ жалованьемъ 180 руб., семейство оной просительницы состоитъ изъ пятерыхъ малолѣтнихъ дѣтей, отъ 10, 9, 8, 3 и 2 лѣтъ, потеря имущества ея простирается до 40 т. руб. за потерю котораго хотя назначено ей въ пособіе изъ Коммисіи 4 т. но по неимѣнію чѣмъ обезпечить или поручителей, ей не выдано; пристанище имѣетъ въ кварталѣ матери своей, которая такъ же потерпѣвъ отъ непріятелей раззореніе, никакой ей помощи сдѣлать не въ силахъ, и находится въ недостаточномъ положеніи. 100 р.

126. Лугаковскій Иванъ Алексѣевъ отставной коллеж-

скій регистраторъ 35 лѣтъ, вдовъ но семейство его состоитъ изъ четырехъ малолѣтнихъ дѣтей, старшей изъ нихъ 15, 9, 8 и 2-х лѣтъ, службу свою продолжалъ на Кавкаской линіи въ Грузіи отъ куда былъ вытребованъ въ Москву для опредѣленія къ мѣсту, но по случаю нѣкоторыхъ обстоятельствъ онаго получить не могъ; а потому и поныне пребываніе имѣетъ въ Москвѣ, потери въ имуществѣ своемъ вовремя непріятелей никакой не имѣлъ; при всѣхъ неблагопріятствующихъ обстоятельствахъ могъ бы при умѣренной жизни содержать себя посредствомъ рѣзнаго мастерства, которое имъ производится довольно успѣшно, но обремененъ будучи такимъ большимъ семействомъ съ великимъ трудомъ содержать можетъ; а къ тому же никакихъ благотворителей не имѣетъ, и находится въ бѣдномъ положеніи. 100 р.

127. Нарышкина Ульяна штаблѣкарская вдова по всѣмъ развѣдываніямъ жительствомъ въ Москвѣ сей просительницы не оказалось; изъ поданой же прозбы ея видно, что она пребываніе имѣетъ Владимирской губерніи Александровскаго уѣзда въ деревнѣ Ямъ, помѣщика коллежскаго ассесора Николаева; а потому съ прописаніемъ Высочайшей Резолюціи на всеподданнѣйшее ея прошеніе, и развѣданія о ея состояніи, касательно пособія, отнестись къ тамошнему гражданскому губернатору.

Подано на разсмотрѣніе 12 Сентября 1818.

Выдано 4 Октября
рописка послана
7 Октября.

154. Смирнова Анна Алексѣева, дочь коллежскаго регистратора дѣвица. Просительницѣ 14 лѣтъ у нее отецъ 33-х лѣтъ находится въ дѣйствительной службѣ Московскаго Губернскаго правленія и получаетъ жалованья 120 р. по дѣйствительно недостаточному его состоянію воспитывается оная просительница у бабки своей, съ которою во время непріятелей находилась въ отлучкѣ и лишилась послѣдняго своего имущества по увѣренію оной бабки на 500 руб. за каковую потерю никакого пособія отъ правительства не получила, ныне отдана въ ученіе, и по молодымъ лѣтамъ своимъ еще содержать себя не въ силахъ, отецъ же по бѣдности своей никакой помощи ей оказать не можетъ, а потому претерпѣваетъ недостатокъ. 50 р.

Выдано 13 Сентября 155. Желтова Татьяна, салдатка 70 лѣтъ у нее мужъ
росписка послана 82-х лѣтъ, семейства никакого не имѣтъ; во время непріа-
16 Сентября. телей находилась въ Москвѣ, и по недостаточному своему
положенію потери въ имуществѣ никакой не имѣла; хотя
и имѣтъ небольшой домикъ состоящій на казенной Со-
кольничей землѣ, но выгодъ съ онаго никакихъ получить
не можетъ, вопервыхъ по дальнему растоянію, а наконецъ
и по вѣтхости онаго строенія; просительница обще съ му-
жемъ своимъ при такихъ древнихъ лѣтахъ никакого за-
нятія къ пользѣ ихъ имѣтъ не въ силахъ и находится въ
недостаточномъ положеніи. 50 р.

Выдано 13 Сентября 156. Петрова Надежда Кузмина салдатка вдова 49 лѣтъ
росписка послана у нее двое дѣтей 19 и 12 лѣтъ во время непріятелей на-
16 Сентября. ходилась въ Москвѣ прачкою при Городской богадѣльнѣ,
и потери въ имуществѣ никакой не имѣла, изъ числа
дѣтей старшій сынъ ея находится въ военносиротскомъ
Отдѣленіи, отъ котораго нащетъ содержанія никакой тя-
гости не имѣтъ; просительница хотя пропитаніе имѣтъ
отъ трудовъ своихъ но положеніе ея недостаточное. 25 р.

157. Афанасьева Вѣра салдатка вдова 59 лѣтъ семей-
ства никакого не имѣтъ, во время непріятелей находи-
лась въ отлучкѣ съ покойнымъ мужемъ своимъ служив-
шимъ въ штатѣ Московской полиціи пожарнымъ служи-
телемъ, и потери въ имуществѣ никакой не было. Ныне
по возможности пропитаніе имѣтъ отъ трудовъ своихъ,
но при слабомъ здоровьи съ нуждою себя содержитъ и
находится въ бѣдномъ положеніи. 25 р.

158. Андрѣева Федосья салдатка вдова 62 лѣтъ, се-
мейства никакого нѣтъ; во время непріятелей находилась
въ отлучкѣ съ покойнымъ мужемъ своимъ, служившимъ
въ штатѣ Московской полиціи пожарнымъ служителемъ,
и потери въ имуществѣ никакой не было; но по случаю
тогдашнихъ смутныхъ обстоятельствъ лишилась вышпи-
саннаго мужа своего о которомъ и по сіе время никакого
нѣтъ извѣстія; ныне пропитаніе хотя имѣтъ по возмож-
ности отъ трудовъ своихъ, но по дряхлости лѣтъ и сла-
бости здоровья съ нуждою себя содержать можетъ, и со-
стоянія недостаточнаго.

Выдано 25 Февр. 159. Кандырева Прасковья московская мещанка 70 лѣтъ

свор. бумагъ 1812 г. ч. v.

27

Выдано симъ просителямъ 20 Сентября а росписка
послана 30 Сентября.

росписка послана
6 марта 1819.

семейства никакого не имѣть, ввремя непріятелей находилась въ отлучкѣ, и лишилась разнаго имущества на 500 руб. за потерю котораго никакого пособія отъ правительства не получила; просительница по родству своему и на старости лѣтъ призрѣна московскимъ мещаниномъ Щеколдинымъ, отъ котораго хотя дневное пропитаніе имѣть; но впрочемъ по большому его семейству дальнѣйшаго пособія ей оказать не можетъ; и состояніе просительницы весьма недостаточное. 50 р.

Высочайшая резолюція: Je ne peu aller contre les regles et les loix, mais si elle est si pauvre, Je prie le prince Serge de lui donner un petit secours.

Выдано 2 Октября
росписка послана
7 Октября.

160. Цвѣткова Елизавета Антипова вдова коллежская регистраторша 46 лѣтъ, у нее трое дѣтей, 14, 10 и 1-го года, изъ нихъ одинъ сынъ находится опредѣленъ копейстомъ въ духовной консисторіи и получаетъ жалованья въ годъ 9-ть рублей; во время же непріятелей оставалась съ покойнымъ мужемъ своимъ въ Москвѣ, и лишилась всего послѣдняго своего имущества, а на какую сумму опредѣлить не можетъ; но за утрату онаго никакого пособія отъ правительства не получила; оставлена послѣ смерти мужа своего совершенно безъ всякаго состоянія; ныне же хотя пропитаніе имѣть отъ трудовъ своихъ но находится въ бѣднейшемъ положеніи, не имѣя притомъ никакихъ покровителей. 75 р.

Выдано 23 Октября
росписка послана.

161. Цыренева Марья подполковница. Просительницѣ отъ роду 39 лѣтъ семейства никакого не имѣть, ввремя непріятелей находилась въ отлучкѣ и лишилась разнаго имущества съ имѣвшимся домомъ на 5 т. рублей, за каковую потерю хотя и назначено ей отъ Коммисіи раззоренныхъ, въ пособіе 2, т. руб., но за непредставленіемъ въ обезпечиваніе залога, оныя ей не выданы, пустопородная земля ея продана за весьма умѣренную цѣну около 300 руб., ныне по растроенному своему положенію хотя пристанищѣ имѣть у роднаго брата своего коллежскаго секретаря Шилера, которой кромѣ свободнаго пристанища, ей никакого другаго пособія оказать не въ силахъ, ибо имѣть собственное свое семейство; просительница хотя имѣетъ мужа служащаго въ 26-м Егерскомъ полку но пособія отъ него никакого не получаетъ; а потому и претерпѣваетъ великую нужду по званію своему, не имѣя притомъ никакихъ покровителей. 100 р.

162. Иванова Марфа Назарова титулярная совѣтница. Просительницѣ отъ роду 39 лѣтъ, имѣеть мужа 48 лѣтъ служащаго въ Московскомъ губернскомъ правленіи повытчикомъ и получаетъ жалованья 200 руб., у нихъ дѣти 16 и 2-х лѣтъ, вовремя непріятелей хотя лишилась разнаго имущества на 15 т. руб. но положеніе ея чрезъ оное нимало не растроилось, ибо изъ получаемаго повидимому значительнаго дохода по службѣ мужа ея ныне вновь приобретенъ домъ, съ котораго и получаетъ нѣкоторой доходъ, доставляющій ей свободное содержаніе съ семействомъ. Просительницѣ хотя и назначено въ пособіе за потерянное имущество изъ Коммисіи раззоренныхъ 2 т. руб., но оное осталось невыданнымъ по собственному ея нежеланію; сверхъ того весьма несправедливо просительница причисляетъ къ семейству своему престарѣлую женщину имѣющую 80 лѣтъ, ибо оная нимало не принадлежитъ къ оному, поелику она состоитъ въ крѣпостномъ владѣніи, повидимому же просительница въ пособіи нужды не имѣеть. *Не слѣдуетъ.*

Выдано 17 Сентября
рописка послана
30 Сентября.

163. Горчаковъ Василій губернской секретарь. Просителю 62 года у него жена 42 лѣтъ, дѣти 10, 7 и 4-х лѣтъ, вовремя непріятелей по службѣ мужа своего оставались въ плѣну въ городѣ Вильнѣ, и лишились имущества своего на 3 т. рублей, за потерю котораго хотя и выдано имъ изъ Коммисіи 300 руб. но растроенное ихъ положеніе нимало не поправилось, ибо по нѣкоторымъ обстоятельствамъ вышеписанной проситель и по сіе время находится подъ судомъ, а потому и ни къ какой должности допущенъ быть не можетъ; не имѣя ни каковыхъ особенныхъ покровителей въ бѣднѣйшемъ его положеніи, претерпѣваетъ великую бѣдность. *100 р.*

Нижеслѣдующія просительницы, по сдѣланному обслѣдованію чрезъ Г-на Главнаго Надзирателя Шредера, оказалось, что онѣ состоятъ дѣйствительно въ бѣдномъ положеніи: а имянно.

Выдано 2 Октября
рописка послана
21 Октября.

164. Арина Дмитріева, воспитанница дома сего. *25 р.*

Выдано 13 Сентября
рописка 16 Сентября.

165. Наряковская Варвара сержанская жена. *25 р.*

166. Катерина Иванова, дочь воспитанника Петра Иванова. 25 р.

Выдано 29 Апрѣля
рописка послана
12 Мая 1819.

167. Аграфена Иванова пономариха вдова, высочайшая резолюція Ея величества, о непомѣщеніи въ домъ ея внуки, по неимѣнію во ономъ мѣста объявлена; а по недостаточному ея положенію небольшое пособіе назначить ей слѣдуетъ. 50 р.

1823. Генвар. 25 д.

Иванова Палагея Антонова дочь губернскаго секретаря дѣвица 34 лѣтъ, пристанище имѣеть у родной сестры своей секретарши Захаровой, во время непріятелей лишилась не только всего имущества своего а на какую сумму опредѣлить не можетъ а съ нимъ вмѣстѣ и отца своего; хотя просительница ежегодно получаетъ отъ щедротъ Ея Величества вспоможеніе по 75 руб. но положеніе ея нимало не улучшилось, и находится въ бѣдномъ положеніи. 75 р. выдано.

Терехова Татьяна коммисіонерша вдова 59 лѣтъ у нее двое дѣтей сынъ 12 и дочь 17 лѣтъ, лишилась во время непріятелей разнаго имущества на 1200 рублей и вознагражденія отъ правительства никакого не получила; хотя пропитаніе имѣеть посредствомъ трудовъ своихъ, но по дороговизнѣ съ великою нуждою себя содержать можетъ, находится въ бѣдномъ положеніи. 75 р. выдано.

Гвоздева Федора Агафонова 49 лѣтъ, у нее мужъ 58 лѣтъ по причинѣ припадковъ отставленъ отъ настоящей службы подпоручикомъ, у нихъ сыновья 18, 10 и дочери 14, 12, 10, 8 и 3 лѣтъ и 1 года; старшій изъ нихъ сынъ хотя и находится въ чертежной, но безъ жалованья за неимѣніемъ ваканціи; во время непріятелей лишилась разнаго имущества по состоянію своему на 500 рублей, находится въ крайнемъ положеніи, и по числу большаго семейства получаетъ въ пособіе ежемѣсячно 28 рублей, изъ Человѣколюбиваго общества, но при всѣмъ томъ претерпѣваетъ сіе семейство крайнюю бѣдность. 100 р. выдано.

Масленикова Дарья капитанская вдова 70 лѣтъ при ней находится дочь вдова титулярная совѣтница 40 лѣтъ во время непріятелей лишилась разнаго имущества весьма на значительную сумму 15 т. и вмѣстѣ съ нимъ и дому своего и за утрату котораго выдано ей вспоможенія безъ возврата отъ Коммисіи 3 т. рублей, при жизни покойнаго мужа ея производилось на содержаніе съ семействомъ отъ Попечительнаго Комитета ежемѣсячно по 16 рублей а нынѣ по случаю смерти его прекращено; хотя при вспомоствованіи нѣкоторыхъ благотворительныхъ особъ и пользуется ихъ благодѣянiami но по дороговизнѣ находится въ бѣдномъ положеніи. 100 р.

Кустаревская Марья титулярная совѣтница вдова 39 лѣтъ при ней двое дѣтей сыновья 13 и 11 лѣтъ, во время непріятелей лишилась разнаго имуще-

ства на 1000 рублей и никакого пособія отъ правительства не получила, посредствомъ трудовъ своихъ хотя имѣетъ пропитаніе, но находится въ бѣдномъ положеніи, ни отъ кого никакихъ пособій не имѣетъ. 75 р.

Яковлева Анна Леонтьева мещанская вдова 54-х лѣтъ при ней одна дочь дѣвица 16 лѣтъ, вовремя непріятелей лишилась послѣдняго имущества а на какую сумму опредѣлить не можетъ, нынѣ вмѣстѣ съ дочерью своею хотя по возможности снискиваетъ себѣ нѣкоторое пропитаніе, но претерпѣваетъ великую нужду, имѣя великое попеченіе о дочери своей которая хотя избрала себѣ достойную партію но по недостаточному своему положенію вознаградить ее ничемъ не въ силахъ. 50 р.

Кобякова Любовь цѣховая дѣвица 37 лѣтъ при ней престарѣлые родители отецъ 79 лѣтъ и мать 83 лѣтъ, лишилась разнаго имущества по недостаточному своему положенію на 450 рублей и никакого вознагражденія отъ правительства не получила, ныне посредствомъ трудовъ своихъ хотя и пропитаетъ родителей своихъ по возможности но по дороговизнѣ съ великою нуждою себя содержитъ и находится въ бѣдности. 50 р.

Абакумова Марья секретарская вдова 32 лѣтъ при ней сынъ 7 лѣтъ, вовремя непріятелей потерю имѣла весьма незначительную по недостаточному своему положенію, и вознагражденія отъ правительства никакого не получила, ныне хотя трудами своими и снискиваетъ себѣ пропитаніе, но по дороговизнѣ съ великою нуждою себя содержитъ, претерпѣваетъ бѣдность. 30 р.

Окт. 23 дня

1824

Владиминова Александра капитанская вдова 49 лѣтъ при ней четверо дѣтей 13, 10, 8 и 7 лѣтъ, вовремя непріятелей лишились разнаго имущества а на какую сумму опредѣлить не можетъ; и пособія отъ правительства не получила; ныне бѣдное семейство сіе нѣкоторымъ благотворителемъ призрено изъ челоуѣколюбія, только однимъ пристанищемъ впрочемъ по возможности трудами своими хотя приобрѣтаетъ себѣ пропитаніе, но находится въ бѣднейшемъ положеніи. 100 р.

Марья Пелевина капитанская вдова 46 лѣтъ семейства никакого не имѣетъ, лишилась разнаго имущества на 500 рублей но пособія отъ правительства не получила, призрѣна по слабости ея здоровья посторонними; хотя и могла бы трудами снискать себѣ пропитаніе, но по слабому ея зрѣнію ничемъ заняться не въ силахъ и находится въ бѣдномъ положеніи. 50 р.

Микулина Надежда поруческая вдова 46 лѣтъ при ней двое дѣтей 19 и 11 лѣтъ, по случаю отлучки ея вовремя непріятелей потери въ имуществѣ ни-

какой не имѣла. Положеніе сей просительницы растроено и заслуживаетъ вниманія по случаю заложеннаго ею небольшого дома, котораго она по недостаточному положенію выкупить не въ силахъ, почему и принуждена онаго лишится, по настоятельному требованію заимодавца, и находится въ бѣднѣйшемъ положеніи. 100 р.

1. Прапорщица Александра Горюшкина 37 лѣтъ, имѣетъ при себѣ больнаго мужа, состоящаго за ранами на инвалидномъ содержаніи по 36 р. въ годъ, и одну 8-лѣтнюю дочь. До нашествія непріятельскаго пользуясь доходомъ съ собственнаго каменнаго дома, стоившаго по меньшей цѣнѣ 25 т. р., не имѣли въ содержаніи недостатка; но сей домъ въ большой пожаръ со всемъ имуществомъ сожженъ. Хотя отъ комисіи о раззоренныхъ назначено въ пособіе 2000 р., но не имѣя въ обезпеченіе залога, получить оныхъ не могутъ, ибо домъ прежде непріятельскаго нашествія заложенъ частному лицу въ 3000 р. и за неплатежъ въ срокъ близокъ къ аукціонной продажѣ. Положеніе сего семейства совершенно бѣдное, ибо нуждаются въ дневномъ пропитаніи; а съ продажею дома лишатся и пристанища. 100 р.

2. Московская мѣщанка Любовь Шубина 38 лѣтъ; при ней находится мужъ ея 54 лѣтъ и малолѣтныя дѣти, два сына 8 и 6 лѣтъ и три дочери 13-ти 12-ти лѣтъ и полугодя. Мужъ ея прежде производилъ торговлю антиками и подобными вещами по цѣнѣ на 12 т. р., но ввремя непріятельскаго нашествія не только не успѣлъ сохранить, но попавшись въ ихъ руки отъ жестокихъ съ нимъ поступковъ потерпѣлъ много. По поданной въ Коммисію о раззоренныхъ прозбѣ вознагражденія не послѣдовало. Пропитывается семейство свое временнымъ пособіемъ благотворителей и иногда прибылью отъ продажи поручаемыхъ вещей, впрочемъ крайне нуждается. 100 р.

3. Московская мѣщанка Анисья Никожелская 55-ти лѣтъ, имѣетъ на своемъ попеченіи изувѣченнаго отъ жестокости непріятельской 56-ти лѣтняго мужа, 11-ти лѣтняго сына и 7-ми лѣтнюю дочь. Въ бывшее въ 1812 году нашествіе лишились они капитала, въ товаръ и домашнемъ имуществѣ до 13 т. р. въ вознагражденіе чего ни отъ Коммисіи о раззоренныхъ ни отъ Московскаго Градскаго Главы, вспоможенія не получили. Теперь безъ имѣнія и благотворителей терпятъ крайнюю нужду даже въ дневномъ пропитаніи. 100 р.

4. Московская мѣщанка вдова Аграфена Третьякова 60-ти лѣтъ. Семейства на своемъ попеченіи не имѣетъ. Во время непріятельскаго нашествія лишилась всего своего имущества по цѣнѣ на 900 р. за которое ни откуда вознагражденія не послѣдовало. Пропитывается прибылью отъ мѣлочной торговли. 50 р.

5. Губернская секретарша Марья Штендеръ 38 лѣтъ; дѣтей не имѣетъ. Мужъ ея служитъ въ штатѣ Московской Полиціи квартальнымъ надзирателемъ съ жалованьемъ по 350 р. въ годъ и сверхъ того получаетъ деньги на квар-

тиру. Хотя по показанію просительницы лишились они во время непріятельскаго нашествія на 2696 р., но повидимому состояніе ихъ не разстроилось, ибо ведутъ жизнь избыточную. *Отказать.*

6. Богородская мѣщанка Василиса Шарапова 56 лѣтъ, имѣтъ престарѣлаго, слабаго и помѣшаннаго въ разсудкѣ мужа, 11-ти лѣтняго сына и 9-ти лѣтнюю дочь. Прежде имѣли они порядочной достатокъ нажитой отъ содержанія огородовъ; но отъ непріятельскаго нашествія лишились разнаго имущества въ сѣмянахъ, растѣніяхъ, орудіяхъ и прочихъ принадлежащихъ къ хозяйству вещей на 1800 р., о чемъ объявлено было Московской Управѣ Благочинія и Коммисіи о раззоренныхъ; но вознагражденія не послѣдовало. Между тѣмъ потеряли также собственнаго капитала до 10 т. р. на должникахъ, пришедшихъ въ упадокъ, и отъ всѣхъ ихъ избытковъ остался вѣтхой деревянной домикъ не приносящій имъ никакого дохода, и тотъ въ спорѣ. Просительница имѣющая на своемъ попеченіи все семейство, отъ жестокости непріятельской почти лишилась владѣнія рукою и нося нѣсколько ранъ на головѣ, никакой работы исправлять не можетъ и потому пропитаніе имѣютъ самое бѣдное и не всегда постоянное зависящее отъ пособія благотворителей. *100 р.*

Порутчица Пелагѣя Нефедьева отъ роду 22 лѣтъ семейства никакого не имѣетъ. Мужъ ея предъ нашествіемъ непріятельскимъ поступилъ въ формируемый тогда Московскій Казачій полкъ, и по слухамъ находится теперь въ Украинскомъ Уланскомъ полку; но впрочемъ ни писемъ, ни пособій отъ него нѣтъ. При вступленіи его въ полкъ находилась при матери своей, при коей съ того времени и проживаетъ. Родители ее живы, у коихъ до непріятельскаго нашествія были два собственныхъ деревянныхъ дома, стоившихъ до 18 т./р. Хотя предъ непріятельскимъ нашествіемъ успѣли выѣхать изъ Москвы съ разнымъ движимымъ имуществомъ котораго было вѣроятно не менѣе 10 т./р. въ томъ числѣ просительница лишилась на 5000 р. Отецъ ея находится въ отставкѣ, а братъ ея 12 лѣтъ при нихъ. Живутъ всѣ вмѣстѣ въ собственномъ домѣ, выстроенномъ послѣ французовъ съ котораго получаютъ до 900 или до 1000 р. дохода, обрацаемаго ими на уплату долговъ нажитыхъ при постройкѣ сего дома. Содержаніе получаетъ все семейство отъ порученій, исправляемыхъ отцомъ.

Домъ ихъ въ приходѣ у Николы въ Кобыльскомъ.

Записки маркиза Пасторэ (Pastoret) о 1812 годѣ.

Mémoires sur la Russie.

Le titre seul de cette notice indique assez quel en est l'objet. Témoin de grands évènements, on a voulu que j'en conservasse la mémoire. Je vais essayer de le faire. Quelquefois peut-être on pourra m'accuser de prévention ou d'erreur, quelquefois peut-être j'aurai mérité l'un de ces reproches. En général cependant je prie ceux entre les mains de qui ces notes pourroient tomber de se rappeler qu'il y a souvent une grande différence entre la manière dont les choses se passent et celle dont on les présente, et de croire que mon intention est de dire ce que j'ai su comme je l'ai su, sans y apporter la moindre altération. Je prie aussi que l'on me pardonne si je suis souvent obligé de parler de moi. Au milieu de si grands intérêts, il semble qu'un tel souvenir est au moins déplacé, mais j'écris beaucoup plus pour me conserver dans un âge avancé la trace des faits dont les années m'auroient fait perdre la mémoire, que pour composer un ouvrage historique, et l'on concevra facilement que j'aye éprouvé le desir de rassembler quelques matériaux pour l'époque où je pourrai me connoître mieux et me juger moi-même.

Les Bulletins ont suffisamment indiqué la marche de l'Empereur. Parti de Paris au mois de Mai, il se rendit à Dresde et se porta ensuite par Posen et Thorn à Gumbinnen, petite ville assez jolie et siège de l'une des Régences de la Prusse orientale, où le Quartier Général s'arrêta quelques jours. De là l'armée se mit en marche. L'Empereur partit de Gumbinnen et le 13 Juin il arriva sur les bords du Niemen. On sait comment il alla lui-même reconnoître les lieux, et comment, après une première tentative infructueuse, l'armée entière passa le fleuve, s'empara de Kowno et entra sur le territoire ennemi.

L'Empereur Alexandre étoit au bal à Wilna lorsqu'on vint lui annoncer l'approche des français. Il fut frappé de cette marche si prompte, et se retira derrière le Dni-eper où il rejoignit momentanément son armée.

Je ne saurois dire — quel fut le sentiment des Lithuaniens au moment où ils virent l'armée russe s'éloigner pour faire place à la nôtre. Ce peuple dont la mobilité apparente est le fruit d'une profonde dissimulation, qui calcule sa légèreté et prépare long-temps ses transports, et qui, en mettant au dessus de tout la bravoure froide et le courage physique, se débarrasse de l'obligation des autres vertus, que, cependant, il sait feindre au besoin, ce peuple, dis-je, me paroît fort différent du portrait qu'en a tracé Rulhière. Foibles par caractère, et livrés à tous les maux que

la foiblesse entraîne, avides à la fois d'éclat et de repos, ils sortent par orgueil d'un état tranquille pour rentrer par besoin dans l'esclavage, et leur volonté qui n'a jamais prévu l'obstacle s'évanouit lorsque l'obstacle se présente à leurs yeux. C'est ainsi qu'ils ont proclamé tour-à-tour et rejeté Stanislas, suivi et abandonné les confédérés de Bar, adopté et trahi Kosciusko, c'est ainsi qu'on les verra rompre facilement dans nos malheurs, les engagements, qu'ils avoient pris naguères avec tant d'enthousiasme. Peuple misérable dont les deux tiers composés d'esclaves sont au dessous de l'intelligence de nos animaux civilisés, et dont le reste vante sa fortune pour arracher des secours, parle d'honneur pour obtenir des décorations, et ne se pare encore de son antique liberté que pour arriver à la mieux vendre.

Peut-être ne sera-t-il pas inutile de jeter quelques regards sur la situation de l'Europe au moment où s'effectua le passage du Niemen. Ce coup d'oeil expliquera mieux que je ne saurois le faire quels étoient alors nos moyens et quelles devoient être nos espérances.

L'Angleterre venoit encore de refuser la paix, et ses négociations continuées agitoient déjà quelques unes des cours de l'Europe: tout cependant étoit tranquille: l'Autriche unie à la France par des noeuds récents paraissait disposée à la secourir; la Prusse dominée peut-être par un autre sentiment, mais — enchaînée par un traité nouveau s'unissoit à nous; la confédération du Rhin, maîtrisée par son protecteur, envoyoit sous nos drapeaux tous les contingents qui lui étoient demandés; et déjà le grand Duché de Varsovie, cédant sans peine à une impulsion puissante, — choisissoit des nonces, éliosoit des maréchaux, et préparoit une Diète fédérative; le Dannemarck et son souverain tenoient à notre alliance et avoient juré à l'Angleterre une haine que justifioit le bombardement de Copenhague; ennemie née de la Russie, la Suède, notre ancienne alliée dans le nord, sembloit, par le choix du prince qu'elle venoit d'appeler à son trône, s'être mise volontairement dans notre dépendance; et la Turquie, gouvernée par un souverain encore mal affermi, inquiétée par la Russie et menacée par les Wahabis, sembloit à nos yeux n'avoir d'appui que nous, d'intérêt que celui de la guerre, et de moyen d'échapper à la ruine que de secourir nos victoires. D'un autre côté l'Italie, long-temps tourmentée par la fureur des partis, jouissoit enfin d'un repos dont elle avoit besoin et dont nous tirions avantage; et l'Espagne, elle-même pouvait enfin tomber toute entière en notre pouvoir.

Ce fut dans ces circonstances que nos troupes franchirent le fleuve qui seul séparoit les pays soumis à la Russie de ceux qui reconnoissoient l'influence de la France.

Faire ici l'énumération de nos forces seroit difficile sans doute et peut-être inutile. Quelques mots suffiront pour peindre notre situation. Depuis long-temps nos français, tout accoutumés qu'ils sont à la victoire, n'avoient marché aux combats avec plus de confiance et d'audace. Quelques officiers-généraux seulement et quelques

maréchaux, comblés de trop de bienfaits pour qu'il leur restât des vœux à former, avoient paru se refuser à remplir leur devoir, et demander un repos que beaucoup de fatigues leur avoient mérité, et que beaucoup de richesses devoient leur rendre plus doux; mais tous les autres étoient animés de la même ardeur, tous avoient sollicité la permission d'aller partager les travaux ou plutôt les récompenses de la campagne. Les administrations militaires calculoient déjà les sacrifices des vaincus, et les administrations civiles méditoient l'organisation des conquêtes. Les officiers marchaient entourés d'un luxe dont on verra bientôt les effets: vingt mille domestiques, deux ou trois milles voitures, trente ou quarante mille chevaux de luxe formaient le cortège inutile d'une armée déjà rallentie par la marche de 800 pièces de canon, et une foule de gens sans emploi, sans aveu, sans caractère, suivoient encore dans l'espérance de profiter à la fois et de la négligence des vainqueurs et des malheurs des vaincus: ainsi, se trouvèrent consommés avec une rapidité déjà effrayante et un desordre plus redoutable encore les approvisionnements qu'on nous avoit préparés, ainsi, nos corps furent souvent arrêtés dans leurs mouvements, ainsi, l'intérêt général opposé sans cesse à tant d'intérêts particuliers devint un prétexte ridicule, un vain mot, une phrase odieuse que l'on invoquoit sans raison et que l'on rejettoit sans prétexte, et tous ces malheureux qui nous suivoient, racontant sans cesse leur propre impudence d'un ton grossier qu'ils appeloient à tort le langage militaire, finirent par se créer une sorte d'autorité, emportèrent de force ou de gré tout ce qu'ils demandèrent, et trouvèrent moyen d'imposer assez à nos chefs pour nous dévorer impunément.

De Kowno, l'armée se porta par Bumscheschky, Schischmory, Soboleschki et Riconty jusques à Wilna. Vingt huit lieues seulement séparent ces deux villes, mais le chemin ouvert à travers des sables amoncelés, et asservi à toutes les inégalités d'un terrain montueux que l'on n'avoit redressé nulle part, devoit être et fut en effet très pénible. Les chaleurs étoient déjà grandes, et déjà nos chevaux inaccoutumés à ces routes difficiles périssoient en grand nombre. L'armée en laissa 7 à 8 mille derrière elle, et lorsque trois ou quatre jours après, je traversai ce même pays pour aller rejoindre l'Empereur, ces cadavres entassés répandoient au loin une infection dangereuse. Ce fut au commencement de Juillet que je passai le Niemen. J'avois trouvé la Prusse orientale inondée de maraudeurs qui dans l'espérance d'un pillage plus facile avoient à dessein rallenti leur marche et profitoient de la crainte qu'inspiroient leurs armes et leur nombre pour dévaster les campagnes. Des commissions militaires furent créés, des colonnes mobiles furent mises en mouvement, et au bout de quelque temps ce brigandage fut un peu diminué.

Les russes cependant se retiroient devant nous: ils nous avoient laissé passer le Niémen, ils nous laissèrent s'établir dans Wilna sans essayer d'autre effort qu'une légère escarmouche dans laquelle Octave de Ségur fut pris. L'Empereur entra des

premiers dans Wilna: il s'y alla loger dans une rue assez étroite derrière l'Université, et fit arriver dans la ville sa garde, le grand quartier-général et quelques autres troupes. Wilna ne fut point pillée, les magistrats municipaux continuèrent leurs fonctions, et tout resta dans l'ordre accoutumé. Le premier soin du Duc de Bassano, après avoir pris les ordres de l'Empereur, fut de s'occuper de l'organisation de cette Lithuanie qui paroissoit déjà en notre pouvoir. Le Roi de Westphalie, suivi du général Regnier, avoit marché sur Grodno, et le Duc de Tarente vers Memel, en même temps que l'armée du centre se dirigeoit sur Wilna. Nous étions maître de presque tout le cours du Niemen. L'Empereur appela les lithuaniens à la confédération générale, il les laissa se décider, s'armer et se régir eux-même, et conserva dans leur gouvernement provisoire les formes de la liberté. Quatre intendances furent créées, et ces quatre intendances administrées par un conseil tout polonais auxquels un seul français étoit adjoint comme président, étoient encore soumises à une commission du gouvernement composée de nobles lithuaniens. On plaça auprès d'eux aussi un commissaire de l'Empereur *) dont les fonctions devoient être de veiller à nos intérêts, d'être l'organe des demandes qui seroient faites et d'initier la commission à la connaissance d'une administration toute nouvelle.

Ce fut à Wilna le 14 Juillet de cette année que la Lithuanie accéda à la confédération du grand duché de Varsovie. Des députés en avoient apporté l'acte, le roi de Saxe l'avoit autorisé, l'Empereur y consentit, et la cérémonie eut lieu dans la cathédrale même. J'emprunterai ici les expressions d'une lettre que j'écrivis le lendemain et qui peint peut-être avec fidélité les sentimens que l'on éprouvoit alors. „J'étois curieux de voir comment ce même peuple, qui 15 jours avant avoit fêté l'Empereur Alexandre, recevroit la nouvelle de son affranchissement. A midi donc, je me suis rendu à la cathédrale de Wilna où l'on devoit célébrer la messe. Là étoit réunie déjà une grande partie de la noblesse du pays, les hommes avec le sabre au côté, et les femmes avec leurs robes blanches et leurs cocardes violettes et rouges aux couleurs nationales. Un moment après sont entrés les députés de la confédération de Varsovie et les membres de la Junte de Wilna. Quelques uns d'eux étoient en habit de cérémonie: le plus grand nombre portoit l'ancien costume polonais, la tête rasée ou frisée, le cafetan de taffetas boutonné, le large sabre tombant par devant, et la ceinture, marque distinctive de la noblesse, tissée, d'étoffe d'or et garnie de pierreries. L'évêque grec et l'évêque latin de Wilna les ont reçus, la garde des districts qui les suivoit a planté ses bannières devant le portique et la messe a commencé.

La cathédrale de Wilna est assez belle. Trois nefs la composent et rien ne

*) M. Bignon, résidant de France à Varsovie fut nommé commissaire impérial; Chassenon fut envoyé à Grodno; Saulnier à Minsk; Cochelet à Bialestock; et Nicolay resta à Wilna, tous les quatre en qualité d'intendants. De Noue fut de même placé dans Kowno.

distingue le chœur. A l'entrée intérieure un portique imité de celui du Panthéon de Rome supporte un orgue considérable, et, au fond, quatre colonnes, d'ordre Toscan couvrent un autel d'assez mauvais goût et à la gauche duquel s'élève le dais episcopal. Ce dais étoit entouré des jeunes officiers de la garde d'honneur polonaise. Vis-à-vis eux, l'archimandrite et les prêtres des son rit suivoient les cérémonies que célébroit l'évêque latin, et ce moment sembloit avoir éteint les querelles de religion aussi bien que les dissensions politiques. Des deux côtés, les gentilshommes étoient rangés près l'un de l'autre, fiers et vains de leur ancien costume et des souvenirs qu'il leur rappeloit, et ce peuple léger et peu révérencieux quoique dévôt, assistoit avec une attention profonde à la cérémonie qui alloit consacrer sa liberté. La messe achevée, un des députés de Varsovie se leva et après s'être incliné devant l'autel, il lut à haute voix et l'adresse de la confédération dont il étoit l'organe et l'acte dont il proposoit l'adoption. Le peuple qui aime toujours les impressions nouvelles, et qui, sans comprendre ce mot de liberté, savoit au moins qu'il s'agissoit d'un changement, les femmes qui trouvoient une occasion de parler de patrie, d'honneur et de dévouement, les gentilshommes que flattoit d'avance l'espoir des intrigues electorales, l'ambition d'une carrière, nouvellement ouverte, la perspective de plus d'indépendance et le retour de l'ancien pouvoir féodal, tout en un mot applaudirent avec une sorte de transport, tous, apres le discours du comte Sierakowski, se précipitèrent au banc des députés pour inscrire leur nom, et lorsqu' après le chant de joye et de reconnaissance ils sortirent en ordre de la salle pour aller porter au Duc de Bassano l'acte d'adhésion ils sembloient tous, quelque fut le sentiment intérieur qui les animât, dire avec plus de vanité que d'émotion: Et nous aussi nous avons une patrie!"

Pendant ce temps, nos troupes suivoient leur marche prudente et cachée. De Wilna l'on pouvoit se porter sur Pétersbourg ou sur Moscou, et personne ne savoit quelle direction on devoit prendre. Deux routes conduisent de Wilna à Witepsk, et personne non plus n'étoit instruit de celle qu'on alloit suivre. L'avant-garde encore peu éloignée de Wilna exécuta enfin le mardi son premier mouvement, mais le secret en étoit gardé pour nous, aucune nouvelle ne revenoit à la ville, et dans le moment même où une légère escarmouche s'engageoit à nos avant-postes, nous étions tous au bal que le comte Pac donnoit pour célébrer l'adhésion de la Lithuanie à la fédération générale. L'Empereur voulut y venir: il y causa long-temps avec les femmes, leur parla de patriotisme, leur répéta que l'amour qui les inspiroient devoit éveiller l'honneur, leur fit compliment sur les couleurs nationales dont elles s'étoient parées et sur les danses polonaises qui occupèrent seules la soirée, parut se plaire à retrouver dans leurs coeurs un enthousiasme qu'il louait avec adresse, pour l'y faire naître. Le lendemain, Pac fut fait général de brigade: il étoit d'une très grande famille de Lithuanie: ses ayeux avoient été grands chanceliers et grands généraux de la province et du royaume, et lui avoient laissé une immense fortune. Il avoit pris parti

pour nous depuis la campagne de Pologne, avoit fait dans notre armée une partie de la guerre d'Espagne, et servoit alors à l'état-major avec le rang de colonel. L'Empereur voulut donner aux lithuaniens une preuve d'estime et son choix tomba heureusement sur un homme qui avoit de la naissance, des qualités personnelles et de la fortune.

L'Empereur quitta Wilna dans la nuit du 15 au 16 Juillet, et le lendemain le petit quartier général eut ordre de partir aussi. Où va-t-on, disions-nous tous au milieu de la nuit? Suivez, messieurs, répondoit-on, c'est la route qu'a prise l'Empereur. Mais encore marchons-nous sur Pétersbourg ou sur Moscou? allons-nous à Witebsk et à Polotzk, par la route du nord ou par celle du midi? Suivez, Messieurs, étoit la seule réponse que nous pussions obtenir. Le jour vint et ne nous apprit rien. Au bout de 5 à 6 lieues enfin, nous sûmes de quelques officiers du génie que nous nous dirigions sur Witebsk: c'étoit un secret bien gardé: la brigade Colbert s'en alloit en même temps prendre la route de Minsk, de Bobrad'orsza qu'elle traversa non sans peine et sans danger, et pour mieux tromper l'ennemi, un autre détachement suivait la route méridionale de Witebsk par Lavarischky et Lasowka, tandis que nous nous avancions par Swenziany et Postowy. De ces deux routes, celle du Sud étoit incomparablement la meilleure et la plus fréquentée; mais c'étoit aussi celle que tenoit l'ennemi. On lui donna le change: on l'évita d'abord, mais on ne put éviter la misère qu'il nous avoit préparée en brûlant et détruisant tout par avance, et l'on eut alors un peu à souffrir. Les chemins qui dans ce pays ne sont composés que de terre ou de bois, étoient ou défoncés par les pluies ou détruits par les russes. L'infanterie bivouaquoit dans l'eau et la cavalerie manquoit de fourrages. Ce fut ainsi que nous fîmes en douze jours le trajet de Wilna à Witebsk. L'ennemi nous avoit rejoint non loin de Glubokov où l'Empereur avoit passé deux jours. Il se retiroit devant nous, mais lentement. L'Empereur Alexandre avoit publié une proclamation dans laquelle il avouoit l'abandon de la Lithuanie, et promettoit que les français ne passeroient point la Dwina. En effet, à peine le comte Sébastiani qui suivait l'avant-garde ennemi étoit-il arrivé à Drissa, vis à vis du camp retranché situé sur les bords de ce fleuve qu'il avoit été attaqué pendant la nuit. Il se gardoit mal, il fut reconduit d'abord quelques moments, mais des troupes qui se présentèrent rétablirent les choses: nous restâmes maîtres de la place. Le Roi de Naples se porta sur Drissa, passa le fleuve, et jeta sa cavalerie sur la rive droite; le Duc de Trévise et le Duc d'Istrie établirent le centre à Uschatsck; le Vice-Roi s'appuya sur Kamen et envoya le Comte de Grouchy, lieutenant général qui poussa des partis sur Siennes.

L'Empereur vint à Beschenkowitsky, petit bourg sur la Dwina, et les russes évacuant à la fois leur camp retranché de Drissa et la position de Beschenkowitsky et mis en fuite une première fois auprès d'Ostrowno, s'allèrent poster à une demie lieue en arrière de ce même village d'Ostrowno. Ils jetèrent leur infanterie de droite et de gauche dans un bois qui borde le chemin, établirent une batterie sur une pe-

tite colline ou passe la route et qui située au détour du bois, a le double avantage d'être couverte et de découvrir l'ennemi de loin, placèrent leur cavalerie sur les flancs de manière à protéger la retraite en cas de revers, et à donner facilement si la victoire se déclarait pour eux, et disposèrent le reste de leurs troupes en échelons. Cette position était bonne mais elle ne fut pas suffisante: le Vice Roi d'Italie l'attaqua avec son corps, et Piré gentilhomme breton ancien aide de camp du Prince de Neufchatel et général de brigade, l'emporta avec les deux régiments qu'il commandait. L'ennemi se replia dans la plaine ou il s'appuyait d'un côté à la Dwina, de l'autre à un bois voisin, il en fut chassé de nouveau, et reculant toujours, se jeta d'abord devant puis derrière Witepsk qu'il évacua le 27 au soir et le 28 à la pointe du jour.

Ce fut à cette dernière affaire que deux cents voltigeurs qui s'étaient portés en avant avec trop de rapidité soutinrent pendant plus d'une heure l'effort de la cavalerie russe et donnèrent aux autres régiments le temps d'arriver, l'Empereur leur fit demander à quel régiments ils appartenaient, au 9-e répondèrent-ils, et nous sommes les trois quarts enfants de Paris.

Les russes tout en se retirant ne cessaient pas de nous inquiéter: la veille de notre entrée à Witepsk nous bivouaquions sur les bords de la Dwina et les cosaques venaient jusqu'au milieu du fleuve, nous insulter impunément, ils firent plus, ils passèrent pendant la nuit et enlevèrent un ou deux hommes à côté de la grange ou M-r. Daru et moi étions couchés avec quelques officiers de la maison de l'Empereur: aussitôt que le jour parut nous nous remimes en route; à mesure que nous avançons nous entendions plus fortement le canon qui grondait encore et surtout la fusillade qui était assez vive. Nous arrivâmes enfin à un peu moins d'une demie lieue de Witepsk: l'Empereur était assis et déjeunait dans un fossé aussi paisiblement que partout ailleurs, tandis que quelques cosaques par audace ou par curiosité venaient à portée de fusil l'examiner et nous braver ensemble. Ce fut la première fois que nous eumes occasion de les voir.

Cependant le trouble était grand à Witepsk, le gouverneur général s'était enfui à cheval, et le peu d'officiers supérieurs russes qui y restaient encore l'avaient suivi. Les habitans qui pendant deux jours n'avaient entendu autour d'eux que le bruit des armes, et qui avaient espéré vainement être défendus par ceux qui venaient de les abandonner étaient tourmentés des plus mortelles inquiétudes et se réunissaient tous dans les mêmes maisons comme si rassemblés ils eussent dû y être plus en sûreté, lorsque le général Caulaincourt entra dans la ville; fit convoquer la noblesse, demanda qui était chargé d'administrer la ville, et fit nommer une députation qui alla présenter les clefs à l'Empereur au moment où il arriva *).

*) Le comte Chrapowick, brigadier, autrefois amant de Catherine et alors retiré du service, était le chef de cette députation: l'effroi qu'il ressentait, l'impression qu'il éprouva en voyant l'Empereur au milieu

Witepsk n'avait presque pas été pillée, elle renfermait par conséquent encore des ressources assez considérables, et l'on en profita pour rafraichir l'armée. La situation de cette ville en faisait un point important. Placé à une distance égale de Petersburg et de Moscow, communication habituelle de l'Estonie et de l'Ingrie avec la Lithuanie, et de la Livonie avec l'Ukraine, elle était devenue par la volonté de Catherine II et par l'avantage de sa situation une place de commerce fort fréquentée dont Dombrowno, Lepel, Nevel et Schklow étaient les entrepôts réels et qui envoyant ses propres bâtiments sur la Baltique par la Dwina, sur la Mer Noire par la Bérésina et le Dnieper, étendait ses relations d'Archangel à Odessa et de Leipsick à Moscow.

Cette nouvelle conquête n'était plus du même genre que celles qui l'avaient précédée; réunie depuis beaucoup plus longtemps à l'empire des Czars et devenue la capitale du gouvernement de la Russie blanche, elle avait pris le caractère, l'esprit d'obéissance des autres provinces; cependant l'Empereur qui avait intérêt de reculer aussi loin qu'il se pourrait les limites de la Pologne, affecta d'y comprendre encore ces contrées et changea pour elle le mot de conquête en celui de délivrance.

Pendant que l'armée se rafraichissait et reprenait sa route l'Empereur s'occupait de donner un gouvernement à cette province et à celle de Mohilow. *)

Il voulait donner à la régénération de la Pologne une sorte d'éclat, et pour y réussir, il employa le prestige ordinairement heureux, des grands noms. Un des princes Sapiéha, le prince Oginski, le comte Prseziecki, le comte Tyssenhausen, le comte Kosakowsky avaient été appelés d'abord à concourir en Lithuanie aux créations nouvelles: à Witepsk les choix furent dirigés par le même sentiment: le prince Paul Sapiéha, le prince Radzivill, le comte de Borch, livonien d'une famille considérable par les richesses, Shadursky et Weissenhof dont le nom était révérend dans les districts septentrionaux, Serytt simple gentilhomme, mais dont la famille nombreuse et respectée jouissait d'un grand crédit furent appelés à faire partie de la Commission du gouvernement. Je fus nommé intendant de la province et le Prince de Neufchatel y plaça comme gouverneur le général Charpentier.

de ses troupes et la fatigue que lui causèrent les embarras multipliés de l'administration municipale dans de pareils moments, le rendirent fou trois jours après; et sa femme personne aimable et spirituelle fut de son côté tellement saisie par la crainte, qu'elle passa la journée sur le seuil de la porte à offrir du vin à tous les soldats qui passaient, et qu'elle pensa ainsi occasionner le pillage de sa maison qu'elle avait cru sauver.

*) Le plan que l'on avait adopté pour Wilna ne fut pas suivi à Witepsk: en Lithuanie ainsi que nous l'avons vu, l'autorité de la Commission générale était la première, les Intendants recevaient les ordres et les transmettaient aux sous préfets: à Mohilow l'intendant fut mis en correspondance avec des Commissions d'arrondissement qui pouvaient lui faire des représentations: à Witepsk la Commission du gouvernement auprès de laquelle on avait proposé d'abord de placer un commissaire impérial fut présidée par l'intendant et celui-ci du entrer en correspondance directe avec les douze sous-préfets qui lui furent immédiatement subordonnés. Je ne saurais dire quel fut le motif de ces variations et comme la chose en elle-même est de peu d'importance il suffit de la rapporter sans en chercher la raison.

Deux obstacles assez grands entravaient alors toutes les opérations que l'on pouvait essayer de faire; l'un était le désordre extrême que répandait dans les campagnes le soulèvement des paysans à qui les agents secrets de la révolution avaient persuadé que cette liberté dont on leur parlait n'était autre chose que la licence la plus effrénée et le second était le dénuement absolu de moyens pécuniaires et la difficulté de s'en procurer. La puissance du souverain pouvait détruire le premier, et il fut détruit: je dirai tout à l'heure ce qui arriva pour le second.

La noblesse du gouvernement de Witepsk s'adressa d'elle même à l'Empereur pour obtenir de lui la repression de ces désordres dont elle s'indignait enfin, parcequ'ils attendaient à ses droits. L'Empereur accueillit sa demande. Il me donna ordre de publier avec la Commission, et en son nom une proclamation qu'il corrigea lui même et dont il dicta quelques lignes, et le gouverneur fut chargé d'envoyer dans la province les colonnes mobiles destinées à la fois à reprimer les paysans et à rassembler les maraudeurs. L'effroi que ces détachements inspirèrent partout, la rigueur que déployèrent quelques gentilshommes à qui l'injonction en avait presque été faite étouffèrent bientôt ce soulèvement passager dont les ennemis ne surent pas profiter, après l'avoir fait naître, on ne fut pas aussi heureux lorsqu'on vint à s'occuper de la situation financière du pays.

Le gouvernement russe avait adopté un système que beaucoup d'exemples semblait justifier; il avait appelé une monnaie idéale au secours de la monnaie courante: il avait remédié au manque de numéraire par l'émission de billets de la banque de Pétersbourg d'une valeur de 5, 10, 20, 50 et 100 roubles et par une combinaison peut-être moins juste et moins généreuse, en favorisant de tout son pouvoir l'envoi de ces billets dans les provinces réunies, il avait attiré à lui les espèces réelles. Ce n'aurait été encore qu'un mal supportable, si la quantité de billets émise n'eut pas excédé la valeur de l'argent en circulation, mais en usant avec toute liberté du droit que quelques gouvernements croient avoir de forcer la confiance du peuple à accepter un signe représentatif dont rien ne garantit plus la valeur, il avait été la victime de cette erreur volontaire et avait vu ses billets perdre presque aussitôt 50, puis 65, puis 75, puis enfin, lorsque l'arrivée des français inspira de nouvelles craintes 78 à 82 p.%. Le nouveau gouvernement de la Russie blanche n'avait la possibilité de rendre au papier aucune valeur légale, puisque la fixer, ç'aurait été l'anéantir tout a fait. Et cependant il fallait prévoir, et que l'Empereur dans ses comptes avec la province donnerait ces bank-notes pour leur valeur nominale et que le peuple ne les recevrait que pour leur valeur réelle: on obtint à la vérité que l'Empereur les acceptat au taux courant le plus ordinaire, et comme il l'avait fait en Lithuanie; c'est à dire à 75 p.% de perte légitime et dans la proportion de quatre roubles de papier pour un rouble d'argent. Mais ce n'était pas assez; le commerce ne voulait pas les recevoir sur ce pied, et d'ailleurs dans la supposition de cette régénération

de la Pologne qui était alors le but de toutes les espérances, il fallait songer à donner à ces provinces le moyen de retrouver leur ancienne richesse. Je proposai un système imité du système de Law avec quelques modifications que nécessitaient les circonstances et je demandai la permission de l'exécuter progressivement en rattachant cette opération à celle de la vente des sels qui se trouvaient à Witepsk en grande quantité. Mais mon plan péchait par la base. L'Empereur qui ne l'approuva pas, me fit donner l'ordre de suivre la marche accoutumée et de ramener s'il se pouvait le cours à la proportion approuvée de 75 p.%. Cet ordre fut exécuté, malgré quelques difficultés, et assez heureusement pour que le papier revint jusques à 73 ou 72 p.% lorsque les choses parurent un peu consolidées.

L'intention de l'Empereur était alors de s'établir à Witepsk pour y passer l'hiver, d'y faire rafraîchir les troupes, de former des magasins, de concentrer sur la Dwina sa ligne d'opérations, et de s'occuper soit à Witepsk soit à Wilna de la formation et de la constitution du royaume de Pologne, pendant dix jours les ordres furent donnés en conséquence, et nous pûmes croire que cette campagne d'un mois amènerait de grands et de véritables résultats; mais notre mauvais destin l'emporta: les jactances du Roi de Naples triomphèrent de la volonté de l'Empereur et de conseils dont la sagesse n'était pas douteuse: on abandonna Witepsk, l'armée se remit en marche, et se porta sur Smolensk, l'Empereur quitta Witepsk le 12 Août, et prit la route qu'il avait indiquée; le quartier général suivit le lendemain.

Depuis ce moment jusqu'à celui où l'armée revint à Smolensk à son second passage, je ne pourrai parler de ses opérations comme témoin oculaire: je vais donc cesser de suivre sa marche, et m'arrêter un peu sur le pays que j'ai mieux connu et sur les choses que j'ai pu mieux voir.

Witepsk était couvert des approches de l'ennemi par les 1er et 6me corps qui étaient alors postés sur la Dwina, le Duc de Reggio qui les commandait, blessé pour la 16me ou 17me fois, fut obligé d'en remettre le commandement à M. le comte de Gouvion, colonel général des cuirassiers, que l'armée regardait comme un de ses chefs les plus distingués: le 18 Août il attaqua l'ennemi sur plusieurs points à la fois, le culbuta, le chassa de sa position et lui prit vingt pièces de canon: cette victoire décida du sort de Polotsk et d'une partie de la province qui se trouva libre un moment, et M. de Gouvion en eut le baton de maréchal de France. Alors délivré des cosaques qui m'avaient tenu jusque là presque assiégé dans Witepsk, je pus prendre quelques autres mesures et chercher à donner à l'administration de la province une forme plus régulière. Cette tranquillité ne fut pourtant pas de longue durée: tantôt les cosaques que le Comte de Wittgenstein j'etais sur sa gauche, venaient infester les districts septentrionaux; tantôt ceux que l'armée russe envoyait sur sa droite, descendaient des environs de Porjâtsche et venaient intercepter la communication entre Witepsk et Smolensk; ceux-ci disparaissaient peu à peu à mesure que l'armée

française en s'avancant forçait les russes à s'éloigner davantage; mais presque dans le même temps l'armée de M-r Wittgenstein rafraichie et accrue par de nouveaux renforts recommença des opérations que pendant plus d'un mois elle avait semblé totalement suspendre; et au bout de quelque temps par l'effet progressif de l'augmentation de ses forces et de la diminution des nôtres, par la négligence et la mauvaise volonté du Duc de Bellune qui refusa de marcher au secours du 2-ème corps, par la précipitation de M-r de Gouvion qui, au moment où le Duc de Bellune arrivait ne voulut plus l'attendre, enfin par l'habileté de son général, elle reprit l'avantage, occupa Siebei, Rzezictza, Lucyn, Dynaburg et Druja, rentra dans Polotsk, força l'armée française à battre en retraite sur Sianno, et étendant ses ailes de Ula à Suraj, s'empara enfin de Witepsk dans les premiers jours de novembre.

Pendant cette alternative de bons et de mauvais succès l'administration avait dû être et avoir été en effet assez difficile: placé dans un pays totalement nouveau, chez des habitants dont la langue m'était inconnue et les moeurs étrangères et abandonné de tous les membres de cette Commission qui auraient dû me seconder ou me diriger, j'y trouvai de grands embarras et des obstacles sans cesse renaissants. Obligé d'abord de pourvoir à la subsistance de douze mille hommes de garnison et de trois mille malades dans une ville dont il était impossible de sortir, mal secondé par mes compatriotes et mal servi par les habitants du pays, arrivé au moment même où l'ancienne récolte était épuisée, et où l'on n'avait pas encore commencé la nouvelle, je rencontrai quelques fois des difficultés très grandes, et je n'ai du le plus souvent qu'à ma bonne fortune la possibilité de les surmonter.

De tous ces obstacles le plus grand sans contredit fut la mauvaise volonté des polonais; peut-être lorsqu'un peu plus haut j'ai tracé d'eux un espèce de portrait, ai-je été dominé par le sentiment que j'en avais conservé, mais ce sentiment ils me l'avaient inspiré seuls, et ils l'avaient bien justifié. Je ne saurais trop dire qu'elle était leur secrète pensée parcequ'il est très difficile de la pénétrer chez des hommes dont la dissimulation est le principal caractère, mais au dehors, on ne pouvait s'empêcher de remarquer une contradiction choquante entre leurs discours et leurs actions: leur parlait-on des causes et des événements de la guerre? les mots de victoire, de régénération, de liberté, de dévouement volaient sur leurs lèvres: s'agissait-il de faire quelques sacrifices? ces mêmes hommes si ardents naguères étaient sourds aux demandes ou n'y répondaient que par des excuses, car ils n'avaient pas même le courage de refuser. La nécessité absolue nous contraignait-elle enfin à régler les sacrifices qu'ils avaient à faire? ils s'armaient d'une force d'inertie désespérante accumulaient lenteurs sur lenteurs, répondaient à chaque raisonnement par un mensonge, à chaque menace par une plainte, et ne faisaient enfin ce que d'abord ils auraient dû faire que lorsque la puissance des armes les y contraignait. Tels ils étaient lorsque les russes s'éloignaient, mais lorsque l'ennemi venait à reparaître tout changeait de

face. Dominés par la frayeur et trimblants à la moindre nouvelle ils revenaient se jeter auprès de moi, demandaient un appui, imploraient notre protection, faisaient un pompeux étalage de tout ce qu'ils pouvaient mettre à notre disposition, juraient de donner tout ce qu'ils possédaient à leurs défenseurs et passaient toutes les bornes avec un empressement dont quelques agents avides ne manquaient pas d'abuser. Le péril passé ils oubliaient leurs promesses ou s'accusaient hautement de lâcheté pour justifier leur avare mauvaise foi. Joindrai-je à ce tableau quelques autres circonstances? Dirais-je que ces mêmes hommes dont nous avons assuré le commerce, rétabli la tranquillité et garanti les biens se montraient prêts à la sédition dès qu'ils nous croyaient les plus faibles; et par de secrets avis que toute la vigilance de la police ne pouvaient arrêter se livraient, pour nous livrer nous mêmes, à des ennemis qu'ils redoutaient, dont ils avaient tout à craindre, mais qui plus éloignés leur semblaient aussi moins redoutables? Traitez la Russie blanche en alliée et non pas en sujette, m'avait dit l'Empereur, et du reste faites pour le mieux. Jamais plus grande latitude ne fut donnée et jamais instructions ne furent plus difficiles à remplir.

Ce n'est pas que les polonais manquent de courage, j'aurais tort de le dire, car je n'ai aucune raison de le penser: ils se présentent au combat avec le flegme inébranlable des russes et quelques fois avec la valeur brillante des français: un jour de bataille est pour eux un jour de triomphe, et si l'on veut les considérer sous le point de vue le plus favorable, c'est à ce moment surtout qu'il faut les voir, mais chez eux le courage qui a quelques fois de la fureur n'a jamais d'impétuosité. Ils combattent avec un grand abandon d'eux mêmes, mais ils ont auparavant calculé pour qui il était plus avantageux de combattre. Leur caractère actuel sur lequel on me permettra peut être de revenir, est le fruit de plusieurs circonstances locales. Depuis le Prince le plus riche jusqu'au serf le plus obscur, tout est esclave dans la Lithuanie et dans la Russie blanche, un gouvernement aussi despotique que ceux de l'Asie fait trembler tous ceux qui lui sont soumis, et ces mêmes seigneurs qui comptent leur fortune par huit ou dix mille paysans, luttent entre'eux de bassesse et d'avidité pour ne point porter ombrage à la cour qui les redoute et les opprime: autour d'eux s'empressent une foule d'autres gentilshommes d'une moindre noblesse (que les polonais désignent par le nom de *Schlacta ocolizna*) qui, parasites avides et flatteurs intéressés, vivent aux dépens de celui qu'ils entourent à l'Eglise, qu'ils suivent à la promenade, qu'ils entretiennent au jeu, et avec lequel ils fument et pensent toute la journée. La volonté du gouvernement qui concentrant tout le pouvoir dans les mains de deux ou trois de ses agents russes, ne laisse aux polonais que de vains titres, contribue beaucoup à les retenir dans cet état honteux. La plupart de ces petits gentilshommes possèdent quelques terres ou plutôt quelques paysans, car c'est par les esclaves que l'on calcule la fortune, et l'on dit d'un homme qu'il a soixante, cent, mille, dix mille âmes pour exprimer six cents, mille, dix mille, cent mille roubles de

papier de revenu: dans ce nombre ne sont jamais comprises les femmes qui ne comptent pour rien dans ce pays. Après la Schlaeta ocolizna viennent les bourgeois ou marchands; mais ces marchands sont tous juifs ou russes ils n'entrent non plus dans les dénombrements que par un compte séparé, et ne font en aucune manière, partie de la nation. Le noble qui les employa, les regarde comme fort audessous de lui, les trompe sur les traités qu'il leur passe, les dépouille de leur bénéfice en ne payant point ses achats, les fait chasser à coups de qâton quand ils l'importunent de leurs justes demandes, et tout en prenant le café, en admirant l'habit ou en écoutant l'instrument qu'ils lui ont procuré, ne peut concevoir qu'on soit marchand et qu'il existe une profession appelée commerce.

Après ceux-ci viennent les paysans: je n'ai pas besoin de dépeindre leur situation. Il suffit je crois, de dire que tout ce dont on a accusé les colons sous le ciel de l'Amérique, on pourrait l'appliquer aux seigneurs polonais: l'esclavage de la glèbe, l'obligation de consacrer aux maîtres une partie de son temps, la nécessité d'obtenir son consentement pour se marier, la défense de s'unir à une femme d'une autre terre, parcequ'elle porterait son enfant à son propre maître, et que les enfants sont considérés comme le croit des animaux, les punissions laissées à la disposition du seigneur, les châtimens corporels infligés par son ordre sans appel et sans grâce, la destination nouvelle donnée à des hommes qui ont vieilli dans un métier et que l'on arrache à leur famille et à leur cabane pour les faire soldats ou matelots, tout cela se retrouve dans le climat glacé de la Russie blanche, il est juste de dire cependant que soit par un sentiment naturel, soit plutôt par l'effet du calcul et de l'intérêt, une partie des seigneurs prend quelque soin de ses paysans: l'usage a établi entr'eux une sorte de convention tacite: j'ai dit que dans ce pays la fortune se comptait par le nombre des esclaves et non par l'étendue des terres, chaque paysan évalué à peu près à dix francs de rente, ne peut cultiver qu'une certaine étendue de terrain; pour le faire, il faut qu'il soit muni de tels ou tels instruments, qu'il ait une charrue, des boeufs, une cabane, un ou deux chevaux et quelques podwods (voitures de transport) c'est au seigneur à lui fournir tout cela, s'il ne le fait pas le paysan reste tranquille, ne travaille point, ne fait point d'enfants et se laisse froidement mourir: la vie ne lui est pas un bienfait assez grand pour y tenir beaucoup, et il sait très bien que sa mort cause une perte à son seigneur. La vengeance est entre ses mains, il veut se venger et il se venge.

Cette hiérarchie d'esclaves, cette dégradation de l'ordre social est affligeante à considérer: ce qui est le plus affligeant peut être est la dégradation de l'espèce; l'absence de courage moral et d'énergie chez les gentilshommes, d'honneur et de probité chez les juifs marchands et chez les bourgeois, d'intelligence et d'affections naturelles chez les paysans; sans doute on retrouve fréquemment des exceptions parmi eux, mais ces exceptions ne servent qu'à mieux faire sentir l'extrême différence

de la plupart des ces hommes du nord avec les hommes des climats tempérés. Les moeurs sont à la fois la cause et l'effet de ces grands changements: aussi les moeurs de ces contrées sont elles assez remarquables. Voulez vous savoir la vie d'un riche gentilhomme de ce pays: dans la ville il reçoit à son lever quelques uns de ses paysans qui, le front en terre et les genoux pliés viennent lui soumettre de tristes plaintes, ou lui offrir d'humbles présents: il fume, déjeune, se fait habiller et suivi des ses gens en livrée va d'abord occuper son ennui à l'église, puis le promener dans les rues: à une heure il revient diner, s'il est marié, et s'il ne l'est pas va diner chez ses amis, car c'est encore un usage: un célibataire n'a point de maison il demeure invité né chez toutes les personnes qui le reçoivent, et quelques fois au moment du repas, on voit cinq ou six personnes sur lesquelles on n'avait pas compté venir s'asseoir à une table que l'on ne couvre pas davantage pour cela, et dont une soupe aigre ou faite de bierre et de fromage, une oie farcie de pommes cuites, du mouton bouilli, des choux fermentés et surtout des pommes apprêtées de cent manières font tous les honneurs et tous les apprêts. A deux heures environ tous se reposent de leur journée et vers quatre heures on se fait des visites réciproques. Un homme entre, baise la main de la maîtresse de la maison, embrasse l'avant bras du maître et s'assoit, on lui apporte aussitôt des pommes et des amandes douces dont tous les assistans prennent leur part et dont ils jettent les restes au milieu de la chambre, les femmes causent entr'elles pendant que les hommes jouent un jeu énorme; à six heures environ on apporte le thé, l'on mange et l'on recommence à jouer; à neuf heures le souper est servi, les gens qui sont venus depuis quatre ou cinq heures y restent pour l'ordinaire et le souper finit chacun se retire. Alors commence une autre scène qui n'est pas moins piquante: les familles vivent en général dans la même maison, et tous excepté les maîtres de la maison couchent pêle mêle par terre, sur des chaises, sur des sofas et reposent ainsi jusqu'au lendemain *).

*) Une nuit je venais d'une reconnaissance que j'avais faite hors de la ville et je voulais donner quelques ordres à l'un de ces fonctionnaires principaux: j'attache mon cheval dans la cour et je monte; dans un premier anti-chambre d'environ neuf ou dix pieds carré étaient couchées deux femmes de service sur deux tables et deux paysans dessous: dans la salle à manger qui suivait, quatre ou cinq domestiques a moitié nus dormaient sur des peaux de mouton; dans le salon la nièce du maître de la maison et deux de ses amies étaient accroupies sur un sofa qui n'avait guères plus de dix pieds: j'entre dans la chambre à coucher: là étaient les deux frères enveloppés de peaux de cerf, à côté de leurs femmes couchées dans des lits immenses; au pied de chaque lit une autre femme de chambre, un troisième frère par terre contre le poêle, et dans le cabinet qui suivait cinq enfans dont deux à la mamelle étaient entassés avec leurs nourrices et leurs bonnes: qu'on se figure en outre le désordre le plus complet, un clavecin couvert de plats et de restes du souper, un salon plein des habits que les hommes et les femmes venaient de quitter, une chambre ou les papiers, les odeurs, les livres, les provisions de table, les robes de parure étaient jettées tout pêle mêle, et l'on aura peut-être idée du spectacle que m'offrit la maison d'un riche seigneur polonais et de l'impression que dût produire un semblable spectacle sur un homme accoutumé à des moeurs plus douces et à de plus nobles usages.

A la campagne, la chasse occupe toute la journée des hommes et le soin de se délasser, de conter leurs aventures, l'obligation de jeter quelques regards sur leur propriété remplit leur courte soirée. Ce ne sont pas là les hommes qui peuvent secouer un joug odieux ni briser une chaîne honteuse. Parlez à un d'eux de gloire, il parlera de fortune; rappelez lui ce grand mot de liberté, il vous repondra repos.

Les juifs qui forment réellement la seconde classe de l'état, puisqu'ils exercent seuls le commerce et l'industrie, les juifs fidèles à leur religion errante et minutieuse offrent moins de traits particuliers à l'observateur qui voudrait les saisir. Un usage toléré dans leurs sectes du nord les autorise à marier leur fils à la mamelle à une fille nubile et à vivre avec cette fille comme si elle était leur propre femme. Voilà peut être la seule différence qui doit être remarquée; du reste ils offrent le même caractère que les autres juifs allemands, sales par goût et par avarice, avides par intérêt, fourbes par nature, ils sont partout les plus actifs, les plus adroits et les moins délicats des citoyens. Dans la Russie blanche tout est tombé entre leurs mains; le cordonnier qui vous chausse et le médecin qui vous guérit; le maquignon qui vous loue un cheval et le banquier qui escompte vos lettres de change sont juifs et le gouvernement qui les opprime toujours et qui a toujours besoin d'eux les conserve et les protège comme une mine dont il tire à son gré des sommes énormes.

Passerons—nous maintenant à la dernière classe: la triste et lourde existence des paysans excite plus de pitié que de curiosité et plus de dégoût que de pitié. Plus d'une fois j'ai été forcé de passer ou le jour ou la nuit dans leurs cabanes, de suivre leurs moeurs et d'essayer leur langue ce n'est donc pas d'après des témoignages étrangers que je tacherai d'en parler.

Chez cette classe d'hommes les besoins en général sont en très petit nombre. La maison d'un riche paysan est un bâtiment plus large que long et composé de trois pièces. L'une placée à droite ordinairement renferme le peu de provisions d'hiver que l'on conserve sans les cacher sous terre, une seconde dans laquelle donne la porte d'entrée et qui ne reçoit aucun autre jour, est destinée à recevoir dans les mauvais temps les animaux domestiques, ou les animaux qu'on élève, et couvre une cave ou plutôt une fosse creusée en terre dans laquelle sont enfouis les légumes d'hiver et les tonneaux de liqueurs fortes. La troisième chambre enfin qui occupe la gauche de la maison est le séjour habituelle de la famille, une table, un banc de bois qui s'étend tout au tour, deux armoires grossières suspendues aux deux angles, et sur lesquelles sont placées les chapelles portatives de cuivre qui servent de maitoie à ces espèces de sauvages, un faisceau de branches de sapin coupées et amincies pour tenir lieu de lampes, quelques vases de terre, et enfin un immense poêle aussi haut que la cabane qui sert à la fois de four, de lit, de cuisine et dont toute la fumée repoussée dans l'intérieur de la chambre forme un nuage épais, et ne s'échappe que par trois ou quatre ouvertures d'environ un pied de large pratiquées

exprès à cette hauteur dans les parois de la chambre, voila tous les meubles d'une famille quelque fois considérable: la cabane qui les renferme est construite en troncs d'arbres non équarris superposés l'un à l'autre et réunis par un enduit de terre et de mousse qui bouche trop imparfaitement les fentes pour empêcher le froid de pénétrer.

L'homme qui habite dans ces cabanes est petit, laid, mais d'une constitution forte, il porte dans l'été une chemise, une culotte et une espèce de sarreau de toile lié par une corde; en hyver une serge blanchâtre que l'on fabrique en Livonie et en Ukraine remplace la toile pour quelques temps et se cache sous une peau de mouton à demi préparée; sa femme est vêtue à peu près de même, et ne se distingue de lui que par sa faiblesse et par un autre genre de laideur plus rebutant peut être encore: tous deux ont la tête cachée sous un bonnet rond et pareil au reste de leur habillement: tous deux si ce n'est aux grands jours où les femmes ont quelquefois des bottes, portent des souliers d'écorces d'arbre tissus ensemble comme les sacs d'osier dans lesquels on enveloppe nos ballots de roulage et tous deux ont les jambes enveloppées de larges bandes de toile fixées par une corde serrée, qui depuis le genou jusqu'à la cheville donne partout la même épaisseur et par conséquent la même difformité; c'est ainsi qu'ils vont travailler aux champs, c'est ainsi qu'ils vivent dans leurs cabanes, et qu'ils dorment sur le poêle commun. Rarement ils quittent leur habit avant qu'il ne tombe en lambeaux, et cette excessive saleté est une des causes de la maladie contagieuse qui est si fréquente parmi eux.

On conçoit que chez de pareils êtres les idées ne peuvent être qu'en très petit nombre. Aussi sont elles très fortes et comme innées: ils n'ont point de sentimens affectueux ou tendres mais l'instinct de l'intérêt et le besoin de la superstition se retrouvent toujours et partout chez eux. Ce même homme à qui l'on ne pourrait faire comprendre le plus léger changement dans la manière d'élever ses bestiaux, sait très bien donner un prix beaucoup plus haut à la denrée qu'il vend en altérer la qualité, ou en apporter une quantité moindre à la fois pour profiter du besoin qu'on éprouve, et leurs marchés ressemblent à tous ceux de l'Europe. Leurs églises sont toutes différentes. Je ne parle pas seulement de celles de notre secte, mais de ces églises grecques ou l'autel est caché aux fidèles par des portes qui ne s'ouvrent qu'à de certains momens et ou cette quantité innombrable de peintures qui donne peut-être à la foi tiède plus de distractions et à la foi vive plus d'enthousiasme ajoute certainement au culte une magnificence qui justifie les ambassadeurs du Czar. Dans les temples de l'une ou de l'autre croyance, on voit sans cesse à côté de personnes un peu plus modérées une foule de paysans se précipiter à terre à vingt reprises différentes pour se frapper la poitrine et la tête contre le pavé du temple: les femmes plus superstitieuses encore restent souvent pendant les plus grands froids étendues tout du long sur le carreau, le visage appuyé contre terre et les bras en croix jusqu'au

moment ou finit l'office divin. Cette superstition s'allie au reste à des pratiques plus sages et meilleures. Nulle part je n'ai vu la communion aussi fréquente que dans ce pays. La communion suppose au moins le dessin et le désir de remplir ses devoirs d'homme et de membre de la société. Je ne crois pas que la religion console ces hommes à demi sauvages, ils ne la comprennent pas assez; mais elle les occupe, mais au moins elle les met dans une sorte de rapport avec un être qui renferme les deux principes, et sans le connaître, ils le prient, pour invoquer un autre pouvoir que celui de leurs seigneurs; car dans leur pensée, si on peut donner ce nom à la combinaison grossière de leur existence et de leurs sensations, vivre c'est être esclave, et la liberté ou la servitude ne sont autre chose pour eux que l'alternative d'un maître facile ou cruel.

A ces détails déjà trop étendus peut être, il ne sera pourtant pas inutile, je pense, de joindre un léger aperçu sur la forme de gouvernement de ces contrées. Dans chaque grande province comme celle de Twer, de Pskow, de Nowogorod, de Witepsk, un gouverneur général représente le souverain et retient entre ses mains une grande partie de son pouvoir, il approuve ou suspend les sentences de mort, accorde des grâces, nomme à plusieurs emplois, et tient une espèce de cour. Après lui le gouverneur civil, qui a le rang de général-major ou de conseiller d'état intime, est chargé de toute l'administration; mais obligé qu'il est d'en référer au gouverneur général, il possède beaucoup plutôt de l'influence que du pouvoir. Le vice-gouverneur qui suit dans cette hiérarchie est directeur des finances, il préside la chambre, surveille la perception de l'impôt. Un procureur du gouvernement est chargé de soutenir les intérêts du prince et ceux du fisc, auprès de cette chambre de finance ou Kasienna palata (comme l'appellent les polonais) qui juge toutes les affaires d'impôt, connaît des réclamations y relatives et réunit dans ses mains toute l'administration des finances. Un trésorier du gouvernement, un maître de police et le gouverneur militaire du chef-lieu, sont les derniers fonctionnaires nommés par l'Empereur; tous les autres sont choisis par les habitans, car on a voulu, surtout dans la Lithuanie et dans la Russie blanche, laisser au peuple des formes de liberté d'autant plus grandes que sa soumission était plus réelle.

Tous les trois ans la noblesse s'assemblait dans le chef-lieu du gouvernement, et là elle élisait dans son sein le maréchal du gouvernement, représentant de la province, qui était chargé de défendre ses intérêts à la cour, de porter ses représentations ou ses adresses au pied du trône, et de remplir constamment auprès du gouverneur général, le rôle d'avocat et de procureur fondé de toute la noblesse.

Il faut rappeler encore une autre assemblée qui n'est pas moins remarquable peut-être et par sa régularité et par son objet. Chaque année, au mois de Mars, tous les propriétaires et tous les marchands se réunissent au chef-lieu du district ou du gouvernement, et c'est à cet instant que se traitent toutes les affaires d'intérêt.

Les baux sont passés, les marchés conclus, les actes signés, les créances établies, les paiemens effectués dans l'espace d'environ trois semaines, et la chose du monde la plus difficile serait de faire entendre à un polonais qu'il peut s'occuper d'affaire de ce genre à un autre moment qu'aux contrats de mars: c'est ainsi qu'ils désignent cette époque. Peut-être bien, comme les juifs dominant en Pologne, est-ce à eux que on a emprunté cet usage.

Les maréchaux du district qui exerçaient dans chaque cercle des fonctions à peu près pareilles à celles des maréchaux du gouvernement, veillaient aux intérêts de leur arrondissement, répartissaient et dirigeaient les lévées d'hommes et d'argent, passaient les marchés, faisaient entretenir les routes par les riverains selon l'usage.

Les podkomorgis, magistrats chargés d'abord de la seule délimitation des propriétés, et depuis appelé par l'usage à une sorte de judicature arbitrale.

Les Karongis suppléans des maréchaux de districts.

Les députés à la chambre de la noblesse qui dans ses assemblées annuelles était en quelque sorte le corps législatif de la Province, examinaient la conduite du maréchal du gouvernement et lui prescrivaient celle qu'il avait à tenir.

Le président, les conseillers et les assesseurs des tribunaux civils et criminels et les chambres territoriales. Ces chambres étaient réparties dans chaque district et tenaient la place des tribunaux de première instance. Le département civil et le département criminel, pour me servir de l'expression même du pays, étaient la cour d'appel.

Toutes ces fonctions, dont la plupart étaient gratuites étaient cependant fort désirées parcequ'elles donnaient un peu d'influence, une sorte de considération, et un titre que l'on conservait même lorsqu'on ne conservait plus la place; mais l'usage y avait établi une véritable hiérarchie. On commençait par être membre de l'un des départemens ou député de la chambre de noblesse, on devenait ensuite président d'un des tribunaux, ou chorongy, ou podkomorgy, puis maréchal de district, puis maréchal du gouvernement, et lorsqu'on avait passé vingt et un ans au service dans une ou dans plusieurs de ces fonctions, on recevait de droit la croix de l'ordre de St. Wladimir de la troisième classe. Les hommes mettaient une assez haute importance à toutes ces places, les femmes en mettaient bien plus encore; pani marshinkowa (Madame la marechale) pani podkomorgina (Madame la podkomorgy) pani kozongina (Madame la chozougy) sont pour elles des titres précieux, dont elles sont fières et qu'on leur repète à chaque phrase. Le domestique qui les accompagne à la messe, le demi gentilhomme qui les suit à la promenade, le cocher qui mène la voiture à une place (appelée Dzousky) dont elle font usage, ne leur adresse jamais la parole, et leurs maris, même dans l'intérieur de la maison, ne leur parlent pas le plus souvent, sans leur donner ce nom continuellement répété et qui établit une différence entre celle qui le porte et celle qui n'a pas le bonheur de le porter.

Cette forme de gouvernement telle que je viens de la dépeindre était établie et reconnue dans la Russie blanche lorsque nous y arrivâmes et nous eumes quelques difficultés à la changer, toujours inquiétés par un ennemi redoutable qui ne s'était jamais éloigné de plus de quinze lieues, souvent attaqués et n'ayant de secours à espérer de personne, oubliés de la grande armée et n'en recevant aucune nouvelle, nous eumes à lutter contre des obstacles de plus d'un genre, M-r de Wittgenstein se disposait à reprendre Polotsk et recevait chaque jour par Newel et Wéliki-Luki de nouveaux renforts, tandis que le comte de Gouvion s'affaiblissait par degrés. Une sorte de maladie épidémique s'était mise parmi les troupes allemandes, et elles périssaient en grand nombre. Je serais embarrassé d'exprimer la nature du sentiment qu'elles éprouvaient: il y avait à la fois de la lassitude et de l'amour de la patrie, de la faiblesse contre les dangers et de la force contre la mort, mais ce sentiment existait réellement, et à mesure qu'il était plus partagé propageait une maladie dans laquelle les affections morales étaient très puissantes *Wo ist die hause Wo sterbt man* (où est la maison où l'on meurt) se demandaient les uns aux autres les soldats bavarois qui savaient déjà que beaucoup de leurs camarades avaient fini leur vie dans un même lieu. On le leur apprenait, ils se dirigeaient vers cette maison, entraient s'asseyaient à côté de leurs compagnons expirés dans un alignement parfait, restaient là et puis mouraient avec la même indifférence et la même froideur. D'autres oubliant toute considération et toute crainte, cédaient tout simplement au desir du retour dans leur patrie. Six mille de ces mêmes bavarois passèrent le Niemen l'un après l'autre avec leurs armes et leur havresac: où allez-vous, leur disait-on à plusieurs postes? Je vais en Bavière — mais vous desertez—non, je vais en Bavière, et ils y allaient, et la police, toujours mal faite sur les derrières de l'armée parcequ'elle est toujours trop faible, ne pût arrêter leur marche.

Les russes au contraire, à qui l'habitude de l'esclavage, le plus pésant, semble avoir ôté jusqu'à l'intérêt de la vie en leur en ôtant la propriété, les russes excités d'ailleurs par les nouvelles fausses ou vraies qu'ils recevaient de Pétersbourg prénaient chaque jour plus d'audace. Les troupes légères dont leur armée de Polotsk s'était accrue leur donnaient le moyen de faire de nombreuses et utiles excursions dans le pays et ils en profitaient habilement. Six fois nous fûmes obligés de nous garder dans nos faubourgs comme aux avant-postes. Après une longue immobilité qui paraissait tenir de la crainte et qui n'était au fait que la sage lenteur d'un général qui appelle à son secours des renforts nouveaux, et traîne ses ennemis jusques au moment où ils doivent être victimes de l'inclémence des saisons, M-r de Wittgenstein porta sa droite de Kosiany sur Koloduja et Sirotina, rapprocha son centre par Romtschino et s'avança sur Polotsk. M-r le maréchal de Gouvion avait replié ses avant-postes sur la ville et fait toutes ses dispositions pour la défendre. Le combat fut terrible: vainqueurs en avant des murs, les russes se flattaient déjà d'être maîtres

de Polotsk, et on leur permit de s'y jeter; mais à peine entrés le combat recommença avec une nouvelle violence, chaque rue était un champ de bataille, chaque maison devenait une citadelle imprénable du moment ou quelques français s'y étaient jettés. Les russes avançaient cependant: tout à coup les rues se dégagent, la route semble libre: l'ennemi se reforme en front de bataille et marche vers la grande place, qui régulière dans sa construction, ornée d'un côté de la grande église des jésuites, de l'autre de l'ancien palais du gouvernement, environnée de maisons assez belles, et correspondant par une grande rue avec le pont de la Dwina, devenait une position importante: les russes arrivent par les rues latérales, et comme pour prendre une position tranquille, au moment ou ils débouchent, la grande rue du pont retentit de coups précipités, et trois batteries les foudroient ensemble; du couvent et du palais, une grêle de balles vient éclaircir leurs rangs: des compagnies jettées sur les côtés les attaquent avec fureur, et ils reculent un moment.

Bientôt cependant ils reviennent à la charge: le général avare du sang de ses vieux soldats place à la tête de l'attaque les nouvelles recrues, une fusillade très vive est bientôt suivie d'une espèce de mêlée. Tout à coup le feu se déclare, plusieurs maisons deviennent la proie des flammes, une partie du couvent des jésuites saute en l'air, le combat continué sur ses débris se porte enfin dans la grande rue où les français se replient sur leurs batteries et un feu horrible de mitraille détruit continuellement tout ce qui ose avancer, trois fois la milice russe qui formait le front de l'attaque se précipite sur les pièces: trois fois elle fut repoussée, sa fureur s'épuise, elle s'arrête et refuse de marcher: un de leurs généraux accourt indigné de leur résistance, il fait placer derrière elle sa propre artillerie et ordonne de tirer. Placés entre la mort et la mort, battus d'un côté par leurs pièces mêmes, foudroyés de l'autre par cette double ligne de canons, les russes tentent par désespoir un nouvel effort; leurs vieilles troupes s'élancent à côté des nouvelles, ils l'emportent, déjà ils ont saisi quelques unes de nos pièces, le feu prend au pont et une détonnation épouvantable porte encore le désordre parmi eux; mais c'en est fait ils sont vainqueurs, nos soldats épuisés de fatigues ou de besoin et couverts de blessures se retirent, mais sans fuite, et M-r de Gouvion, qui prend position derrière la Dwina, menace encore, jette quelques troupes fraîches aux avant-postes réunit tout ce qui lui reste de soldats entre Somenez et Radischky et montre encore à l'ennemi une apparence redoutable. Tel fut ce combat de Polotsk qui dura trois jours et coûta si cher aux deux partis: je ne puis dire qu'elle fut notre perte: mais je sais que M. de Wittgenstein avait reçu trois jours auparavant quinze mille hommes de milice nouvelle, le lendemain de la bataille douze mille étaient morts devant ou dans Polotsk, et je ne parle point ici des pertes que les autres corps eurent à souffrir.

Après ce long détail, je dois rappeler que je n'étais point présent à cette sang-

lante affaire. Je la rapporte sur ce que plusieurs officiers m'en ont conté et simplement d'après leur récit.

La prise de Polotsk était d'une très grande importance: cette place qui est à cheval sur la Dwina devenait la clef du fleuve et une fois prise elle devait faire tomber, Disna, Druja, Drissa, Dinaburg, Witepsk même. Les deux généraux le sentirent également, M-r de Wittgenstein vainqueur demanda sur le champ de nouvelles troupes: M-r de Gouvion vaincu en demanda de son côté, mais il ne voulut qu'un renfort, il ne voulut point de secours. M-r le Duc de Bellune était à Smolensk: s'il eut marché tout de suite, s'il eut suivi la direction qu'on lui indiquait par Pozetschy, Wiélyet Jwanowo, c'en était fait de l'armée russe, attaquée au nord par M-r le Duc de Tarente, au midi par M-r de Gouvion, à l'est par M-r le Duc de Bellune, arrêtée à l'ouest par la Lithuanie qui était toute en notre pouvoir, elle eut été contrainte de mettre bas les armes; mais M-r le Duc de Tarente ne reçut pas d'avis assez prompts, mais M-r le Duc de Bellune était jaloux de M-r Gouvion, de la gloire qu'il s'était acquise le 18 Août, et de la victoire qu'il avait alors remportée, il refusa de lui envoyer des troupes et dit qu'il ne pouvait rien faire sans ordre de l'Empereur. Quinze jours se passèrent de la sorte. Enfin les russes apprirent que Moscow était évacué et se hâtèrent de nous attaquer de nouveau; dans ce moment, M-r le Duc de Bellune vivement reprimandé par l'Empereur se décidait à marcher; mais fidèle à son dessein de secourir M-r de Gouvion, et non de le soutenir, il prenait la route, disait-il, la plus courte et s'avancait par Babinowitsch et Sienzo. M-r de Gouvion l'apprend dominé par le même sentiment, il craint d'être obligé de remettre à son ancien le commandement, et après quelques dispositions précipitées, il semble se prêter de lui même au desir qu'avaient les russes de livrer bataille: à peine deux brigades de l'armée du Duc de Bellune étaient-elles arrivées, il reçoit le combat, je crois près d'Oschatz, il est défait: la déroute fut complète et tout le talent du général ne put qu'à peine suffire à se reformer et à se retirer sans trop de désordre. d'abord par Kamen, puis par Lepel, et M. le Duc de Bellune, plaça son quartier général à Sienzo.

Cependant nous étions à peu près tranquilles à Witepsk (à la fin d'Octobre *) 1812). La profonde ignorance où nous étions de toute espèce de nouvelles en m'inquiétant fort en secret, me donnait le moyen de rassurer les esprits. Le commerce qui semble toujours mieux instruit ne repandait que des bruits à notre avantage. La prise de Polotsk qui d'abord avait fait un effet très grand paraissait moins importante, parceque je persuadai aux habitans que M-r de Gouvion avait fait une manoeuvre savante en adossant l'ennemi au fleuve. De toutes parts ou contaient nos victoires, il n'y avait pas longtemps qu'on nous avait assuré que l'avant-garde

*) 30 Octobre.

était entrée à Twer. On nous dit ensuite qu'elle était à Nowogorod; enfin ce fut de Pétersbourg que l'on parla. Bientôt ce ne fut plus un bruit vague; c'étaient des détails positifs, on savait par où l'attaque avait été faite, on conta comment les Anglais en désarmant quelques uns de leurs vaisseaux avaient trouvé moyen d'élever une batterie et comment elle avait été démontée, on nomma la porte par où l'Empereur était entré et l'on cita le jour précis: d'abord incrédule, quoique je fisse circuler ces bruits, puis étonné, puis incertain, puis enfin dans la situation d'un homme à qui on parle d'un voeu réalisé, j'étais bien près de croire comme un autre, lorsque je vis tout à coup ce papier russe que j'avais eu tant de peine à conserver au taux ordinaire (à 75 p. % de perte) monter d'une manière surprenante (à 55 et 58 p. %) il n'en fallait pas tant pour donner des soupçons; presque en même temps je sus que M-r de Gouvion se retirait assez rapidement, et que l'ennemi s'avancait par les deux rives de la Dwina. Je fis prier le maréchal de ne nous point abandonner sans défense, et je fis observer l'ennemi par des espions nombreux autant que cela me fut possible.

Déjà un de ses partis était maître de Horodek sur la rive droite et le gros de l'armée était établi à Beschenkowiski: l'attaque était inévitable et paraissait très prochaine; nous crûmes devoir redoubler de soins et de vigilance.

Un jour *) j'avais été moi même reconnaître la route et les positions en avant de la ville. Je rentre, je trouve le Gouverneur. Monsieur, me dit-il, voici un ordre d'évacuer la place, que m'envoie le Duc de Bellune.—Eh! bien Monsieur, lui dis-je, qu'allez vous faire.—Mais, me répondit-il, un peu troublé, je vais obéir.—Vous allez sortir de la place avant qu'elle soit attaquée.—Il le faut bien.—Et vous, ajouta-t-il, ne viendrez vous pas avec nous?—Moi répondis-je, je n'ai heureusement d'ordre à recevoir de personne que de l'Empereur: c'est lui qui m'a placé ici: il m'a confié Witepsk, et je ne sortirai de Witepsk que lorsque l'ennemi m'en chassera. Nous restâmes tous deux, mais l'ennemi ne tarda pas à nous en chasser.

Les espions que nous payions bien nous rendaient un compte assez fidèle. L'ennemi était à huit lieues de nous et M-r le Duc de Bellune en se retirant avait laissé le Général de Brigade Castex avec deux régimens de cavalerie légère pour éclairer le mouvement des russes, et l'arrêter s'il était possible: il nous en instruisit et nous prévint que si le six au soir il n'était point dans Witepsk ou ne nous avait point écrit, nous devions croire qu'il aurait été forcé de se retirer.

La position était critique nous n'avions plus que huit cents hommes de garnison, tous du régiment de Berg: l'armée qui devait nous soutenir se retirait, l'ennemi s'avancait de deux côtés, nous avions beaucoup de craintes à concevoir et fort peu d'espérance à garder; nous attendîmes ainsi le six et toute la nuit suivante. Bientôt

*) 3 Novembre.

tout fut décidé; à sept heures du matin une fusillade assez vive reveilla ceux d'entre nous qui fatigués des incertitudes de la veille et des continuelles inquiétudes de la nuit avaient essayé de prendre un peu de repos. Je montai à cheval, et en sortant je vis accourir la plupart des fonctionnaires polonais dont les craintes étaient assez naturelles en ce moment: je les rassurai de mon mieux, je fis appeler le commandant de la place et le maître de police, et je leur demandai compte de ce qui se passait; l'ennemi est dans le faubourg de la rive droite, me dirent-ils, les juifs l'ont introduit cette nuit même; il vient d'emporter la grand'garde de gendarmerie, et le poste avancé d'infanterie légère; il s'est logé sur la tête du pont, et nous attaque en forme. Il disait, et les balles qui sifflaient au dessus de nous ne confirmaient que trop son triste rapport. Au même instant le général accourut: vous le voyez, dit-il, vous m'avez empêché d'évacuer la place, et l'ennemi va nous forcer à la quitter. Il fait ce qu'il doit en nous attaquant, répondis-je, en restant et en nous défendant nous avons fait ce que nous avons du. Au même moment je donnai l'ordre de faire sortir de la ville le reste de nos équipages: le trésor et une partie des ambulances était parti la veille avec les agens de l'administration militaire. Le convoi se mit en marche et je remontai au galop vers l'hôpital du gymnase: c'était le point le plus élevé de la ville, sur les bords de la Dwina, et c'était là que l'on avait placé en batterie les deux seules pièces de canon que nous eussions encore. De la plate-forme je vis l'ennemi qui rangé sur l'autre rive tirait sur nous d'autant plus facilement que nous étions à découvert; nos pièces au contraire étaient pointées trop haut et ne portaient point sur lui: j'appelle un des canonniers pour lui en faire l'observation, mais comme il s'avançait vers moi, une balle l'atteignit, il tomba, le général alors arriva vers nous avec ses aides-de-camp; l'idée de la perte de la place l'avait troublé à un point que je ne saurais dire. A-t'on brûlé le pont, lui demandai-je? J'en ai donné l'ordre.— Mais il me semble qu'il n'est point exécuté.— Il doit l'être. Peu rassuré par cette réponse je descendis pour m'en assurer moi même: déjà les obus sifflaient au milieu de la ville; j'arrive au pont: il était tout entier. Capitaine, dis-je au commandant du poste, pourquoi n'a t'on pas mis le feu? Il vient à la botte, et prend mon cheval par la bride pour me répondre: c'est à l'officier d'artillerie, me dit-il, et non à moi... et il tombe mort, le pont était droit, et l'ennemi placé à l'autre extrémité nous tirait au viser, je me retirai et j'allai rejoindre le général Pouget: j'aurais bien voulu que nous nous défendissions encore; mais il n'était plus temps, nous n'avions que vingt hommes à cheval, nos pièces n'étaient servies que par des soldats étrangers à la manoeuvre, il fallait céder: la garnison se rassembla sur la place, et commença à défiler par le point opposé à celui où l'ennemi nous attaquait: tout paraissait devoir favoriser notre retraite. Une seule inquiétude me restait encore: nous abandonnions à l'hôpital deux cents malades, et les évènements de la guerre nous avaient prouvé que l'on faisait peu de grâce. Je m'étais d'abord décidé à rester avec eux,

mais nos français et les habitans eux mêmes m'en détournèrent. Votre tête est à prix, me dit l'un d'eux, et tout le monde vous connaît: le premier coup de sabre ou de pistolet sera pour vous et vous serez massacré sans avoir été un seul instant utile aux malades.—La raison était assez bonne, je le sentis et j'abandonnai mon premier projet. A l'instant ou nous allions déboucher de la grande place, je vis sortir de l'église des jésuites les principaux habitans de la ville: monsieur l'intendant me dirent-ils, nous allons vous quitter, nous retournons à un gouvernement que nous aimons, mais nous venons de prier Dieu pour vous; dérobez-vous à l'ennemi qui va vous poursuivre, et souvenez-vous de nous, jamais nous ne vous oublierons. Si un jour vous êtes forcé de quitter votre France revenez parmi nous, Witepsk sera heureuse de vous revoir.—Je m'adressai au maire. Monsieur, lui dis-je, si Witepsk croit me devoir quelque reconnaissance, j'en demande la preuve à l'instant. Je laisse à l'hôpital deux cents malades. Nourrissez les dans leur misère, défendez les dans leur abandon. Souvenez-vous qu'ils sont à huit cents lieues de leur pays, qu'ils sont sans appui, sans ressources et qu'ils ne sont venus s'exposer à tous les dangers; que pour vous délivrer et vous défendre. Je vous jure, me répondit le maire, que tant que je ne serai point arrêté par la force, nous pourvoirons à tous leurs besoins. Je n'en demandai pas davantage, et je les quittai: plusieurs d'entr'eux pleuraient, et je pleurais aussi: je n'aimais pourtant pas beaucoup le séjour de Witepsk; je n'y avais été que malheureux et inquiet; mais dans cet instant on me donnait une preuve d'affection.

Chavardès commandant de la place, homme brave jusqu'à l'imprudence, et quelques fois emporté par la chaleur de sa tête méridionale, avait voulu rester quelques momens dans la ville, avec le peu de monde que nous avions encore, pour observer le mouvement de l'ennemi, et faire brûler le pont, bien monté qu'il était il pouvait facilement nous rejoindre. Nous partîmes donc sans lui, l'infanterie en avant avec nos deux pièces de canon, une douzaine d'hommes à cheval suivaient, et le général Poujet et moi nous marchions les derniers. Au moment de sortir, j'aperçus quelques hommes qui semblaient se cacher de moi, je courus à eux. C'étaient les agens et les officiers de santé de l'hôpital, ceux mêmes que le commissaire des guerres avait désignés pour rester près des malades.—Vous ici, leur dis-je, et que faites vous?—On abandonne la ville, monsieur l'intendant, et nous l'abandonnons aussi.—Mais les malades sont à l'hôpital?—Et qui les soignera? qui reclamera pour eux? Vous avez eu l'ordre de rester.—Non monsieur le commissaire des guerres a du vous le donner, s'il ne l'a point fait je vous le donne moi, vous resterez.—Nous ne resterons point, s'écrièrent-ils à la fois, notre devoir n'est point de prodiguer notre vie; et mille cris confus se joignirent à ces mots prononcés par le directeur de l'hôpital. Je tirai un pistolet de ma poche, et le lui appuyant sur la poitrine: un pas de plus, lui dis-je, et je vous tue; le premier d'entre vous qui tentera de nous suivre sera

passé aux armes; retournez à votre poste. Ils y retournerent et notre retraite s'effectuait.

Nous sortimes donc de Witepsk en assez bon ordre; à quatre lieues environ devant nous un corps de deux cents hommes conduisait le convoi que j'avais expédié le matin, et dont nous nous trouvions faire l'arrière-garde, et nous suivions la route qu'il avait prise, la seule qui restait libre pour nous, celle de Witepsk à Smolensk par Rudnia et Jukowo. A une lieue environ de la ville, un gendarme échappé arrive au galop, il nous apprend que tout ce qui y était resté était pris, que le pont n'avait pas été brûlé assez tôt et que l'ennemi nous poursuit, quelques minutes après nous voyons en effet sa cavalerie paraître, nous nous formons en colonne, ils approchent et après nous avoir bien reconnu font filer leur cavalerie sur la droite pour nous tourner. Général, dis-je alors à Poujet, ces gens-ci veulent nous couper le chemin: il faut les en empêcher; je vais mettre en bataille la tête du convoi: arrêtez-les par ici, je vous promets qu'ils ne nous couperont point par là: il en tombe d'accord, je pars avec Rély mon camarade de collège et mon ami qui était avec moi. A une lieue environ je trouve un officier du premier détachement, je lui donne l'ordre, avec injonction de le porter sur le champ, et je descends dans une grange vaste, au bas d'un petit pont où passait la route. Rély sort un moment pour aller derrière et je reste seul auprès de nos chevaux. Tout-à-coup des crès s'élèvent, je me retourne, je vois de l'autre côté du pont les cosaques accourant au galop: j'appelle Rély, il arrive à moitié deshabillé, nous sautons sur nos chevaux et nous parons la lance ennemie dans la croupe des chevaux. A cent pas delà se présente un ravin par lequel il fallait nécessairement passer. D'un côté une colline presque à pic, de l'autre un trou profond creusé dans le sable; et dans ce chemin creux un caisson arrêté que des chevaux trop faibles ne pouvaient tirer qu'avec peine, à côté un gros arbre abattu et couvert de neige formait le seul passage libre. Une pensée rapide me fit envisager à la fois l'obstacle et la nécessité de le surmonter, la difficulté et en même temps le péril qui me pressait: mon cheval me sauva, il monte sur l'arbre, s'y cramponne s'élance par dessus le caisson et recommence de l'autre côté de la colline sa course rapide. Je fuyais et ne pouvais concevoir comment nous étions ainsi poursuivis: qu'étaient devenus les troupes, l'artillerie, le général Poujet qui devait arrêter l'ennemi par derrière. Les aides de camp qui me rejoignirent m'apprirent tout; les russes étaient arrivés sur lui, il avait voulu faire rentrer ses pièces dans sa colonne, la lenteur du mouvement avait laissé aux cosaques le temps de se précipiter dans les rangs, et tous les soldats de Berg s'étaient rendus. Un de ses aides de camp avait de la bravoure et de la loyauté: deux fois il essaya de rallier quelques fuyards; mais lorsque nous avions tourné le front et tiré nos épées pour attendre l'ennemi qui nous suivait toujours à portée de fusil, nous trouvions seuls, tous les autres fuyaient derrière nous, et nous étions contraints de les suivre.

Nous fîmes ainsi dix lieues; à neuf heures, il était nuit close, tout mon monde s'était égaré, et je n'avais plus avec moi que quelques employés de régies. Je m'arrêtai dans une cabane pour faire reposer les chevaux: l'obscurité semblait devoir me dérober aux poursuites; je me croyais tranquille. Bientôt cependant un des nôtres arrive, on le suivait de près: les juifs repandus dans les villages avaient reconnu mon uniforme et désigné ma route; les fuyards l'indiquaient eux mêmes: nous n'étions pas en sûreté: je pris un paysan pour guide, et nous partîmes. Il était minuit: un froid très vif (de 16 à 18°.) resserrait l'atmosphère, un vent glacial roulait des tourbillons de neige, et la terre en était si fort couverte qu'il était impossible de rien distinguer: autour de moi quelques hommes abattus et découragés murmuraient, et passaient quelquefois des plaintes aux reproches; mon guide sondait la terre avec son bâton, se couchait pour chercher des traces que le jour même on aurait eu peine à retrouver, et paraissait souvent désespérer de la route: moi même fatigué de la privation de sommeil que l'inquiétude m'ôtait depuis plusieurs jours, et de la privation de nourriture que la nécessité m'imposait, poursuivi personnellement, mis à prix par l'ennemi, égaré dans des plaines de neige, et presque sans espoir, je conduisais en silence cette troupe fugitive; et mon coeur assailli de tristes souvenirs comparait avec amertume cette situation présente à ma situation passée. Et cet avenir de fortune, de bonheur, de prospérité qui avait paru m'attendre, à l'infortune, et à la mort même qui semblait désormais être mon seul partage.

Notre guide nous annonça enfin notre salut; il avait retrouvé le chemin et nous allâmes dans un château voisin demander l'asile qui nous fut accordé: deux heures après nous les quittâmes et les cosaques vinrent nous y chercher; mais soit qu'on leur eut indiqué une fausse route, soit que les cinq cents ducats promis pour ma tête leur parussent au dessous de tant de fatigues, ils nous abandonnèrent à quinze lieues de Witepsk. De là nous marchâmes à Smolensk par des chemins qui nous étaient inconnus. Vivant à la merci des paysans. Tantôt accueillis par eux, tantôt rejettés avec mépris lorsque j'allais humblement solliciter de leur pitié, un peu de nourriture pour mon cheval, et un peu de pain pour moi, mais concevant enfin l'espérance d'une autre situation et d'un temps plus heureux.

L'ignorance dans laquelle nous vivions à Witepsk était telle que nous croyons encore l'Empereur à Moscow. A quelques lieues de Smolensk cependant, les recits des paysans nous mirent sur la voie, et un peu plus loin, nous trouvâmes le corps du vice-roi qui prenait sa marche sur Witepsk même nous nous hâtâmes d'arriver à Smolensk, nous entrâmes dans ces remparts à demi détruits, nous passâmes devant ces maisons naguères brillantes et qui ne présentaient plus que des ruines et des décombres: nous arrivâmes: le ministre me mena sur le champ chez l'Empereur. Il fallut voir d'abord M-r le prince de Neufchâtel, comme major général de l'armée. Vous ici, me dit-il, et que venez vous faire?—Apporter une triste nouvelle, monsei-

gneur, Witepsk est pris.—Witepsk est pris, et le corps du vice roi y est allé?—Le corps du vice roi est à une marche dans cette direction mais, monseigneur, Witepsk est pris. — Cela n'est pas possible, dit-il, je voulais répondre — cela n'est pas possible, reprit-il, trois ou quatre fois, et puis il ajouta; au reste pourquoi venez vous me l'apprendre à moi. Allez vous en si vous voulez le dire vous même à l'Empereur. Je pris mon parti et je montai.

Au moment où j'arrivai dans le salon de service un des aides de camp de Pougjet, venait d'entrer chez l'Empereur à qui il conta le gros de l'aventure, et pendant quelques minutes qu'il y resta, ce fut beau jeu de voir comment tout le salon s'intriguait de savoir la nouvelle. Enfin l'Empereur me fit appeler; j'entrai comme j'étais venu, c'est à dire avec mon épée détachée à la main, et un bonnet de drap noir en place de chapeau. Il était seul avec le roi de Naples, et me dit d'abord d'un air assez calme. Eh! bien! vous faites donc campagne toute entière. Vous voulez être avec nous, vous nous revenez? hé! bon Dieu! Sire, lui répondis-je, ce n'est pas ma faute.— Je le sais bien, reprit-il, mais voyons contez moi comment cela s'est passé; je lui en fis le récit le plus succinctement qu'il me fut possible; quand j'eus fini, le roi de Naples me demanda avec une sorte d'empressement quels étaient ces coquins de soldats qui s'étaient rendus de la sorte; sire, lui dis-je, avec toute l'humilité du monde, c'était le régiment de Berg. Il le prit pour bon et ne m'interrogea plus. Je me tournai vers l'Empereur et je répondis d'abord à ses questions, sur la nature et la quantité des approvisionnements. Il y avait en magasins, lui dis-je, de quoi nourrir l'armée dix jours et entretenir un corps tout l'hiver.—Avez vous eu beaucoup de peine à les rassembler, dit-il;— un peu, repris-je, parce que l'ennemi était toujours près de moi. Oui, mais vous aviez Gouvion pour vous défendre.— Pardonnez moi sire, ajoutai-je, M-r de Gouvion ne pouvait pas s'occuper de nous: il avait assez à faire de se défendre lui même.—Et les habitans.—Les habitans avaient fini par prendre quelque confiance. Tous les administrateurs que Votre Majesté avait mis avec moi s'étaient éloignés, et leur absence à souvent arrêté notre marche.—Comment, dit-il, vous étiez tout seul?—Tout seul, lui répondis-je, et je prie Votre Majesté de m'excuser à ce titre, si je n'ai pas rempli ses intentions.—Non, non, c'est bien, et qu'elles étaient les dispositions du peuple et de la noblesse.—La liberté n'est rien pour eux, et s'ils avaient de l'enthousiasme ce ne serait que pour Votre Majesté.—Mais à tout prendre, me seraient-ils contraires?—Non, sire.—Oh! bien c'est tout ce qu'il me faut. Delà ses questions passèrent aux diverses branches d'administration, puis il revint au fait même, à la prise de la ville.—Mais comment se fait-il donc, disait-il, que Gouvion n'ait pas arrêté Wittgenstein?— Il n'avait, répondis-je, que trente mille hommes au plus.—Cela n'est pas vrai, reprit-il vivement, il en avait cinquante et Wittgenstein vingt.—Je ne puis dire à Votre Majesté que ce que je sais, mais je le sais par des moyens sûrs par l'espionnage, par des rapports fréquens,

par l'intérêt que je devais y prendre. M-r le m-al de Gouvion n'avait que trente mille hommes, et M. de Wittgenstein en a cinquante.—Ils m'ont encore trompé! s'écria-t-il tout d'un coup, puis revenant, et Victor?—Je ne repondis pas; Victor, reprit-il;—Sire, lui dis-je, il ne m'appartient pas de juger sa conduite: je pourrais tromper Votre Majesté et me tromper moi même.—Non, dites, dites.—Sire, il y a un mois que Witepsk était dans un pressant danger, M-r le duc de Bellune à qui nous adressions chaque jour des représentations, à qui chaque jour M-r le m-al de Gouvion demandait des renforts, à qui l'on indiquait une route courte et sûr pour se porter sur les derrières de l'armée ennemie, n'a pas jugé à propos de marcher; il attendit les ordres de Votre Majesté pour nous secourir et lorsqu'enfin il a cru pouvoir s'avancer, M-r le maréchal de Gouvion a livré bataille et l'a perdue. L'un est à présent à Tsezereja, et l'autre à New Lepel.—Oh! malheureux! dit-il avec indignation non, ce Victor n'est pas même en état de commander une division, un régiment; ne pas marcher! laisser forcer la ligne! voyez vous comme ils sacrifient à eux mêmes le salut de mes armées! quelle sottise, quelle ignorance des premiers principes de l'art de la guerre, dit-il en s'approchant d'une carte posée sur la table, et voila comme ils sont tous! Je les ai faits trop, ils ne servent plus qu'à regret, ils font manquer tous mes plans. Davoust est à moitié fou, et ne sert plus à rien; ce Victor vient à Smolensk détruire inutilement les approvisionnements préparés; Augereau ne voulait pas remuer et croit me faire une grâce en m'obéissant: il faut pourtant bien qu'ils m'obéissent, ils savent qui je suis et je sais ce qu'ils sont. Non, non il n'y en a pas un d'eux à qui l'on puisse rien confier: il faut éternellement tout faire; eh! bien, je ferai tout, mais qu'ils exécutent, qu'ils obéissent; qu'ils y prennent garde, je saurai bien me passer d'eux. Voyez, ajouta-t-il, quel plan on fait ainsi manquer. Le vice-roi à Witepsk; Gouvion à Dinaburg et Macdonald à Riga tenaient la Dwina toute entière; à Mohilow, à Smolensk, Davoust et Ney couvraient le Dniepper; Victor allait à Orsza, Reynier à Minsk, Poniatowski à Plock, Schwarzenberg avec les allemands dans l'Ukraine, et de Wilna pendant l'hiver j'organisais tout ce pays, je reposais l'armée, et les forçais enfin à obéir; quelle ignorance, quelle ignorance, répéta-t-il, deux ou trois fois encore et en frappant du poing sur la table. Ah! mon Dieu! et ils veulent me tromper encore! Il revint alors à moi.—Navez vous rien laissé à Witepsk, me dit-il.—Quelques malades qu'il m'a été impossible d'emmenner; mais ils sont en sûreté: le maire m'a juré sur son honneur de les protéger, de les nourrir et de les soigner; je dois dire son nom à Votre Majesté; c'est Bohomolce, et j'aime à lui rendre aujourd'hui devant vous ce témoignage déstime et de reconnaissance.—C'est bien, dit l'Empereur, j'en suis content. Le roi de Naples se joignit à moi pour appuyer cet éloge. Peu à peu l'Empereur s'apaisa et revint à la causerie qui lui est naturelle.—Quel pays était votre Witepsk, me dit-il, j'ai bien vu la ville, mais les environs?—Fort tristes, ré-

pondis-je, le pays, les institutions, et les hommes, tout cela n'est que de la barbarie ornée.—Je le sais bien, reprit-il, et après quelques autres phrases: voyez un peu ils m'accusent d'ambition, comme si l'ambition pouvait me conduire ici, la guerre que je fais est toute politique: eh! qu'ai-je à gagner à venir chercher un pareil climat, un pareil pays? rien de tout cela vaut-il la plus mauvaise partie de la France? ils ont eux un intérêt bien différent: en Pologne, en Allemagne, tout leur est bon, tout est beau pour des sauvages: le soleil seul six mois de l'année est un plaisir nouveau. Ce sont eux qu'ils faut arrêter et non pas moi. Ces allemands n'y entendent rien avec toute leur philosophie. Le discours dura quelques temps encore de la sorte, puis il me demanda si je n'étais pas fatigué, je l'étais, j'en convins bien vite, et il m'envoya coucher, en ajoutant, demain je vous ferai appeler. Quand je sortis tout le monde était émerveillé de ma faveur, et beaucoup de gens me reconnurent. J'attendis le lendemain, mais l'Empereur reçut de mauvaises nouvelles, et je ne le retrouvai que longtemps après, non loin de la Bérézina.

Smolensk était une des villes considérables de la Russie; elle avait été longtemps le sujet des guerres des czars et des rois de Pologne, et sa situation sur le Dnieper, sa proximité des provinces fertiles du nord et du midi, sa position justifiait assez l'importance qu'on avait mise à sa possession. Lorsque j'y arrivai (le 10 Novembre) elle était loin de conserver aucune trace de son ancienne prospérité: des maisons brûlées, des palais en ruines, des arbres renversés s'offraient de toutes parts à nos regards affligés et un triste pressentiment s'élevait dans nos âmes à la pensée que les barbares qui avaient ainsi traités leurs propres villes; seraient peut être appelés dans les belles contrées de notre Europe, par les suites de cette même campagne, et par l'effet d'une politique fausse et injuste.

Au milieu de ces ruines couvertes de neige, au pied de ces maisons jadis habitées, dans ces rues naguères populeuses, c'était un spectacle tout particulier que de voir une sorte de commerce. Nos soldats et surtout les grenadiers de la vieille garde, avaient établi dans un endroit de la ville où viennent se joindre quatre des principales rues un véritable bazar. Là on trouvait une quantité de choses incroyable, tout ce que desire le luxe et tout ce que demande le besoin. Ici une vivandière offrait des montres, des anneaux, des colliers, des vases d'argent et quelquefois des pierreries. Là un grenadier vendait de l'eau de vie, ou des pelisses, plus loin un soldat du train proposait les oeuvres complètes de Voltaire ou les lettres à Emilie de Demoustiers: un voltigeur exposait des chevaux et des voitures et un cuirassier tenait boutique de souliers et d'habits. On imaginerait difficilement un spectacle plus singulier, et dans ce temps où l'on espérait encore, nous gardions assez de sang-froid pour aller souvent nous promener au bazar, et y entendre les cris, les disputes et les discours des acheteurs et des vendeurs.

Ce fut un grand malheur que la tolérance de cet abus; les officiers qui avaient

autant de besoins que d'autres allèrent chercher dans ces marchés, tout ce qui leur manquait, ou y échanger ce qui ne leur était plus nécessaire; ils traitèrent d'égal à égal avec ceux avec qui ils avaient affaire, et dès lors les soldats perdirent toute considération et tout respect pour des hommes avec qui ils avaient disputé où partagé le gain et la perte. Si un reste de subordination survécut encore; nous verrons bientôt quelles circonstances l'affaiblirent et comment il disparut tout à fait.

Les approvisionnemens amassés à Smolensk étaient peu considérables; ils furent bientôt consommés le vice roi y était revenu avec son corps d'armée. M-r de Baraguey d'hilliers, colonel général des dragons qui en commandait un autre à l'arrière garde l'avait laissé prendre prisonnier. M-r de Wittgenstein qui nous avait chassés de Witepsk faisait un mouvement sur notre droite et l'on ne pouvait deviner si M-r de Gouvion et le duc de Bellune pourraient l'arrêter; les districts de la droite de la Dwina du côté de Porjetsez, où tous les soins du général Charpentier le meilleur, le plus ferme, et le plus intègre gouverneur qu'il y eut à l'armée, avaient à peine pu rétablir le calme dans le temps de notre prospérité, s'armaient de nouveau contre nous; il fallut quitter Smolensk, le duc d'Abrantès dont l'esprit était déjà fort troublé fit l'avant-garde, les autres corps marchèrent après, le prince de la Moskowa qui n'était alors que duc d'Elchingen fut d'arrière-garde, et nous partîmes le 13 Novembre au soir.

C'est à ce moment que commencèrent les véritables désastres de la campagne: jusques là la marche de l'armée pour avoir peu d'ordre n'avait cependant pas moins été une retraite, les très grands froids ne s'étaient point fait sentir (ils ne commencèrent que le 7 Novembre) et les besoins quoique pressans avaient assez généralement été satisfaits. Les soldats obéissaient encore aux ordres de leurs chefs, et les chefs pensaient encore au salut des soldats: bientôt l'intérêt général fut totalement oublié, la discipline tomba dans le mépris, le besoin présent l'emporta sur toute autre considération, le découragement se glissa dans des âmes ou la peur n'avait point d'accès, la crainte commença à s'allier même avec le courage, et chacun de nous éprouva en particulier des maux que réunis nous eussions facilement repoussés. Heureux si du moins cette grande leçon n'est pas perdue. Là nous vîmes les caractères à decouvert. Là s'évanouirent tout d'un coup des grandeurs et des courages que le monde admirait naguères, l'homme fut homme et le fut tout entier; mais là aussi nous trouvâmes des âmes fermes, des coeurs généreux, et presque toujours, je le dis avec une sorte d'orgueil pour notre espèce la tranquillité, la constance, suivirent la noblesse de sentimens, on était fort pour soi quand l'on était bon pour les autres, et ce fut la première récompense comme le premier droit de la vertu, de concevoir une espérance.

Au moment d'écrire ces scènes extraordinaires je ne puis que rappeler le 39-e bulletin qui dicté par l'Empereur à Ossmiana répandit une terreur si grande dans

la France épouvantée. Je ne pourrais rien dire de plus si j'avais à tracer un tableau général de la retraite. Ce que je raconterai ne pouvait entrer dans ce tableau: ce sont des détails plus ou moins piquans, ce sont des aventures plus ou moins intéressantes mais dont le souvenir aura toujours pour ceux qui l'ont pu conserver un intérêt que l'on conçoit aisément.

Nous avons quitté Smolensk le 13 Novembre au soir, et nous allâmes à deux lieues delà passer notre première nuit sur le bord d'un ravin assez profond ou descendait la route et que l'on ne croyait pas pouvoir faire franchir d'abord à l'artillerie. Déjà le froid était très vif, et cette nuit passée au bivouac nous le fit sentir. Nous étions assez mal à Smolensk mais enfin nous étions à couvert, et cet air vif et rare, cette terre dure et gelée sur laquelle nous étions couchés, nous faisait un lieu de délices de la salle obscure, et du plancher de bois dont nous murmurions à la ville, notre seconde nuit fut comme la première; la neige était tombée par gros flocons tout le jour, et le soir il fallut l'ouvrir et la séparer pour nous creuser un lit. Je ne sais quel pressentiment, ou quelle honte engageait ceux qui avaient des voitures à n'en point faire usage, l'événement nous prouva que cette privation était raisonnable.

Nous vinmes *) en trois jours à Krasnoï petit village situé environ à 18 lieues de Smolensk et à 30 de Witepsk. Déjà nous avons perdu beaucoup de voitures et d'équipages; un froid très rigoureux, une route mal entretenue en temps ordinaire et rompue par les pluies ou la neige. Le manque de vivres et la fatigue avaient fait périr ou du moins affaibli la plus grande partie des chevaux; se présentait il un ravin ou une colline escarpée, deux ou trois voitures arrêtées produisaient sur le champ un embarras affreux. Les voitures privilégiées voulaient passer de droit, celles qui se trouvaient mieux attelées prénaient les devants et dérangent l'ordre établi. L'artillerie devait avoir le pas, mais on n'en tenait compte, les cochers fouettaient les chevaux tiraient, les palfréniers se battaient avec les gardes, les files se brouillaient, les voitures s'accrochaient aux chariots d'équipage, les berlines aux trains d'artillerie la voiture la plus pesante obligée de rester en arrière faisait un effort, regagnait celle plus légère qui la précédait et brisait ses roues. La cavalerie engagée dans ces embarras sabrait à droite et à gauche l'infanterie ou les palfréniers qui entravaient sa marche, les officiers se faisaient jour à coups de poing ou à coups d'épée, et si par malheur il arrivait un des services de l'Empereur, avec les mulets, les forges et l'ameublement, tout était renversé pour ouvrir un passage, les vociférations, les juremens, le bruit des coups, les cris des officiers de garde qui ne pouvaient rien obtenir, les clameurs de ceux qui pillaient au hasard, ajoutaient encore à cet épouvantable désordre: la marche s'arrêtait en entier, l'escorte du con-

*) 16 Novembre.

voilà se dispersait par la force, et les cosaques qui ne nous perdaient jamais de vue, accouraient rapidement, plaçaient les pièces sans affût qu'ils portent avec eux sur des traîneaux, fondaient au milieu du tumulte emmenaient au galop tout ce qui pouvait aller, brulaient le reste, et perçaient de coups de lance ceux de nos soldats qui pensaient à se défendre.

Telle fut notre histoire à chaque défilé: telle elle fut surtout au ravin profond qui coupe la route avant Krasnoï un quart peut être de nos équipages fut pris dans cet endroit, et ce ne fut pas le seul malheur que nous y éprouvâmes. Des pertes plus graves nous y attendaient.

J'ai dit que le duc d'Abrantès conduisait notre avant-garde. Le 16 au soir, il passa Krasnoï, et alla prendre position à la porte de Sinjaki, le prince d'Ekmuhl le joignit le soir même, et l'Empereur vint avec la garde à Krasnoï. Derrière nous était le vice-roi en corps de bataille et plus en arrière encore le duc d'Elchingen. Le vice-roi avait exécuté l'ordre de l'Empereur, il avait fait sauter les fortifications de Smolensk, et venait à grandes journées se réunir à nous. On le croyait encore loin. Les cosaques n'avaient presque point paru à nos équipages le soir *); on trouva quelques maisons pour y dormir, une église pour faire un hôpital, un peu de farine pour les troupes, et l'on crut avoir atteint la terre promise.

A 7 heures du matin un bruit très fort se fait tout-à-coup entendre. Chacun se lève, on appelle, on interroge; messieurs, nous dit-on, le vice-roi a été surpris ce matin à une lieue en arrière de Krasnoï. Il est entouré de toutes parts et ne se défend qu'à peine, l'Empereur vient de partir avec la garde pour l'aller dégager. L'Empereur parti, s'écrie le ministre, amenez moi mon cheval, et il part à son tour. Nous restâtes seuls dans le village avec quelques trainards, des malades et deux ou trois cents hommes qui avaient trouvé moyen d'y arriver. Un quart d'heure ne s'était pas écoulé que la fusillade se fait entendre de tous côtés; l'ennemi avait eu sur le champ connaissance du mouvement de l'Empereur, et il voulait le couper en arrière. Krasnoï était attaqué: deux batteries placées sur une colline nous y jetaient des boulets et les tirailleurs étaient à portée de pistolet des premières maisons, le danger était grand, une présence d'esprit non moins grande le repoussa: tout le monde prit les armes, ceux des malades qui pouvaient marcher vinrent se défendre, et de tous côtés, un feu faible mais soutenu répondit au feu ennemi, cependant notre désavantage était sensible, les boulets russes tombaient avec plus de force et en plus grand nombre, une partie de nos gens était blessée et il fallait songer aux moyens

*) Quelques uns d'entr'eux voulurent tenter un coup de main et furent pris. Nous étions chez l'Empereur lorsqu'on vint l'annoncer: des cosaques pris, s'écria le roi de Naples: ah! coquins! ce ne sont certainement pas des cosaques! les cosaques ne sont pas gens à se laisser prendre: et il alla les voir: non, répétait-il, en partant les cosaques sont trop braves pour cela, ces coquins si ne sont point de vrais cosaques: montrez, montrez les moi, je suis sûr que ce n'en sont point.

d'échapper, lorsque tout-à-coup les tirailleurs ennemis s'éloignent, les batteries se taisent, l'attaque cesse, et la retraite précipitée de ceux qu'un moment de plus rendait victorieux nous annonça la présence de l'Empereur. Il revenait vainqueur, la route était libre, et le vice roi dégagé: mais le danger n'était qu'éloigné, les ennemis qui nous suivaient de droite et de gauche nous avaient gagné de vitesse cette nuit, ils étaient au moment de nous couper de l'avant-garde, il fallait arrêter ce mouvement funeste; l'Empereur était arrivé à dix heures et demie, à onze heures nous repartîmes.

On sort de Krasnoï par une chaussée qui traverse un marais, et qui va rejoindre la route ordinaire en plaine, dans un site plat et au milieu de quelques massifs d'arbres. Colbert avec ses chevaux légers passa d'abord, et fit passer les bagages du grand quartier général. L'Empereur marchait ensuite avec l'état major de la vieille garde: le duc de Trévise venait après avec quelque artillerie, et la jeune garde qui était encore en bon état. Au moment du départ une foule inconcevable de trainards se précipita au milieu des rangs, et se mit à courir pour prendre les devants. Ils passèrent au milieu de notre état major, et l'effroi que leur inspirèrent quelques cosaques qui s'étaient montrés vers la chaussée fut tel qu'ils ne tinrent plus compte ni des maréchaux, ni du prince de Neufchâtel, ni de qui que ce fut au monde. Bientôt ils revinrent avec une précipitation extrême; un parti de cosaques s'était jetté en avant sur le chemin, et semblait vouloir le défendre, l'Empereur fait halte, il met la garde en bataille détache toute sa cavalerie à droite pour l'éclairer et pour tenir en respect quelques pulks de cosaques qui s'y montraient et fait un mouvement vers ce côté. Tout-à-coup l'ennemi démasque sur le flanc gauche une batterie qu'il avait cachée à deux tiers de portée et nous envoie des partis de cavalerie, par le même flanc, fait paraître ses cosaques à droite et en tête, et nous attaque en queue sur la chaussée. L'Empereur change à l'instant de front de bataille, jette la jeune garde et la grosse cavalerie sur la droite pour tenir les russes en respect, laisse sur la route les trainards à qui le nombre donnait l'apparence d'un corps considérable, pousse un renfort sur les derrières, et se porte avec la vieille garde en ligne sur la gauche. A un signal les officiers sont rassemblés, et se forment en cercle; „messieurs, leur dit l'Empereur, si vous étiez d'autres hommes, „si vous étiez une autre nation je chercherais peut être un moyen d'exciter votre „courage ou de vous cacher le péril; mais vous êtes français voyez notre position: ce n'est point moi qu'il faut servir, c'est nous, c'est l'Empire, c'est la France „qu'il faut sauver: le danger est pour nous tous, unissons nous tous pour le repousser: nous le repousseront: allez messieurs, souvenez vous que le salut de tous „est le salut de chacun.“ Les officiers rentrent dans les rangs, les bataillons se forment en ligne, le mouvement s'opère, la colonne s'avance prête à donner. Colbert rappelé avec ses lanciers, et Lefevre Desnouettes avec le reste de la cavalerie lé-

gère de la garde, chargent l'ennemi et le dispersent. Cependant les batteries russes nous foudroyaient toujours l'Empereur que l'on avait très bien reconnu était leur point de mire, c'était à lui qu'on adressait les coups. Il le voyait, mais calme et tranquille, la canne d'une main, la l'orgnette de l'autre, il examinait attentivement et dirigeait les mouvemens avec un sang froid qui était vraiment remarquable. Sire, lui disait le prince de Neufchâtel, Votre Majesté est trop exposée ici, vous devriez vous retirer. Bah! bah! repondit-il, il y a longtemps qu'un boulet ne m'a passé entre les jambes: je veux voir s'ils me connaissent encore, il disait, et les sifflemens que se répétaient autour de nous, et les coups qui de moment en moment portaient plus juste, ne prouvaient que trop combien on avait raison de craindre pour lui. J'étais à la gauche du prince de Neufchâtel, et devant les officiers de grenadiers, ôtez vous de là, me dit le prince, vous m'empêchez de donner l'ordre;—mais, monseigneur, repris-je, où voulez vous que je me mette? à ma droite, là. J'obéis, je passai à sa droite; un des chefs de bataillon du premier régiment s'avancé à ma place pour prendre l'ordre, et avant d'avoir pu le recevoir, il tombe emporté par un boulet. Mais déjà une de nos batteries avait été montée, son feu éteignit le feu ennemi, les charges de cavalerie avaient été heureuses, les cosaques qui se trouvaient devant nous, craignant d'être abandonnés de droite et de gauche faisaient mine de se retirer, la route était libre: Mortier, dit l'Empereur au duc de Trévisé, maintenant c'est votre affaire, chassez moi ces gens là, et il donna le signal du départ. Nous allâmes coucher à la poste de Sinjaki.

Cette journée de Krasnoï fut le prélude et comme l'avant coureur de celle de la Bérézina; les pertes que nous fîmes le 17 et le 18 en équipages, en artillerie et en chevaux furent énormes. Là presque un tiers de nos voitures fut pris, le trésor perdit deux millions en espèces et un des fourgons du trophée fut noyé: là le vice roi laissa une partie de ses meilleures troupes, massacrées dans cette surprise, et dans le combat sanglant qui en fut la suite*). Là enfin périt une grande partie de la jeune garde, avec laquelle le duc de Trévisé soutint toute la journée l'effort des ennemis pour conserver Krasnoï et maintenir la communication des divers corps d'armée.

C'est une chose digne peut-être de quelqu'attention, que le courage de gaïte qui se conserva presque toujours, nous avions éprouvé et nous éprouvions chaque jour des privations et même des maux que rien n'avait du nous faire prévoir: notre situation naguères si brillante devenait plus triste de jour en jour, mais nous ne la mesurions que pour tâcher d'en sortir: le mal nous paraissait un chemin nécessaire

*) Ce fut en cet endroit que périt Villebranche sorti de Smolensk avec le vice roi il marchait dans sa colonne et se trouvait au centre du bataillon carré que l'on forma pour résister mieux. Un colonel, dont j'ignore le nom fut blessé à côté de lui. Villebranche bon et généreux lui prodigua sans considérer le danger, tous les soins qu'il put imaginer, pendant qu'il remplissait ce devoir pieux, un boulet l'atteignit entre les épaules et emporta en même temps la tête du colonel.

à prendre pour arriver au bien, et ne pouvant vivre pour le présent, nous vivions dans l'avenir. Tant que le coeur a de l'espérance, l'esprit a de la gaïté; la plupart d'entre-nous eurent longtemps l'un et l'autre. Ce n'est pas que ce deux qualités fussent toujours au même degré et qu'elles ne subissent aucune altération; mais il ne s'est point passé dans cette longue retraite un seul événement quelque triste et désastreux qu'il fut, ou un mot spirituel, une anecdote plaisante, une lecture légère, ne trouvassent leur place, et ce sera peut être ajouter un trait de plus à un tableau souvent répété du caractère de nos français de dire, que le jour de la bataille de la Bérézina, au moment ou le retour en France semblait nous être interdit, dans la position la plus critique où jamais armée se soit trouvée, entourés de tous côtés, sans munitions, sans vivres et sans moyens de défense, nous lisions paisiblement presque sous le feu ennemi, quelques chants d'un poëme célèbre, et nous nous promettions, en riant, de vivre en bons chrétiens si jamais nous devions revoir notre partie.

L'Empereur n'avait que trop senti à Krasnoï le malheur de l'indiscipline et du désordre, il voulut autant qu'il serait en lui essayer de les empêcher. Le 19 Novembre il donna un ordre général, et pendant toute cette journée, l'armée ou du moins le corps de bataille présenta un spectacle aussi imposant que redoutable. Nous suivîmes la grande route qui conduit de Smolensk à Wilna par Minsk, et qui jusqu'à Tolotezin est bordée d'une double rangée d'arbres plantés avec soin. A droite et à gauche, en dehors, la cavalerie marchait, chargée de nous éclairer. Devant nous deux bataillons d'infanterie avec deux pièces de canon formaient l'avant garde ordinaire que tout corps jette devant soi, et précédaient la voiture de l'Empereur, celle du prince de Neufchatel major général, et celle du comte Daru, intendant général de l'armée; toutes les autres avaient été jettées derrière. Après cette avant garde venait le corps de bataille; l'Empereur marchait le premier seul; suivi du major et de l'intendant général, allant ensemble, et du duc de Frioul grand maréchal du palais qui conduisait son traîneau. Le duc de Vicence, grand'Ecuyer, menait la voiture en avant. Derrière lui, le maréchal duc de Dantzick, commandant la garde venait l'épée à la main, et la garde suivait rangée comme un jour de parade. Chaque général de division était à la tête de sa division, chaque général de brigade à la tête de sa brigade, chaque colonel menait son régiment et chaque capitaine sa compagnie: aucun officier n'avait pu et ne pouvait sous quelque prétexte que ce fut, quitter son poste spécial: chacun avait la place qu'il devait avoir. Les soldats rendus à la discipline marchaient à leurs rangs et dans un ordre parfait. Un pas uniforme et égal semblait réunir en un seul tant de mouvemens divers et le silence profond qui régnait dans cette immense troupe n'était troublé que par le cri ferme et court du commandement que les officiers répétaient à temps égaux de rang en rang, et qui de la garde passait successivement aux différents corps qui la suivaient. L'ennemi nous observait de loin, mais cette marche régulière et calme lui imposa tellement que

pendant quelques jours il ne nous attaqua plus; et en effet on ne pouvait se défendre d'une sorte d'émotion en considérant ce spectacle nouveau, il semblait que l'armée toute entière ne fait qu'un seul corps, ce n'était plus une retraite, c'était un marche tranquile et volontaire, ce n'était plus des hommes découragés, désunis, abattus par des privations, c'étaient des soldats vaillants guidés par le chef le plus habile, et soumis à la discipline la plus sévère. Mais cette discipline même sembla trop rigoureuse aux officiers, ceux qui devaient la défendre furent les premiers à l'affaiblir, ce bel ordre disparut promptement et nous retombâmes dans le malheur que l'on avait voulu éviter.

Quelques verstes après Sinjaki on sort de la Russie proprement dite, et l'on entre sur ce territoire de la Russie blanche qui n'est réuni que depuis un siècle à l'Empire des Czars. Le premier village dans cette direction est Ljady; ou nous vîmes par un froid très vif. La route longe en cet endroit une petite rivière qui couvre ce village, et la négligence apportée depuis longtemps dans cette partie de l'administration publique faisait que le chemin était coupé par une descente rapide d'environ cinq à six pieds. Le verglas qui la couvrait, la neige et la glace rendaient le passage plus que difficile. Le service léger arriva, puis l'avant-garde, tous les chevaux tombèrent, les hommes éprouvèrent le même accident, et ce seul petit endroit retarda de trois ou quatre heures notre marche. Je n'ai cité ce trait insignifiant en lui même que pour montrer combien les choses qui paraissent de loin les plus simples pouvaient acquérir une funeste importance dans la position où nous nous trouvions.

Ljady fut pour nous une sorte de refuge et notre sort sembla s'être un peu amélioré à ce moment. Depuis Smolenck l'argent avait entièrement perdu sa valeur, et certes ce n'était pas une des choses qui nous frappaient le moins, des hommes civilisés peuvent bien se trouver dans un état à demi barbare, des enfans du midi être jettés au milieu des glaces du nord, des gens élevés dans le bonheur et dans la puissance tomber dans le malheur et dans l'infortune: ils ne l'ont pas prévu, mais ils ont pu le concevoir. Leur coeur souffre, mais leur esprit n'est point étonné, avec du courage ils gardent l'espérance, avec de l'argent, ils retrouvent les moyens de sortir d'embaras: mais qu'il y ait une situation telle que l'argent n'ait plus de pouvoir, et le signe conventionnel plus de valeur, qu'avec une ceinture pleine d'or on se voie obligé de mourir de faim ou de besoin, que le soldat qui passe à côté de vous dédaigne la bourse que vous lui offrez, que le paysan à qui vous en présentez une autre la rejette également et que ces hommes dépouillés de tout, préfèrent leur pain grossier où la pomme de terre à demi cuite dont ils se nourrissent à cet or qui assurerait pour longtemps leur aisance. Voilà ce qui détruit tous les calculs, ce qui confond toutes les prudences, ce qui décourage en un mot, parceque cela renverse toutes les idées, et c'est ainsi que nous avons été jusqu'à Ljady.

Ce village fut le premier ou nous trouvâmes quelques habitans, bien épars, bien tremblans à la vérité, mais assez courageux et assez raisonnables pour nous attendre et pour préférer de mauvais traitemens pendant cinq à six jours à l'incendie de leurs chaumières. Les juifs reparurent et avec eux les moyens de vivre, exclus de la Russie, ils se présentèrent avec une sorte d'empressement dès que nous eumes touché la terre qu'il leur est permis d'habiter, et des sacrifices d'argent assez considérables les engagèrent à employer pour nous leur active industrie, et les ressources dont ils pouvaient disposer.

C'est à Ljady aussi que dût s'arrêter l'incendie qui sur la route avait consumé les villes et les villages, l'Empereur irrité de la destruction de Moscow avait ordonné de traiter de la même manière toutes les habitations russes. L'ordre fut exécuté avec un empressement que la rigueur du froid pouvait seule excuser, jusqu'au moment où nous revînmes dans la Russie blanche. Là l'Empereur arrêta le cours de cette dévastation, et donna des ordres pour punir les excès de ce genre s'il s'en commettait à l'avenir. Ces ordres malheureusement ne furent pas exécutés.

Ljady et Rosiany qui le suit nous virent arriver avec un froid rigoureux, nos marches alors étaient très pénibles, et nous ne croyions pas je l'avoue, avoir rien de plus dur à éprouver lorsqu'un dégel momentané vint nous donner l'idée d'un autre tourment. La neige qui couvrait la terre et celle qui tombait incessamment du ciel se convertissaient en eau; la terre s'amollit, et une boue épaisse remuée par le passage de cette multitude finit par rendre la route comme impraticable: beaucoup de chevaux y périrent, beaucoup de voitures y restèrent, beaucoup de pièces d'artillerie y furent abandonnées et tous ceux qui par prudence s'étaient réduits aux traîneaux y perdirent à la fois et le bagage transporté et les moyens de transport.

Notre étape fut de neuf lieues pour arriver à Dubrowna, j'y entrai de bonne heure et j'y trouvai quelques restes de la garnison de Witepsk et quelques employés qui avaient fui de ce côté.—Messieurs, leur dis-je, je ne suis plus et ne puis rien pour vous, tout nous est commun maintenant espérance et danger, aidons nous les uns les autres et tâchons de nous conserver. J'ai encore cinq cents roubles; si vous en avez besoin nous partagerons, c'est tout ce que je puis faire.—Presque tous refusèrent, et depuis je n'ai revu que six hommes de tous ceux qui composaient la nombreuse administration d'un grand pays. *)

*) Nous trouvâmes à Dubrowna jusques à du vin; nous avons une bonne chambre avec des fenêtres, un plancher de bois pour nous coucher, et un poêle pour échauffer l'air: aussi nous promettions nous la meilleure nuit dont nous eussions joui depuis longtemps. Mais à cinq heures, des cris épouvantables se firent entendre, et le triste „houra houra“, ne nous apprit que trop ce dont il s'agissait. En un moment tout le monde fut sur pied, la garde prit les armes; on se fusilla pendant une demi heure, et les cosaques s'enfuirent avec le peu d'infanterie qu'ils avaient prise pour les soutenir. Nous aurions bien voulu rentrer dans la ville, mais l'Empereur était levé et quelques instances qu'on pût lui faire, il donna le signal de départ.

L'Empereur mit de la fermeté pendant la retraite à résister aux demandes et aux suggestions de ceux qui l'entouraient. Trouvions nous un meilleur séjour, un village moins dévasté, un magasin un peu plus considérable, tous, nous voulions y rester; un jour, disions nous, un jour est si peu, nous sommes si fatigués, et nous avons tant souffert. De bouche en bouche ces mots arrivaient jusques à l'Empereur. Messieurs, répondait-il, un jour est beaucoup; il ne faut pas nous arrêter, marchons.— Et quelquefois il marchait le premier à notre tête. Une cruelle expérience ne lui avait que trop appris combien quelques jours de retard pouvaient amener de malheurs et il mettait à profit cette science acquise à si haut prix.

Que de raisons nous avions alors de nous hâter. Kutusow nous poursuivait, harcellait nos derrières, et faisait chaque jour de nouveaux efforts pour nous arrêter. A droite le comte Wittgenstein tenait en échec sur Sienna M-r de Gouvion, et s'apprêtait à fondre sur nous. A gauche l'amiral Ttitzckakow auquel le prince de Schwarzenberg s'était bien gardé de barrer le passage s'avancait par Bobruisk. Witepsk et Smolensk étaient à l'ennemi: Minsk et Mohilow allaient tomber en son pouvoir, la route était couverte de partisans et de cosaques. Le froid augmentait rapidement, nos pertes se multipliaient tous les jours et nous pensions à nous arrêter, et nous voulions nous reposer paisiblement au milieu d'un froid inconnu même dans ces climats et dans une disette absolue de vivres et de munitions.

Orctza, où nous vîmes après Dubrowna est situé sur le Dniepper; c'était une petite ville assez florissante, où les jésuites avaient un collège, et les négocians d'Ukraine un entrepôt. Nous nous crûmes sauvés quand nous y arrivâmes. Depuis Moscow c'est ainsi que l'on allait d'espérance en espérance, et que l'on croyait devoir trouver le repos et la sûreté dans chaque ville dont on s'approchait. Ghiat, Wiasma, Smolensk, Orsza, furent ainsi successivement le but de tous les desirs et le terme de tous les efforts, et ce ne fut pas un des moindres moyens qui contribuèrent à soutenir la longue constance qu'il fallut mettre en usage.

Enfin nous passâmes à Orsza le Dniepper pour la dernière fois, et chacun de nous salua d'un cri joyeux cette autre rive sur laquelle nous ne pouvions croire qu'on nous poursuivait. J'ai passé bien des fleuves dans ma vie, disait le général Dumas, intendant général de l'armée qui depuis quarante ans avait servi à la baie d'Hudson et à la côte de Coromandel, sous les murs de Moscow, et sous ceux d'Alexandrie, à Madrid et à Berlin, à Londres et à Vienne, j'ai passé bien des fleuves dans ma vie, je n'en ai jamais franchi un avec autant de plaisir que celui-ci. Le Dniepper semblait en effet une barrière naturelle entre la Pologne et la Russie, et nous espérions qu'il arrêterait l'effort de l'ennemi et la vivacité de sa poursuite: il n'en fut pas tout à fait ainsi.

L'Empereur avait eu besoin pour arriver de traverser la foule des chevaux et des voitures qui se pressaient à la tête des colonnes, et il avait vu avec indigna-

tion nos pièces et nos caissons abandonnés faute de moyens de transport, tandis qu'une multitude de fatassins ou de trainards montaient insolemment les chevaux qu'ils avaient dérobés. En entrant à Orseza, il s'établit à la tête du pont, et là, une canne à la main il remplit deux heures durant les fonctions de Wagemestre général. Les voitures arrivaient en file sur le pont; il demandait à qui elles appartenaient, retenait avec son inconcevable mémoire le nombre de celles de chacun, en laissait aller une partie, faisait brûler les autres et donnait les chevaux à l'artillerie. Là, un maréchal avait deux voitures, un officier général une, M-r le prince de Neufchâtel six, et ainsi des autres, tout les hommes montés et qui n'avaient pas le droit de l'être furent mis à pied; et cette révision, si elle eut toujours été faite avec le même soin, eut presque remonté l'artillerie; mais au bout de deux heures il s'ennuya, il s'en alla et laissa le prince de Neufchâtel qui s'ennuya plus vite encore de ce métier nouveau: d'échelon en échelon cette charge descendant toujours fut enfin confiée à un officier d'état major, la nuit vint, tout le monde passa librement et le désordre recommença.

Nous trouvâmes quelques approvisionnementns à Orseza, on y avait rassemblé quelques vivres et des magasins y avaient été établis par les soins de ce marquis d'Alorna portugais et de la maison de Bragance, qui avait servi la cause de la révolution dans son pays, et qui homme de naissance, d'esprit et d'honneur, vécut sans éclat, passa sans gloire et mourut misérablement parcequ'il n'avait jamais fait l'emploi convenable de ses rares qualités. Il était alors gouverneur des pays de Mohilow, fort aimé des habitans, adoré de ses soldats, et bien vu de l'Empereur. Il se joignit à notre marche, et ce fils des princes de Lisbonne vint mourir à Elbing pour un prince étranger*).

Depuis notre départ de Smolensk, surtout depuis Krasnoï, une inquiétude assez légitime tourmentait l'Empereur. Le duc d'Elchingen qui faisait l'arrière garde était fort éloigné de nous, la communication était interrompue, l'on n'avait que trop de raisons de craindre que son corps d'armée déjà affaibli n'eut pas été en état de résister aux continuels efforts des ennemis. Un officier arriva tout d'un coup à Orseza qui annonça que le maréchal le suivait de près. Une suite de belles et savantes manœuvres, de combats sanglans, et d'affaires heureuses le ramenaient enfin. Dix fois il avait passé le Dniepper, marchant sans cesse, combattant sans relâche pendant

*) Ce n'était pas sans peine que ceux de nos camarades qui nous précédaient étaient arrivés à Orseza. Bergognié qui était un des deux courait la poste sur une route de traverse (car la poste rétablie par nous subsistait encore) couché à demi sur la paille dans un traîneau de quatre pieds de long, et couvert d'une énorme pelisse. Des hommes à cheval l'arrêtent, c'était des cosaques égarés, l'un d'eux s'approche et l'interroge en polonais sur la route qu'il devait suivre. Bergognié se tait, les cosaques insistent, se fâchent, enfin le paysan qui conduisait le traîneau répond; les partisans s'éloignent et Bergognié arrive à Ljady, tout étonné de n'être point prisonnier, d'avoir répondu si à propos, et d'avoir rendu service à l'ennemi.

des journées de quinze heures et des marches de vingt lieues, faisant face de tous côtés, trompant l'ennemi quand il ne pouvait le vaincre, encourageant les officiers par ses promesses et les soldats par son exemple, et conservant toujours au milieu des plus cruelles privations la force de son caractère, de son courage, et de sa volonté. Il rejoignit avec six mille hommes exténués de faim, de froid, de fatigues, manquant de tout, n'ayant plus même de munitions pour se défendre; mais enfin il arriva: l'Empereur eut une véritable joie de le revoir, et dit hautement qu'il aurait donné une province pour le conserver. Ce n'était pas un homme bon que ce duc d'Elchingen, mais c'était un homme habile; et son retour causa dans l'armée une satisfaction universelle; tous ces gens là servent bien, et ils n'ont que de la réputation, et cependant ils ont fait preuve de talens, ils ont montré du courage, on leur a vu même de la force, que leur manque-t-il donc? peu de chose en apparence: mais ce peu de chose est la grandeur qui fait, qui donne, qui attire, qui mérite la gloire.

D'Orseza, nous nous dirigeâmes par Bavan, Lolotschowsko et Kokanow sur la route de Minsk. Cette route est une des plus belles que j'aye vues, mais elle fut aussi une des plus tristes. Le renouvellement continuel des mêmes scènes n'a jamais rien que de fatigant; qu'on juge ce que ce devait être en de telles circonstances. Il serait difficile par exemple de se faire une idée précise de la tristesse des départs. Lorsqu'à cinq ou six heures du matin, avec la nuit la plus sombre et le froid le plus rigoureux, il fallait quitter notre feu, quelques fois même notre cabane pour nous remettre en route, l'obscurité profonde qui nous entourait, la neige qui tombait sur nos têtes, les glaces qui rendaient nos pieds chancelans, le besoin de nourriture qui renaissait avec plus de force au moment du reveil, l'affaiblissement total de l'individu, l'incertitude des événemens qui allaient suivre et la certitude de la souffrance que nous ne pouvions éviter, toutes ces causes réunies portaient dans l'âme un découragement que je ne saurais rendre; il est affreux de l'avoir éprouvé, et il serait pénible même de le peindre. Alors se ranimaient en foule tous les souvenirs de notre jeunesse, et de notre prospérité: ces souvenirs étaient amers comme tous ceux qui sont dépouillés d'espérance notre esprit ne se représentait plus ces douces images que comme les rêves trop tôt évanouis d'une jeunesse désormais sans avenir, et notre coeur se serrait plutôt à la pensée du bonheur passé qu'à l'aspect du malheur présent. Par degrés cependant ces tristes impressions s'affaiblissaient un peu: le jour paraissait, le soleil qui se levait pour nous, semblait réchauffer les âmes aussi bien que les corps, le chemin était un peu plus libre, le hasard nous avait procuré quelque nourriture, nos forces se ranimaient un peu, le courage revenait avec la force, et l'espérance avec le courage; alors nos réflexions n'étaient plus sans douceur, et nos regrets sans consolations, nous resserrions dans notre pensée les liens qui nous rattachaient à la vie et si au bout d'une ou deux heures de semblables

rêveries, un penchant naturel nous ramenait les uns vers les autres, nous nous rapprochions volontiers, nous nous parlions du passé et même de l'avenir pour éviter de parler du présent: nous nous racontions les détails ou les aventures de la campagne, et c'est ainsi que j'ai recueilli sur le séjour de l'Empereur à Mosckow et sur le commencement de la retraite quelques uns des détails que je vais essayer de placer ici.

La prise de Smolensk avait répandu chez les russes une sorte de terreur. M. de Tolly qui les commandait se retira. Le prince Kutusow son successeur changea dès lors son plan de campagne, et l'on pourrait presque rapporter à ce moment ce systèmé de défense qui n'opposait à l'ennemi que les difficultés nécessaires pour l'engager plus avant, si M. de Kutusow avait pu être assez habile pour concevoir un pareil projet, s'il avait eu assez de force pour l'exécuter et si d'un autre côté les combats de Valentino et de Borodino, et la bataille de Mojaïsk n'avaient prouvé que l'on voulait tenter les derniers efforts avant d'abandonner Moskow.

L'armée entra dans la ville sainte le 14 Septembre au soir presque sans trouver de résistance, l'on conçoit la joie qu'éprouvèrent les soldats après tant de travaux et de si longues privations en arrivant dans une cité grande et riche où ils devaient se reposer de leurs fatigues. L'ordre le plus parfait régna cependant dans les premiers momens; le roi de Naples traversa la ville avec l'avant-garde sans y causer le moindre dommage. L'Empereur vint ensuite avec sa garde et entra à cheval. Les rues étaient désertes, les maisons abandonnées. Il s'étonna de cette solitude, demanda si l'on s'était déjà occupé de former une administration municipale, et, sur la réponse négative du général Dumas, fit appeler un homme qu'il aperçut à la fenêtre, c'était un apothicaire allemand qui vint en tremblant de tout son corps: l'Empereur l'interrogea sur les moyens les meilleurs à employer pour mettre à profit les immenses approvisionnemens de Moskow, et voulut surtout savoir s'il n'était resté personne à qui l'on put confier les soins de l'administration municipale. L'allemand ne répondit qu'assez imparfaitement aux questions de ce genre, et l'Empereur chargea le général Dumas de tirer de cet homme toutes les lumières qu'il pourrait fournir, et de lui apporter le soir à signer l'organisation de la municipalité de Moskow. Le soir arriva et le général Dumas n'apporta rien; il déclara que ceux des habitans un peu considérables qui étaient restés, se refusaient avec opiniâtreté à toute espèce d'accomodement et qu'ils préféraient le pillage violent au pillage organisé, l'Empereur s'impatientait; depuis longtemps déjà il retenait l'armée avide de butin, il céda alors au desir de l'armée, et les soldats avides d'or, de vin et de fourrures se répandirent de tout côtés. Le pillage commença; deux heures après l'incendie suivit. Rostopchin qui avait tout préparé avait laissé pour instruction à ses agens de ne mettre le feu à la ville que lorsqu'ils la verraient livrée aux soldats; cet ordre barbare fut exécuté de point en point, et un océan de flammes enveloppa

tout d'un coup, et le peu d'habitans qui avaient eu le courage de s'attacher à leurs vieilles demeures, et les soldats, et les officiers qui jouissaient tranquillement de ce mieux être; deux ou trois fois dans quinze heures, chacun fut obligé de changer de logement, et d'aller de maison en maison demander un asile. Cet immense désastre commença au milieu de la nuit continua librement de tous côtés. L'Empereur logé au Kremlin y fut enveloppé par les flammes, et n'en sortit qu'avec peine, il se retira d'abord à Péterskoë et tous ceux qui le suivirent eurent à traverser une avenue de feu; le faubourg de Péterskoë par où l'on devait passer était en flammes et l'on eut quelques peines à faire sortir les équipages. Le feu sembla s'apaiser quelques momens et reprit ensuite avec une nouvelle violence, enfin il s'éteignit et l'on put mettre à profit les ressources que Moscow renfermait. Ces ressources étaient immenses, des fabriques de sucre, des entrepôts de denrées prohibées, des approvisionnemens préparés pour l'hiver dans toutes les maisons, des farines de Kaluga, des eaux de vie et des vins de tous les pays, des magasins de draps, de toiles et de fourrures offraient encore pour six mois d'approvisionnement assurés; une mauvaise administration dissipa tout en un moment. Le général Dumas, intendant général de l'armée était affaibli par la maladie et ne dirigeait plus que d'une main tremblante cette vaste machine. L'avidité mit à profit la faiblesse, et un désordre affligeant entraîna un nouveau pillage qui pour être moins violent n'en fut pas moins désastreux que celui qui l'avait précédé, les pains de sucre, les boîtes de thé, les bouteilles de vin étaient jettés au hasard dans les rues, chaque officier s'en faisait faire une provision par les soldats; chaque général envoyait un officier piller pour son compte, un abus funeste remplaça partout un usage utile, et au bout d'un mois Moscow aurait dû être évacué ne fut-ce qu'en raison de la disette prochaine, il est juste cependant de dire que ces provisions enlevées et jettées de la sorte dans les voitures particulières contribuèrent beaucoup à nous sauver dans la retraite, et que tel d'entre nous a été trop heureux près de la Bérézina de retrouver un morceau du sucre, ou de boire un peu de café de Moscow pour soutenir ses forces.

Le pillage le plus utile s'il est permis d'employer ce mot, fut sans contredit celui des fourrures; beaucoup de peaux précieuses furent perdues sans doute; mais beaucoup des nôtres aussi eurent des pelisses plus ou moins amples qui leur sauvèrent la vie. C'était un spectacle assez bizarre que de voir dans nos marches l'effet que produisait ce nouveau vêtement associé aux vêtemens anciens; ici un cuirassier portait un manchon sur son casque, là, un grenadier cachait son uniforme sous une pelisse doublée de satin rose, plus loin un officier enveloppait son habit chargé d'or, d'une peau à peine préparée.

L'Empereur avait nommé le duc de Trévise gouverneur de Moscow: M-r Lesseps au paravant consul général de France en fut intendant, et l'un des premiers

soins de l'administration après l'établissement d'une municipalité fut la distribution des secours que l'Empereur accordait aux français restés dans Moscow.

Pendant ce temps nos corps s'avançaient encore; l'un était sur la route de Kaluga, l'autre sur la route de Twer, et le roi de Naples qui commandait le premier eut quelques affaires d'avant-garde avec l'ennemi: sa défaite sur ce point n'eut été qu'un faible malheur; mais on le connaissait assez pour craindre sa bravoure beaucoup plus que sa prudence, on ne pensa point à le vaincre, on chercha à le tromper. Quelques propositions de paix furent jettées en avant, il s'y laissa aller: il persuada à l'Empereur ce qu'il croyait lui même, qu'il pourrait conclure de la sorte un traité que l'ennemi paraissait désirer, et tous deux donnèrent à de vaines négociations un temps précieux. Le roi était séduit par l'apparence du rôle qu'il croyait jouer, et par les éloges que lui prodiguaient à dessein tous ceux des ennemis qui l'approchaient. L'Empereur enivré de ses succès, fier de dater de Moscow les réglemens d'administration intérieure de l'Empire, habitué à dicter la paix dans la capitale de ses ennemis, pensait suivre en ce moment sa route ordinaire; il croyait que Moscow renfermait encore des ressources abondantes. et par crainte le général Dumas lui cachait la disette prochaine: il croyait que les autres corps d'armée exécutaient librement tous les mouvemens qu'il avait prescrits et par faiblesse le prince de Neufchâtel ne lui disait ni la lenteur de M-r de Schwarzenberg ni les fautes du duc de Bellune, ni les combats de M. de Gouvion. Il croyait que les ennemis se dissipaient devant lui, que leurs forces étaient anéanties et leurs espérances détruites, et par ambition Lelorgne d'Ideville notre camarade, secrétaire interprète qui devait connaître la Russie qu'il avait habitée et dont il entendait la langue, lui répétait que les cosaques ne formaient pas plus de deux régimens, que les grands froids étaient très éloignés, que les journaux russes étaient remplis d'invectives contre Alexandre, et que le sénat de Petersbourg viendrait à genoux lui demander la paix.

Un moment dissipa toutes ces idées brillantes, les ennemis avaient vu arriver les froids de l'hiver, ils savaient par leurs nombreuses intelligences que nos approvisionnemens étaient épuisés; ils rompirent brusquement ces demi-négociations auxquelles il était si difficile de croire, et la connaissance forcée de l'état de nos ressources apprit enfin à l'Empereur qu'il fallait partir: il était trop tard déjà pour le faire avec succès, mais enfin il fallait partir. Les corps envoyés sur Twer et Tula se replièrent, les avant-postes furent relevés et changés de direction, le vice-roi fut d'avant-garde sur la route de Kaluga par Borowsk, le duc d'Elchingen se porta sur celle de Kubjuskoe et Mojaïsk, l'Empereur avec la garde marcha sur les traces du vice-roi, et le duc de Trévise resta dans Moscow avec l'ordre de faire sauter le Kremlin, et d'évacuer ensuite une position qui n'avait plus d'importance et que l'on ne pouvait guère défendre.

La sortie de Moscow était semblable à un triomphe: les dépouilles des vaincus paraissaient de toutes parts et l'orgueil que l'on sentait à les emporter était plus grand peut-être que le plaisir que l'on éprouvait à les posséder: plus de dix mille voitures composaient alors le convoi du grand quartier général, et cette foule d'équipage venait en entier de Moscow où chaque maison en renfermait cinq ou six: chaque soldat avait un bagage, chaque officier un fourgon, ou un droski, ou un wursk, ou une calèche, ou une berline attelés d'un nombre plus ou moins grand de chevaux; dans ces voitures, les fourrures, le thé, le sucre, les livres, les tableaux, les actrices du théâtre de Moscow étaient entassés pêle mêle: tous les effets pillés par les soldats avaient passé entre les mains des officiers, l'argent des officiers avait passé par échange entre les mains des soldats, et ce ne fut pas une des moindres raisons de l'insubordination et du désordre, lorsque tout nos bagages eurent été pillés que la pauvreté de ceux qui devaient commander et l'espèce d'opulence de ceux qui devaient obéir.

Ce départ dura trois jours et le quartier général était déjà à Borowsk que les équipages filaient encore. Arrivé sur ce point l'Empereur apprit que l'ennemi avait pris position à Malojaroslawetz; il vint à Grodnia puis à Malojaroslawetz même, le fit attaquer le 24 par le 4-e corps, et engagea le premier commandé par le prince d'Eckmühl, dans la journée du 25 tout alla bien jusques au soir; mais à cinq heures, l'ennemi découvrit les collines qui couronnent la plaine en arrière, et foudroya nos soldats: quelques charges furent essayées sur ce point le furent sans succès; l'Empereur dans son impatience voulut s'avancer lui même. La partie de son état-major qui ne l'avait pas suivi attendait le moment et l'ordre de l'aller rejoindre, quand tout-à-coup on le vit revenir au galop, il était poursuivi par un essaim de cavalerie légère. — Allons, messieurs, dit il en arrivant; les cosaques qui le pressaient s'arrêtèrent, mais il se retira néanmoins; il avait jugé la position des ennemis plus forte qu'il ne l'avait pensé d'abord, et il ne voulut pas engager un combat nouveau: il laissa le prince d'Eckmühl en ligne comme arrière garde, et revint d'abord à Borowsk le 26 puis à Vereja le 27 et se jeta dans la route de traverse qui conduit à Mojaïsk; ces chemins étaient impraticables, ils furent d'ifficiles à franchir et les premières pertes d'équipages datent de ce moment; elles étaient légères encore et ne produisaient aucun effet; mais elles préparèrent aux événemens qui suivirent. Le quartier général se porta à Mojaïsk, puis à Ghias, puis à Wiasma, où il était le 2 Novembre, et en avant duquel le vice-roi et le prince d'Eckmühl eurent un engagement avec l'ennemi à Dorogobus où on vint le 7, et où commencèrent tout d'un coup les grands froids, et enfin à Smolensk où l'Empereur arriva le 9 à pied, il avait cru qu'il marcherait sur le verglas plus vite et plus sûrement que ses chevaux qui tombaient à chaque pas, et tous ceux qui l'entouraient s'étaient fait une loi de suivre son exemple. On vit cet état-major rentrer dans la ville sans

chevaux, sans voitures et presque sans suite. Le vice-roi fut aussitôt dirigé sur Witepsk et le prince d'Eckmühl sur Mohilow, pendant que l'armée se réunissait et prenait quelque repos, et l'on attendit patiemment les nouvelles ou les ordres qui devaient décider des événemens ultérieurs.

Deux mois s'étaient écoulés depuis que l'on avait quitté Smolensk, les combats de Valoutino, de Mojaïsk, de Malojaroslawetz avaient ajouté à la gloire de nos armes. Ghiat, Wiasma, Dorogobuj, Mojaïsk, Moskow la sainte n'existaient plus, mais déjà l'Empereur et l'armée avaient rencontré des obstacles inconnus, notre marche n'était plus celle de la victoire, et, à travers l'obscurité de l'avenir un secret pressentiment nous avertissait qu'il faudrait désormais plus que de la valeur, plus peut-être que du courage.

Tels étaient les recits qui occupaient nos longues marches, et le plaisir de conter notre gloire, nos exploits et nos revers honorables encore était presque le seul qui put nous distraire de la triste uniformité de la route. *)

Si l'on joint aux souffrances physiques, la tristesse qu'un revers imprévu et incalculé jettait nécessairement dans le coeur et l'inquiétude que ces cosaques qui se gardent si bien donnaient toujours à des gens qui se gardent si mal; on concevra facilement combien le chemin qui sépare Orsca de Borisow dût nous paraître long et pénible, à Borisow de nouveaux événemens, de nouveaux dangers nous attendaient.

Le prince de Schwarzenberg qui répondait toujours aux ordres de l'Empereur, qu'il attendait pour agir, les intentions de sa cour, avait laissé arriver l'armée de Wolhinie de Bobruisk sur Minsk et faisait un mouvement sur Warsovie au lieu de venir à notre secours, l'amiral Tezitezakow s'empara de sans difficulté s'avança par Smolewitezky vers Borisow dont il débusqua le général Dombrowsky et prit position sur la rivière, malgré l'échec qu'il avait éprouvé en avant près de Loschniza;

*) Notre pensée dominante alors n'était pas le danger, ce n'était pas même le retour futur; des soins beaucoup moins nobles nous occupaient, le froid et la faim étaient le premier objet de nos craintes et de nos combinaisons, et tous les moyens étaient employés pour s'en défendre. Notre premier soin en arrivant dans un village, lorsque nous étions assez heureux pour ne pas bivouaquer dans une plaine ou dans un marais était d'examiner s'il ne se présentait pas quelques tuyaux de cheminée: ce tuyau nous indiquait un four, et dès lors l'étable la plus sale serait devenu un lieu de délices.

Sur la route de Molode et de Cheno nos souffrances semblèrent diminuer parcequ'elles ne prirent plus d'accroissement. La route d'Orsca à Borisow et à Sembyn nous offrit continuellement au contraire l'affreuse perspectives de souffrances qui augmentaient chaque jour et qui chaque jour devenaient plus difficiles à supporter.

Un jour le général Claparède qui commandait le quartier général où nous nous trouvions, choisit pour notre station de la nuit un marais situé sur le bord de la route, et dont un moment de dégel avait fait augmenter l'humidité naturelle, nous y fîmes nos feux, et nous tâchâmes d'y dormir, mais la nuit le froid reprit toute son intensité, la neige qui tombait à gros flocons se durcit et le lendemain matin, au moment du reveil, plusieurs d'entre-nous se trouvaient engagés dans une croute de glace qu'il fallut briser pour avoir la faculté de se lever.

il étendit ses ailes, couronna les hauteurs et nous attendit de pied ferme avec l'intention de disputer le passage. Il était instruit de notre situation, il savait combien de désastres nous avions éprouvés, combien de pertes nous avions souffertes, il savait que nous n'avions plus de moyens de défense ni d'attaque, M. de Kutuzow nous suivait et nous débordait par la gauche, et Wittgenstein nous serrait par la droite; notre perte paraissait assurée.

Nous arrivâmes le 25, et nous nous jettâmes sur le champ vers la droite; chacun de nous pouvait calculer et chacun calculait alors le danger qui nous menaçait; et l'on peut difficilement se faire une idée du triste aspect de l'armée: j'ai ce tableau présent encore: le quartier général s'était arrêté: l'Empereur après avoir dormi une heure était monté à cheval pour aller reconnaître et l'on attendait ses ordres. Il était onze heures du soir: une nuit épaisse nous couvrait, un froid extrêmement vif se faisait sentir, et tous nous étions assis sur la place du village, tristes pensifs, jetant de tristes regards sur tout ce qui nous entourait, interrogeant mutuellement nos yeux pour y chercher de l'espérance, sans y voir que de la résignation, et considérant par intervalles nos épées comme notre ressource dernière: de temps en temps le bruit du canon se faisait entendre à notre droite ou à notre gauche, interrompait un moment le lugubre silence ou nous retombions aussitôt, et nous avertissait de l'horreur de notre situation; nos soldats étaient exténués par la fatigue, découragés par la faim, abattus par le froid: la moitié d'entre'eux n'avait point d'armes: la cavalerie était détruite, et l'escadron sacré même n'existait plus: l'artillerie était entièrement perdue; la poudre manquait: et dans ces circonstances après une marche de cinq semaines, il fallait passer un fleuve rapide et difficile, emporter des positions et triompher de trois armées qui nous attendaient et qui croyaient nous porter le dernier coup. Bien des espérances se dissipèrent, bien des courages s'évanouirent alors, et la seule vue de ce vallon où coule la Bérézina, de ces hauteurs garnies d'ennemis, porta la terreur dans des âmes que la mort effrayait moins que l'impossibilité du retour.

L'Empereur vit le danger et chercha à le vaincre. Le deuxième corps et le neuvième, ceux mêmes qui avaient si mal défendu Witepsk et la Russie blanche se trouvaient alors repoussés sur notre droite par Mr de Wittgenstein mais c'étaient des corps frais qui n'avaient perdu ni leurs armes ni leurs munitions, on retrouva des fusils, des canons, de la poudre et le courage commença à renaître. L'Empereur manoeuvra toute la journée du 25 et le 26, au moment de se porter sur Studzianca, il fit appeler le comte Pahlin, major des chevaliers-gardes et adjudant de l'Empereur de Russie: vous voyez, lui dit-il, la position dans laquelle je me trouve, trois armées me pressent de tous côtés, je n'ai plus de munitions, ni de vivres, et la retraite m'est coupée. Allez dire à votre Maître que vous m'avez vu dans cette situation, que j'en sortirai, et que s'il prétend me faire la loi j'irai traiter

Pétersbourg comme il a traité Moscow. Le comte Pahlin partit et le mouvement commença.

Les ennemis en s'emparant des collines avaient établi des batteries dont les feux croisés couvraient le cours de la Bérézina; et avaient jetté tout le long de la rive droite des tirailleurs et de la cavalerie qui incommodait et enlevait nos tirailleurs; le duc de Reggio envoya quelques partis qui traversèrent à la nage, chargèrent les tirailleurs russes et les culbutèrent: deux ponts furent jettés, et le deuxième corps passa sur le champ, attaqua les russes, et après une assez vive tentative les repoussa sur Borisow.

La possibilité de franchir le fleuve semblait assurée; mais il fallait se donner le temps de franchir le passage, et les ennemis nous pressaient de toutes parts; M-r de Kutusow faisait les derniers efforts pour nous acculer à la Bérézina, et nous placer entre l'armée de Wolhinie et la sienne, M-r de Wittgenstein que le deuxième et le neuvième corps avaient contenu jusque là, essayait de se placer entre nos corps et de se joindre à l'amiral Tezitezakow pour nous attaquer. Il fallait profiter du temps, on se hâta, le passage dura deux jours et ne finit que le 27 dans un moment où déjà les armées de la Dwina et de Wolhinie profitant du moment de retraite du neuvième corps qui était d'arrière garde avaient opéré leur jonction, et déployaient de nouvelles forces sur Studzianca. Le 26 et le 27 au matin, il avait été déjà difficile de traverser les ponts au milieu des voitures, des équipages; des trains, qui étaient accumulés sur le bord, et de la foule innombrable qui se pressait à l'entour; le 27 au soir le passage fut plus que dangereux. Déjà les feux ennemis balayaient les ponts avec une rapidité effrayante, et nous ne pûmes traverser l'un des deux qu'en courant derrière une petite voiture qui courait elle même avec toute la vitesse dont elle était susceptible pour échapper aux boulets.

Le 28 au matin une partie des équipages restait encore sur la rive gauche, lorsqu'en même temps l'armée de la Dwina attaqua le neuvième corps sur la rive gauche, et l'armée de Wolhinie le deuxième corps sur la rive droite. Toutes deux furent repoussées après un combat sanglant, ou le duc d'Elchingen se couvrit de gloire. Le duc de Reggio blessé contint l'ennemi du côté de Borisow. Le duc de Bellune passa avec le peu d'équipages qui n'avaient pas été enlevés ce jour même. L'armée se réunit, et cette fois encore les projets, la haine et l'effort des ennemis vinrent échouer contre le courage des français.

De Sembyn où nous étions deux routes s'offraient également à nous; celle de Minsk par Borisow et Smolewitski et celle de Wilna par Molodetchno, ou plutôt celle de Minsk était la seule véritable, mais il fallait traverser les forêts, il fallait allonger notre marche de trois jours. L'empereur tenta le parti le plus hardi et le plus difficile, il se dirigea par un chemin de traverse, à travers des marais, et des bois, mais dans un pays plus neuf, plus abondant et plus propre à favoriser notre marche.

Le vice-roi était d'avant-garde, il passa le premier et éclaira la route: le duc d'Abrantès venait ensuite avec les huit cents hommes qui composaient les seuls débris du corps qu'il avait commandé; arrivé à une chaussée coupée de ponts qui traverse pendant un espace de cinq à six lieues des marais impraticables, il fait défiler ses huit cents hommes, et ordonne qu'on brûle le pont; le comte de Grouchy accourt pour l'en empêcher et lui représente que l'Empereur et l'armée sont derrière: le duc d'Abrantès répond froidement qu'il en sera plus en sûreté et que tout le reste lui est indifférent; M-r de Grouchy insiste et enfin pendant cette discussion les premiers hommes du corps de bataille arrivent et le duc d'Abrantès cède à l'approche de l'Empereur. On ne peut penser sans frémir à l'horrible désastre qu'aurait causé une action de ce genre: c'en était fait, et aucun de nous n'aurait revu la France.

Le premier et le second jour de marche après la Bérézina sont ceux peut-être ou nous avons le plus souffert de la faim: nos faibles provisions étaient épuisées et nous n'avions eu encore aucun moyen de les renouveler. Le jour même du passage, nous allâmes trois ensemble demander à souper au général Laborde. Il nous donna ce qu'il avait; c'était une bouillie d'avoine cuite avec de la graisse dans l'eau de neige. Le surlendemain après avoir marché cinq à six heures, tombant de lassitude et de besoin, j'achetai à force d'argent une galette de fumier mêlé d'un peu d'orge que je couvris de marc de betterave fermenté, et ç'aurait été la toute ma nourriture si le général Charpentier naguère gouverneur de Witepsk et alors chef de l'état major du premier corps, ne m'eut donné un peu de pain et même du pain blanc qui me parut le mêt le plus délicieux que j'eusse jamais goûté. A mesure cependant que nous avançons, nous éprouvions une privation moins rigoureuse, et nous trouvâmes plus de ressources dans les villages que nous traversions. Je dis nous, et j'entends les officiers de la maison ou de l'état major ou ceux qui avaient gardé assez d'argent pour acheter à tous prix des choses si nécessaires, les autres souffrirent jusqu'à Konisberg, et cette souffrance est affreuse: je l'ai éprouvée, je l'ai vue portée chez d'autres à un point intolérable. J'ai vu, et j'ai quelque pudeur à le dire; j'ai vu des prisonniers russes, portés aux dernières extrémités par la faim dévorante qui les pressait, parcequ'il n'y avait pas de vivres pour nos propres soldats, se jeter sur le corps d'un bavaois qui venait d'expirer, le déchirer avec des couteaux et dévorer les lambeaux sanglans de ce cadavre; je crois voir encore la route, le bois, l'arbre au pied duquel se passa cette horrible scène, et je voudrais pouvoir en effacer le souvenir, comme j'en ai fui le spectacle. Il faut tout dire, ces russes ne sont point de la même espèce que les hommes qui vivent sous nos yeux. C'est une autre race, c'est une nature abrutie, dégénérée, ingrate, mais quelle qu'elle soit, est-il donc possible de penser qu'il y a dans le monde un état de choses qui force les hommes à de semblables crimes?

Nous étions allés le 30 à Plesezticzenizy. En le quittant nous abandonnâmes cette route, et nous nous dirigeâmes par des chemins de traverse au milieu de ces plaines inconnues: pendant ce temps M-r de Wittgenstein instruit de notre marche se hâta de nous suivre et cherchait encore à nous couper: un parti de son avant-garde se jettat dans un village où le duc de Reggio blessé venait d'arriver avec ses aides de camp, ses gens, et quelques soldats qui précédaient l'armée: ils voulurent l'enlever, et trouvèrent de la résistance, le combat s'engagea, ils avaient deux pièces de canon qui ne firent point d'effet, le maréchal soutint le siège dans la maison qu'il occupait, et se défendit courageusement jusqu'au moment où l'arrivée de nos soldats contraignit les russes à se retirer. Cette fois encore il fut blessé d'un éclat de poutre: mais cette fois encore il vint à bout de ce qu'il voulait faire et repoussa l'ennemi, cette escarmouche fut à peu près la seule, et nous entrâmes assez tranquillement le 3 Décembre à Molodetchno après une marche de quatorze lieues et une journée de dix heures pour lesquelles l'espoir d'arriver nous avait donné des forces.

Le vice-roi y était encore, et on attendait l'Empereur, nous nous y logeâmes et le lendemain matin sur l'assurance du général qui y commandait nous nous mîmes en route pleins de confiance et de sécurité. Le convoi des équipages était parti une demi-heure environ avant nous, nous hâtons le pas pour le rejoindre, et déjà réunis à environ cinquante dragons de la garde qui allaient à pied sur la chaussée nous approchions des voitures, lorsqu'à un cri soudain la petite colline au pied de laquelle nous allions passer se couvre de cosaques, ils descendent en foule, une partie se jette entre le convoi et nous, et nous coupe le chemin; un autre court au galop sur les voitures disperse l'escorte, perce quelques soldats, met en fuite tout le reste, et emmène quelques voitures du prince de Neufchâtel et de M-r Daru, et un des fourgons de l'Empereur. Le général Dumas malade et couché dans sa berline n'a que le temps de monter à cheval. Un de ses aides de camp est blessé à pied à côté de lui, et nous voyons aussitôt partir au galop sa berline et celle dans laquelle étaient le reste des papiers du ministère, les couvertures des traités et les sceaux dans leurs boîtes de vermeil, tout préparés pour la paix. Combien il fallu nous applaudir en ce moment de la sage précaution qui le lendemain du combat de Krasnoï fit brûler les livres et les papiers qui pouvaient donner à l'ennemi quelques notions précises sur l'état véritable du trésor, de l'Empire ou de l'armée, cette opération avait duré trois heures, et pendant ce temps lisant et brûlant alternativement j'ai pris connaissance de choses que personne ne saura probablement jamais, et que je ne veux pas même écrire; dans le nombre de ces documens, était le livre secret des finances, qui contenait depuis plusieurs années la situation réelle des ressources et des besoins, des recettes et des dépenses. Le rôle des troupes ou était expliquée et résumée notre force effective. Le registre d'ordre destiné à renfermer une multitude de dispositions qui ne sont ni décrets, ni lois, etc.

Pendant qu'un parti de cosaques dispersaient et enlevaient ce convoi, les autres s'étaient portés devant nous et s'arrêtaient à nous envelopper, nous nous serâmes en colonne, un capitaine de cuirassiers qui était là en prit le commandement. nous descendîmes dans un ravin, nous nous appuyâmes à un petit bouquet de bois; en un mot nous fîmes si bonne contenance que l'ennemi se consulta, et qu'il laissa à un détachement envoyé par le vice-roi le temps d'arriver et de nous délivrer.

Le reste de la journée fut assez heureux; nous arrivâmes le soir à Soezkewitszy, et par la plus grande fortune du monde, un de mes camarades et moi en arrivant à la poste, nous y retrouvâmes encore deux chevaux à Smorgony nous obtinmes non sans peine un traîneau et nous continuâmes notre route serrés l'un contre l'autre parceque le traîneau était trop petit, partageant une seule pelisse que nous avions pour nous garantir d'un froid de vingt sept degrés, tantôt courant rapidement lorsque les chevaux étaient bons, tantôt prêts à nous engloutir dans une rivière, lorsqu'à défaut de postillons nous étions obligés de conduire nous mêmes au milieu de la nuit, disputant à chaque poste pour avoir des chevaux, mangeant tout ce qui se présentait lorsqu'on nous faisait attendre, mais étonnés, heureux, contents, transportés de joie de faire en trois heures ce six ou huit lieues qui occupaient d'ordinaire une journée, de n'avoir à craindre que des cosaques dont nous bravions l'approche et de trouver enfin dans la ville où nous allions arriver, l'occasion de nous reposer, le moyen de nous garantir du froid et l'assurance de ne pas mourir de faim.

Anatole Montesquiou, Emmanuel Lecoulteux et Talhouet faisaient la même route et en même temps que nous: les deux derniers étaient blessés: le premier chargé depuis Smolensk de porter en France des dépêches avait saisi le premier instant favorable pour passer, et partait avec de nouvelles instructions et l'ordre d'annoncer l'arrivée de l'Empereur.

Dans les deux postes qui précèdent Wilna nous rencontrâmes sur la route les plus belles troupes du monde: c'était une division de 12000 hommes toute fraîche, qui arrivait d'Italie; dès qu'elle eut joint l'armée on la mit d'arrière garde; mais le mauvais exemple et la crainte eurent un tel effet qu'au bout de cinq jours, il ne restait pas trois cents hommes sous les drapeaux tout le reste pour me servir de l'expression de temps, était entièrement démoralisé et s'était abandonné soi-même.

Nous arrivâmes tous ensemble à Wilna, Nicolaï qui en était intendant nous reçut avec une bonté toute aimable.

Je pensais comme toute l'armée que nous y prendrions quelque repos; mais l'Empereur venait de déclarer à Molodetchno qu'il laissait le commandement au roi de Naples, il partit, traversa à une heure du matin Oszmjana ou les cosaques avertis par leurs espions firent deux heures à minuit trois quarts et à une heure un quart, arriva à Wilna dans le plus strict incognito le 6 Decembre, en repartit sous l'escorte des chevaux légers de la garde Napolitaine, qui repartis par l'ordre du

duc de Bassano sur la route de Kowno croyaient conduire un courrier du cabinet, et revint à Paris par Warsovie et Leipsic: le roi de Naples déjà démoralisé lui même arriva sans ordre à Wilna *), y resta trois jours inutiles, fit consommer toutes les provisions des habitans sans toucher aux magasins, refusa l'on ne sait pourquoi, d'autoriser la distribution de 140,000 habits et des riches approvisionnemens qui étaient conservés en dépôt, et fit enfin donner l'ordre d'abandonner la ville, sans qu'il y eut de motif puissant, ou même de raison apparente qui put justifier une telle démarche.

Le dix Décembre même j'étais allé demander à M-r Daru s'il savait qu'elles étaient les dispositions du lendemain, et s'il y avait quelque fondement aux bruits que l'on répandait. Il m'assura que non et déjà j'étais tranquillement rentré chez moi, lorsque tout-à-coup le tambour se fait entendre, la générale bat dans toutes les rues, le tumulte augmente de tous côtés: nous courons, M-r Daru partait: eh! monseigneur, lui dis-je, qu'est ceci? — On part, me repond-il; les cosaques sont entrés déjà dans la ville, on ne peut se défendre ici, le roi est allé se loger à l'extrémité du faubourg pendant que l'armée défile, et nous allons le rejoindre. Nous nous rendîmes près du roi.

La maison qu'il occupait n'était composée que de deux chambres. Il était seul dans l'une avec le prince de Neufchâtel et M-r Daru; nous étions tous dans l'autre couchés par terre sur le côté autour d'une seule chaise sur laquelle on avait assis le duc de Dantzick. Au bout d'une heure nous partîmes, nous passâmes avec quelque peine cette terrible montagne où furent perdus les restes de nos équipages, et où déjà tous les convois arrêtés par l'embarras des roues et la difficulté du chemin offraient un assez triste spectacle et nous continuâmes à une heure du matin notre route incertaine et mal assurée, au milieu de la neige qui ne laisse guères de traces certaines et par une nuit si noire que nous ne pouvions distinguer devant nous. A trois ou quatre heures nous entrâmes M-r de M... et moi dans une cabane misérable, ouverte déjà de deux côtés, mais où la lueur de la nous attirait. Pour y pénétrer, il fallut franchir les corps glacés de cinq à six soldats morts en dedans près de la porte; le feu qu'ils avaient allumé s'était éteint avec lui avait disparu le reste de chaleur et de vie qui les soutenait encore, ils avaient expiré, et leurs cadavres inanimés conservaient encore l'attitude du besoin auprès du brasier dernier aliment de leur vie. Plus loin étaient rangés quelques hommes assis sur une poutre autour d'un feu dont la chaleur était presque consommée dans

*) Je puis citer ici un seul fait qui donnera l'idée de la rigueur du froid. Le jour ou le roi de Naples dut arriver on mit à huit heures du matin deux cents des chevaux legers de sa garde en bataille sur la place. Il n'arriva qu'à cinq heures du soir; près de trente hommes étaient morts avec leurs chevaux et le lendemain il n'en restait pas soixante vivans de cet escadron. Je crois me rappeler que le froid était ce jour là de 28° 1/2.

l'air rare et dense, avant d'arriver à nous: je m'assis au dernier rang à côté de deux soldats dont l'un attisait la flâme, et dont l'autre semblait céder à une espèce de sommeil. J'allais m'assoupir, lorsqu'un bruit léger rappelle mon attention, je me tourne, je vois ce même homme étendu par terre: bon Dieu! m'ecriai-je, qu'est ce donc? Rien, rien, reprend tranquillement mon voisin, c'est celui là qui a eu trop froid, et en disant ces mots, il soulève le cadavre, le jette par derrière et s'assoit à sa place. Il faut le dire, nous étions arrivés à un tel degré d'abrutissement que cet horrible spectacle me fit peu d'impression; j'essayai de me rendormir et j'oubliai ce malheureux pour penser à moi.

Le jour vint, nous étions entrés environ trente dans cette cabane, nous en sortîmes vingt quatre, et ce qui est affreux à dire, c'est que ce fut à peu près la proportion commune des pertes de nuit pendant la retraite. Chaque soir voyait réunis autour du même feu, ou sous le même arbre cinq personnes dont une avait le lendemain matin été victime du besoin, du froid et de la souffrance, et ceux qui restaient pouvaient calculer comme nous l'avons fait, jusqu'à quel jour environ leurs forces pouvaient les conduire, quel jour ils auraient moins de force que de courage, et quel jour ils abandonneraient la vie: oh! qu'il était triste ce sentiment secret et profond qui nous avertissait du terme, qui nous le montrait plus rapproché par chaque peine ou par chaque privation et combien de fois nous avons porté de tristes regards sur cette terre étrangère en pensant que nos derniers adieux ne seraient pas entendus, que notre mort serait isolée, et que nous n'aurions pas même ce dernier regard, ce dernier signe de la main qui console encore le coeur lorsque la bouche ne peut plus rien exprimer.

Le jour vint, nous reprîmes notre route, et dans l'espoir de devancer à Kowno le corps d'armée, je doublai l'étape, je passai le village où l'on s'arrêtait, et j'essayai de gagner Soboliezki: le crépuscule du matin m'avait vu partir, le crépuscule du soir arriva que je marchais encore; j'étais exténué de fatigue et de besoin, un traîneau passe à côté de moi attelé d'un seul cheval; je crois reconnaître l'uniforme d'un soldat, et je demande humblement une place que je promets de bien payer: ce soldat était un officier de cuirassiers; il me répondit à demi et m'accorda par pitié la permission de me tenir à peu près debout sur le derrière du traîneau: le lendemain j'eus un peu plus de place pour recommencer le voyage.

Nous gagnâmes enfin Kowno le 14 Décembre au matin: déjà l'armée y était arrivée et déjà l'on se préparait à lui faire franchir le Niémen.

En sortant de Kowno l'armée se dirigea sur Tilsitt: ce mouvement était naturel et sagement combiné, il offrait le double avantage d'éviter le retour par Prenn où l'ennemi devait être déjà et de se rapprocher du duc de Tarente qui instruit à temps, pouvait sinon faire l'arrière-garde, au moins se rapprocher et protéger notre retraite. J'étais parti seul de Kowno et en voyant du pont que l'armée prénaît la

direction de droite, je me décidai à prendre la direction de gauche. Je courrais bien quelques dangers, mais j'évitais l'embarras de ces marches tumultueuses et je croyais trouver plus facilement des moyens de vivre. La route d'ailleurs m'était connue, et je la suivis. Au bout d'une heure, un traîneau conduit par des polonais passa près de moi. J'y achetai une place, je montai et je m'endormis avec la joie de continuer doucement mon voyage. Quelques momens se passent, je m'éveille: nous avions quitté le grand chemin, nous courrions en nous rapprochant du Niémen au milieu d'une vaste plaine de neige ou quelques bouquets d'arbres s'élevaient de distance en distance, et nul indice ne s'offrait plus aux yeux qui put me ramener vers la route ordinaire. Je veux arrêter, on continue de marcher: je parle, on feint de ne me pas entendre et bientôt le traîneau arrive vers une cabane assez considérable, on ouvre, on me fait entrer, et je me trouve au milieu d'une douzaine d'hommes vêtus de l'uniforme russe, et causant dans cette langue que je ne comprenais pas. Je demande aussitôt à sortir, mes polonais qui pour cette fois m'entendent très bien m'engagent à rester; j'insiste, on refuse, je tire mon épée, seule arme qui me fut restée, et avant qu'ils aient eu le temps de prendre les leurs je passe au milieu d'eux, et je m'élançai dans la campagne; j'étais libre; mais que faire, que devenir. La nuit approchait, j'étais seul au milieu de cette neige éternelle, et je ne savais où diriger mes pas. Je marchai d'abord au hasard, et par un bonheur inespéré j'aperçus enfin quelques hommes qui passaient non loin de moi; je leur demandai en polonais où était la grande route, ils me l'indiquèrent et en suivant la direction qu'ils m'avaient donnée j'arrivai au bout de deux heures non loin de Prenn dans un village que je suppose être celui de Kozla.

Il était tard, le village était déjà occupé par quelques hommes de l'armée et par quelques soldats des régimens suisses qui venaient de leurs dépôts; un de ces derniers logé dans la même cabane que moi, menait avec lui sa femme jeune encore et qui trois jours avant était accouchée d'un fils. Elle souffrait beaucoup, et son estomach affaibli ne pouvait digérer le pain d'avoine qui composait la nourriture de ses compatriotes; il me restait un morceau de pain blanc, c'était ma seule ressource, il est vrai, mais je ne souffrais pas beaucoup, et elle souffrait, je lui donnai mon pain blanc; les remerciemens eurent sans doute de la vertu, car un moment après le paysan qui habitait cette cabane m'offrit des pommes de terre; j'en achetai, je les fis cuire, et après souper je me couchai joyeux sur la botte de paille que ces bons suisses me donnèrent auprès du feu du poêle.

De Kozla j'allai par Pilwisk et Wilkowiczki à Gumbinen et à Konisberg. Je n'oublierai jamais le plaisir que j'éprouvai dans ces premiers villages lorsque mes oreilles furent frappées du son des mots allemands, lorsque je pus employer cette langue, et que je ne fus plus obligé de recourir au polonais que je savais trop mal pour me faire entendre généralement. Il me semblait que je trouvais des amis

des alliés, que je renaissais enfin à un avenir, à une espérance. Et je croyais voir déjà la terre de France puisque j'avais quitté la Russie.

Cependant l'armée avait continué sa route vers Tilsitt: attaquée sur quelques points, mais marchant toujours. Elle arriva enfin à Konisberg où elle resta jusqu'aux premiers jours du mois de Janvier 1813. Elle avait alors pris position sur trois lignes, du Niemen à la Vistule, et de Lublin à Dantzick. Le quartier général à Konisberg, le duc de Tarente à Tilsitt et la division fraîche qu'avait amenée le général Heudelet, sur la Pregel depuis Tapiau jusques à Interburg. Le prince de Schwarzenberg à Byalystock et le général Reinier à Brzesck tenait le Bug et couvraient le duché de Warsovie. Le 1-er corps à Thorn, le 2-me à Marienwerder, le 3-me à Elbing et le 4-me à Marienburg occupaient la Prusse orientale en arrière de Pregel: le 5-me à Warsovie, le 6-me à Plock s'étendaient en seconde ligne derrière le 7-me et derrière l'armée autrichienne. Le duc de Castiglione commandait le 11-me dans Berlin, et le comte Rapp le 9-me à Dantzick. Par l'effet de ces mouvemens l'Allemagne était couverte au nord et à l'orient, et l'on devait penser qu'elle serait inattaquable tant qu'elle voudrait contribuer à sa propre défense. Le roi de Naples se promettait et affirmait à la Moussaye résident de France à Dantzick qui s'était rendu auprès de lui, qu'il ne quitterait point sa position sans combattre, et qu'il y attendait que l'armée se fut reformée en entier comme elle commençait à le faire. Mais le 30 Décembre le général Yorck traita avec le comte de Wittgenstein et passa à l'ennemi suivi de son corps d'armée. Le duc de Tarente réduit à six mille hommes pour tous moyens de défense, revint en toute hâte à Konisberg, les russes l'y suivirent, le quartier général se porta sur Elbing, ou on l'attaqua: vainqueur dans une affaire sanglante, le roi de Naples se trouva cependant trop faible pour se soutenir sur ce point, il abandonna la Prusse orientale, descendit à Marienwerder, puis à Bromberg, et vint à Posen. Le duc de Tarente conduisit à Dantzick les restes de son corps, et les y enferma après avoir garni l'île de Nogat: le général Rapp eut alors 25000 hommes environ, la place contenait des vivres pour un an et était couverte par des fortifications savantes: il se prépara au siège. Le prince d'Eckmülh prit position à Bromberg, les troupes Saxonnnes s'avancèrent à Glogau, et la ligne de l'armée s'établit encore une fois au midi. Le général Reignier et le prince de Schwarzenberg se placèrent entre Pultusk et Ostrolenska, la confédération de Warsovie appela tous les citoyens aux armes, et l'on put croire que la Pologne était à couvert des invasions de l'ennemi et que les forces rassemblées par l'Empereur d'Autriche du côté de la Galicie opéreraient à temps les mouvemens de jonction.

Dans ces entrefaites le vice-roi avait pris le commandement de l'armée; mais son habileté ni son courage ne purent suffire à défendre avec des troupes affaiblies et découragées un pays qui ne voulait point se défendre: la défection du général Yorck et la retraite du duc de Tarente qui en avait été la suite avait permis aux

armées russes de Courlande, de la Dwina et de Moscow de se réunir, de pénétrer en Prusse, et de porter tous leurs efforts sur le même point, tandis que l'armée de Wolhynie entraînait dans le grand duché. Le vice-roi renforça la garnison de Thorn et de Modlin pour occuper le cours de la Vistule dont Dantzick nous assurait les embouchures; rappella sa droite en plaçant le prince de Schwarzenberg et le prince Poniatowski sur la Pélica et sous Cracovie et le général Reignier derrière eux de manière à couvrir Dresde, abandonna la ligne de la Vistule que l'occupation de Warsovie ne lui permettait plus de tenir librement, puis celle de l'Oder, et vint à Posen, à Francfort, et de Francfort à Berlin.

Les russes profitaient avec ardeur de tous leurs avantages; ils étaient déjà surs des prussiens, et ils tirèrent partie de cette défection cachée encore, et plus redoutable mille fois par cela même qu'elle n'était pas connue ils passèrent en plusieurs endroits l'Oder sur la glace et attaquèrent nos troupes à qui le défaut de cavalerie et d'artillerie laissait peu de moyens d'attaque ou de défense; pour leur résister avec succès il fallait s'appuyer sur des places plus fortes que Berlin et Francfort et se joindre aux corps qui arrivaient de France. On abandonna l'Oder après avoir jetté de fortes garnisons dans Spandau, Stettin, Custrin et Glogau. Le vice roi quitta Berlin qui fut occupé deux heures après par les troupes ennemies, se porta sur Leipzick où il soutint un combat sanglant, plaça sur l'Elbe les 1-er, 2-me, 7-me et 11-me corps, et s'appuya par ses derrières sur Magdebourg où le général Lauriston avait réuni des forces considérables. Là il se soutint avec des succès variés et des fortunes diverses, mais toujours avec le même courage et la même habileté jusques à ce moment où son arrivée décida la victoire et acheva la bataille de Lutzen. Cette campagne sans succès justifia pour lui les paroles de l'Empereur qui dans la retraite de Moskow disait — le voyez-vous? c'est l'autre prince Eugène; nous avons tous commis des fautes, il n'y a que lui qui n'en ai point faites.

Ici s'arrêtent les souvenirs que j'ai pu conserver de cette campagne mémorable. Envoyé d'abord à Dantzick avec une mission nouvelle, puis à Berlin, j'avais du prévoir en traversant la Prusse et en arrivant dans la capitale de ce royaume la défection qui allait éclater de tous côtés. La haine et le désir de la vengeance se montraient ouvertement, les menaces se déguisaient mal et le terrible „voe victis“, était partout prononcé. Les paysans des campagnes, le peuple de Berlin, les seigneurs et le Prince Royal lui même demandaient hautement vengeance de leur longue servitude *).

*) Personne ne l'ignorait, et cependant le ministre de France M-r de S-t Marsan refusait d'ajouter foi aux mauvaises dispositions de la Prusse. Il pensait que la bonne intelligence et l'union devaient subsister toujours et il entretenait M-r de Bassano dans cette funeste confiance. Envain on le pressait d'instances, on l'accablait d'avis il ne croyait ou ne voulait rien croire et se reposait dans cette tranquillité.

A ce même moment nous abandonnâmes Berlin pour revenir en France: déjà les corps d'observation avaient franchi le Rhin et se portaient en avant, Bamberg, Wurtzbourg, Francfort étaient des quartiers généraux, une grande armée nouvelle se préparait; l'Empereur avait appelé des conscrits, formé des gardes d'honneurs, fait marcher des gardes nationales; la guerre se préparait avec une nouvelle fureur sur le Rhin pendant que la rigueur du froid la suspendait sur l'Elbe, et cependant la Prusse, l'Autriche, la Suède s'apprêtaient à tourner leurs armes contre nous. Ces lithuaniens cherchaient à force de bassesse à faire oublier l'éclair de liberté dont ils n'avaient pu soutenir la vue: peuple malheureux et lâche qui n'a su venir qu'au secours des vainqueurs, plus de courage de la part des lithuaniens plus de fidélité de la part du général Yorck eussent arrêté tous nos désastres: le désir d'une vengeance peut-être légitime, mais imprudente, et la politique faible des états d'Allemagne a fait le reste. Ils ont appelé les habitans du nord au sein de leurs campagnes, au milieu de leurs villes; un jour peut-être, et ce jour n'est pas éloigné, ils sentiront combien est pesant le joug de ces nouveaux maîtres, et si l'expérience de ces deux armées n'a point appris aux habitans de l'Ingrie et de l'Ukraine ou de la Sibérie que le chemin est court du Rhin au Boristhène, et qu'ils peuvent facilement le franchir, nous rétablirons ces barrières naturelles qui doivent séparer des hommes et des pays si différens et l'Europe après cette effroyable crise se reposera de sa gloire dans son épuisement.

Замѣтка о Кулибинскихъ часахъ.

Стѣнные астрономическіе часы недѣльные, работы Кулибина, принадлежали графу Бутурлину, имѣвшему свой домъ въ Нѣмецкой слободѣ, купленные за 18 т. р. асс. Они во время нашествія на Москву французовъ въ 1812 году были управляющимъ его сняты съ футляромъ и въ цыновкѣ опущены въ прудъ и лежали до весны, послѣ ихъ вынулъ графской часовщикъ Леонтьевъ вычистилъ и часы идутъ до сихъ поръ у Г-на Обнинскаго, живущаго на Пятницкой, противъ церкви Св. Климента, въ собственномъ домѣ.

Enfin le Prince Royal se déclare hautement, et lorsque la nouvelle de la défection du général Yorck arriva, il dit en pleine cour qu'il approuvait cette conduite, qu'il la trouvait raisonnable et juste, et que s'il eut été roi, il eut donné à M-r D'Yorck le cordon de l'aigle noir. Ce discours avait été trop public pour être ignoré: le roi ordonna les arrêts au Prince Royal pour 15 jours et le surlendemain il sortit, et il alla seul en grande loge à l'opéra où il fut reçu avec une fureur d'applaudissemens dont nous savions trop bien la cause et dont nous nous fussions peut-être offensés si nous eussions été assez en force pour imposer encore à ce peuple irrité.

Письмо П. Невѣровскаго А. И. Тургеневу, 28 августа
1815 года.

Милостивый Государь
Александръ Ивановичъ!

Городъ Слуцкъ, куда я пріѣхалъ едва 23 Августа, есть цѣль моего путешествія. Здѣсь живетъ матушка моя. Я пріѣхалъ сюда, чтобы вмѣстѣ съ нею проливать слезы. Чего не видѣла, чего не претерпѣла она во время войны? Малой домъ ея былъ всегда ротнымъ дворомъ: отдавать все, чего ни требовали, было еще сносно. Наступилъ грабежъ. Люди уходили, куда могли. Солдаты бѣгали по домамъ — рубили шкафы и сундуки. Матушка моя скрывалась въ саду безъ пищи. Варвары нашли и обыскивали ее; одни съ нагайками, другіе съ саблями обнаженными требовали денегъ. Она клялась, призывая Бога во свидѣтеля, что нѣтъ ихъ, и падая къ ногамъ злодѣевъ, просила о пощадѣ жизни. Ахъ! одинъ этотъ случай что могъ произвести въ женщинѣ, обремененной уже лѣтами? я отвращаю мысли мои отъ сихъ ужасовъ. Не говорю уже о библіотекѣ, которую собиралъ отецъ мой и самъ я, и которая частію разграблена, частію изрублена. Теперь я забочусь о скорѣйшемъ возвращеніи въ Петербургъ. Естьли горестно мнѣ оставлять престарѣлую мать, то утѣшаетъ меня мысль, что имѣю благодѣтельное начальство, которому я преданъ всею душою.

Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и глубочайшей преданности, съ коими честь имѣю быть,

Милостивый Государь
вашимъ всепокорнѣйшимъ слугою
Петръ Невѣровскій.

Слуцкъ.
Августа 28 дня
1815.

Отрывокъ изъ дѣла Аргамаковой, 1813 года.

Всемиловѣйшая Государыня!

Будучи удостовѣрена въ милосердномъ вниманіи Вашего Императорскаго Величества, каковое изволите являть всѣмъ потерпѣвшимъ въ Москвѣ разореніе отъ непріятели, а паче сирымъ, осмѣливаюсь въ числѣ оныхъ повергнуть и себя къ освященнымъ стопамъ Вашимъ и всеподданнѣйше просить милостивѣйшаго воззрѣнія на бѣдное мое положеніе. Всѣ обстоятельства онаго объяснены въ прошеніи, съ сею почтою препровожденномъ въ С. Петербургское Сословіе Призрѣнія, подъ высочайшимъ Вашего Величества начальствомъ состоящее.

Удостоите, всемиловѣйшая Государыня, того пособія, какое благоугодно будетъ оказать мнѣ для поправленія разореннаго моего состоянія. Высочайшая милость сія составитъ конечно въ настоящемъ моемъ положеніи верхъ благополучія, которое будетъ по вѣкъ мой предметомъ безпредѣльной моей къ Вашему Величеству признательности.

Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ есть всемиловѣйшая Государыня Вашего Имп. Величества

всеподданнѣйшая

дочь покойнаго бригадира, Алексѣя Васильева Аргамакова, дѣвица Авдотья Аргамакова.

Юня 26-го дня 1813 года.

Жительство имѣю въ Москвѣ на Тверской въ домѣ Генераль - Маіора Ермолова.

Адресъ

Ея Императорскому Величеству Всемиловѣйшей Государынѣ Императр: Елисаветѣ Алексѣевнѣ покойнаго Бригадира Алѣксѣя Васильева Аргамакова отъ дочери дѣвицы Авдотьи Аргамаковой, имѣющей жительство въ Москвѣ на Тверской въ домѣ Генераль-Маіора Ермолова.

Въ Санктпетербургское Сословіе призрѣнія разоренныхъ отъ непріятели
Дочери покойнаго Бригадира Алексѣя Васильевича Аргамакова дѣвицы
Авдотьи Аргамаковой

Прошеніе:

Сего года прошедшаго Маія отъ 15-го числа препровождена была отъ меня въ оное Сословіе прозьба, въ томъ состоящая: 1-е имѣла я въ Москвѣ, въ Пречистенской части въ 5-мъ кварталѣ подъ № 382-м собственной деревянной домъ

на каменном фундаментѣ съ однимъ деревяннымъ же флигелемъ и принадлежащимъ къ нимъ строеніемъ: двумя избами, двумя погребами и каретнымъ сараемъ; 2-е домъ сей со всемъ означеннымъ строеніемъ вовемя нашествія въ Москву непріятели созжены до основанія; 3-е купленъ онъ былъ мною въ 1806-м году у Г-на Коллежскаго Ассессора Жегулина за четыре тысячи пять сотъ рублей; внесено за него пошлинъ двести двадцать пять рублей; въ 1807-м году сдѣлана въ немъ разная постройка и поправка, стоившая мнѣ три тысячи двести семьдесятъ пять рублей; весь же домъ со строеніемъ стоилъ мнѣ наконецъ восемь тысячъ рублей. 4-е Движимаго имѣнія, въ домѣ находившагося, изъ коего могла я не ничего спасти до нашествія непріятели, погибло цѣною на три тысячи рублей, о чемъ съ подробнымъ изчисленіемъ вещей подано было отъ меня въ свое время въ Московскую Управу Благочинія прошеніе, съ коего за скрѣпою судейскою и копія мнѣ дана; 5-е хотя же и находится у меня въ Вологодской губерніи недвижимое имѣніе, состоящее изъ восьмидесяти душъ, но оно и доселѣ имѣется подъ залогомъ въ частныхъ рукахъ, поелику заняты мною деньги употреблены были на покупку сгорѣвшаго моего дома. Имѣніе сіе доставляло мнѣ ежегоднаго дохода восемь сотъ рублей; но на нынѣшній 1813-й годъ едва я могла получить триста рублей; ибо по причинѣ военныхъ обстоятельствъ невозможно болѣе того съ крестьянъ и требовать, обязанныхъ исправленіемъ еще и другихъ общественныхъ повинностей, о коихъ изображено въ вышеозначенной моей прозбѣ.

При оной приложено было и данное мнѣ въ прошедшемъ Маѣ сего года отъ Его Превосходительства, Господина Московскаго Оберъ-Полицмейстера свидѣтельство, удостовѣряющее „что я совершенно бѣднаго состоянія и въ содержаніи себя терплю крайнюю нужду; имѣніе мое непріятеlemъ все расхищено, и домъ, состоявшій въ Пречистенской части, сгорѣлъ до основанія.“

Въ дополненіе ко всему тому осмѣливаюсь еще объяснить, что находившійся при домѣ моемъ флигель отдаваемъ былъ въ наймы, съ коего получала я ежегоднаго дохода триста пятьдесятъ рублей. И такъ потерпѣнный мною убытокъ въ домѣ, въ бывшемъ отъ оддачи флигеля въ наймы доходѣ и всемъ моемъ движимомъ имуществѣ составляетъ суммою одиннадцать тысячъ триста пятьдесятъ рублей. Потеря сія тѣмъ болѣе для меня разорительна; что я получаемымъ съ недвижимаго имѣнія доходомъ не только не въ состояніи уплатить имѣющагося на мнѣ частнаго долга, и выстроить себѣ вновь какое либо жилище; но даже не въ силахъ отъ совершеннаго разоренія и безъ помощи другихъ содержать тѣмъ и саму себя; ибо нынѣ единственно изъ челоуѣколюбія позволилъ мнѣ на время жить Его Превосходительство Александръ Петровичъ Ермоловъ въ своемъ домѣ и пользоваться даруемымъ отъ него также временно содержаніемъ.

Доведенная при самой уже преклонности лѣтъ моихъ до такихъ крайнихъ обстоятельствъ, которыхъ поправить не имѣю ни возможности, и никакихъ способовъ, я предоставляю все сіе милостивому благоусмотрѣнію почтеннѣйшаго Сословія и всепокорнѣйше прошу оное не оставить меня благодѣтельнымъ вспомоществованіемъ, необходимымъ мнѣ для построенія вновь дома и для содержанія моего.

Іюня 26-го дня 1826 года.

Копія съ даннаго мнѣ свидѣтельства каковое отъ меня отправлено въ питербургское сословіе, и второе такое же есть у меня, для здешнего комитета вотъ оно

Свидетѣльство

дано сіе покойнаго брегадира Алексѣя Васильевича Аргамакова, дочери его дѣвицѣ Авдотье Алексевнѣ в томъ что она совершенно бѣднаго состоянія и въ содержаніи себя тѣрпитъ крайнюю нужду, имѣние ея неприятѣлемъ все разхищено и домъ состоящей въ Пречистенской части сѣгорель до основанія в чемъ удостовѣряю потъ писаниемъ и приложеніемъ казенной печати Маія 8 дня 1813 году. Московской оберъ-полицѣместѣрь генераль маэоръ Ивашкинъ

Эта форма по которой они даютъ свидѣлства и боліе не о чемъ въ свидѣлствѣ не упоминають я и другую просьбу к вашему сиятѣльству препровождаю которое заблагоразсудитѣ послать

Первое несогласно написано съ свидѣлствомъ, я вить такового и требовала свидѣлства, каковое въ бумаги вашей написано; мнѣ отвечали у насъ дана форма, всемъ дають таковыя свидѣлства а вся подробность должна быть объяснена въ вашей прозбѣ

Къ Императрице письмо дабы не отнять времени, прикажите кому нибуть потписать вместо меня, я готова белой листъ потписавши к вамъ доставить толко забыла какъ потписать надобно

Какъ вы почтѣнная благодѣтельница, писали ко мне что мою прозбу въ питербургское сословіе пошлетъ Г: Г: великою бѣ онъ милость здѣлалъ на немъ потписалъ, в сей прозбе удостовѣряю, Г: Г: ежели і не потпишитъ, а толко самъ еѣ пошлетъ это верно что будетъ болше успеху прежнѣй, ежели она имъ предоставлена будетъ.

Въ Коммиссію, по Высочайшему повелѣнію учрежденную для разсмотрѣнія прошеній обывателей Московской Столицы и Губерніи, потерпѣвшихъ отъ неприятели разореніе

Дочери покойнаго Брегадира Алексѣя Васильевича Аргамакова дѣвицы Авдотьи Аргамаковой

прошеніе

Имѣла я въ Москвѣ въ Пречистенской части въ 5 кварталѣ подъ № 382 собственный деревянный домъ на каменномъ фундаментѣ съ однимъ деревяннымъ же флигелемъ и принадлежащимъ къ нимъ строеніемъ: двумя избами, двумя погребами и каретнымъ сараемъ; флигель сей отдаваемъ былъ въ наймы, съ коего получала я ежегодно дохода триста пятьдесятъ рублей. Оный домъ достался мнѣ по купчей въ 1806 году Г-на коллежскаго ассессора Жегулина цѣною за четыре тысячи пятьсотъ рублей; въ 1807 году сдѣлана въ немъ разная поправка и пристройка, стоившая мнѣ три тысячи двести семдесятъ пять рублей; весь же домъ съ строеніемъ стоилъ мнѣ наконецъ восемь тысячъ рублей, который непріателемъ созженъ весь до основанія, и все имущество, въ домѣ находившееся, по цѣнѣ на три тысячи рублей, разграблено и погибло; а вся потеря моя состоитъ, полагая тутъ и бывшій отъ флигеля доходъ, суммою въ одиннадцати тысячахъ трехъ стахъ пятидесяти рубляхъ.

Недвижимое имѣніе имѣю я въ Вологодской Губерніи, состоящее въ восьмидесяти душахъ; но оно и доселѣ находится подъ залогомъ въ частныхъ рукахъ; поелику занятія мною деньги употреблены были на покупку сгорѣвшаго моего дома. Хотя же имѣніе сіе, доставлявшее мнѣ прежде ежегоднаго дохода восемь сотъ рублей, и не было разорено непріателями; но на нынѣшній 1813 годъ едва я могла получить только триста рублей; ибо по причинѣ военныхъ обстоятельствъ невозможно болѣе того и требовать съ крестьянъ, обязанныхъ еще выполненіемъ и другихъ общественныхъ повинностей.

Убытокъ, потерпѣнный мною въ потерѣ дома и всего моего имущества, изъ коего ничего я не могла спасти до нашествія въ Москву непріателя, столько для меня разорителенъ, что я получаемымъ съ недвижимаго моего имѣнія доходомъ не только не въ состояніи уплатить имѣющагося на мнѣ частнаго долга и выстроить себѣ вновь какое либо жилище; но даже не въ силахъ отъ совершеннаго разоренія и безъ помощи другихъ содержать тѣмъ и саму себя; ибо нынѣ единственно изъ человѣколюбія Его Превосходительство Александръ Петровичъ Ермоловъ позволилъ мнѣ жить на время въ своемъ домѣ и пользоваться получаемымъ также временно отъ него содержаніемъ.

Доведенная при самой уже преклонности лѣтъ моихъ до такихъ крайнихъ обстоятельствъ, я не имѣю ни средствъ, ни возможности поправить ихъ и быть въ состояніи себя содержать, безъ благодѣтельнаго отъ Правительства вспомоствованія.

Прилагая у сего въ потеряхъ моихъ надлежащее свидѣтельство, покорнѣйше прошу Коммиссію оказать мнѣ пособіе.

Іюня 30-го дня 1813 года.

Въ Санкт-петербургское Сословіе призренія разоренныхъ отъ непріятели
Московскихъ жителей.

Изъ числа оныхъ покойнаго брегадира Алексѣя Васильевича Аргамакова дочь его дѣвица Авдотья Алексѣевна Аргамакова, имѣла здѣсь въ Москвѣ въ Пречистенской части въ пятомъ кварталѣ подъ номеромъ триста восемьдесятъ вторымъ собственнѣйшей деревянной домъ на каменномъ фундаментѣ съ однимъ флигелемъ и каждой въ одинъ этажъ и съ принадлежащимъ къ нимъ строеніемъ двѣ избы два погреба, каретной сарай подъ которымъ состояло по изчисленію застроенной земли сто сорокъ одна квадратная сажень и три четверти аршина. А всего застроенной и незастроенной двѣсти пятнатцать сажень съ каковаго числа въ Московскую Градскую Шестигласную думу и платежъ ежегодныхъ подъ земельныхъ денегъ на содержаніе казармъ и городскихъ расходовъ отъ нѣе происходило шестьдесятъ два рубли съ несколькими копѣйками и домъ сей отъ постоа освобожденъ, которой вовремя нашествія непріятельскихъ войскъ въ Москву сожженъ без малѣйшаго остатку, имѣющѣся въ немъ разнаго роду имущество все безъ остатку разграблено, о чемъ подробное изъ численіе всемъ вѣщамъ съ ценою подано отъ нѣе въ Московскую Управу Благочинія съ чего ей и дана копія съ заскрепою судейскою, имѣніе по щету вышло на три тысячи рублей домъ же ея стоилъ ей восемь тысячъ рублей. Имѣніе же ее все состоитъ въ Вологодцкой губерніи въ восьмидесятъ душахъ оное въ залогъ въ партикулярныхъ рукахъ, взятыя ею деньги все употреблены на покупку вышеозначеннаго ее дому. Съ вышеписаннаго числа осмидесятъ душъ она получила доходу восемь сотъ рублей а на нынешней 1813 годъ вмѣсто осмисотъ только получила триста рублей, по притчине техъ же военныхъ обстоятельствъ взято съ осмидесятъ душъ с прошедшаго Апреля мѣсяца по Февраль нынѣшняго года чотырѣхъ рекрутъ коихъ отдача каждаго стоитъ не мѣнѣе двѣсти рублей взято три лошади и повозчикъ отъ чего крестьянѣ не в состояніи болѣе трехъ сотъ рублей заплатить, отъ чего она пришла не въ состояніе, не только выстроить дому ниже чемъ себя поправить, въ чемъ свидѣтельствую.

Свидѣтельство сіе послано при прозбѣ въ С. Сословіе 15-го числа прошедшаго Маія, по уверенію просительницы.

Изъ бумагъ Алябьевскаго архива.

1812 г. Сентябрь.
Высокость
Московски.

Взглядъ на теперешнюю бѣду.

Юля отъ 6-го объявленъ Манифестъ о вторженіи въ границы наши французовъ. Губерніи: Виленская, Гроденская, Минская, Могилевская, Витебская и Смоленская до 4-го августа сдѣлались ихъ добычею, а 2-го сентября победоносный флагъ Наполеона выставленъ въ Кремле.

У какова рускова не обольется сердце кровью при слухѣ что Москва въ плену и святыня въ ней оставлена врагамъ на поруганіе. Что сіе есть иное, какъ не явное и праведное попущеніе Божіе на всѣхъ россиянь. Мы отступили совершенно отъ строгостей закона духовнаго и предались безъ осторожности буйственной склонности натуры и корыстолюбію, единственныхъ основателей теперешней нашей бѣды, ибо отъ отклоненія строгостей закона духовнаго натуральные побужденія сдѣлались изобретателями послабляющихъ законовъ и такъ сказать покровителей пороковъ. *) Изъ сего послѣдовало неуваженіе къ догматамъ вѣры, въ коихъ предки наши находили святыню и съ благоговеніемъ отправляли всякое служеніе Богу. 18-й вѣкъ есть начало государственнаго образованія и частно каждаго почти россиянина моральнаго развращенія. Въ немъ появились французскіе авторы, въ ихъ системѣ некоторые государи наши соль души а ихъ послѣдователи наши переводчики и сочинители довели до свѣденія каждаго почти изъ насъ всѣ строки буйственныхъ выраженій, и естли не разстроили совсемъ, то поколебнули вѣру насажденную въ сердцахъ нашихъ кроткими родитѣлями почерпнутую ими изъ священнаго писанія и изъ опытной жизни основанной всегда на несомненномъ упованіи на воплощеннаго Господа Исуса и святыхъ его угодниковъ. Теперь мы пожинаемъ плоды сихъ наставниковъ и учителей.....нашимъ взведенъ на.....престоль государь не знающій ни духовныхъ ни гражданскихъ законовъ и прилепленный къ одному только барабанному бою и салдацкой амуниціи. Министры достойные въ от-

*) Браки въ родствѣ. Разводные безъ наказанія. Разрешеніе на порокъ безъ усовещиванія духовника. Потачка на разхищеніе церковныхъ имуществъ.

ставкѣ а глупые налицо. Въ 50 губерніяхъ развѣ 5 а прочіе всѣ губернаторы дураки въ 50 эпархіяхъ развѣ 5 архиреевъ каковъ подобаше намъ а прочіе есть ли не блудники то корыстолюбцы. — Злодѣй целаго свѣта Наполеонъ Бонапартъ заключаетъ Тильзитской миръ основанный на теперешной нашей погибѣли, послѣ него готовится 18 мѣсяцовъ, на пораженіе насъ, собираетъ свои и посторонніе силы, дѣйствуетъ при глазахъ нашихъ по берегамъ Вислы и Немана, намъ сказываютъ что бѣда вамъ будетъ, а отъ насъ для переговоровъ ездитъ дуракъ Румянцовъ. Черезъ Неманъ наводятся пантоны а государь въ Вильнѣ: жалуетъ крестами поляковъ, принимаетъ ихъ въ камергеры,..... Злодѣй вступаетъ въ предѣлы наши окруженный цесарцами и прусаками, коихъ предъ симъ ограбилъ, въ пленъ взялъ, и ведетъ на казнь за свою славу. Народы иноплеменные съ нимъ, которые за славу и истинныхъ своихъ царей и царствъ не могли выдерживать долговременнаго батальнаго огня, а тутъ сражаются какъ львы, казнятъ другъ друга въ подозрѣнїи чтобы поразить насъ не сдѣлавшихъ имъ ни малѣйшаго зда, но напротивъ въ послѣднюю предъ симъ войну защищавшихъ ихъ самихъ отъ мнимаго покровитѣля злодѣя Наполеона.

Праведная рука Божія отяготела надъ нами и попустила разсыпаться стенамъ московскимъ. Эта осиротевшая вдова рускаго царства должна была почувствовать сію строгую казнь гнева Божія. Она уже несколько лѣтъ какъ сдѣлалась гнездомъ беззаконія; въ ней не стыдились опоганить брачное ложе кому случилось напередъ мужу или жене, въ ней не стыдились опоганить самый храмъ Божій во время отправления святая святымъ дѣлая его сходбищемъ любострастію. Въ ней не стыдились какимъ бы то ни было образомъ ограбить ближняго и сравнятся въ пышности съ темъ кому далъ Богъ великое наслѣдіе.

.....Царя Соломона одарилъ Богъ премудростію свышѣ, а у нашего отнялъ и людей право-правящихъ и дальновидныхъ. Народъ нашъ утопалъ въ порокахъ и благодать Божія едва блистала и то надъ некоторыми.— Итакъ, согласимся единодушно, что праведенъ гневъ Божій и мы достойное возпріимемъ.

Москва взята а Петербурхъ въ опасности: кунскамера, главная аптека, Ерматажъ, часть сената, часть царскаго имущества на судахъ, изъ коихъ иные замерзли а некоторые потонули. Крохинская пристань описана, хозяева изъ жизненныхъ припасовъ обязаны не продавать ничего.

Въ железной годъ ополченіе, рекрутчина, лошади, поборы съ крестьянъ и помѣщиковъ.

1812 года

Декабрь.

Господь долготерпеливъ и многомилостивъ не до конца прогневается ниже въ вѣкъ враждуетъ.

Вотъ Господь услышалъ моленіе некоторыхъ россіянъ по вѣрѣ своей достойныхъ слугъ Христовыхъ и злобной французъ за границей нашей. Что воздадимъ Богу за свое спасеніе? ничево,—ибо чего и ждать отъ сердець неблагодарныхъ и загруженныхъ пороками, отъ сердець удаленныхъ отъ благодати и необращающихъ никогда и ни при какомъ случае душевныхъ очей своихъ къ Богу. Чего ожидать отъ человѣка смотрящаго равнодушнымъ окомъ на ограбленнаго смольянина въ присутствіи коего и самъ грабитъ казеннаго крестьянина и сими деньгами обольщаетъ младую еще верную жену своего ближняго.

О П Е Ч А Т К И.

<i>Стр.:</i>	<i>Строка:</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Слѣдуетъ:</i>
219	8-я сверху	Nons	Nous
228	7-я »	qaton	baton
229	2-я снизу	l impression	l'impression
229	6-я »	. couvert	couvert,
233	6-я сверху	on	l'on
234	18-я »	entraient	entraient,
236	2-я снизу	ou	on
240	19-я сверху	crès	cris
241	1-я снизу	сбор. стар. бумагъ	сбор. бумагъ
244	8-я сверху	nonveau	nouveau
245	8-я »	consommés le	consommés. Le
247	16-я снизу	ave	avec
249	2-я сверху	toujours l'Empereur	toujours. L'Empereur
249	1-я снизу	сбор. стар. бумагъ	сбор. бумагъ
255	10-я »	d'espérance	d'espérance,

